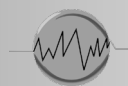

ISSN 2500–3682

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ
№ 4 2018 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

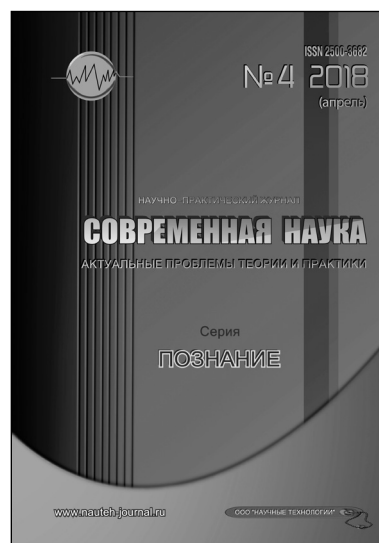
Подписано в печать 12.04.2018 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 4 апрель 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>
<http://www.vipstd.ru/nauteh>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Эллеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиюхова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Александровский И.С.** — Культурная политика Российской империи на малороссийских землях в XIX столетии: образовательный аспект
Aleksandrovsky I. — Cultural policy of the Russian Empire on the malorossian ("Little Russian") territory in the XIX century: educational aspect 5
- Белякова И.Г.** — Взаимосвязь межкультурной чувствительности и стилей современного глобального конфликтного менеджмента в межкультурном деловом общении
Belyakova I. — Interrelation of Multicultural Sensitivity and Styles of Modern Global Conflict Management in Multicultural Business Communication 9
- Зыкин А.В.** — Культурное своеобразие и этническое самосознание хакасов
Zykin A. — Cultural identity and ethnic consciousness of the Khakass people 15
- Каменец А.В., Казакова И.С.** — Современная наука как феномен культуры
Kamenets A., Kazakova I. — Modern science as a phenomenon of culture 21
- Кезевадзе Т.Г.** — Жанры романтической музыки в фортепианном искусстве Грузии XX века
Kezevadze T. — Genres of romantic music in Georgia's piano art at the 20th century 28
- Му Кэ** — Русское изобразительное искусство XXI века
Mu Ke — Russian fine arts of the 21st century 33
- Нагорнова Л.Е.** — Исторические и культурологические уроки несостоявшегося визита Петра I в Венецию для современной коммуникации русских и итальянцев
Nagornova L. — Historical and cultural lessons of the not taken place visit of Peter I to Venice for contemporary Russian - Italian communication 38
- Покровский А.В.** — Русская национальная вокальная школа (Истоки)
Pokrovskiy A. — Russian national vocal school (Origins) 43
- Покровский А.В.** — Русская национальная вокальная школа (Основоположники)
Pokrovskiy A. — Russian national vocal school (The founders) 52

- Сапожникова О.А.** — Ментальность монгольского народа
Sapozhnikova O. — The mentality of the Mongolian people 64
- Сенченко Н.А.** — Культурологические аспекты субъективной картины мира личности
Senchenko N. — Cultural aspects subjective picture of the world of the person 67
- Стойчева С.С., Черемисов А.В.** — Методология исследования телесности и фитнес культуры современности
Stoycheva S., Cheremisov A. — Methodology of investigation of philosophy and fitness of culture of modernity 71
- Цибудеева Н.Ц.** — Буддийская обрядовая традиция в музыкальном преломлении
Tsibudeeva N. — Buddhist tradition in musical refraction 76
- Цю Манли** — Иллюстрации сказочных сюжетов в российских и китайских учебниках по родному языку
Qiu Manli — Illustrations of fairytale plots in the textbooks of the primary school of Russia and China 83

ПСИХОЛОГИЯ

- Аветисян Р.Р., Каряева С.К., Абаев А.Б.** — Основопологающие критерии этико-психологических принципов общения в медицинской деятельности
Avetisyan R., Karyayeva S., Abaev A. — Basic criteria of ethical and psychological principles of communication in medical activity 88
- Луговский В.А., Блоховцова Г.Г.** — Психологические аспекты оптимизации совместной трудовой деятельности в рамках организации
Lugovsky V., Blokhovtsova G. — Psychological aspects of optimizing joint labor activities in the framework of the organization 91

Максудов М.Ю., Максудова Е.А. — Адаптивные и дезадаптивные функции измененных состояний сознания в контексте личностного развития	Егоров В.В., Ларионова И.С. — Синергетика экологии	
<i>Maksudov M., Maksudova E.</i> — Integral approach in work with development of emotional stability of person and overcoming negative consequence of psychological trauma 96	<i>Egorov V., Larionova I.</i> — Synergy of ecology 132	
Сенченко В.В. — Методологические подходы к исследованию представлений личности о своем физическом Я	Клешнева Л.И. — Социально-философские аспекты теории земского самоуправления в России (от Петровских реформ до эпохи Александра II)	
<i>Senchenko V.</i> — Methodological approaches to investigation of the representations of the personality about its physical I 101	<i>Kleshneva L.</i> — Socio-philosophical aspects of the theory of territorial self-government in Russia (from Peter the great's reforms to the era of Alexander II) 136	
Тетеухина О.В. — Об изменениях в среде осужденных молодежного возраста мужского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях, и проблема изучения социально-психологической зрелости данной категории спецконтингента	Темерева Е.В. — Три дилеммы эстетики	
<i>Teteukhina O.</i> — About changes in the environment of convicted youth aged male, serving sentences in correctional colonies, the problem of studying the socio-psychological maturity of this category of statskontoret 106	<i>Temereva E.</i> — Three dilemmas of aesthetics 140	
Штольц А.Л. — Социально-психологические проблемы взаимодействия в лоскутных семьях как особой семейной структуре	Торубарова Т.В. — Метафизическое измерение вопроса о системе свободы в философии Шеллинга	
<i>Shtolts A.</i> — Social and psychological problems of interaction in blended families as special family structure 112	<i>Torubarova T.</i> — Metaphysical measurement of the question of the system of freedom in Schelling's philosophy 144	
Философия		
Викторова О.В. — Становление социокультурного подхода к дифференциации и стратификации общества: социально-философский анализ	Черникова В.Е. — Информационно-коммуникационные технологии как фактор изменения коммуникативного пространства современного общества	
<i>Viktorova O.</i> — The formation of the sociocultural approach to the differentiation and stratification of society: socio-philosophical analysis 117	<i>Chernikova V.</i> — Information and communication technologies as factor of change of communicative space of modern society 150	
Герций В.М. — Ирония наказания или онтология вины	Честнейшин Н.В. — Истоки русского консерватизма: Феофан Прокопович	
<i>Gertsy V.</i> — The irony of punishment or the ontology of guilt 122	<i>Chestneyshyn N.</i> — Origins of Russian conservatism: Feofan Prokopovich 154	
Доронин В.В. — Рок-культура и власть – возможен ли диалог?	Шаров К.С. — Апокалиптическая хронология в системе эсхатологии Исаака Ньютона	
<i>Doronin V.</i> — Rock culture and power – is dialogue possible? 127	<i>Sharov K.</i> — Apocalyptic chronology in Isaac Newton's eschatology system 158	
	Шиженский Р.В., Кочеганова П.П. — К вопросу о мантическом комплексе современного русского язычества	
	<i>Shizhenskiy R., Kocheganova P.</i> — To the question on the mantic range of modern Russian paganism 164	
	Информация	
	Наши авторы. Our Authors 169	
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 171	

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА МАЛОРОССИЙСКИХ ЗЕМЛЯХ В XIX СТОЛЕТИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Александровский Иван Сергеевич
Соискатель, ФГАОУ МГИМО МИД России
kutruslin2001@mail.ru

CULTURAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE MALOROSSIAN («LITTLE RUSSIAN») TERRITORY IN THE XIX CENTURY: EDUCATIONAL ASPECT

I. Aleksandrovsky

Summary. The article considers one of the most important aspects of the cultural policy of the Russian Empire in the 19th century, which is the educational one. The author confines himself only to the «Little Russian» (Ukrainian) territories, which demonstrates how consistent and effective the state policy was with respect to the emerging Ukrainian national identity and a separate cultural space.

Keywords: cultural policy, Ukrainian culture, education, university.

Аннотация. В статье рассматривается один из важнейших аспектов культурной политики Российской империи в XIX веке — образовательный. Автор ограничивается только малороссийскими (украинскими) территориями, что продемонстрировать, насколько последовательной и эффективной была политика государства в отношении зарождавшихся украинских национального самосознания и обособленного культурного пространства.

Ключевые слова: культурная политика, украинская культура, образование, университет.

Переход европейских государств к индустриальной эпохе обусловил необходимость повышения образовательного и квалификационного уровня населения: новым производствам нужны были работники нового типа. Данный переход происходил постепенно, так что последствия его были заметны далеко не сразу. Одним из таких последствий было серьезное расширение сферы ведения государств — их включение в сферу культуры в качестве регулирующей и нередко принуждающей силы. Нельзя утверждать, что никакого государственного вмешательства до индустриальной эпохи не было: правители были крупнейшими заказчиками предметов искусства, военные и фортификационные соображения нередко диктовали внутреннее устройство городов и регионов. Однако иным стал масштаб этого вмешательства: государства вплотную подошли к тому, чтобы реализовывать не эпизодическую, а системную политику, формировать и распространять смыслы, представления и культурные паттерны [3].

Наиболее последовательно эти перемены отразились на образовательной среде: государства стали поощрять открытие высших, средних и начальных заведений. В полиэтнических или многосоставных государствах дополнительный стимул культурно-образовательным усилиям властей придавали не задачи экономической модернизации, а стремление сформировать свое видение культурного пространства. Это стремление было обусловлено наличием нескольких конкурирующих

проектов структурирования культурных пространства, множества локальных и региональных исторических, лингвистических и экономических особенностей, которым через культурные практики можно было придать политическое содержание — требование автономии, независимости, ирредентистские требования.

Одно из самых острых противостояний в сфере культурного упорядочивания развернулось в малороссийских (юго-западных) губерниях Российской империи в XIX столетии. Эти территории ранее входили в состав Речи Посполитой, затем были часть автономной Гетманщины, а некоторые губернии еще на короткое время были захвачены Османской империей. Пересечение различных исторических традиций обусловило активность польского культурной деятельности, которая развивалась в духе романтизма — представления о необходимости государства для каждого народа. На этом фоне зарождалась и украинская (малороссийская) культурная деятельность, отражавшая повседневную практику и лингвистическую специфику сельского населения Малороссии.

Российская империя в XIX столетии пыталась сформулировать консолидирующие смыслы, образ прошлого и настоящего «для массового употребления». Важнейшим элементом культурной политики как последовательной совокупности распространения этих смыслов и образов была и до сих пор остается образовательная

политика [1; 5]. На малороссийских землях России удалось достигнуть немало успеха, прежде всего, в сфере высшего образования.

В 1805 году был открыт университет в Харькове, профессура которого сделала немало попыток, с одной стороны, сблизить общероссийский культурный контекст с локальным малороссийским, а, с другой стороны, попыталась опираться на местную специфику, формировать более нюансированные смыслы — в вопросах истории, литературной нормы, этнографии. Затем для борьбы с польским влиянием в 1834 году был открыт Киевский университет имени св. Владимира, а в 1865 году на базе Ришельевского лицея возник Новороссийский (ныне — Одесский) университет. Численность студентов в данных университетах не превышала 4 тысяч человек, что в условиях активного освоения степной зоны и модернизации производств было недостаточным. Поэтому во второй половине XIX века количество высших учебных заведений на малороссийских территориях многократно выросло. Потребности экономической модернизации обусловили появление Киевского политехнического института (1898), Южнорусского института в Харькове (1865), Высшего горного училища в Екатеринославе. На начало XX века на малороссийских землях имелось 27 высших учебных заведений, в которых обучалось 35 тысяч студентов [13, с. 65].

В анализируемую эпоху не было четкого разделения на среднее и начальное образование, более того, эта ступень образования долгое время находилась в ведении различных ведомств. По указу императора Александра I крестьянские дети допускались к обучению в городских и приходских школах в свободное время (то есть после сельскохозяйственных работ). Николай I в 1842 году повелел учредить начальные школы в каждом селе, однако это оказалось достаточно затратно и маловероятно с точки зрения преподавательских кадров, поэтому власти стали исходить из необходимости иметь начальную школу в каждой волости. В целом, успехи были невелики: например, на 1842 год в Киевской губернии насчитывалось только 225 церковно-приходских школ с 2006 учащимися, а также 6 приходских училищ, 1 уездное училище, 3 писарские школы с несколькими сотнями учащихся [14, с. 242–250].

В 1864 году прошла школьная реформа, в результате которой все начальные школы были формально подчинены Министерству просвещения — хотя ранее такие школы находились часто также в ведении Священного Синода, министерств государственных имуществ, путей сообщения. В то же время, доступ к среднему образованию — гимназиям и реальным училищам — стал постепенно ограничиваться. Более того, по мере сокращения государственных расходов на образование его стоимость все более перекладывалась на плечи родителей,

что ограничивало доступ к образованию в условиях непростого материального положения крестьян. Помимо платы за обучение (хотя образование декларировалось как бесплатное), сельские общины обеспечивали за свой счет дрова для школ, ремонт, оплату услуг сторожа. В частности, плата за обучение в гмирянской, пригравской, комаровской школах Полтавской губернии составляла от 1 до 3 рублей в год, в школах сел Натальино и Студеники этой же губернии со всех работоспособных членов общины на содержание школы ежегодно собирали 10–15 копеек. Украинские исследователи подчеркивают, что такое состояние дел ставило в невыгодное положение, прежде всего, украинцев, которые составляли подавляющее большинство населения в сельской местности [11, с. 19–25]¹. К началу XX столетия на малороссийских землях было 129 гимназий, 19 реальных и 17 коммерческих училищ [13, с. 65].

Рост сети образовательных учреждений был связан с активным освоением степной зоны и формирование индустриального комплекса на юге России. Это сопровождалось быстрыми темпами урбанизации внутренней миграции — из центральных губерний России, сельской местности малороссийских губерний. Во второй половине XIX века крупнейшим городом на территории современной Украины стала Одесса — центр экспорта зерна (далее по численности населения — Киев, Харьков, Екатеринослав, Николаев). За несколько десятилетий пустынные степи стали осваиваться крестьянами, были опоясаны сетью железных дорог [7, с. 254–258]. Из-за активной внутренней миграции происходило смешение различных региональных и этнических культур (так называемых «внутренних диаспор») [4], которое нуждалось в общероссийской культуре — в качестве посредника между различными культурными практиками.

Российское правительство открыто преследовало цель сближения различных культур, формирование общего пространства смыслов и исторических образов на основе русской культуры. Однако наличие цели не означало последовательность в образовательной политике. По мнению Н. В. Пушкаревой и Д. В. Руднева — «говорить об осознанной языковой политике в отношении малороссийских земель можно с большими оговорками, поскольку и для правительственного аппарата, и для российского (отчасти для украинского) общества долгое время было характерно неразличение великорусов, малорусов и белорусов, которые воспринимались как единый русский народ, состоящий из трех племен» [9, с. 87].

Тем не менее, с точки зрения властей малороссы (украинцы) были частью единого (триединого) русского

¹ К концу XIX века только в одном крупном городе — Полтаве — украинцы составляли большинство населения.

народа, история которого уходит корнями в восточнославянское единство и общую древнюю государственность. Поэтому стремление украинофилов развивать локальные традиции и формировать корпус локальной истории рассматривалось как проявление сепаратизма и измены («мазепинство»). В этой связи развитие украинского культурного пространства ввиделось властям нежелательным сценарием. По этому поводу главноуправляющий III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал от кавалерии А. Ф. Орлов в 1847 году писал: мысли «о восстановлении их родины могут повести малороссию, а за ними и других подвластных России народов к желанию существовать самобытно» [12, с. 309].

Позднее к сдержанному отношению добавилось откровенно критическое: считалось, что украинофилы «выдумывали» язык и культуру (что в определенном смысле соответствовало действительности). Иными словами, упорядочивание и становление украинского языка и культуры воспринималось как авантюрная затея — либо бессмысленная (а потому ненужная), либо вредная (например, в интересах соседней Австро-Венгрии). Известный публицист В. В. Розанов так характеризовал положение дел: «хохломаны выдумали сейчас такой, якобы малорусский язык, что я, природный малоросс, не могу и 10 строчек прочесть малороссийской газеты «Рада», чтобы «ихний» новый язык не послать к дьяволу. Ничего не могу разобрать, о чем газета толкует. Словом, «украинский» нынешний язык для истинных малороссов непонятен: это не язык Тараса Григорьевича Шевченко [...], который ясен, понятен и простому мужику, и интеллигенту, а такой, какого еще никогда не было на свете» [10, с. 283]. Такой консервативный подход к реализации этнокультурной политики, на первый взгляд, можно считать репрессивным и непрактичным, однако, на самом деле, это была относительно конкурентная борьба национально-культурных проектов [2; 6]: власть использовала преимущества официального языка, государственной системы образования — и цензурируемой прессы.

Таким образом, со второй половины XIX в. в Российской империи действительно усилились и тенденции по русификации национальных окраин, которые, разумеется, затронули и территорию Украины: «введение в сферу культурной жизни библиотек, книжных магазинов, типографий в городах Правобережной Украины, как и повсюду в Российской империи, предполагало формирование на государственном уровне русского

культурного пространства, что делало нежелательным привлечение элементов как польской, украинской, так и еврейской культуры, несмотря на неоднородный национальный состав городского населения» [8, с. 104].

В то же время, преподавание в заведениях высшего, среднего и начального образования велось не только на русском языке — а нередко, еще и на немецком, польском. В отношении малороссийского населения это в любом случае было определенным нарушением правил педагогики, согласно которым преподавать нужно на наиболее понятном языке и двигаться, тем самым, от простого к сложному. Однако многоязычие в образовательной среде и большая локальная специфика в вопросах качества преподавания, финансирования образования — обусловила неравномерность и незавершенность русификации, которая была одной из (возможно, подсознательных) целей российской культурной политики на малороссийских территориях.

Наконец, активное развитие образования как элемент культурной политики сдерживалось, помимо материальных фактов, особенностями расселения украинцев: в XIX веке они проживали в двух империях — Российской и Австро-Венгерской. По аналогии с «общающимися сосудами», при некоторых репрессиях и активизации русификаторских усилий в России, украинская культурная деятельность имела возможность возобновиться на австро-венгерских землях. Именно это и произошло в форме «народовского» движения в Галиции [7, с. 248–251].

В целом, культурная и образовательная политики Российской империи на малороссийских землях в обозначенный период носили прогрессивный характер, поскольку учитывали необходимость экономического развития страны и потребность в формировании общероссийского культурного контекста. Более того, это соответствовало европейской практике и тенденциям глобального культурного развития: иными словами, малороссийские губернии выводились на новый уровень развития. В то же время, недостаточно учитывалась локальная специфика в силу особенностей представлений власти и общества о Малороссии, ее истории и этнополитической принадлежности, что привело, скорее, к нарастанию напряженности, а в дальнейшем — к формированию украинской культуры на основе отрицания достижений и преимуществ русского и общероссийского культурного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваславский Я. Переосмыслить современную Россию // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1 (44). С. 188–189.
2. Водозав. Г. Г. Нравственная политика — утопия или реальная возможность? Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 222–233.

3. Коктыш К. Е. Когнитивные интеграторы: опыт моделирования социальной динамики // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4. С. 255–260.
4. Лошкарёв И. Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 70–78.
5. Минеев А. П. К вопросу о политической инокультурности российских регионов // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 81–98.
6. Пареньков Д. А. Сохраняй и властвуй: консерватизм в XXII веке // Мир через 100 лет сборник статей. Москва, 2016. С. 53–58.
7. Плохий С. Врата Европы: история Украины. Пер. с англ. С. Лунина. М.: АСТ: Corpus, 2018.
8. Прищепя Е. Трансформации культурного быта горожан Правобережной Украины (вторая половина XIX — начало XX в.) // Другі міжнародні конгреси дослідників Білорусі. Працюючі матеріали. Том 2. 2013. URL: icbs.palityka.org/wp-content/uploads/2013/10/02_10_Prishepa.pdf
9. Пушкарева Н. В., Руднев Д. В. Языковая политика Российской империи в отношении западных окраин // Государственная языковая политика: проблемы информационного и лингвистического обеспечения. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2007. С. 69–91.
10. Украинский вопрос в русской патриотической мысли. Сост., предисл.: Минаков А. Ю. — М.: Книжный мир, 2016.
11. Борисенко В. Й. Борьба демократических сил за народную освіту в Україні 60–90 років XIX ст. Вид. 2-е. К.: Видавництво НПУ імені М. П. Драгоманова, 2011.
12. Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 Т. — К.: Наукова думка, 1990.
13. Клапчук С. М. Историчні аспекти розвитку української культури у другій половині XIX — на початку XX століть // Історія науки і біографістика. 2017. № 2. С. 62–72
14. Крижановська О. О. Освіта й культура українських селян наприкінці XVIII — у першій половині XIX ст. // Проблеми історії України XIX — початку XX ст. 2011. № 19. С. 243–264.

© Александровский Иван Сергеевич (kutruslin2001@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ И СТИЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО КОНФЛИКТНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ

INTERRELATION OF MULTICULTURAL SENSITIVITY AND STYLES OF MODERN GLOBAL CONFLICT MANAGEMENT IN MULTICULTURAL BUSINESS COMMUNICATION

I. Belyakova

Summary. The subject of the study is the relationship between intercultural sensitivity and the styles of modern conflict management. The object of the study is the concept of intercultural sensitivity as a component of intercultural competence. Applying the retrospective and comparative analysis to the studies of leading foreign authors, the author examines the mutual influence of intercultural sensitivity and known strategies of business conflict management. Synthesizing the findings, the author explores the interpretation of the concepts of intercultural sensitivity, intercultural awareness and intercultural competence. The main conclusion of the study is the fact that communicators with high intercultural sensitivity are more effective in intercultural interaction, including business. The author also concludes that such communicants are able to choose an adequate strategy in overcoming intercultural differences and resolving conflicts.

Keywords: intercultural communication, globalization, communicator, intercultural sensitivity, conflict management.

Белякова Ирина Геннадиевна

*К.псх.н., доцент, Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ
ig.belyakova@migsu.ru*

Аннотация. Предметом исследования определена связь между межкультурной чувствительностью и стилями современного конфликтного менеджмента. Объектом исследования является понятие межкультурной чувствительности как составляющей части межкультурной компетентности. Применяя ретроспективный и сопоставительный анализ к исследованиям ведущих зарубежных авторов, автор рассматривает взаимовлияние межкультурной чувствительности и известных стратегий делового конфликтного менеджмента. Синтезируя полученные данные, автор исследует трактовки понятий межкультурной чувствительности, межкультурной осведомленности и межкультурной компетентности. Основным выводом исследования является тот факт, что коммуниканты с высокой межкультурной чувствительностью более эффективны в межкультурном взаимодействии, в том числе и деловом. Автор также делает вывод о том, что такие коммуниканты способны выбрать адекватную стратегию в преодолении межкультурных разногласий и конфликтов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, глобализация, коммуникант, межкультурная чувствительность, конфликтный менеджмент.

Вследствие быстрого развития технологии, возрастающей социальной мобильностью, глобализацией экономики, возникновением культурного разнообразия межкультурные человеческие контакты на индивидуальном и организационном уровне возрастают [9]. Широкомасштабное расширение человеческих контактов, с одной стороны, требует чувствительности людей к культурному разнообразию; с другой стороны, расширение неизбежно вызвало и будет продолжать создавать больше конфликтов в разных ситуациях. Таким образом, управление конфликтами или конфликтный менеджмент и межкультурная чувствительность привлекли большое внимание исследователей в последние десятилетия [12, 18].

Заметим, что понятие конфликта в межкультурном деловом общении вошло в теорию современного управления еще в 1981 году [24]. При анализе делового или организационного конфликта отмечалась важная роль руководителя в распределении ресурсов и управлении

конфликтами. Жизненно важными назывались усилия руководства организаций по оказанию влияния на конфликтную ситуацию, отношения сторон или их поведение. В дополнение к этому, эффективное управление конфликтами требует понимание источников, лежащих в основе и провоцирующих тот или иной конфликт. Основные факторы, которые служат источниками конфликта, идентифицируются как (1) коммуникационные элементы, возникающие из-за различного рода непонимания и недоразумений, в процессе общения (2) структурные нарушения, связанные с распределением и осуществлением организационных ролей и (3) личные несоответствия, связанные с индивидуальными культурно-социальными различиями.

Отметим, что мы также можем рассматривать и классифицировать межкультурные конфликты с несколько другой перспективы, то есть со стороны участников конфликта. В мультикультурной среде конфликты могут возникать у отдельного индивида, проявляться во вза-

имоотношениях между людьми и существовать между группами. Они могут быть описаны как (1) внутри личностный конфликт, (2) межличностный конфликт и (3) межведомственный конфликт. В каждой из этих категорий возникают разные проблемы, связанные с компонентами конфликта, и каждый требует различные подходы в их управлении и преодолении.

Несмотря на отрицательный эффект конфликта, он может принести продуктивные результаты при эффективном управлении, такие как «улучшение отношений» [23], «более эффективное решение задачи» [1], «более творческий подход к решению проблем и инновации» [17].

В условиях глобализации качественный состав рабочей силы изменился. Современные организации отошли от однородного, гомогенного с точки зрения культурно — этнического состава рабочей силы к гетерогенному объединению работников. Этот новый мультикультурный кадровый конгломерат ярко демонстрирует различия в таких областях, как стили общения, стили выполнения задач, отношение к рабочему времени, стили управления, конфликтный менеджмент и множество других межкультурных различий.

Подчеркнем, что поскольку мульти — культурная рабочая сила стала реальностью из-за глобализации бизнеса и миграции, межкультурные конфликты привлекают сейчас больше внимания, чем обычно, в организациях как внутри отдельных стран, так и глобально во всем мире.

Таким образом, в современных организациях, крайне важно для всех членов организации: понимать и понимать природу культурных различий; понимать свои собственные культурные установки и поведение; понимать культурных установки других индивидов и их поведение; понимать, каким образом эти разные установки могут создавать многокультурные конфликты, требующие затрат времени, материальных средств и усилий.

Считаем необходимым отметить существенные отличия в формах конфликтов, упомянутых выше, так как без понимания этих различий трудно выстраивать методики их эффективного разрешения. Внутриличностный конфликт является по сути и по названию внутренним, однако, его последствия могут оказывать глубокое воздействие как на индивида, так и межкультурные взаимодействия в многонациональном коллективе, и, также важно отметить, что это самая сложная форма конфликта для анализа и управления. Внутриличностный конфликт — это в основном конфликт между несовместимыми тенденциями, несоответствия стереотипов восприятия и поведения индивида с не-

обходимыми и диктуемыми обществом и ситуацией требованиями.

Межличностный конфликт возникает за счет взаимодействия человеческих факторов в организации. Мы имеем дело с двумя классами факторов в качестве источников конфликта. Это личные наборы качеств, потребностей и навыков, при этом конфликт может возникнуть, если эти наборы трудно координируются. Взаимодействие между актерами с различными установками, ценностями и потребностями может вызывать конфликтное поведение и существенно повлиять на деловые отношения. Вторым фактором может быть функциональный момент, связанный с тем, что от индивидов на определенных должностях ожидаются наборы поведения, связанные с их положением. Здесь мы можем говорить о некоей предсказуемости и ожидаемости моделей поведения; их нарушение зачастую приводит к межкультурному деловому конфликту.

Заметим, что способы управления организационным конфликтом столь же разнообразны, как и его причины, происхождение и контексты. Цель управления конфликтами, независимо от того, кем этот процесс осуществляется, сторонами ли конфликта или с участием вмешательства внешней стороны, должна достичь всю структуру конфликтной ситуации. Эффективный конфликтный менеджмент будет направлен на устранение или минимизацию нарушений, лежащих в основе конфликта и выработку приемлемого решения.

Повышенное культурное разнообразие в разных условиях требует умения адаптироваться к незнакомой среде и учиться работать и жить продуктивно с людьми разных культурных традиций, возрастает важность такой способности как межкультурная чувствительность [11]. Ряд исследований показали высокий процент неудачных назначений экспатриантов из-за неспособности экспатриантов к адаптации к социальной и бизнес-среде принимающей культуры [4]. Было также установлено, что высокая межкультурная чувствительность связана с высокой межкультурной коммуникационной компетенцией, такой как межкультурная адаптация и хорошие межличностные отношения с представителями разных культур [16].

Основываясь на важности эффективного управления конфликтами и чувствительности к культурным различиям, многие организации активно развивали различные программы обучения для улучшения как умения воспринимать интересы сотрудников, так и навыки управления конфликтами, направленные на снижение стресса, улучшение отношений и повышение эффективности работы [6]. Была выражена надежда на то, что с помощью этих учебных программ сотрудники могут повысить свою ос-

ведомленность и понимание в отношении культурных различий и эффективно преодолевать межкультурные конфликты. Однако, в немногих исследованиях были изучены эти два понятия в связке друг с другом. Целью этого исследования явилось изучение потенциальной взаимосвязи между межкультурной чувствительностью и стилями управления конфликтами в межкультурном организационном контексте.

Перейдем к рассмотрению некоторых стилей конфликтного менеджмента. Многочисленные исследователи пытались изучить поведение людей в конфликтных ситуациях и определить наиболее эффективные и наиболее конструктивные подходы к решению конфликтов. Так, М. Рахим и Т. Бонома классифицировали стили конфликта по двум признакам: забота о себе и забота о других [18]. Эти два измерения приводят к пяти различным стратегиям управления конфликтами: интеграция, обязательство, доминирование, избегание и компромисс.

Рассмотрим кратко суть вышеупомянутых стратегий. Интеграция выражается в большой заботе участника конфликта как о себе, так и о других. Эта стратегия включает в себя усилия по достижению интегративного решения, отвечающего потребностям обеих сторон. Обязательство представляет собой низкую заботу о себе и большую заботу о других, что связано с попыткой удовлетворить потребности другой стороны, жертвуя своими. Доминирование выражается в большой заботе о себе и низкой заботе о других. При использовании этого стиля человек пытается достичь собственных потребностей, не учитывая потребности другого. Избегание — это стиль, в котором человек демонстрирует низкую заботу как о себе, так и о других. Наконец, стратегия компромисса заключается в умеренном уровне беспокойства как за себя, так и за других. Этот стиль предполагает поиск промежуточной позиции каждой стороной, что не слишком эффективно для достижения взаимоприемлемого решения. Пользователи данной стратегии частично, но отнюдь не полностью удовлетворяют потребности каждой стороны конфликта.

В этой связи важно отметить, что рядом исследователей были предложены некие переменные факторы, а, именно, культурные, индивидуальные и ситуационные переменные, которые влияют на поведение коммуникаторов в конфликте. Несмотря на решительную поддержку культурного влияния на предпочтение стиля конфликта рядом ученых, другие исследования привели к отличным от первых результатам. Например, Л. Дрейк привел примеры, где, во время переговоров между представителями американского и тайванского бизнеса стили решения конфликтов диктовались не культурными переменными, а личностными и ситуационными [14]. К. Томас также утверждал, что индивиды дают скорее

случайные, а не привычные реакции в разных конфликтных ситуациях [22]. Однако, другие исследователи выступали против теории непредвиденных обстоятельств. Как писали Е. Штернберг и Л. Сориано, индивиды вполне последовательны в своих способах разрешения конфликтов [19].

Отметим, что по мнению многих исследователей личность — это еще один важный фактор, который может повлиять на выбор стилей деловых конфликтов. Так, К. Терхун подчеркнул, что участники, которые проявляют агрессивность, доминирование, авторитаризм и подозрительность, как правило, эскалируют конфликт, в то время как те, кто проявляет эгалитаризм, доверие и открытость, склонны смягчать конфликт [21]. Е. Штернберг и Л. Сориано также отмечали, что предпочтительные стили конфликтов индивидов быть спрогнозированы исходя из личностных и интеллектуальных факторов [19].

Подчеркнем, что еще одним важным моментом является вывод, что различные факторы могут действовать вместе, влияя на предпочтение индивида в выборе стратегии конфликта. Таким образом, на выбор стилей управления конфликтами могут влиять совместно культурные, личностные, ситуативные и некоторые другие факторы. Индивиды, восприимчивые к культурным различиям, могут быть более чувствительны к межкультурным конфликтам, чем индивиды с низкой чувствительностью. В результате коммуниканты, имеющие разные уровни межкультурной чувствительности, могут прибегать к различным стратегиям борьбы с конфликтами в межкультурной коммуникации. Многогранный характер конфликта не только расширяет эту линию исследований, но и приводит к рассмотрению возможного влияния межкультурной чувствительности человека на его коммуникативную предрасположенность к конфликтам.

Хотя исследования в области межкультурной чувствительности в последние годы значительно возросли, концепция по-прежнему страдает неоднозначной концептуализацией. Например, Г. Чен и У. Староста критиковали, что предыдущие исследования по межкультурной чувствительности неправильно смешали три взаимосвязанных, но разных понятия: межкультурная чувствительность, межкультурная осведомленность и компетентность в области межкультурной коммуникации [11].

Согласно Г. Чену и У. Старосте, компетенция в области межкультурной коммуникации является зонтичной концепцией, состоящей из когнитивных, аффективных и поведенческих способностей человека в процессе межкультурной коммуникации. Межкультурная чувствительность — это аффективный аспект межкультурной

коммуникативной компетентности, относящийся к «способности человека вырабатывать позитивные эмоции к пониманию и оценке культурных различий, которые способствуют адекватному и эффективному поведению в межкультурной коммуникации. Межкультурная чувствительность связана с эмоциями человека во время межкультурных столкновений. Г. Чен и У. Староста пришли к выводу, что человек с межкультурной чувствительностью должен обладать шестью личными атрибутами: самооценкой, самоконтролем, открытостью мышления, эмпатией, вовлеченностью во взаимодействие и навыком не сие минутного («оттянутого») вынесения суждения [13].

Самооценка, на наш взгляд, реализуется в способности человека выражать оптимистичный взгляд и уверенность в межкультурном взаимодействии. То, как индивид оценивает себя, оказывает решающее влияние на его общение с другими. Дж. Тедесски обосновал, что люди с низкой самооценкой имеют более высокую вероятность, чем люди с высокой самооценкой, прибегать к жестким стратегиям, таким как принуждение и легитимность в социальных взаимодействиях [20]. Самоконтроль — это способность человека сознательно регулировать поведение в ответ на ситуативные ограничения и осуществлять разумно грамотное поведение. Индивиды с высокоразвитым самоконтролем способны корректировать свое поведение в соответствии с ситуацией. Считается, что самоконтроль имеет отношение к организационному конфликту. Д. Колдуэлл и С. О'Рейли обнаружили, что люди с высоким уровнем самоконтроля имеют более низкую вероятность втянуться в межличностный конфликт, чем люди с низким уровнем самоконтроля [7]. Р. Барон также отметил, что индивиды с высоким уровнем самоконтроля демонстрировали более высокие предпочтения в выборе примирительных стратегий разрешения конфликтов, таких как сотрудничество и компромисс [3].

Открытость мышления — это способность человека открыто и правильно объяснять свои мысли и принимать объяснения других. Открыто мыслящие индивиды более склонны рассматривать и интегрировать идеи другого человека, чем индивиды с более узким мышлением. Исследователи обнаружили, что люди с открытым мышлением могут предпочесть адаптивные и гибкие подходы к разрешению конфликтов с учетом взглядов противника.

С позиции межкультурного общения эмпатия — это способность индивида проецировать себя на точку зрения другого человека, чтобы принимать разные роли, как того требуют разные ситуации. Согласно Дж. Хакансону и Х. Монтоммери, эмпатический человек способен понимать чувства и желания других людей, ощущать чужие эмоции и воспринимать сходство между собой и другими. Поскольку эмпатический человек обладает

способностью воспринимать и понимать ситуацию другого человека, он может видеть ситуацию под новым углом, что, безусловно, будет играть важную роль, когда конфликт существует [15].

Вовлеченность подразумевает способность человека чувствовать тему и ситуацию общения, чтобы свободно и надлежащим образом инициировать и прекратить межкультурное взаимодействие. Индивиды, обладающие этим качеством, чувствительны и внимательны к себе, другим и обстоятельствам и, таким образом, могут соответственно реагировать на ситуацию. С другой стороны, согласно Д. Сегалы, люди с низким уровнем вовлеченности склонны чувствовать себя замкнутыми или дистанцированными от взаимодействий, потому что они часто сосредотачиваются на мире внутреннего, частного опыта или озабочены другими мыслями или целями [8].

Наконец, решение задержать вынесение суждения относится к способности человека избегать опрощенного мнения об оппонентах и способствовать ощущению удовольствия от культурных различий. Люди склонны судить о человеке, объекте или проблеме на основе их нынешних знаний о цели, что, однако, часто приводит к ограниченному или предвзятому суждению, особенно когда отсутствует важная информация о целях [2]. Люди, которые признают отсутствие соответствующей информации при вынесении суждений, как правило, делают менее экстремальные оценки и готовы изменить суждение по мере поступления дополнительной информации.

Отметим, что в приведенном выше обзоре литературы раскрывается потенциальная связь между межкультурной чувствительностью и стилями конфликтного менеджмента. Вышеупомянутая связь была изучена и детализирована в ходе эмпирического эксперимента, проведенного Т. Ю и Г. Ченом. Результаты дают ясную поддержку аргументации, что индивиды имеют более или менее предпочтительные стили управления конфликтом. Результаты показывают, что, чем более индивиды воспринимают себя в качестве чувствительных коммуникантов, тем более вероятно, что они будут использовать интегрирующие и компромиссные стратегии в конфликтном менеджменте, и тем меньше вероятность того, что они будут использовать избегающие и доминирующие стили.

Как утверждалось во многих вышеприведенных исследованиях интеграционная стратегия относится к эффективному конфликтному менеджменту, в то время как доминирование и избегание были расценены как неэффективные стратегии. Понятно, что интеграция — идеальный способ управлять конфликтом из-за максимальной степени, в которой стиль отвечает потребностям каждой стороны. Это позволяет человеку работать со своим коллегой во взаимодействии и вести себя так,

как будто это касается лично его. Напротив, доминирование отражает озабоченность индивида исключительно самим собой, а избегание показывает низкую уверенность человека в эффективности межкультурной коммуникации. Хотя компромиссная стратегия требует от обеих сторон отказаться от некоторых потребностей в достижении промежуточной цели, компрометирующий стиль лучше, чем отсутствие решения. Поэтому компромисс является одним из любимых стилей для индивидов с высокой межкультурной чувствительностью, столкнувшихся с конфликтными ситуациями. Другими словами, такой индивид при этом пытается получить положительные результаты от межкультурного взаимодействия, как для себя, так и для других.

Таким образом, поскольку люди с межкультурной чувствительностью способны воспринимать различные сигналы в своем окружении и ставить себя на место партнеров по межкультурной коммуникации, они прекрасно понимают, что именно происходит в таком межкультурном взаимодействии, и, следовательно, могут признать существование различий. Им нравится решать проблемы, связанные с культурными различиями, и иметь высокую уверенность в себе в управлении культурными взаимодействиями. Поэтому они вряд ли будут игнорировать потребности оппонентов, избегать проблем или использовать жесткие стратегии, которые могут привести к большей напряженности. Отметим, что стратегия доминирования, безусловно, заставляет другую сторону чувствовать себя запуганной, а стратегия избегания может вызвать разочарование и фрустрацию.

Важно подчеркнуть, что коммуниканты с низким уровнем межкультурной чувствительности обычно испытывают значительное беспокойство, разочарование, неуверенность в ситуациях делового межкультурного общения. Они в значительной степени основывают свои суждения о межкультурных различиях на их устоявшихся представлениях и обычно склонны не учитывать эти различия. Таким образом, неудивительно, что эти коммуниканты либо пытаются использовать жесткие стратегии в деловом общении, такие как доминирование, потому что они рассматривают все различия как агрессивные и реагируют соответственно, либо стремятся избежать возникающих и потенциальных проблем. На наш взгляд, интересна позитивная взаимосвязь между межкультурной чувствительностью и стратегией обязательства. Хотя этот стиль согласно многим исследователям отвечает потребностям не самого коммуниканта, а его оппонен-

та, как бы игнорируя его личные интересы, тем не менее именно этот стиль может быть признан как посреднический в конфликтном менеджменте.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что коммуниканты с высокой межкультурной чувствительностью более эффективны в межкультурном взаимодействии, в том числе и деловом. Соответственно, именно они способны выбрать адекватную стратегию в преодолении межкультурных разногласий и разрешения конфликтов, типичных для современного глобального общества. Также можно констатировать сложность и объемность всей системы управления конфликтами. Мы видим, что различные факторы могут влиять на выбор индивида в определении стратегий поведения и разрешения конфликта, причем межкультурная чувствительность является одним из решающих факторов. В результате исследования возникло четкое понимание взаимосвязи между межкультурной чувствительностью и стилями управления конфликтами.

Нельзя не согласиться с тем, что требуется дополнительное исследование этой проблемы. Результаты такого исследования могли бы стать основой для некоторых практических советов для руководителей — практиков. Выводы смогут побуждать индивидов адекватно воспринимать различные социокультурные сигналы в их окружении и выбирать эффективные стратегии для преодоления культурных различий. Организации смогут начать использовать оценку межкультурной чувствительности, с тем чтобы, принимать нужные в сложных ситуациях решения, такие как выбор сотрудников для определенных заданий, выбор и подготовка членов команды для контроля и разрешения конфликтов в организациях и разработка учебных программ для создания лучшей рабочей среды и повышения производительности и эффективности.

Результаты этого исследования могли бы способствовать разработке и внедрению программ межкультурной подготовки. Программы межкультурного обучения следует направлять на то, чтобы помочь слушателям общаться более эффективно, справляться с неизбежными стрессами, сопровождаемыми межкультурным взаимодействием, развивать и поддерживать межличностные отношения с индивидами разных этнических и культурных слоев и выполнять различные задачи в новом деловом социокультурном контексте в условиях глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Amason, A. C., & Schweiger, D. M. (1997). The effects of conflict on strategic decision making effectiveness and organizational performance. In C. K. W. De Dreu & E. Van De Vliert (Eds.), *Using conflict in organizations* (pp. 208–222). Thousand Oaks, CA: Sage.

2. Anderson, N. H. (1981). Foundations of information integration theory. New York: Academic Press.
3. Baron, R. A. (1989). Personality and organizational conflict: Effects of the Type A behavior pattern and self-monitoring. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 44, 281–296.
4. Black, J. S., & Mendenhall, M. (1990). Cross-cultural training effectiveness: A review and theory framework for future research. *Academy of Management Review*, 15(1), 113–136.
5. Copeland, L., & Griggs, L. (1985). *Going international*. New York: Random House.
6. Brislin, R., & Yoshida, T. (1994). *Intercultural communication training: An introduction*. Thousand Oaks, CA: Sage publications.
7. Caldwell, D. F., & O'Reilly, C. A. (1982). Boundary spanning and individual performance: The impact of self-monitoring. *Journal of Applied Psychology*, 67(1), 124–127.
8. Cegala, D. J. (1981). Interaction involvement: A cognitive dimension of communicative competence. *Communication Education*, 30, 109–121.
9. Chen, G. M. (2005). A model of global communication competence. *China Media Research*, 1, 3–11.
10. Chen, G. M. (2007). A review of the concept of intercultural effectiveness. In M. Hinner (Ed.), *The influence of culture in the world of business* (pp. 97–115). Germany: Peter Lang.
11. Chen, G. M., & Starosta, W. J. (1997a). A review of the concept of intercultural sensitivity. *Human Communication*, 1, 1–16.
12. Chen, G. M., & Starosta, W. J. (1997b). Chinese conflict management and resolution: Overview and implications. *Intercultural Communication Studies*, 1, 1–16.
13. Chen, G. M., & Starosta, W. J. (2000). The development and validation of the intercultural communication sensitivity scale. *Human Communication*, 3, 1–15.
14. Drake, L. E. (1995). Negotiation styles in intercultural communication. *The International Journal of Conflict Management*, 6(1), 72–90.
15. Hakansson, J., & Montgomery, H. (2003). Empathy as an interpersonal phenomenon. *Journal of Social and Personal Relationships*, 20(3), 267–284.
16. Hammer, M. R., Bennett, M. J., & Wiseman, R. (2003). Measuring intercultural sensitivity: The intercultural development inventory. *International Journal of Intercultural Relations*, 27, 421–443.
17. Janis, I. (1972). *Victims of groupthink*. Boston: Houghton Mifflin.
18. Rahim, M. A., & Bonoma, T. V. (1979). Managing organizational conflict: A model for diagnosis and intervention. *Psychological Reports*, 44, 1323–1344.
19. Sternberg, E. J., & Soriano, L. J. (1984). Styles of conflict resolution. *Journal of Personality and Social Psychology*, 47, 115–126.
20. Tedeschi, J. T. (1990). Self-presentation and social influence: An interactionist perspective. In M. J. Cody and M. L. McLaughlin (Eds.), *The psychology of tactical communication* (pp. 301–323). Clevedon, England: Multilingual Matters.
21. Terhune, K. W. (1970). The effects of personality in cooperation and conflict. In P. Swingleb (Ed.), *The structure of conflict* (pp. 193–234). New York: Academic Press.
22. Thomas, K. W. (1977). Toward multi-dimensional values in teaching: The example of conflict behaviors. *Academy of Management Review*, 2, 484–490.
23. Van De Vliert, E. (1997). Enhancing performance by conflict-stimulating intervention. In C. K. W. De Dreu & E. Van De Vliert (Eds.), *Using conflict in organizations* (pp. 208–222). Thousand Oaks, CA: Sage.
24. Wilson, J. A., & Jerrell, L. S. (1981). Conflict, malignant, beneficial or benign. *New Directions for Higher Education*, 38, 105–123.

© Белякова Ирина Геннадиевна (ig.belyakova@migsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ

КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ХАКАСОВ

CULTURAL IDENTITY AND ETHNIC CONSCIOUSNESS OF THE KHAKASS PEOPLE

A. Zykin

Summary. The present work is devoted to the development of the culture and ethnic self-awareness of the Khakass, the current state of this ethnos, the peculiarities of the language, the cultural identity and the processes to which it is exposed.

Keywords: culture, ethnicity, ethnos, Khakass.

Зыкин Алексей Владимирович

*К. филол. н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный аграрный университет
zykinalex@mail.ru*

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу культурного своеобразия и этнического самосознания хакасов, современному состоянию данного этноса, особенностям языка, культурному своеобразию и процессам, которым он подвержен.

Ключевые слова: культура, этничность, этнос, хакасы.

Настоящая работа посвящена анализу культуры и этнического самосознания коренного этноса Южной Сибири и продолжает серию предыдущих работ, посвященных этносам данного региона, особенностям языка, культурному своеобразию и процессам, которым они подвержены [1, с. 118–124; 2, с. 7–10; 3, с. 114–119; 4, с. 7–12; 5, с. 187–190; 6, с. 387–399].

Важность исследования обусловлена тем, что в сегодняшних исторических реалиях сильно выражена тенденция к усилению народного самосознания, а восстановлению и развитию народного самосознания сопутствует возникновение запроса на защиту культурного наследия как такового и народных обычаев в частности. Характерные черты мировоззрения и необычность этнической культуры выражаются в религиозных обычаях и чувствовании, ритуальных практиках, сказаниях, былинах и других формах устного народного творчества, в языковой сфере, и, в конечном итоге, в бытовой области, что делает актуальным исследование культурного наследия каждой народности. Такое исследование является исключительно важным применительно к малым народностям РФ, в том числе к хакасам, поскольку среди них численность свободно владеющих родным языком непрерывно уменьшается, аналогичная ситуация наблюдается и в области повседневного использования языка. Сегодня в социуме уже распространилось понимание того, насколько важен родной язык и как он помогает сохранить народную культуру, и хакасская культура тут не исключение.

В настоящее время многие соглашаются с тем, что истинная демократия невозможна без уважения народных, религиозно-культурных и языковых обычаев и особенностей этносов, и подразумевает создание условий,

в которых будет возможным свободное выражение, сохранение и развитие народной самобытности. Любой народ, представляя собой часть населения Земли, имеет уникальное миропонимание, по-особому оценивает исторические и текущие события, собственное место в общемировом контексте и свои этнические интересы, и имеет отдельное представление о будущем. Эта точка зрения отражается в культурных и языковых символах, а также в общественном поведении и иных аспектах.

Работы, в которых рассматриваются вопросы этнической культуры и языка, довольно многочисленны, а научное сообщество сегодня, в стремлении удовлетворить общественный запрос, исследует исторический аспект этнической культуры. С точки зрения методологии такое исследование основывается на убеждении, что мировоззрение этноса в ходе его формирования и развития непрерывно совершенствуется, оставляя неизменными определенные константы либо базовые ценности. В то же время исследователям трудно определить границы изучаемых явлений.

К примеру, в XX веке хакасы одновременно с остальными народностями Советского Союза испытали все трудности проводимого социального эксперимента. Итоги развития хакасов как этноса отличаются противоречивостью:

- ◆ получилось присоединиться к всемирному цивилизационному процессу и превратиться в открытую систему, приспособленную к самосовершенствованию и самореализации;
- ◆ чрезмерное заимствование инородного опыта (в первую очередь, в культурной области), вредящее непосредственно национальному, стало угрожать существованию хакасской народности.

За минувшие десятилетия хакасский народ, равно как и прочие сибирские народности, начали терять собственную субъектность как стремление к самопознанию, самосовершенствованию и самореализации, что происходит из-за потери самоуправления, а также культурно-языковой идентичности. Однако в то же время культурное, языковое и мировоззренческое развитие хакасов как народности отличается стремлением к возврату этноидентифицирующих признаков (родного языка, культурных обычаев, мифологии, религиозных верований).

Л.В. Анжиганова в роли одной из главных отличительных черт сегодняшних хакасов как народа, рассматривает их желание сберечь свою самобытность и удовлетворить потребность в формировании общего этносоциального пространства на республиканском уровне [7, с. 41].

Фундаментом данного этносоциального пространства, безусловно, будет пространство этнокультурное, под которым подразумевается возврат народу субъектности и единства. Исходя из этого, важную роль для народа, по нашему мнению, играет восстановление культурного наследия.

Любой народ имеет собственное видение мира, отличающее его от прочих. На него влияет специфика существования этноса — занимаемая им территория, вода, воздух и другие стихии, отражающиеся на людях и их культуре, включая быт и, в конечном итоге, непосредственно язык. Культурно-исторический контекст развития народа непрерывно меняется, однако этому способствует его мировосприятие и специфика менталитета. На сегодняшний день, чтобы изучить народ, обучиться выстраивать взаимоотношения с его членами и с иными народностями, а также, чтобы обрести единство, нужно сначала обучиться чтению культурного кода, просматривающегося во всем, включая музыку, окружающую природу и язык.

Хакасский язык принадлежит к уйгурской группе тюркской языковой семьи. Нынешний хакасский язык разбивается на 2 группы похожих диалектов: свистящая, представителем которой является сагайский диалект, и шипящая, в которую входят качинский, шорский и кызыльский диалекты [8, с. 459–470]. Название хакасского этноса и его родного языка как таковое закрепилось лишь с наступлением XX века. Это произошло в 1922 г., когда новой советской властью было вынесено решение о присвоении уже существующему территориальному образованию наименования «Хакасский», по старинному названию этноса, издавна поселившегося тут [9, с. 32]. Но уже вскоре, в 1925 г. произошла реорганизация, и уезд превратился в Ха-

касский округ, а несколькими годами позднее, в 1930 г. появилась ХАО (Хакасская автономная область). После распада СССР в 1991 г. в рамках новообразованной РФ Хакасия получила автономный республиканский статус. После перехода в новое положение национального субъекта появилась проблема устранения языковой безграмотности хакасов, ключевым шагом которого обязана была стать разработка хакасской письменности. Впервые ученые попытались разработать хакасский алфавит в дореволюционное время, однако процесс завершился лишь в 1924 г., а затем стали создаваться учебники. В 1929 г. алфавит был латинизирован, а по прошествии десятилетия опять русифицирован, что негативно отразилось на скорости совершенствования литературного языка, в основе которого, по большей части, лежал общий язык, опирающийся на 2 ключевых диалекта — сагайский и качинский [8, с. 459–470].

В социолингвистической сфере хакасский язык упоминается как характерный образец искусственного языка, введенного властями, чтобы консолидировать народы, не чувствующие собственного единства. Присвоение наименования этносу и его языку произошло на уровне властей, в соответствии с древним племенным объединением. Итогом такого решения стало появление чувства общности среди хакасских племен, однако, без усвоения ими разработанного языкового стандарта [10, с. 87–88].

Вся художественная литература хакасов, кроме мифов и эпосов, появилась в эпоху СССР, при этом на нее повлиял как русский язык и царившая тогда культура, так и навязанная коммунистами идеология. Следовательно, литературу, написанную на хакасском языке в советскую эпоху, нельзя использовать как надежный источник, позволяющий проанализировать и расшифровать культурный код этноса. Стоит подчеркнуть, что ученые довольно активно занимались исследованием мифологических и эпических произведений хакасов на протяжении долгого времени. Кроме того, исследователи попытались разграничить эти литературные жанры и дать им научное определение.

Православная вера стала сильно влиять на бытовую и культурно-языковую жизнь хакасов, начиная с первой четверти XVIII века. Согласно сведениям, почерпнутым из переписи 1895 г., на рубеже XX столетия 89% представителей хакасской народности прошли крещение [11, с. 14–23]. С того момента и по настоящее время христианство и его мировоззрение находило отражение в языке: так, словом *хызыл нымырха* обозначается Пасха (буквальный перевод — «красное яйцо»), а словом *хара нымырха* — Родительский день (букв. пер. — «чёрное яйцо»), и пр.

В хакасской культуре имеются собственные представления о природных явлениях, социуме, людях и их особенностях. В списке качеств человеческой природы стоит особо отметить 2 категории эталонов: первая сопряжена с сопоставлением мира и объектов живой природы, а вторая — объектов неживой природы (водоемов, лесов и пр.). Образцом бесстрашия у хакасов считается медведь; образцом ласки и нежности — ярочка, однолетний ягненок; эталоном робости и трусости — новорожденный теленок. При этом собака считается образцом злобности, вздорности, а лиса — хитрой и лживой природы.

Ключевое место в списке фольклорных жанров отводится богатырским сказаниям хакасов, так как они наиболее объемны, охватывают широчайший спектр жизненных коллизий и имеют наивысшую значимость с точки зрения эстетики и культуры. Героический эпос хакасов не подвергался циклизации и объединению множества эпосов в общее произведение, он разбивается на отдельные сказания [12, с. 11–22]. Множество сказаний было перенесено на бумагу, однако многие были безвозвратно потеряны. В общенародном этикете хакасов имеются культурные принципы, соответствующие не только общечеловеческим ценностям, но и отображающие этническую специфику и обычаи данной народности.

Социальные отношения небогатых и состоятельных хакасов отличаются сложностью. Эти две группы относятся с обоюдной неприязнью друг к другу и не стремятся поддерживать отношения, однако в культурной сфере является общепринятым мнение, что бедность — следствие лености.

Кочевничество и непрерывное передвижение всегда было привычным образом жизни для хакасов. Поселянам кочевники кажутся олицетворением свободы, поскольку их отличает независимость от определенного места или территории. Для кочевых племен родиной является их группа, они оттого постоянно и перемещаются, что их жизнедеятельность находится в прямой зависимости от даров природы. Главной деятельностью кочевника является разведение скота, при этом одно из хакасских самоназваний говорит о том, что данный этнос разводил не только коров, овец и коз, но и коней — единственный способ передвижения.

Среди всех животных именно лошади являются основной ценностью для хакасов. Сельскохозяйственная живность предназначена для услужения людям, а в случае лошадей напротив, именно людям приходится прислуживать. По мнению Г.Д. Гачева лошади — основное божество кочевых племен. Они скачут, перенося людей, а вслед за ними передвигается и остальная живность.

Еще одной привычной для хакасского народа деятельностью была охота. В процессе охотники применяли особый язык, чье возникновение сопряжено с их необычным мировосприятием, ведь для хакасов характерен анимизм [13, с. 31–33]. Тем не менее, хакасам было известно и земледелие, при этом они обучились этому занятию задолго до того, как их территорию начали заселять русские, несмотря на то, что земледелие начало ускоренно развиваться именно на данном этапе, после ознакомления с принятой у русских аграрной культурой. Также хакасы занимались рыбной ловлей, однако использование в пищу животных и других созданий, местом обитания которых являлась территория ниже уровня земли, протолось лишь действительно нуждающимся людям [14, с. 42]. Тут становится заметна непосредственная связь между бытовыми и социальными условиями этого народа и его кочевым мировоззрением.

Не представляет сомнений тот факт, что хакасам были известны и различные ремесла, в том числе добыча руды, кузнечное дело и изготовление войлока. Культура хакасов отличается гармоничным сочетанием материализма и духовности. Сведения, почерпнутые из различной литературы, позволяют понять не только хакасский менталитет, но и их ценности. В культуре данного этноса подвергаются осуждению различные пороки, включая отсутствие уважения к старшим, леность, бранную речь и глупость. Основную ценность для этого народа представляет не жизнь индивидуума, а коллективная, групповая жизнедеятельность (в масштабах целой народности) и соблюдение обычаев прародителей. Данные принципы издавна позволяли хакасам выживать и гармонично развиваться.

Изучение народного фольклора, в том числе сказаний о создании мира, позволяет выявить разделение Вселенной на 3 части. Все они отличаются объемом, наличием дна и сердцевины, то есть внутреннего устройства. В самом низу, в том числе в подземном мире, проживают злые божества и духи. Ключевым божеством Нижнего мира является Эрлик (Ирлик) Хан [14, с. 40]. В середине обитают люди, а наверху — добрые божества и духи. Ключевыми божествами Верхнего мира являются Худай и Чайян — согласно фольклору, всего их насчитывалось семеро [12, с. 44].

Необходимо отметить, что такое разделение мира характерно не только для хакасов. Это вообще одна из ключевых религиозных моделей человечества. Разделение мира на 3 части (верхний, средний и нижний) весьма разумно объясняет процессы, наблюдаемые в природе, и множество жизненных явлений. Можно прийти к выводу, что сибирские народности переняли христианские и ламаистские принципы тихо и без крови благодаря тому, что свойственные исповедуемому им

шаманизму представления о трехмерном мире не вступали в противоречие с многочисленными догмами данных вероисповеданий [15, с. 37–76].

Несмотря на удивительное сходство деления мира у разных этносов и цивилизаций, все они обладают определенными отличиями. К примеру, Верхний мир хакасов является местом обитания нескольких богов, включая одного верховного, аналогичная ситуация наблюдается и в Нижнем мире, где тоже присутствует верховное божество. При этом христианская вера отличается монотеизмом, ее бог внешне наделен антропоморфными чертами, что отличает его от божеств язычников, нередко схожих по облику с животными и птицами. Христианским душам, угодившим в потусторонние миры, назад дороги нет, однако в язычестве душу можно вернуть правильными действиями шаманов.

Признаком единства 3-х миров является коновязь. Данный символ семейного и хозяйственного благосостояния со строго определенным непарным количеством зарубок в прошлом ставился около юрты. Такой столб было запрещено рубить и жечь, поскольку это считалось предзнаменованием беды. На общемировом, вселенском уровне такое действие могло послужить причиной дисбаланса в мире и зарождения хаоса. Сберегая коновязь как неотъемлемую часть обихода, люди тем самым соглашались быть ответственными за судьбу Вселенной.

Верхний и низший миры заселены бессмертными духами, способными по-разному влиять на человека, обитающего в среднем мире. Отсюда следует, что они могут беспрепятственно попадать из собственного мира в наш, общечеловеческий. Создания, обитающие в подземном мире, как правило, являлись предметом людского беспокойства. Именно их винили в деструктивном поведении людей: айна тамагы (буквальный перевод — «пища айны», что означает табак), арагаа тамнадыбысхан (букв. пер. — «привороженный к водке», то есть алкоголик), Ирлик ханның суу (букв. пер. — «вода Ирлик Хана», то есть водка).

За отношения с другими мирами отвечал шаман, внешне отличавшийся от остальных соплеменников наличием дополнительной кости. К слову, присутствие средств для шаманского камлания свидетельствует о том, что взаимоотношения между людьми и потусторонними силами основывались на принципе обмена как вселенском законе и на принципе справедливости, находящем отражение в церемониальных жертвоприношениях.

Мировоззрение хакасов подразумевает, что любой индивид обладает душой, а точнее несколькими душами (максимальное число — 9). У этого народа под душой

подразумевается человеческая жизнь, представляющая собой общность анатомических параметров, процессов, протекающих на уровне психики и физиологии, а также ментальности и социального статуса [16, с. 15–19].

В фольклорных произведениях можно отметить не менее 7-ми типов душ: Чиит кизінің читі хут полча (буквальный перевод — «юноша обладает семью душами» — означает, что он может вступить в брак вплоть до 7 раз). Подобное число душ, возможно, требуется людям в силу того, что с точки зрения хакасов одна душа неспособна на одновременное исполнение множества функций, в особенности, круглые сутки. Любая из указанных душ обладает не только отдельным наименованием, но и специальной ролью, временем появления и телесным местоположением. Такая практика разделения и названия отдельных душ отображается не только в религиозном лексиконе, но и в повседневной речи. И всё-таки сегодня данные лексемы являются устаревшими и имеют ограниченное употребление. Перечислим лексемы, применяемые хакасами для названия душ, и их смысл:

1) Тын имеет двойное значение — дыхание и душа. Данный тип является неотъемлемой частью индивида с момента его появления на свет и неотрывно связан с его существованием. Эту душу дарит Худай [17, с. 198]. Ее утрата неизбежно приводит к кончине человека.

2) Хаҕба означает «страж, заступник». Данный тип оберегает человека, им зачастую обладают совершенно обычные люди. Индивид, владеющий мощным хаҕба, имеет способности, близкие к шаманским.

3) Хуйах обозначает вещи, не имеющие отношения к религии и духовной сфере. Это «броня, кольчуга», а роль души обуславливается смыслом рассматриваемой лексемы. Она выступает в роли особой защитной ауры индивида. Тот, кто обладает прочной хуйах, по собственной мощи приближен к шаману.

4) Ызұт применяется для названия души необратимо мертвого индивида, в неё преобразуется сүне.

Применение для обозначения души не особого термина, а уже имеющейся лексемы свидетельствует о возможной двойственности этой субстанции. Она отличается материальностью и доступностью для органов чувств, однако, в то же время нематериальностью и недоступностью. Последующие 3 типа души обладают отдельными наименованиями. Тот факт, что эти лексемы полностью отсутствуют в словарях, в том числе в качестве историзмов, говорит, возможно, о том, что их первоначальный смысл не только стал неактуальным, но и был предан забвению. Не исключено, что основной и второстепен-

ный смыслы были до такой степени схожи, что к сегодняшнему дню остался лишь один из них.

5) Хут обозначает жизненную силу, позволяющую индивиду передвигаться. В дневное время эта душа располагается под ногтями ног, а в ночное — под волосными корнями. Именно отсюда идёт запрет на стрижку ногтей на ногах в светлое время суток и на расчесывание после наступления темноты. Нарушение запрета может привести к потере хут, имеющей непосредственное отношение к порождающему началу [16, с. 15–19].

6) Сўне (другие варианты написания — сўрўн, сўрнў) обозначает душу на конкретном этапе её существования, начиная со времени кончины индивида и вплоть до заключительных поминок, проходящих в годовщину его гибели. Это в своем роде характер усопшего [16, с. 15–19].

7) Харан — этим словом называется темная часть души скончавшегося, которая не отходит в иной мир, а остается там, где индивид умер и является причиной подавленного состояния его родственников. Согласно взглядам В.Я. Бутанаева, данное представление о душе носит отпечаток буддизма [17, с. 199].

В перечне почитаемых хакасами богов специальное место отводится Умай (другие варианты написания — Ымай, Нумай, Омай). Данная богиня покровительствует малышам и деторождению, а любой младенец наделяется ею собственной душой [17, с. 230].

В древности людям не было свойственно представление о времени. Они не имели разделения потока происходящих событий на прошлое, настоящее и будущее. События далеких эпох были для них столь же реальными, как и текущие события, а также грядущие. На практике непрерывный круговорот жизни выражался в разнообразных видах человеческой жизнедеятельности [18, с. 11]. На языковом уровне это выразилось в календарных обозначениях, к примеру, имена месяцев имели непосредственное отношение к работе, выполняемой людьми в этот период, либо наблюдаемым в окружающей природе переменам. В используемой хакасами системе учета времени существовали короткие временные интервалы, сутки, месяцы и лунные годы. Наименования каждого временного интервала хотя и формально присутствуют в хакасском языке, однако сегодня фактически вышли из употребления.

Разделение годового интервала на месяцы и недели было сопряжено с фазами луны, а каждая неделя разбивалась на 7 суток. Каждый месяц у хакасов состоял из 30-ти суток, при этом первые 14 из них относились к новой луне, а последние 14 — к старой. Между хакасским лун-

ным годом и солнечным существовало расхождение по числу суток, для покрытия этой разницы через каждые 3 года наступал високосный год (3-й по счету).

Традиционное мировосприятие подразумевает непрерывный круговорот жизни. В данном плане хакасская модель мира, как и у прочих южно-сибирских тюркских народностей, почти не отличается от той, что была принята древними восточноазиатскими цивилизациями. Для южно-сибирских тюркских народностей, как и для восточноазиатских этносов, круг олицетворял собой нечто целое, непрерывное. Частое использование круга как геометрической фигуры прослеживается в самых разных областях тюркской культуры (к примеру, округлые очертания юрты, используемый шаманом бубен, перемещение по кругу в ходе проведения ритуалов). Исходя из этого, смерть южно-сибирскими тюркскими народностями воспринимается не как окончание бытия, а как иная форма существования [15, с. 57]. В философии считается, что представление индивида о смерти предопределяет его мировосприятие. Для хакасского народа смерть индивида лишь означает, что его душа покидает телесную оболочку и отходит в другой мир.

Душа хут после гибели индивида начинает называться харан (темная душа) и не покидает место смерти. Ученые-этнографы считают это свидетельством влияния буддизма в отдаленном прошлом [17, с. 199]. Исследование хакасского языка вынуждает согласиться с этнографами в том, что прародители хакасов имели многомерную модель Вселенной, с разделением мира как по вертикали, так и по горизонтали [14, с. 55]. В то же время можно прийти к заключению, что хакасское мировосприятие подразумевает отсутствие случайностей, все события в их мире отличаются взаимосвязанностью и взаимозависимостью, каждая составляющая Вселенной предопределяется человеческим поведением, при этом сам мир характеризуется единством и целостностью. Помимо этого, анализ фольклорных произведений подтверждает, что язык играет ключевую роль в накоплении и передаче людских знаний об окружающем мире.

Подытоживая, стоит подчеркнуть, что комплекс зафиксированных в языке знаний является т.н. «языковой картиной мира». Благодаря лингвокультурологическому анализу можно восстановить изначальную картину мира народа во всём её разнообразии, замечая тонкости, скрытые от глаз при использовании иных методов. Хакасская картина мира обладает своеобразной народной и культурной сердцевиной, благодаря которой народ может сберечь собственную самобытность и исключительность. Используя лингвокультурологический анализ, можно восстановить наружный облик хакасского народа, его характер, речь, мировоззрение, а также культурный код.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зыкин А. В. К вопросу о выравнивании парадигмы в модус-диктумных полипредикативных конструкциях с коннектором-аккузативом в шорском языке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2013. Т. 1. С. 118–124.
2. Зыкин А. В. Социально-философский анализ традиционной культуры малых народов Сибири в сопоставлении с русской // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. — 2015. — № 40. — С. 7–10.
3. Зыкин А. В. Анализ этнокультурной идентичности и этноидентификации коренных народов Южной Сибири // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. № 7 (49) С. 114–119.
4. Зыкин А. В. О некоторых особенностях в понимании мироустройства шорцев: социально-философский анализ // Успехи современной науки. — 2017. № 1. Т. 2, С. 7–12.
5. Зыкин А. В. К вопросу о национальной идее шорского этноса // Успехи современной науки и образования. — 2017. № 4 Т. 6 С. 187–190.
6. Зыкин А. В. Влияние билингвизма на состояние языковых систем русского и тюркских языков Южной Сибири // Общественные науки. — 2016. № 2. С. 387–399.
7. Анжиганова Л. В. Эволюция мировоззрения этноса (на примере хакасского народа): Автореф. дис. ... докт. филос. наук. — М., 1999. — 46 с.
8. Языки мира: Тюркские языки. — М., 1996. — С. 459–470.
9. Боргояков М. И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1981. — 144 с.
10. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. — 439 с.
11. Асочакова В. Н. Русская православная церковь в истории Хакасско-Минусинского края в XVIII — первой четверти XIX в. (структура, личный состав, политико-идеологические функции): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — Красноярск, 1999. — 26 с.
12. Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Институт Филологии СО, 1997. — С. 11–22.
13. Боргояков В. А. Табу и эвфемизмы в охотничьем промысле хакасов // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Вып. II Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1998. — С. 31–33.
14. Анжиганова Л. В. Традиционное мировоззрение хакасов. Опыт реконструкции. — Абакан: РОСА, 1997–128 с.
15. Котожеков Г. Г. Культура народов Саяно-Алтайского нагорья. — Абакан, 1992. — 192 с.
16. Бурнаков В. А. Душа в традиционных воззрениях хакасов // РАНСО Гуманитарные науки в Сибири. Серия: культура, наука, образование, 2003. -№ 3.— С. 15–19.
17. Бутанаев В. Я. Этническая культура хакасов. — Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1998. — 352 с.
18. Буров В. Ф. Историческое сознание. Опыт философского прочтения. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2004. — 76 с.

© Зыкин Алексей Владимирович (zykinalex@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

MODERN SCIENCE AS A PHENOMENON OF CULTURE

**A. Kamenets
I. Kazakova**

Summary. The article is devoted to the actual problems of modern science from the standpoint of cultural knowledge. The main stages of science formation and development, its role in society life are considered. The main stages of science formation and development, its role in society life are considered. Phenomenological characteristics of science important for the development of modern civilization and culture are revealed. Special attention is paid to ethical aspects related to the consequences of certain results. Further prospects of science development in the context of modern problems of culture are estimated. The article reveals the significance of paradigm concepts in scientific knowledge, which had a significant impact on the study of science as a phenomenon of culture.

Keywords: science, paradigm, culture, evolution, sociality, progress.

Каменец Александр Владленович

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

kamenez.a@rambler.ru

Казакова Ирина Сергеевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

Kazakovais2014@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам современной науки с позиций культурологического знания. Рассматриваются основные этапы становления и развития науки, ее роль в жизни общества. Выявляются феноменологические характеристики науки, значимые для развития современной цивилизации и культуры. Особое внимание уделяется этическим аспектам, связанным с последствиями тех или иных полученных результатов. Оцениваются дальнейшие перспективы развития науки в контексте современных проблем культуры. Раскрывается значение парадигмальных представлений в научном знании, оказавших существенное влияние на изучение науки как феномена культуры.

Ключевые слова: наука, парадигма, культура, эволюция, социальность, прогресс.

Введение

Осмысление науки как культурного феномена предполагает понимание ее как деятельности, формирующей систему логически выстроенных знаний, получаемых в результате изучения реальности на теоретическом и эмпирическом уровне, которые могут использоваться в рациональном преобразовании реальной действительности.

Наука только тогда может рассматриваться как деятельность, имеющая культурную значимость, если добываемые ею знания носят творческий характер, постоянно развиваются, обновляются и являются объективными. Эти характеристики науки можно оценивать в качестве базовых и соответствие им позволяет оценивать ту или иную исследовательскую деятельность как научную.

Доминирование в настоящее время постмодернистской картины мира с ее релятивизмом и встречаемом смещении науки с креативностью художественно-творческой деятельности делает обращение к этим характеристикам особенно актуальным.

Наука представляет собой систему постоянно развивающихся знаний о природе, обществе и мышлении. Эти знания есть результат научного творчества как особой профессиональной деятельности и отражают объективные связи человека с миром.

В настоящее время все научные дисциплины принято классифицировать на естественные, технические, гуманитарные и социальные науки.

В методологии научного исследования существуют и более развернутые классификации научных дисциплин. Так, выдающийся отечественный методолог Г.П. Щедровицкий предложил следующую классификацию наук: 1) науки естественного типа, (2) науки, касающиеся деятельности, (3) нормативные дисциплины (вроде логики и языковедения), (4) ценностные дисциплины, (5) инженерно-конструктивные дисциплины, (6) математику, (7) методические дисциплины, (8) историю, (9) методологию» [19, с. 86].

Методика

При всем разнообразии классификаций научных дисциплин они, в конечном счете, сводятся к трем типам наук: наукам о природе, обществе и человеке и соответственно к наукам, производящим естественно-научное, техническое знание и гуманитарным наукам, чьи результаты носят в значительной мере вероятностный характер.

Во взаимодействиях человека с окружающей средой выявляются те условия, характеристики, черты окружения, на которые человек способен повлиять, и те, которые от человеческой деятельности в данных кон-

кретно-исторических условиях и данных обстоятельствах от человека не зависят. Те и другие представлены в научном знании в причинных связях — цепочках взаимодействия и следствий, а также в выявленных закономерностях и тенденциях в существовании и развитии различных объектов, событий, явлений.

Выделяют также два уровня научных исследований — эмпирический и теоретический. Эмпирические исследования включают в себя наблюдение, эксперимент, классификацию и описание результатов наблюдения. Теоретический уровень предполагает формулировку научных гипотез, создание теорий; сопоставление гипотез и теорий, теоретическое моделирование, объяснение, предсказания и обобщения.

Среди различий между эмпирическим и теоретическим уровнем науки выделяют разный предмет познания. На эмпирическом уровне изучаются очевидные, наблюдаемые явления и однозначные зависимости между ними без выявления их сущностных характеристик. На теоретическом уровне выделяются существенные связи изучаемых объектов, явлений как отражение глубинных взаимосвязей, закономерностей, тенденций для получения обобщенного знания об окружающей действительности.

Эти уровни научного познания различаются и по средствам познавательной деятельности. При эмпирическом исследовании осуществляется непосредственное взаимодействие исследователя с объектом изучения. Для теоретического исследования такое взаимодействие не является необходимым. Чаще всего связь с изучаемыми явлениями и объектами здесь носит опосредованный характер, а сами эти объекты и явления есть идеальные конструкции, с которыми возможны мысленные эксперименты.

Есть и различия по характеру используемых методов. Эмпирическое исследование преимущественно следует за непосредственно изучаемым объектом и в значительной мере определяется особенностями последнего. Теоретическое исследование само формирует собственный идеальный объект, который определяется в первую очередь собственным научным предметом. Структура же последнего, как отмечает методолог науки Г.П. Щедровицкий, включает в себя следующие «единицы»: «1) «факты», называемые также единицами эмпирического материала; 2) «средства выражения» (весьма условное название, используемое за отсутствием другого, более подходящего), среди которых окажутся «языки» разного типа (описываемые в методологии и в логике)...системы понятий, заимствованные из других наук или созданные специально в качестве средств в рамках этой же науки, представления и понятия из об-

щей методологии и т.п.; 3) методические предписания или системы методик, фиксирующие процедуры научно-исследовательской работы; 4) онтологические схемы, изображающие идеальную действительность изучения; 5) модели, репрезентирующие частные объекты исследования; 6) знания, объединяемые в систему теории; 7) проблемы и 8) задачи научного исследования» (19, с. 245–246).

При этом в методологии науки отмечается, что в существовании теоретических исследований особое место занимают «проблемы» и «задачи», которые призваны определять как характер, так и общее направление научного исследования.

Особыми методами научного исследования являются наблюдение и эксперимент. Наблюдение есть целенаправленное фиксирование данных об изучаемом объекте, явлении и опирается на ощущения, восприятия и представления (теоретические и практические) самого исследователя. Результатами наблюдения являются как данные опыта, так и в результате обработки получаемой информации — схемы, графики, диаграммы и т.д. Структура наблюдения как метода научного исследования включает в себя наблюдателя, объект наблюдения, условия наблюдения, средства наблюдения (установки, приборы, измерительные инструменты и т.д.).

Для того, чтобы наблюдение было продуктивным важны также целенаправленность и избирательность наблюдения в соответствии с целевыми установками исследователя. Научное наблюдение отличается от любого другого тем, что оно обусловлено теоретическими и концептуальными представлениями о наблюдаемом объекте, явлении, что соответствует известному изречению: «ученый смотрит глазами, но видит головой».

Выделяют два главных вида наблюдения: качественное и количественное. Рост значения количественных наблюдений есть один из результатов расцвета науки в Новое время благодаря развитию теории измерений и измерительной техники, что означало математизацию науки в целом.

Эксперимент как метод научного исследования направлен на изучение объекта в специально созданных и точно фиксированных и контролируемых исследователем. Эксперимент включает в себя: а) выделенную пространственно-временную сферу, ограничивающую поле экспериментального исследования (как реального, так и идеального); б) специальные приборы, средства формирования экспериментальных процессов (например, катализаторы химических реакций); в) протокол эксперимента, позволяющих фиксировать получаемые данные; г) реакции, объекта, над которым ставится экс-

перимент, фиксируемые с помощью специальных приборов и средств.

Эксперимент имеет ряд преимуществ перед простым наблюдением. Среди них:

- ◆ изучаемые явления могут быть воспроизводимы в зависимости от той или иной исследовательской ситуации и исследовательских задач;
- ◆ эксперимент позволяет наблюдать и выявлять закономерности, которые невозможно обнаружить в естественных условиях;
- ◆ возможно варьировать условия эксперимента для сведения к минимуму приводящих факторов и обстоятельств, мешающих решению исследовательских задач;
- ◆ имеется возможность постоянного усложнения приборов, автоматизации, компьютеризации, необходимых для экспериментального исследования.

В подавляющем большинстве исследовательских ситуаций эксперимент присущ эмпирическому уровню научного познания и служит связующим звеном между получаемыми эмпирическими данными и теоретическими исследованиями.

Важное место в современной науке принадлежит моделированию как особой исследовательской процедуре или методу, позволяющему имитировать или замещать реальные изучаемые объекты для выявления в чистом виде закономерностей, взаимосвязей, структур, которые в «естественных» условиях не могут быть обнаружены.

Результаты работы

В 60-е годы XX века появилось понятие «парадигма» — категория, введенная в научный оборот трудом Т. Куна «Структура научных революций» [6]. Что выражает данное понятие и какие условия научно-познавательной деятельности обусловили необходимость его появления?

«Греческое слово «paradeigma» дословно означает: «то, что предопределяет характер проявления, манифестации, оставаясь вне проявления» («para-» это «сверх», «над», «через», «около», а «deigma» — «проявление», «манифестация»). В самом широком смысле, это исходный образец, матрица, которая выступает не прямо, но через свои проявления, предопределяя их структуру. Парадигма — это не проявленная сама по себе и не поддающаяся прямой рефлексии структурирующая реальность, которая, всегда оставаясь за кадром, устанавливает основные, фундаментальные пропорции человеческого мышления и человеческого бытия» [3, с. 39].

Сам Т. Кун определял парадигму следующим образом: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [6, с.11–12].

При этом Т. Кун отмечал, что на становление парадигмы могут существенно влиять и вненаучные факторы, например, личные пристрастия исследователей, исторические условия. Этот ученый выдвинул два основных требования к парадигмам науки: (1) научные открытия, приводящие к новой парадигме, должны носить революционный характер и (2) эти открытия должны привлечь достаточно большое число ученых, даже из конкурирующих научных школ, чтобы стать общепризнанной парадигмой.

И уже в рамках сложившейся парадигмы складывается «нормальная наука», которая упорядочивает накопившиеся факты и сведения. Понятие парадигмы позволило Т. Куну выделить следующие группы научных фактов: а) факты, вскрывающие суть вещей в рамках заданной парадигмы; б) факты для их сопоставления с имеющимися парадигмами; в) факты для разработки парадигмальной теории.

Важно отметить, что, по мнению Т. Куна, уже сложившаяся «нормальная наука» (т.е. принявшая ту или иную парадигму) почти не ориентирована на крупные открытия или создание новой теории. Причем, сила парадигмы такова, что она может управлять научным исследованием даже при отсутствии до конца выверенных норм и правил исследовательской работы.

Сам же переход от старой парадигмы к новой в науке осуществляется не за счет более детальной разработки старой парадигмы или ее расширения. «Этот процесс скорее напоминает реконструкцию области на новых основаниях, реконструкцию, которая изменяет некоторые наиболее элементарные теоретические обобщения в данной области, а также многие методы и приложения парадигмы» [6, с. 135].

По наблюдениям Т. Куна, почти всегда новую парадигму разрабатывают либо новички этой парадигмы, либо молодые исследователи. Симптомами перехода к новым парадигмам он считает резкий рост конкурирующих вариантов научных исследований, повышенный интерес к философским основаниям исследовательской работы, широкое обсуждение фундаментальных положений существующей парадигмы.

Для более глубокого понимания статуса современного научного знания в мировой культуре современные исследователи истории науки выделяют в становлении

последней следующие периоды: 1) Античность — «отсутствовали и субъект и объект науки, как их понимает Новое время: рассудочный субъект и механическая, предлагающая ему действительность» [1, с.54]; 2) Средневековье (креационизм, линейное время) — это донаучное общество (8–15 века); 3) Возрождение (15–16 века) — подготовка Нового времени; 4) Новое время (Реформация, Просвещение, 19–20 века); это период науки; 5) конец 20 века и дальше — постмодерн («постнаучная эпоха») [3].

В начале XX в. начинает развиваться классическая эволюционистская модель. На основе идей О. Конта и М. Вебера научное познание стало основываться на идеях позитивизма, в соответствии с которым наука приобрела статус основного фактора эволюционного развития человечества как прежде всего движения ко всем новым достижениям научно-технического прогресса, более полному удовлетворению материальных потребностей и достижению жизненного комфорта.

Социальное же познание стало строиться по образцам естественных наук. Так возникла эволюционистская модель культурного развития цивилизации, которая рассматривала сам процесс развития социума по аналогии с биологическим организмом.

Обсуждение

В новейшее время эволюционистская и позитивистская парадигмы науки переживают кризис. Достижения науки все чаще порождают новые экологические риски, социальные конфликты и природные катаклизмы. Выясняется, что главной причиной возникновения этой ситуации является безудержный активизм и погоня за все новыми материальными благами, лишенная каких-либо духовно-нравственных ориентиров.

Появление постмодернистской парадигмы в исследованиях человека и общества в этой связи выглядит не случайным. Характерно, высказывание одного из основоположников постмодерна: «Мы все вышли из Освенцима». Фактически постмодернизм предлагает в научных исследованиях уйти от попыток воздействия на физическую реальность, которые в конечном счете губят человечество. Вместо этого создается игровое пространство симулякров и виртуализма, чтобы минимизировать вредные последствия тех или иных научных открытий.

Постмодернизм как общекультурное движение, изменяет «классическую» картину мира, ее философские (онтологические и метафизические) основания. Происходит деконструкция: от единства — к многообразию, от системности — к бессистемности, от централизма —

к идеологии маргинальности. Происходит смена парадигм не только в науке, но стилей в искусстве.

Главное, что составляло классическую модель мира — представление о целостности. В постмодернистской ориентации целостность подвергается деконструкции, дифференцируется согласно социокультурным ориентациям и потребностям различных групп общностей и т.д.

Единственно устойчивым в социуме остаются коммуникации, поэтому акцент смещается на микро-динамику. (Если вспомним, в античности было наоборот — микрокосмос должен был повторять макрокосмос). В постмодернистской парадигме макро-динамика строится по образцу микро-динамики. Целью познания становится не «открытие законов», как это было в классической науке, неизменного порядка «вне нас», а проблемным отношением. Готовых регулярностей, готового знания, с которым мы могли бы оперировать как с объектами, уже нет. Мы сами конструируем объекты, и возможности их использования.

Классическая онтология (научные представления о бытии) рассматривала мир таким, каков он есть: теории были изоморфны реальности, и связаны в какие-то логические законы, которые необходимо было воспроизвести во всей полноте (картина мира). В парадигме постмодерна от онтологии произошло смещение в «инструментализм».

Можно сказать, что постмодернизм — это конструируемая реальность, когда виртуальность становится столь же значима, как и реальность. В формировании виртуального пространства все более изощренными и утонченными становятся технологии воспроизведения жизненно необходимых для человека условий и форм его жизнедеятельности, построение убедительного и эффективно действующего на восприятие виртуального мира с помощью художников, политиков, «пиарщиков». Возвращаясь к проблеме познания в постмодернистской парадигме, необходимо подытожить некоторую необратимость последствий смены парадигм, главным содержанием которой является «сдвиг фокусов» познания от гносеологических принципов «кумулятивности» — накопления знания и создания огромных нарративов, накоплений приближающих к «постижению истины», к изменению предметной области знания. Каждая парадигма имеет свою картину мира, не претендуя на универсальность, но ориентированная на поиск инструментального набора формул для решения социально значимых проблем.

В этой связи по-новому выделяется сам объект научного исследования. Так, на первый план все больше

выходит теоретико-деятельностная парадигма научного исследования, в соответствии с которой объект исследования формируется самим ученым в зависимости от поставленных целей, задач и особенностей той или иной научной дисциплины. Сконструированный таким образом объект изучается через соответствующую научную предметность соответствующей дисциплины, которая имеет достаточно сложный состав. Это — исходные факты, эмпирические данные, модели, онтологические схемы и картины, выстроенные самими исследователями, методы научного исследования, приоритетные проблемы и задачи того или иного научного направления [19]. «Натуральные», естественные объекты исследования таким образом заменяются искусственными конструкциями и моделями этих объектов, что и отличает собственно научное исследование от какого-либо другого в изучении окружающей действительности.

В современной науке наряду с требованием объективности научных знаний на первый план выходит способность исследователей строить плодотворные гипотезы (предположения на основе научных фактов), которые могут обеспечить реальное приращение знаний о природе, обществе и человеке. Эти гипотезы могут и не вписываться в господствующие в науке парадигмы, при этом, не теряя своей научной ценности. Причем, по мнению К. Поппера, чем невероятней та или иная гипотеза и просто предположения ученого, тем выше вероятность того, что она может привести к содержательным результатам. По мнению этого ученого, основой науки должны стать теперь не наблюдения, а проверяемые предположения [9]. Это, на первый взгляд, парадоксальное суждение имеет свои основания, если иметь в виду, что в конце XX и начале XXI века изменилась общая научная ситуация.

Усложнилась сама изучаемая реальность, которая уже не может рассматриваться как «естественная», но в значительной мере как искусственный результат научно-технического прогресса и информационных технологий. В этой ситуации механицизм и атомизм вместе с выявляемыми однозначными причинно-следственными связями уже «не работают» в решении многих исследовательских задач.

Рассмотренные выше тенденции в истории становления и развития науки позволяют более конкретно увидеть основные проблемы современной научной деятельности в культурологическом контексте.

Разрыв современной науки с ценностно-мировоззренческими ориентирами привел к потере многими учеными чувства социальной ответственности за результаты собственных научных открытий. Достаточно привести в качестве показательного примера международный атомный проект, «на выходе» которого была

осуществлена атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, приведшая к огромным жертвам среди мирного населения. Известно, что некоторые участники этого проекта сошли с ума или покончили с собой, узнав об этой трагедии.

Вопрос о моральной ответственности ученых и их независимости от политиков со всей остротой поставил Б. Брехт в своей знаменитой пьесе «Галилей», поводом к созданию которой послужило изготовление, по выражению драматурга, «Большой бомбы» в виде атомного оружия.

К сожалению, это событие в истории науки не является эпизодом. Речь идет о доминирующей тенденции милитаризации современной науки, создающей все новые средства уничтожения людей и живой природы. Основным заказчиком современных научных исследований является военно-промышленный комплекс, чьи экономические и коммерческие интересы оказываются сильнее любого здравого смысла и экологической безопасности современного человечества. Всякие оправдания в виде того, что все высокие научные технологии могут создаваться в только в рамках гонки вооружений, не выдерживают никакой критики т.к. только смена базовых ценностно-мировоззренческих ориентиров может разорвать порочный круг создания все новых видов вооружений, ставящих мир на грань вселенской катастрофы.

Следующая проблема современной науки заключается в неуправляемой узкой специализации науки, ее дифференциации на отдельные научные дисциплины, что является результатом исчезновения целостного отражения реальности в изучении окружающей действительности. Произшедшее дробление науки на мало связанные друг с другом дисциплины не позволяет решать многие проблемы современной цивилизации, которые имеют межпредметный и комплексный характер, начиная от проблем здравоохранения, кончая экологической проблематикой.

Еще одной проблемой является разрыв между естественно-научными, техническими и гуманитарными знаниями, что привело к дегуманизации науки, технократическому стилю научного мышления в качестве доминирующего. В результате утеряны критерии реальной эффективности научных исследований, которые должны решать не отдельные политические, экономические, социальные задачи, а обеспечивать защиту от реальных угроз и вызовов современной цивилизации, угрожающих существованию человечества.

Как уже отмечалось, все эти проблемы являются следствием доминирования мировоззрения в современной науке, суть которого заключается в неограниченном

стремлении господства человека над природой, торжества стремления бесконечного удовлетворения материальных потребностей за счет использования природных ресурсов. Особенно наглядно это проявляется в подчинении науки техническому прогрессу, который постепенно вытесняет самого человека из различных сфер творческой и духовно-содержательной жизнедеятельности. Люди становятся заложниками ими же вызванного демона технических изобретений, что обесценивает научно-познавательную и самостоятельную творческую деятельность как таковую.

Получил распространение так называемый потребительский образ жизни, который приводит к деградации самого человека в виде обесценивания его духовно-познавательной и духовно-созидательной сущности. В результате, попав в зависимость от своих психофизиологических влечений, природных инстинктов, многие представители человечества, стали подвержены заболеваниям, имеющим, как это установлено Всемирной организацией здравоохранения, духовно-психическую природу: психические, сердечно-сосудистые, онкологические заболевания; болезням как результата потери жизненных смыслов и замещения этих смыслов разрушающими здоровье человека зависимостями: наркоманией, алкоголизмом, компьютерной зависимостью и т.д.

Очевидно, что в этой ситуации необходимо дальнейшее переосмысление науки как феномена культуры в единстве развития технологий, научно-технических открытий и гуманистически ориентированного мировоззрения, реализуемого в соответствующих моральных нормах и нравственных императивах для современных научных исследований.

Заключение

В самом общем виде можно выделить желательные приоритеты для дальнейшего развития науки как явле-

ния культуры для преодоления этих критических тенденций:

- ◆ разворачивание комплексных, полипредметных и межпредметных исследований человека в единстве его биологических, социальных, культурных и духовных свойств с участием представителей самых различных естественно-научных, технических, социально-гуманитарных дисциплин, что позволит сформировать целостное представление о человеческой природе, реальном созидательном потенциале личности и возможных деструктивных влечениях и проявлениях, присущих человеку как феномену культуры в наиболее типичных социальных и экологически значимых ситуациях;
- ◆ исследование существующих экологических рисков и их возможных последствий с учетом выявленных особенностей человеческой природы и комплекса антропогенных воздействий на окружающую среду для формирования долгосрочных прогнозов в сохранении и эволюционном развитии человечества;
- ◆ изучения возможностей формирования общечеловеческой этики совместного существования различных этносов, народов, цивилизаций, позволяющей реализовать известный принцип «единства через разнообразие» культур на основе изучения культурных традиций, природно-климатических условий, экономического потенциала, менталитета и других особенностей различных регионов, стран, общностей и т.д.

Решение всех этих задач потребует дальнейшего сближения представителей наук о природе, обществе и человеке и усиления их творческого гуманистически ориентированного взаимодействия в качестве альтернативы ведущейся войны «всех против всех» в отношениях между государствами и в отдельных обществах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев У. Ж. Третье тысячелетие — тысячелетие метазнания (тематический анализ круглого стола) // Рождение культурологии в России / Сборник научных трудов. — Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011. — С. 381–384.
2. Астафьева О. Н., Разлогов К. Э. Культурология: предмет и структура // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь. — М.: Академический проект, 2012. — С. 606–615.
3. Дугин А. Эволюция парадигмальных оснований науки. — М.: Арктогея-Центр, 2002. — 418 с.
4. Культурология: История мировой культуры: Учебник для вузов / Под ред. проф. А. Н. Марковой. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. — 600 с.
5. Культурология: учебник для бакалавров / Под ред. Ю. Н. Солониной, М. С. Кагана. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2012. — 566 с.
6. Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 310 с.
7. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Герменевтика новой науки (к наброску культурно-исторического переоткрытия реальности в проективной возможности) // Рождение культурологии в России / Сборник научных трудов. — Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011. — С. 11–28.
8. Орлова Э. А. Эволюционизм // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь. — М.: Академический проект, 2012. — С. 191–209.
9. Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. — М.: ООО «Издательство АСТ» ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 638 с.

10. Прохоров М. М. Культурология и истина // Рождение культурологии в России / Сборник научных трудов. — Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011. — С. 319–331.
11. Резник Ю. М. Культурология: проекты общей науки о культуре // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь. — М.: Академический проект, 2012. — С. 615–627.
12. Рождение культурологии в России / Сборник научных трудов. — Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011. — 592 с.
13. Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь. — М.: Академический проект, 2012. — 1000 с.
14. Теория культуры: Учебное пособие / Под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. — СПб.: Питер, 2010. — 592 с.
15. Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. — М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2004. — 960 с.
16. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей. — М.: Согласие, 2010. — 672 с.
17. Шапинская Е. Н. Структурализм // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь. — М.: Академический проект, 2012. — С. 168–176.
18. Шелкоплас Е. В. Индуктивные возможности теории оптимума развития в познании индивидуальных и коллективных смыслов развития бытия начала третьего тысячелетия // Рождение культурологии в России / Сборник научных трудов. — Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011. — С. 545–579.
19. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. — М.: Шк. Культ. Полит., 1995. — 800 с.
20. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. — М.: Школа культурной политики, 1997. — 656 с.

© Каменец Александр Владленович (kamenez.a@rambler.ru), Казакова Ирина Сергеевна (Kazakovais2014@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный социальный университет

ЖАНРЫ РОМАНТИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ В ФОРТЕПИАННОМ ИСКУССТВЕ ГРУЗИИ XX ВЕКА

GENRES OF ROMANTIC MUSIC IN GEORGIA'S PIANO ART AT THE 20TH CENTURY

T. Kezevadze

Summary. The article is devoted to the analysis of genres of romantic music of Nocturne, poem, fantasy in the piano work of Georgian composers. For the first time the author points to a specific source of musical folklore used in these genres.

Analyzes excellent images of the genre of the Georgian Nocturne A. Balanchivadze, M. Davitashvili, V. Tsagareishvili, N. Gudiashvili, A. Shaverzashvili. More details explores «Nocturne» by V. Tsagareishvili, with its interesting, typical of the Georgian harmony, which incorporates the features of the folk music of Georgia.

Among Georgian piano poems, the author chooses O. Taktakishvili's «Poem» for analysis. Determines that the basis of its themes is the sound of Georgian songs «Urmuli» («Arabnia»). The impact of this song is defined in the «Poem» N. Gudiashvili.

In A. Shaverzashvili's Fantasies «and T. Bakradze's rhythms and intonations of folk music — in A. Shaverzashvili's Fantasy «of peasant song, and in T. Bakradze's» Fantasy « — urban, act in a new style quality. Widely used principles of concert virtuoso letters romantic composers in conjunction with toccacelo — defining feature of the composing letters of the twentieth century.

Keywords: genres of romantic music, Nocturne, poem, piano heritage of Georgia, romantic music, stylistic features, folklore material.

Кезевадзе Тамара Григорьевна

*К.п.н., доцент, Московский Педагогический
государственный университет
tomadeda@icloud.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу жанров романтической музыки ноктюрна, поэмы, фантазии в фортепианном творчестве грузинских композиторов. Впервые автор указывает на конкретный источник музыкального фольклора, используемого в этих жанрах.

Анализируются превосходные образы жанра грузинского ноктюрна А. Баланчивадзе, М. Давиташвили, В. Цагарейшвили, Н. Гудиашвили, А. Шаверзашвили. Более детально исследуется «Ноктюрн» В. Цагарейшвили с его интересной, типично грузинской гармонией, вобравшей особенности музыкального фольклора Грузии.

Среди грузинских фортепианных поэм, автор выбирает для анализа «Поэму» О. Тактакишвили. Определяется, что в основе ее тематизма лежит звучание грузинской песни «Урмули» («Аробная»). Влияние этой песни определяется и в «Поэме» Н. Гудиашвили.

В «Фантазиях» А. Шаверзашвили и Т. Бакрадзе ритмы и интонации народной музыки — в «Фантазии» А. Шаверзашвили крестьянской песни, а в «Фантазии» Т. Бакрадзе — городской, выступают в новом стилевом качестве. Широко используются принципы концертно — виртуозного письма композиторов — романтиков в сочетании с токкатностью — определяющей чертой композиторского письма XX века.

Ключевые слова: жанры романтической музыки, ноктюрн, поэма, фортепианное наследие Грузии, романтическая музыка, стилистические особенности, фольклорный материал.

Жанры романтической музыки — ноктюрны, поэмы, баллады, фантазии, составляют неотъемлемую часть педагогического образования и остаются в наше время любимыми жанрами музыкантов — исполнителей. Золотой фонд мировой фортепианной литературы, как известно, составляют ноктюрны Фильда, Шопена, Скрябина, поэмы Скрябина, фантазии Шумана, Скрябина, Листа.

Ступенькой к их освоению и пополнению фонда могут стать сочинения этих жанров грузинских композиторов.

В наше время мы наблюдаем некоторое ослабление интереса композиторов к созданию произведений жанров романтической музыки. Особенно это касается жан-

ра ноктюрна. Тем важнее обращение к наследию прошлого, его изучению.

Из истории фортепианного искусства Грузии остановимся на периоде, когда создавались жанры романтической музыки.

Искусство эмоционально приподнятое, овеянное духом романтики, преобладало во всей советской музыке (к числу которой относится и грузинская музыка) в конце 1940 — х и на протяжении 1950 — х годов. В грузинской музыке это искусство нашло своих ярких приверженцев в лице А. Баланчивадзе, А. Мачавариани, Н. Гудиашвили, О. Тактакишвили, А. Шаверзашвили и некоторых других композиторов.

Грузинские композиторы особенно пристально изучали музыкальное наследие композиторов — романтиков XIX и начала XX века. Усиливался интерес к творчеству Шопена, Листа. Близкой по духу оказалась полноводная «весенняя» музыка Рахманинова, патетичность скрябинской музыки.

Подходя непосредственно к анализу жанров ноктюрна, поэмы и фантазии (Анализ жанра баллады освещен нами в статье «Грузинская фортепианная баллада, истории жанра». [6, с. 21–29]) отметим, что их развитие началось с «перенесения» этих жанров западно — европейской и русской классики на грузинскую национальную почву. Пути органичного слияния традиций романтического искусства и древнейшего грузинского фольклора наметились в «Ноктюрне» А. Баланчивадзе (1939 г, вторая редакция). Композитор использует диатонический фригийский лад с переменной II ступенью, свойственный грузинскому фольклору. Исходя из особенностей грузинской многоголосной песни гомофонного склада, где все голоса подчиняются мелодичному началу, образуя в комплексе аккорд, композитор выдвигает на первый план мелодически — напевное начало.

В развитии тематического материала большую роль играет интервал секунды. Секундовое движение басовых квинт образуют грузинские полукадансы I — VII, I — II ступени, где VII и II, как в народной песне, выполняют функцию доминанты. В партии правой руки «при разрешении квартквинтаккорда (трихорда в квинте) в консонирующее трезвучие той же ступени (как в народной песне), композитор интересно колорирует II ступень, что придает звучанию окраску то эолийского, то фригийского ладов. Таким образом, секундовые «романтические вздохи» приобретают национальный характер. «Органичное синтезирование особенностей грузинского музыкального фольклора с романтическими принципами, наметившиеся в «Ноктюрне» стало одним из магистральных путей, по которому развивалась в дальнейшем грузинская фортепианная музыка.» (подробный анализ «Ноктюрна» смотри в источнике [6 стр. 3–6]).

1946–1953 годы можно назвать периодом последнего цветения жанра ноктюрна в грузинской музыке. В эти годы был создан ряд ноктюрнов — композиторами М. Давиташвили, Т. Шаверзашвили, В. Цагарейшвили, Н. Гудиашвили (два ноктюрна), А. Шаверзашвили. В последующие годы ноктюрны почти не создавались.

Сравнивая «Ноктюрн» А. Баланчивадзе и ноктюрны 40 — х годов, мы видим эволюцию, произошедшую в развитии этого жанра. По-прежнему это выразители песенно — лирического начала, но образы и настроения ноктюрнов иные. В них проявляется тенденция к углубленной психологизации образов. Музыка ноктюрнов воплощает

скорее уже не грезы и мечтания человека, а его сомнения и тревоги (в «Ноктюрне» М. Давиташвили), затаенную грусть, подчас выливающуюся в патетические излияния (проявления этих настроений мы находим почти во всех ноктюрнах), и скорбь, приобретающую в кульминационных моментах драматический характер («Ноктюрн» Т. Шаверзашвили). К светлым образам тяготеет музыка ноктюрнов В. Цагарейшвили и Н. Гудиашвили (из сборника «4 пьесы»). Некоторые ноктюрны по своим образам и настроениям перекликаются балладами и предвосхищают появление жанра баллады в грузинской музыке. В этом отношении оказываются близкими друг другу по духу, некоторым приемам изложения «Ноктюрн» (с-moll) Н. Гудиашвили и баллада А. Мачавариани «Базалетское озеро».

Последний из созданных ноктюрнов написан в начале 1950 — х годов (1953) А. Шаверзашвили. По приемам изложения, по форме он уже выходит за рамки камерного стиля. Подобно А. Баланчивадзе, композиторы все чаще кладут в основу мелодии ноктюрнов интонации народных песен, используют ладовые, гармонические особенности грузинской народной музыки. «Но национальная сущность пьес ярче всего все же проявляется в мелодике, а остальные элементы чаще вуалируют свою национальную природу, сочетая общеευропейские черты с грузинскими.» [7, с. 65]

Можно отметить разнообразие подхода к особенностям национального музыкального фольклора. Так, одна из национальных особенностей грузинской народной песни — развитие мелодии вне зависимости от метрического начала встречается в ноктюрнах В. Цагарейшвили, А. Шаверзашвили. На ладах, свойственных грузинской народной песне, основаны ноктюрны М. Давиташвили, Н. Гудиашвили, В. Цагарейшвили. В «Ноктюрне» В. Цагарейшвили обращает внимание применение параллельного движения аккордов, что так характерно для черт одного из фольклорных музыкальных диалектов Грузии — сванского комплексного многоголосья. Следует указать на одно из интересных использований параллельного движения в данной пьесе. Здесь последовательность параллельных аккордов I, II, III ступеней в новой тональности (С миксолидийский) составляет часть одного из красивейших кадансов грузинской народной музыки — сложного модулирующего квартетного каданса. Полезно ознакомиться со звучанием этого каданса на примере одной из народных песен [3, с. 116] и сравнить его с авторским вариантом.

Примечательно применение в третьем аккорде пониженной терции первого аккорда. Возникает ряд трезвучий — мажорное, минорное и мажорное на пониженной терции. Далее следует новое параллельное движение аккордов, в котором заключительное трезвучие (f — a — c) является VII ступенью для следующего затем

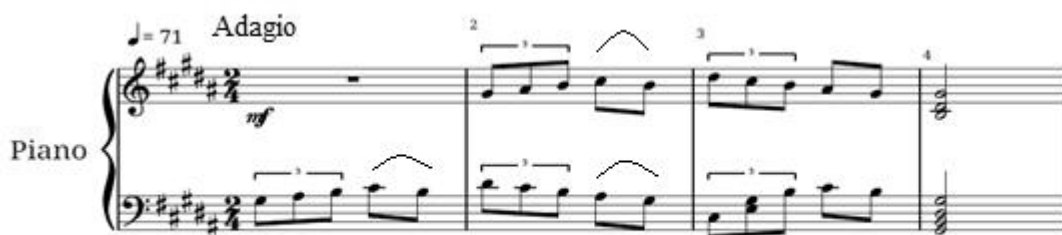

Рис. 1

эолийского лада (g). Образуется еще один характерный для грузинской народной музыки каданс VII — I.

Ноктюрны, созданные в 1950 — х годах и в настоящее время достаточно широко используются в педагогической и исполнительской практике музыкантов Грузии.

В жанрах поэмы и фантазии в 1950 — е годы нашла свое воплощение тематика, связанная с образом Родины, ее прошлого и настоящего.

В работе над фортепианными сочинениями тех лет среди наиболее важных подходов выделяется то, что в образе исторического прошлого Грузии, исполненного борьбы и страданий, в образах, раскрывающих лучшие черты народного характера, эта тема приходит и в фортепианную литературу. По — прежнему в ней развиваются лирические тенденции, но заметно углубляется лирико — драматическая и лирико — эпическая сферы. Для многих композиторов характерен интерес к воплощению чувств не отдельной личности, а целого народа, к национально — героическим преданиям, его историческому прошлому.

Это такие произведения как «Поэма» О. Тактакишвили. «Поэма» Т. Бакрадзе (посвящена защитникам Тбилиси, по произведению Н. Орбелиани), «Поэма» В. Цагерейшвили, «Поэма» А. Шаверзашвили (посвящена памяти павших героев в Отечественной войне). «Фантазия» А. Шаверзашвили.

Среди фортепианных поэм того времени выделяется часто звучащая на эстраде «Поэма» (1949) О. Тактакишвили.

Все крупные произведения О. Тактакишвили, созданные в 50 — е годы — симфония, фортепианный концерт, симфоническая поэма — выявляют стремление композитора к драматизации лирики. Эта характерная направленность творчества композитора отразилась и в «Поэме».

Тематизм поэмы основан на звучании одного из вариантов грузинской народной песни «Урмули» («Аробная») в обработке Д. Аракишвили. [2, с. 292]

О. Тактакишвили интересно развил народную тему. Полезно сравнить обе темы — народный вариант и тему «Поэмы».

Народный вариант: рис.1.

При этом исполнитель заметит, что изменился ритмический рисунок, и мелодия приобрела более спокойное, широко — напевное звучание. Мерное движение сопровождения углубило ее эпические черты. Народная тема получила развитие, включающее имитацию, что придало теме большую протяженность, широту «дыхания».

В «Урмули» отражены социальные несправедливость, бесправное положение крестьянина в дореволюционном прошлом. Д. Аракиншвили характеризовал «Урмули» следующими словами: «Тут нет слов, рисующих трагизм исторического положения, сама музыка заставляет вас переживать страдания веками страдавшего народа, все его надежды, упования.» [2]

Глубина и содержательность темы дают композитору возможность развернуть на ее основе целое музыкальное повествование лирико — драматического характера. Композитор использует вариационно — полифонический принцип развития тематического материала, имитации. Напомним, что имитация не характерна для полифонии грузинских песен. О. Тактакишвили опирался на опыты Д. Аракишвили, З. Палиашвили по имитационному развитию грузинского народного — песенного материала. [1, с. 69] Имитация для О. Тактакишвили (как и для Д. Аракишвили) средство расширения «дыхания» мелодии, ее непрерывной текучести, средство интонационного обновления, нарастания лирической напряженности (в разработанной части имитация приближается к стреттной).

Развитие мелодии в этой 3 — х частной поэме происходит за счет повторения основного тематического материала в разных тональностях (I — h — moll, II — b — moll, III — возвращение к h — moll) Вторая часть в начале повторяет первую часть, но затем мелодия приобретает

интенсивное развитие, меняется тональность Es — dur, убыстряется темп, на органном пункте Fis — предъикте к динамической репризе, темп достигает Allegro, появляется обозначение Appassionato и на ff достигается максимальное напряжение музыкального действия. В ходе развития тематического материала, важную роль играют высотность мелодии, проведение ее в разных регистрах и усложнение фактуры. Все динамически насыщенные эпизоды представлены аккордовой и октавной техникой.

Исполнители — музыканты по — разному трактуют «Поэму» О. Тактакишвили. Некоторые интерпретируют ее как эпическую поэму, другие как лирическую. Нам представляется интересной и оправданной трактовка поэмы как лирико — драматического произведения О. Тактакишвили.

Под влиянием «Урмули» — одной из самых поэтических грузинских песен — рождены эмоциональный настрой и особенности строения мелодии «Поэмы» Н. Гудиашвили. Композитор создал свой собственный оригинальный фортепианный вариант с красивейшей мелодией, подвергающейся многочисленным модуляционным изменениям.

Поэтичностью и лиризмом привлекает исполнителей и «Поэма» Квернадзе, также изобилующая модуляционными изменениями мелодии и гармонии.

Из жанра фантазии выделим «Фантазию» А. Шаверзашвили и Т. Бакрадзе. В «Фантазии» А. Шаверзашвили использование концертно — виртуозного письма романтиков служит для воплощения национально — эпической народной тематики. Материалом для создания образа служат песенные, песенно — танцевальные или чисто танцевальные мелодии, насыщенные интонациями, ритмами народной музыки.

В интонационном «зерне» эпической темы, которой открывается «Фантазия», содержится зародыш ее потенциальной энергии (секстовый ход). Он является символом действенного начала народного духа. Для развития главенствующих тем композитор избирает вариационный метод. Песенно — повествовательная тема в процессе развития приобретает характер марша, на материале которого (своеобразная вариация на вариацию) стоит величаво — торжественная, апофеозно звучащая заключительная часть.

При работе над произведением исполнитель встретится с тем, что в развитии тем фантазии широко использован принцип постепенного насыщения фактуры. Темы обрастают новыми голосами, увеличивается диапазон сопровождающих голосов, вводятся октавы, аккорды, виртуозные фигурационные пассажи. Среди последних нередки ритмические и гармонические фигурации. Все чаще встречаются стремительные гаммообразные пассажи большой протяженности. Важную роль в усилении динамичности и виртуозности музыкального звучания играет техника *martellato* и токатность.

Таким образом, происходит обновление образности за счет интенсивной денамизации формы и насыщения мелодики интонациями и ритмами современности.

Не осталось в стороне от новых стилевых исканий «Фантазия» на старые тбилисские темы Т. Бакрадзе. Написана она в 1958 году, в год, когда праздновалось 1500 — ление со дня основания Тбилиси. Старые напевы как бы даются композитором через восприятие их современным человеком, жизнь которого наполнена стремительным темпом движения, острыми ритмами. В токатном изложении, в обостренной неразрешимыми вспомогательными звуками гармонии, в секундовых «гроздьях» известные лирические мотивы народных песен принимают иную окраску. В новом стилевом качестве звучат столь популярные в прежние времена «Сулико», «Мухамбази» (иначе «Лотэбо» т.е. «Кто пьет вино»). Это песни, принадлежащие к так называемому «городскому» фольклору, не потерявшие своей притягательности и в настоящее время.

Произведения, относящиеся к жанрам романтической музыки, созданные композиторами Грузии более полувека назад, не потеряли своей художественной значимости и в наше время. Они по — прежнему привлекают внимание музыкантов — исполнителей романтически приподнятым эмоциональным тоном, красотой мелодии и гармонии. В этих произведениях удачно сочетаются национально — грузинские черты с общеевропейскими, что не только придает им индивидуальность и особый колорит, но и облегчает их музыкальное восприятие. Определяя национальные черты грузинских ноктюрнов, поэм, фантазий мы стремились подвести исполнителей к их объективному толкованию. Сочинения грузинских авторов могут быть с успехом использованы в исполнительском и педагогическом репертуаре музыкантов различных национальных музыкальных школ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракелов Х. А. Обработки народных песен Д. Аракшвили — сб. Вопросы теории музыки. Вып. 1 — М.: Музыка — 1968. 352 стр. С. 36–75.
2. Аракишвили Д. И. (Аракчиев). Музыкально — этнографический очерк грузинской музыки: Труды МЭЖ, т. 1 — М.: тип. К. Л. Меньшова, 1906. 422 стр.

3. Асланишвили Ш. С. Гармония в народных хоровых песнях Картли и Катехи. — М.:—Музыка, 1978. 191 стр.
4. Грузинские народные городские песни. Составитель, автор предисловия, вступительной статьи и примечания А. Мшвелидзе — Тбилиси.: Груз. Отд. Музфонда Союза СССР, 1970. 273 стр.
5. Кезевадзе Т. Г. Грузинская фортепианная баллада: к истории жанра. Сборник научных трудов. Вып. 9. Вопросы совершенствования профессиональной подготовки педагога — музыканта. М.: 2003—139 стр. С 21—29.
6. Кезевадзе Т. Г. «Особенности исполнения грузинской фортепианной музыки. Учебно — методическое пособие. М.: 1998—1 п.л.
7. Кезевадзе Т. Г. Педагогические аспекты изучения грузинской фортепианной музыки: Диссертация кандидата педагогических наук. — Москва, 1996—229 стр.

© Кезевадзе Тамара Григорьевна (tomadeda@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский Педагогический государственный университет

РУССКОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО XXI ВЕКА

RUSSIAN FINE ARTS
OF THE 21-ST CENTURY

Mu Ke

Summary. The aim of the work was the need to expand the existing knowledge about the specifics of contemporary Russian art, designing his view on the painting of artists M. Golubev, K. Lupanov, V. Shulzhenko, S. Plutenko, M. Safronova, N. Blokhin, D. Annenkov, O. Dow, A. Chernigin, S. Marshennikov, J. Popkov. From the point of view of the theory of art, the author of the article makes a fragmentary emphasis on the relationship between the concepts «contemporary art» and «Russian art».

Keywords. Modern art, artists, creativity, modern Russia, Russian painting, socialist realism, art-modern, «World of Art», exhibitions, galleries, painting.

Му Кэ

Аспирант, Московский государственный
академический художественный институт имени
В. И. Сурикова
Ke.mu@yahoo.com

Аннотация. Целью работы стала необходимость расширить существующие знания о специфике современного российского изобразительного искусства, проектируя свой взгляд на живопись художников М. Голубева, К. Лупанова, В. Шульженко, С. Плутенко, М. Сафроновой, Н. Блохина, Д. Анненкова, О. Доу, А. Чернигина, С. Маршенникова, Ю. Попкова. С точки зрения теории искусства автор статьи фрагментарно делает акценты на взаимосвязи между понятиями «современное искусство» и «русское искусство».

Ключевые слова. Современное искусство, художники, творчество, современная Россия, русская живопись, социалистический реализм, арт-модерн, «Мир искусства», выставки, галереи, картина.

В то время как строгий социалистический реализм был известным направлением в искусстве во второй половине XX века, многие художники, в конце концов, апробировали инновационную технику в последние годы советского искусства. Несмотря на это нововведение, ограничения на то, что художники могли рисовать, никогда не прекращались до конца 1991 года.

Стратегическая культура России в XXI веке глубоко укоренена в географические и духовные параметры ее истории. Прочные элементы стратегической культуры России привели к колебаниям между чувствами превосходства и неполноценности по отношению к Западу. Это же касается и развития изобразительного искусства, роли российских художников третьего тысячелетия в создании оригинального творчества, занявшего в перспективе достойное место в мировой духовной культуре.

Множество художественных галерей на территории современной России представляют творческое наследие отечественных мастеров и создают собственную концепцию русского изобразительного искусства XXI века. Это все в комплексе, естественно, привносит в жизнь общества новое измерение, новое понимание культуры и искусства. Современная живопись, как и ранее, прежде всего, передает глубину и силу русского духа, красоту огромной территории государства, его природу, традиции, которые не имеют границ.

Основной темой нашего искусства, как и в предыдущие эпохи, является рассказ о русской жизни. Мир

великого русского народа, изображаемый современными живописцами, интригует своей оригинальностью и, в то же время, простотой.

Одним из самых известных современных художников (из Алтая) является Илья Цуриков. Он характеризуется как мастер абстрактных работ, а абстрактные картины, как известно, очень трудны для понимания, но одновременно абстрактная акварель бывает и простой в восприятии, обладает потрясающими эстетическими эффектами для зрителей. В творчестве И. Цурикова просматривается способность автора преодолевать различные барьеры и недоразумения. Его работы напоминают солнце, золото, золотое сияние икон, они наполнены радостью, которая должна существовать в этом мире[12]. Именно поэтому картины художника потрясающе выглядят и имеют очень хорошие отзывы в мировых художественных галереях. Неповторимой и редкостной является его абстрактная манера, а именно речь идет о современной художественной технике — акриловом рисунке, в котором сочетаются красивые цвета и сложность мысли художника.

Еще один современный талантливый художник, дизайнер, с 1998 года — член Союза Художников России — Алексей Чернигин. Он родился в 1975 году в Нижнем Новгороде в семье известного русского художника Александра Чернигина, который стал наставником молодого таланта. Алексей занимается живописью, графикой, дизайном интерьера, фотографией, а также является постоянным участником личных, региональных, национальных и международных выставок.

Картины Алексея Чернигина прозрачны и легки, они наполнены внутренним светом. По словам Алексея, в изобразительном искусстве должна существовать определенная магия, которая делает картину живой и непостижимой. В большинстве своих картин Алексей Чернигин использует масло на холсте, чтобы захватить красоту, романтику и моменты истинного чувства [14]. Алексей Чернигин унаследовал свой талант и страсть к искусству от отца — известного русского художника Александра Чернигина. Каждый год они проводят совместную выставку в своем родном Нижнем Новгороде.

Большое значение в развитии изобразительного искусства имеет творчество Константина Лупанова. Это молодой и невероятно талантливый художник из Краснодара, который свои картины в шутку называет «веселым и безответственным мусором» [4]. Константин Лупанов рисует то, что сам любит и чему отдает предпочтение. Основными сюжетными образами его картин являются друзья, знакомые, родственники, любимый кот Филипп. Чем проще тема для художника, тем и лучше картина получается.

Современным художником является и Станислав Плутенко, который родился в Москве 1 марта 1961 года. Учился он в Московском университете народного хозяйства, брал уроки живописи у частных мастеров. Затем, в 1984 году, была создана его первая работа [6]. Творческий метод художника заключается в применении смешанной техники, при которой используются масло, темпера, акрил и акварель. Жизненный и творческий лозунг С. Плутенко: «Смотрите необыкновенное и сделайте его еще более необычным» [11].

С. Плутенко работает в жанровой живописи под названием «сюрреализм» и был оценен среди лучших 1000 сюрреалистов всех времен [1]. В его творчестве прослеживаются три основные альтернативные темы: восток, романтизм и гротеск. Много работ С. Плутенко можно найти в галереях Великобритании, Германии, Канады, Монако, США, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции и т.д. Этот факт свидетельствует о популярности самого российского художника, а также о престиже отечественного изобразительного искусства в мире.

Все более известным становится творчество русского (Санкт-Петербургского) художника живописца Н.Д. Блохина, который, есть такие предположения, спустя столетия, станет одним из великих художников, как в России, так и за рубежом. Николай Блохин известен, прежде всего, как художник-портретист, хотя он также рисует пейзажи, натюрморты и жанровые картины. Но именно в портретном жанре его талант проявляется наиболее ярко [8].

Привлекают внимание работы Дмитрия Анненкова. Глядя на гиперреалистичные натюрморты этого русского художника, возникает желание протянуть руку и коснуться, или взять прямо с холста то, что изобразил этот художник. Родился он в Москве, окончил Академию художеств. Являясь членом Московского союза художников, он неоднократно выставлял и продавал свои работы в России, Европе, Скандинавии и США.

Его картины основаны на изучении фотореализма и импрессионизма. Свет насыщает его картины, и он основывает свои композиции на знакомых предметах и заветных воспоминаниях, чтобы создать отчетливый пантеон ссылок на радость жизни. Д. Анненков увлекается отношением окраски и моделирования. Поиск подходящих объектов может быть проблемой, и он ищет спокойную красоту в простой обстановке. Предметы, изображенные на картинах, буквально настоящие и выглядят как живые. Дмитрий Анненков работает в разных жанрах — он замечательно талантлив во всех из них [9].

Нельзя безразлично относиться и к творчеству художника Василия Шульженко. Его любят или жестко критикуют, хвалят за понимание русской души или обвиняют в ненависти к ней. Россия, которую изображают его работы, действительно выглядит сурово [5]. Она в его картинах бесцензурная и гротескная, не сравнимая ни с какой другой страной, в сочетании с алкоголем, развратом и застоём [17].

Чрезвычайно талантливый художник нашего времени — Аруш Воцмуш. Родился в 1967 году в Омске (Западная Сибирь), в 1987 году окончил Крымское художественное училище. Он является членом Союза художников России, Международного художественного фонда, Международной ассоциации художников (ЮНЕСКО). Все работы выполнены в акварели на бумаге ручной работы. У него много картин, и все они потрясающие, вызывают ощущение, словно вы в чьем-то прекрасном сне. Под псевдонимом Аруш Воцмуш скрывается личность талантливого художника Александра Шумцова.

Своими работами также радуют публику Александр Виноградов и Владимир Дубосарский, хотя этих художников называют великими, грубыми нарушителями современной русской живописи. Этот творческий дуэт сформировался в середине 1990-х годов и уже завоевал всемирную известность. Не зря писатель Виктор Пелевин использовал произведения Дубосарского и Виноградова в качестве иллюстрации к одному из своих романов [13].

В Санкт-Петербурге живет и работает молодой русский художник Михаил Голубев. Его творчество состоит из «картин мыслей», «картин фантазий и философских

отражений» [3]. Он чрезвычайно интересный художник с уникальным мировосприятием и изображением увиденного, а также острой реакцией на происходящее в современном российском обществе и искусстве [2].

Не менее интересны картины русского реалиста-художника Сержа Маршенникова. На многих из его самых известных работ изображена жена и муза художника Наталия. Пара была вместе много лет и воспитывает 10-летнюю дочь. Современные зрители восхищаются чувственными и нежными работами этого художника [15].

Молодая художница Мария Сафронова родилась во Ржеве в 1979 году (Тверская область России). Мария окончила одну из более известных художественных школ — Московский государственный академический художественный институт имени Сурикова, получив глубокие знания о классическом и современном искусстве.

Классическое художественное обучение М. Сафроновой, наряду с ее возрастающим интересом к росписи, позволило ей не только усовершенствовать свой стиль, но одновременно сделать его отличительным от других [7]. Несмотря на то, что работы, которые выполняет М. Сафронова, довольно образны, предмет изображения сам по себе отличается разнообразием — порой вторит сюрреализму, в то время как у других художников доминирует футуризм. Тем не менее, одна конкретная тема, которую М. Сафронова утверждает на протяжении всего ее творчества, касается вопросов развития астрономии и освоения космоса.

Известный сегодня художник Илья Кабаков родился в 1933 году в Днепропетровске еще в Советском Союзе. Учился в Академии художеств им. В. А. Сурикова в Москве и начал свою карьеру в качестве иллюстратора детских книг в 1950-х годах. Он был частью группы концептуальных художников в Москве, которые работали вне официальной советской художественной системы. В 1985 году он провел свою первую выставку в Париже, и через два года переехал на Запад, в Австрию. В 1988 году И. Кабаков начал работать со своей будущей женой Эмилией. С этого момента вся их работа была совместной, в разных пропорциях в зависимости от конкретного проекта.

Сегодня И. Кабаков признан самым важным русским художником, появившимся в конце XX века. Его инсталляции говорят, как об условиях в постсталинской России, так и о человеческом состоянии в частности.

Владимир Курдюков — известный российский художник, чьи невероятные работы, реалистичные и абстрактные, выражали большую психологическую глубину и родной русский дух. Учился на кафедре рисования в Институте высоких искусств (бывший Строгановский)

в Москве. С 1986 года Владимир Курдюков является членом Союза художников СССР. Его работы хранятся в разных музеях и коллекциях.

Юрий Николаевич Попков родился в 1954 году в Мытищах Московской области. Окончил Московскую художественную академию, является членом Союза художников России с 1983 года, а также обладателем Серебряной медали творческого союза художников.

«... Живи с любовью и следуй по дороге, выбранной для тебя сверху» — такое заявление лежит в основе его работы [16].

Олег Доу — современный русский художник и фотограф. Родился в Москве в 1983 году. В 2006 году окончил Российский национальный институт науки и техники «МИСиС» (кафедра программирования в экономике). После окончания университета он увлекся искусством, занял третье место в рейтинге лучших фотографов в возрасте до тридцати. Он не считает себя фотографом, потому что он не просто фотографирует, он делает произведения искусства. Олег Доу уверен, что он художник и просит его так называть [10].

Русской художницей, представительницей московского концептуализма является Ирина Исаевна Нахова (1955), дочь ученого-классика Исаии Михайловича Нахова (1920–2006). И. М. Нахов закончил Московский полиграфический институт, он автор первой общей установки — перекрасил черную собственную пустую квартиру. С 1994 года — профессор современного искусства Детройтского университета.

В 2015 году на 56-й Венецианской биеннале И. И. Нахова представляла своими работами Россию.

Дмитрий Врубель — русский художник, который родился в 1960 году в Москве в семье инженеров. Первой «большой» работой Дмитрия Врубеля была картина «Суд Пилата», написанная еще в 1975 году, когда автору исполнилось только 15 лет. Учился на графическом факультете Московского педагогического института. С 1993 года он член Союза художников Берлина.

В. Я. Жданов родился в Омске в 1959 году. В настоящее время живет в Пушкине (Санкт-Петербург). До 1999 года он жил и работал в Сибири (Омск, Красноярск, Тобольск, Тара). В течение нескольких лет трудился в сибирской тайге. Рисуя пейзажи с натуры, он разработал технологию масляной живописи и акварели при низких температурах — до –40 градусов по Цельсию.

В 1995 году им были расписаны иконы для иконостаса Спасо-Преображенского собора. Тема творчества

В. Жданова — сибирский пейзаж, образы древних русских городов и царских резиденций, натюрморт, портрет женщины и ребенка, обнаженная модель.

С 1999 года В.Я. Жданов переехал в Санкт-Петербург. В его творчестве появились новые темы: парки царских резиденций Санкт-Петербурга, старый русский город, крепости и монастыри — новая серия натюрмортов. По работам Владимира Жданова было снято два фильма, один из которых был представлен на Всероссийском фестивале телевизионных фильмов в Петербурге в 1998 году.

Таким образом, растущий интерес исследователей и общественности к динамичным тенденциям и проблемам современного искусства в России неразрывно связан с разработкой различных проектов, поддержкой современного искусства не только в столице, но и в регионах Российской Федерации. Достаточно сказать, что один из наиболее консервативных художественных институтов России, которым является Государственный Эрмитаж, не только полностью предоставил новую площадь здания Адмиралтейства

современному искусству и был организатором одного крупнейших европейских фестивалей манифеста. В перспективе запланировано открытие профильного филиала в Москве.

Одной из самых ярких и амбициозных является деятельность Национального центра для современного искусства (НССА), который является музеем. Эта выставочно-исследовательская организация имеет семь филиалов в регионах России. 25 марта 2013 г. Сибирское отделение ГЦСИ было открыто в Томске. В течение двух лет его существования, СБ ГЦСИ организовал и осуществил множество значимых выставок и образовательных проектов с участием российских современных художников и международных экспертов.

С практической точки зрения, сегодня еще существует проблема разработки стратегии реализации выставочных проектов современных художников в региональный контекст, который может претендовать на голос в мире современного искусства. В этой статье мы попытались фрагментарно охарактеризовать перспективы развития современного изобразительного искусства России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айдинян С. «Золотая кисть — 2005» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://aidinian.org.ru/vystavki-i-vernizazhi/zolotaya-kist-2005> (дата обращения — 25 мая 2017 года)
2. Голубев М. И сейчас существует цензура, только коммерческая [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kvnews.ru/gazeta/2016/avgust/32/mihail-golubev-i-seychas-sushchestvuet-tsenzura-tolko-kommercheskaya> (дата обращения — 21 мая 2017 года)
3. Ироничная философия Михаила Голубева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://blog.i.ua/community/1952/1143336/> (дата обращения — 27 мая 2017 года)
4. Живопись для него — это приключение. Художник Константин Лупанов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/3162595/post315580181> (дата обращения — 20 мая 2017 года)
5. Картины Василия Шувальженко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://samlib.ru/w/wanjukow_a/07shulzhenko.shtml (дата обращения — 26 мая 2017 года)
6. Корчина О. Романтический сюр Станислава Плутенко. Литературная Россия (11 декабря 2009) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.litrossia.ru/archive/item/3971-oldarchive> (дата обращения — 16 мая 2017 года)
7. Мария Сафронова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://shop.erarta.com/ru/shop/artists/detail/527371ae-f356-11e1-be748920284aa333/> (дата обращения — 28 мая 2017 года)
8. а.Николай Блохин. Живопись [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.practicum.org/index.php?option=com_content&view=article&id=94 (дата обращения — 26 мая 2017 года)
9. «Одушевленные» картины-натюрморты Дмитрия Анненкова // Арт-живопись [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kulturologia.ru/blogs/070711/14857/> (дата обращения — 26 мая 2017 года)
10. Олег Доу: «Фотография навязывает несвойственные человеку образы и роли» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://artguide.com/posts/192-olieg-dou-fotografii-naviazuyet-niesvoistviennyye-chielovieku-obrazy-i-rol-i-217> (дата обращения — 25 мая 2017 года)
11. Плутенко Станислав Владимирович. Увидеть необычное и сделать необычнее [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://plutenko.ru/about.php> (дата обращения — 24 мая 2017 года)
12. Современная живопись, картины, художники 21 века Современные художники 21 века [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://art-21.ru/pictures-of-modern-artists.html> (дата обращения — 20 мая 2017 года)
13. Современные российские художники, к которым стоит присмотреться [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://edwardjournal.livejournal.com/1493551.html> (дата обращения — 26 мая 2017 года)
14. Уникальный художник Александр Чернигин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vdohnovenie2.ru/xudozhnik-aleksej-chernigin/> (дата обращения — 20 мая 2017 года)

15. Художник Сергей Маршенников. Поэзия женского тела [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/farta/post225595122/> (дата обращения — 27 мая 2017 года)
16. Юрий Попков. Художник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.artrussia.ru/yuri_popkov (дата обращения — 25 мая 2017 года)
17. 45 сенсационных фото. Жестокая социальная ирония о жизни в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://photolium.net/caricature/62-45-sensacionnyh-foto-zhestokaya-socialnaya-ironiya-o-zhizni-v-rossii.html> (дата обращения — 26 мая 2017 года)

© Му Кэ (Ke.mu@yahoo.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова

ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ УРОКИ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ВИЗИТА ПЕТРА I В ВЕНЕЦИЮ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ РУССКИХ И ИТАЛЬЯНЦЕВ

HISTORICAL AND CULTURAL LESSONS OF THE NOT TAKEN PLACE VISIT OF PETER I TO VENICE FOR CONTEMPORARY RUSSIAN — ITALIAN COMMUNICATION

L. Nagornova

Summary. From the cultural perspective the research of the historic events, that could have taken place, is of great interest for those who would like to establish the contemporary cross-cultural international communications and for the development of the scientific analysis. We vividly see the imprints of the Italian civilization's on the formation and development of the Russian national culture, technology and architecture. Such retrospective analysis might spark an interest among the readers through studying the personality of Peter The Great, who, in our common opinion, opened the way to Europe for Russia.

The article illustrates the paths the Russians and the Italians took in the history of politics, of new technologies and art and gives an attentive reader the key to the knowledge of how to build his/her communication bridges in the contemporary international and cross-cultural interaction.

The process of cultural, scientific and technical exchanges is the communication that allows its parties to educate students and found scientific and art schools. Their new cultural environment is always enriched, and the process of further communication goes through a new modified environment. Current communication process between the Russians and the Italians should lead to mutual benefits.

Keywords: cultural studies, intercultural communications, historical retrospective, Russia, Italy, Peter I, politics, book publishing, handicraft.

Нагорнова Лада Евгеньевна

К.псх.н., доцент, Московский государственный институт международных отношений (Университет)

МИД России

l.nagornova@inno.mgimo.ru

Аннотация. В культурологическом плане исследование исторической ретроспективы событий, которые были возможны, но не состоялись, представляет несомненный интерес для построения современных межкультурных международных коммуникаций и развития методологии культурно-исторического научного анализа. Мы находим следы влияния итальянской цивилизации в становлении и развитии русской национальной культуры, техники, архитектуры. Особенно интересен такой ретроспективный анализ через фигуру Петра Великого, который по нашему общему признанию распахнул для России окно в Европу.

Статья задаёт ориентиры поиска и раскрытия взаимного интереса россиян и итальянцев в историческом пространстве политики, новых технологий, искусства и даёт вдумчивому читателю ключ, как построить свои коммуникативные мосты в современном межнациональном и межкультурном общении.

Процесс культурного, научного и технического обмена представляется коммуникацией, позволяющей её участникам воспитать учеников и даже создать научные и художественные школы. И всегда происходило обогащение культурной среды их нового пребывания, а процесс дальнейшей коммуникации происходил уже через преобразованную предметную среду. К этому должны приводить к взаимной пользе и современные коммуникативные процессы между итальянцами и россиянами.

Ключевые слова: культурология, международные межкультурные коммуникации, историческая ретроспектива, Италия, Россия, Пётр I, политика, книгоиздание, ремёсла.

Историческая ретроспектива возможностей, метод

Известно, что история не имеет сослагательно-го наклонения, и вопрос «что было бы, если...» многими историками рассматривается как бессмысленный. Хотя известны и попытки построить альтернативную историю на основе таких допущений, например, так Тойнби пытался сконструировать развитие эллинистического мира исходя из предположения, что Александр Великий не умер в Вавилоне в 323 году до Н.Э. [1]

Мы не будем делать несбыточных предположений и строить фантастические миры. Постараемся посмотреть на этот вопрос под несколько иным углом зрения. Одним из побудительных стимулов к изучению истории является попытка понять настоящее, понять, какие события в прошлом привели к нынешнему состоянию, какая историческая линия привела к успеху, а какая к провалу. С этой точки зрения «не случившееся событие» может представлять интерес как «отрицательный научный результат», из которого тоже можно постараться извлечь урок, и, возможно, увидеть нереализованный в прошлом потенциал, который всё ещё ждёт своего часа.

Историческим уроком могут служить не только сами события, но, особенно для чего-то не состоявшегося, и определенные поведенческие стереотипы действующих лиц, повлиявших на это событие или не-событие, на которые накладывает сильный отпечаток национальный характер. (К этому относится, например, не проведение необходимых реформ, попытка «пересидеть» проблему, авось все уляжется само собой,— поведение так свойственное правящей элите нашей страны. такое затягивание с необходимыми преобразованиями уже не раз взрывало страну изнутри, но этот урок, похоже, так и не был усвоен.)

Ситуацию с «не случившимся событием» методически можно рассмотреть с точки зрения того, что в экономике называют упущенной выгодой. Принятие или не принятие того или иного решение, участие или не участие в тех или иных событиях, все это влечет за собой либо развитие общества и его производительных сил (аналог «экономической выгоды»), либо торможение, застой, или даже регресс («убытки», в экономической терминологии).

Безусловно, такой подход применим и к состоявшимся событиям. Сейчас, например, модно рассматривать ордынское завоевание как установление некоего феодального партнерства, где младшим партнером выступала Русь, а старшим — Орда. Однако историческим фактом является, в частности, исчезновение на Руси многих ремесел и умений, в частности, резьба по камню и производство стекла, зачатки которого появились в домонгольской Руси. (Производство стекла вновь появилось на Руси только при Михаиле Федоровиче, в середине XVII века, с помощью шведского мастера.)

Очевидно, что вне зависимости от политических построений, производительным и творческим силам был нанесен большой урон, и восстановление потребовало более четырехсот лет для некоторых ремесел.

Есть исторические события, которые не состоялись, анализ которых кажется достаточно очевидным. Так оценивая отказ Тимура от похода на Русь, а сейчас мы знаем, что он оставлял после себя в завоеванных странах, несет ясный ответ об исторической выгоде. Но в истории много событий, когда случайность вносила свою лепту, и не всегда ясно, что было потеряно, а что приобретено.

Петр I и Венеция — несостоявшиеся возможности

Известный факт, что во время «Великого посольства», путешествуя по Европе, Пётр I собирался из Вены отправиться в Венецию. Однако, стрелецкий бунт 1698 года в Москве заставил Петра отказаться от этой поездки.[2]

Итак, Пётр посетил Голландию, Англию, Францию, Австрию, но в Венецию так и не попал. Попробуем ответить на вопрос, что из этого «не было», возможно могло бы быть, и что из этого «не было» в итоге стало. Каков для нас урок этой несостоявшейся поездки.

Для начала, стоит прояснить место Венеции на политической карте мира того времени. Для нас Венеция — это прекрасный итальянский город, славный своими каналами, красотой и карнавалом, культурная жемчужина на Адриатике. Но в конце XVII века это достаточно влиятельная и мощная, хотя уже и миновавшая пору своего расцвета, морская держава, владеющая «материковыми» и островными территориями как в Италии, так и вне ее, активный участник политических процессов в Европе, особенно в Средиземноморье, и особенно в отношениях Европы с Османской империей, Портой, как ее называли у нас.

Последнее особенно важно для России и Петра: первые петровские походы, взятие Азова, привели Россию к прямому противостоянию с Портой. России крайне были нужны союзники, и поиск таких союзников был одной из главных задач «Великого посольства». И здесь Венеция представляла для Петра политический интерес.

Венеция обладала мощным торговым и военным флотом, достигла больших успехов в строительстве галер, поставив их постройку практически на конвейер. Пётр тоже строит флот. И флот Петра, в основном, гребной, какие бы красивые картины с парусами и фрегатами мы себе не представляли. Например, в знаменитом для русского флота Гангутском морском сражении (1714 г.) русский флот состоял из 99 галер и скампавей, а в победе при Гренгаме (1720 г.) в русский отряд входили 60 галер и лодок.

Следует сказать, что скампавея, малая галера, была заимствована у итальянцев и представляла собой уменьшенную на 30–40% венецианскую галеру. И, по данным Морского энциклопедического словаря[4], всего в 1-й четверти XVIII в. было построено около 300 скампавей. И после Петра гребной галерный флот составлял значительную часть Балтийского флота, его последние крупные сражения состоялись при Екатерине II во время очередной русско-шведской войны 1788–1790 гг.

Опыт постройки судов, и все, что связано с венецианским флотом — это очевидный манок для Петра. И в Голландии, и в Англии Пётр посещал верфи, а в Голландии, как известно, даже работал на верфи плотником. Более того, в 1697 году Пётр послал дворянских недорослей учиться за границу, в три страны — Англию, Голландию и Венецию. В Венецию было послано 19 человек, коим было вручено сопроводительное письмо для венециан-

ского дожа. Из известных фамилий, в Венеции обучался, например, князь Б.И. Куракин. Обучение не прошло даром: с некоторыми «венецианцами» Пётр после работы на Адмиралтейской верфи в Петербурге[5]. В Россию для работы на верфях эмиссарами Петра привлекались, в частности, выходцы из Далмации и Хорватии славянского происхождения, а эти территории входили тогда в состав Венецианской державы.

Венеция была привлекательной целью поездки и с просветительской точки зрения. Книгу такой, какой мы ее знаем сегодня, создал итальянец Альд Мануций, и произошло это в Венеции. И до середины XVIII в., до начала деятельности Бодони, ведущую роль в книгоиздании в Италии играла именно Венеция. Там печатали книги и на кириллице, работала сербская типография. Название «газета» родом тоже из Венеции.

Хотя еще в 1697 году, познакомившись в Амстердаме с типографом Яном Тессингом, Пётр I выдал ему разрешительную грамоту на открытие в этом городе русской типографии для печатания книг по различным отраслям знания. Там же Петром был заказан и новый гражданский шрифт, который вошёл в употребление с 1708 года. 16 декабря 1702 началось издание первой русской печатной газеты. Но все это не отменяет значение Венеции, как центра книгопечатания, где можно было почерпнуть опыт и найти мастеров для работы в России.

Пётр был не равнодушен к ремёслам. А Венеции было (и до сих пор есть!) чем похвастать. Венецианское стекло уже ко времени Петра стало и знаком, и маркой. Из голландской жизни Петра известно, как трудно было его остановить, когда он проявлял интерес к чему-нибудь. Легко представить, куда его могло завести это любопытство в Венеции, и воображение легко рисует картины Петра со стеклодувной трубкой во рту! Но этот сценарий не сложился. Хотя именно при Петре стекольных мануфактур стало больше в разы.

В допетровское время производство стекла началось при Михаиле Фёдоровиче. В 1634–39 годах в селе Духанине под Москвой шведский мастер Юлий Койет построил первый стекольный завод, который выпускал оконное стекло и аптекарскую посуду. В 1668 году по указу царя Алексея Михайловича построен стекольный завод в Измайлове. Еще один стекольный завод находился в селе Воскресенском Черноголовской волости. Таким образом, до Петра в России существовало три стекольных завода, которые при своих скромных размерах не могли обеспечить стеклом всю страну. (Еще один завод пытался построить швед Иван(Иоганн) фон Сведен в Ивановской волости Каширского уезда. И что примечательно в связи с темой нашей статьи, в 1666 году он вывез из-за моря среди прочих специалистов «хрустальных и вини-

цейских скляничных мастеров». Но в 1668 году владелец умер, не завершив строительства «виницейского скляничного завода».)[7]

В петровское время, по данным Е.И. Заозерской [8], появилось три казенных и шесть частных стекольных мануфактур. Прирост троекратный, что подчеркивает потребность в такого рода производстве. Хотя существует мнение, что «русское стекло было весьма плохого достоинства» [9], и по своим художественным характеристикам оно не могло конкурировать с европейским, однако на русских зеркальных заводах в петровскую эпоху могли изготавливать литые зеркальные стекла размеров 9X5 1/2 футов (2,75X1,68 м), то есть значительно большие, чем французские того же времени.

Пётр высоко ценил искусство и разные диковинки. Его эмиссары по всей Европе искали и закупали для него предметы искусства, проявляя иногда чудеса изобретательности, чего стоит, например, история с Венерой Таврической, вывезенной из Италии. Находились его эмиссары и в Венеции. И культурное взаимодействие с Венецией имело место. Например, в 1718 году С. Рагузинский отправил для А. Меншикова из Венеции мраморные скульптуры, которые и сейчас можно видеть в Меншиковском дворце, а в 1724 году в Венецию послали группу учеников для обучения скульптурному искусству у скульптора В. Баратта, чей бюст Вакха, в свою очередь, украшает Летний сад.[6] Хотя самому знаменитому венецианскому художнику XVIII века, Джованни Баттиста Тьеполо, в 1698 году было только два года, Венеция не была лишена талантов, имела давнюю культурную традицию, школы по всем направлениям искусств.

Ретроспективный анализ: Петр I и Венеция в историческом контексте

Мы постарались вычлениить те области, которые могли представлять интерес для Петра при его визите в Венецию. Перечислим их еще раз:

1. Сфера большой политики — Пётр искал союзников для войны с Портой.
2. Строительство флота — галеры, постройкой которых Венеция славилась, составляли основу русского флота.
3. Книгоиздание и типографское дело.
4. Ремесла, особенно высокохудожественное литье стекла.
5. Искусство. Как в сфере обучения, так и как рынок предметов искусства.

Вопрос политический был фактически уже решен еще до приезда Петра в Вену: Австрия и Венеция заключили с Портой мир, союзников для войны на юге у Петра

не было, своих сил было недостаточно, и Пётр обратил свои взгляды на Север. Могла ли личная встреча с дожем что-то изменить? Ведь даже теперь, политики стараются установить личные отношения и на личных встречах решаются многие «неразрешимые» вопросы. Скорей всего, для тех задач, которые ставил для себя Пётр, нет. Несмотря на заинтересованное доброжелательное любопытство по отношению к Петру во всех столицах, где он побывал, слишком хорошо в Европе знали свои интересы, чтобы жертвовать ими ради «северного варвара».

Однако, впереди у Петра еще был неудачный Прутский поход, а противостояние России и Османской империи составляет чуть ли не основное содержание восемнадцатого века. 1698 год, это та точка во времени, когда Россия еще не великая держава, а Венецианская республика уже почти не великая. Имея общие интересы «старая» могла опереться на «молодую», а «молодая» могла получить поддержку «старой», и, возможно, этой временной точке не хватило пересечения в пространстве, чтобы сложился русско-венецианский союз, к выгоде для обеих стран. Это уже сослагательное наклонение, но интересный пласт для культурологической коммуникации русских и итальянцев.

Строительство флота. Как мы постарались показать, венецианское влияние здесь было значительным. И типы судов, и многие умения имели венецианские корни. Визит Петра в Венецию мог добавить к «русским венецианцам» «итальянских венецианцев», могла измениться организация постройки судов, по венецианскому типу. Но путь в будущее лежал мимо Венеции. Пётр умело использовал преимущество галерного флота для войны в шхерах, но «расправить паруса» можно было только в открытом море, для чего был нужен парусный флот. А более передовыми технологиями строительства таких кораблей обладали Голландия и Англия. Похоже, здесь мы уже взяли, что могли, и ожидать большего от визита в Венецию не стоило.

Типографское дело. И здесь Венеция сдала свои позиции. Теперь уже Голландия центр европейского книгопечатания. И именно из Голландии, как мы видели, идет в Россию типографская продукция и типографские технологии. Для того просветительского проекта, который задумывал Пётр, он уже нашел нужное место для заимствования. Тех мастеров и те образцы мастерства, которые могла предложить Венеция, скорее надо рассматривать в качестве представителей искусства.

В производстве стекла и технических инновациях в конце XVII начале XVIII веков мировое лидерство перешло к Чехии, а после к Англии. Может показаться, что и здесь Венеция остается в стороне, однако, как нам кажется, именно производство стекла есть тот пункт, где

имеет смысл говорить об упущенных возможностях. Не будучи уже мировым лидером в производстве, Венеция нисколько не растеряла свой потенциал. Цветное стекло, филигранное стекло, изощренные техники (достаточно вспомнить millefiore!), все это могло послужить мощной закваской для русских мастеров. То, что русская почва была бы благодатной для венецианских умений и мастеров можно видеть из дальнейшей истории русского стекла.[7] А так, для производства цветного стекла и мозаик России пришлось ждать Ломоносова. А это полвека ожидания. А сегодня венецианское стекло и русские цветные витражи — точка пересечения культурных коммуникаций между нашими соотечественниками и итальянцами.

Для русского искусства и коллекционирования и Италия, и, в частности, Венеция, были во все последующее время тем источником, откуда произрастали и русские художники, и русские коллекции. Как видим, и в петровское время этот процесс обмена, обучения и приобретения не прекращался. И в следующие несколько веков русские академические пенсионеры проходили стажировку в Италии, а многие русские собиратели просто обосновались в Италии. Импульс всему этому был положен в петровское время. Говоря же о возможном визите Петра в Венецию, трудно спрогнозировать, что произвело бы на его восприимчивый ум наиболее сильное впечатление. Находясь в Голландии, верный своей страсти, он собирал голландские марины, «малых голландцев», возможно, в Венеции он бы обратил внимание на жанровые сцены венецианской жизни на каналах. Или на архитектуру венецианских палаццо, или положил глаз на какого-нибудь венецианского архитектора. В историческом итоге русские художественные пенсионеры были организованы в Риме. Но вполне возможно, могут возродиться в наше время в Венеции. Эта тема открыта для культурных коммуникаций.

Не было ни одного места, где побывал Пётр, чтобы он не нашел там людей, годных и желающих работать в новой России, нести туда свой опыт и свой труд. Сколько сил было приложено, например, во Франции, чтобы заманить в Россию будущего строителя Петергофского дворца Леблон! И что здесь могло бы быть, когда в дело вступает такая неординарная и непредсказуемая личность как Пётр, тут все могло бы быть возможно! И эта непредсказуемость и составляет привлекательность и очарование истории.

Ретроспективный анализ и его культурологическое значение.

Если рассмотреть процесс культурного, научно-го и технического обмена как коммуникацию, то для стран догоняющего развития, к каким относилась,

и, пока, относится сегодняшняя Россия, то такая коммуникация осуществлялась с помощью «коммуникаторов» — непосредственных носителей знаний, умений и навыков, путём их приглашению для работы непосредственно в стране их пригласившей. Иногда таким людям удавалось воспитать учеников и даже создать школы, но в любом случае происходило обогащение культурной среды их нового пребывания, и процесс дальнейшей коммуникации происходил уже в «вещной форме», через преобразованную предметную среду. Подобное в мировой истории имела место во Франции, когда Мария Медичи привезла с собой на свою свадьбу с Генрихом II итальянских поваров, что дало толчок развитию собственно французской кулинарии. Заимствование оказалось столь полным, что, например, белый соус теперь считают французским и знают его по имени французского же маркиза Louis de Béchamel — бешамель!

Интересной стороной такого культурного обмена является то, что «люди знаний» посещая чужую страну не только выступают как сторона процесса коммуникации — передачи знаний, но и сами представляют собой в некотором виде послание, сообщение, и, таким образом, выступают не только субъектами коммуникации, но и её предметным содержанием! В современном ком-

муникативном процессе ретроспектива истории, в том числе в её возможной, но не состоявшейся событийной части, является перспективной темой, позволяющей построить эффективные коммуникативные модели общения, вызвать интерес к взаимному коммуникативному процессу.

Пётр строил свой русский «Амстердам», а построил «Северную Венецию», и главным архитектором города был Доменико Трезини, итальянец родом из Швейцарии, однако учившийся архитектуре как раз в Венеции. Так что встреча Петра с Венецией состоялась, только произошла она на берегах Невы!

И пусть физически нога Петра так и не ступила на площадь Святого Марка, послание с берега Адриатики дошло до берега Балтийского моря, и было получено. Историческая и культурная коммуникация состоялась, и состоялась благодаря людям, которые это «послание» донесли, и сами, в сущности, были этим посланием, культурными посланиями Италии, Венеции в России. Сегодня эта историческая культурологическая ретроспектива является хорошей основой для возникновения и развития русско-итальянских коммуникативных процессов. Предложенный метод позволяет сделать такую коммуникацию технологичной и эффективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд Тойнби «Если бы Александр не умер тогда...» (пер. С. Смирнова). «Знание-сила». — М.: 1979, № 12. — С. 39–42
2. С. М. Соловьев Публичные чтения о Петре Великом. — М.: Наука, 1984
3. В. О. Ключевский «Жизнь Петра Великого до начала Северной войны». В кн.: В. О. Ключевский, Исторические портреты. — М.: Правда, 1980
4. «Морской энциклопедический словарь» в двух томах, том 2. Под редакцией академика Н. Н. Исанина
5. Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. — М.: Советская энциклопедия. 1973–1982. Том 4. ГААГА — ДВИН. 1963.
6. О. Н. Кузнецова, Б. Ф. Борзин Летний сад и летний дворец Петра I. — Л.: Лениздат, 1988
7. Е. П. Смирнова «Русское стекло. Начальная пора.» — <http://www.mgomz.ru/nauchnaya-zhizn/meropriyatiya/russkoe-steklo-nachalnaya-pora>
8. Е. И. Заозерская, Мануфактура при Петре I, М. — Л., 1947
9. Е. Жирнов «Великое остекление народов» Журнал «Коммерсантъ Деньги» № 50 от 18.12.2006, стр. 102
10. Ю. М. Овсянников Великие зодчие Санкт-Петербурга. Трезини. Растрелли. Росси. — СПб.: Искусство-СПб, 2001
11. История искусства зарубежных стран 17–18 вв.: Под ред. В. И. Раздольской. — М., Изобразительное искусство, 1988

© Нагорнова Лада Евгеньевна (l.nagornova@inno.mgimo.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ВОКАЛЬНАЯ ШКОЛА (ИСТОКИ)

RUSSIAN NATIONAL VOCAL SCHOOL (ORIGINS)

A. Pokrovskiy

Summary. this article examines the history of the Russian national academic vocal art. Its penetration on the territory of Russia, development and transformation in terms of the national cultural traditions and modern state of the vocal art.

Keywords: vocal art, Russian vocal school, Opera, vocal pedagogy, vocal performance, singing traditions.

Покровский Андрей Викторович

*Независимый исследователь, Санкт-Петербург
avpokrovskiy@yandex.ru*

Аннотация. в статье исследуется история русского национального академического вокального искусства. Его проникновение на территорию России, развитие и трансформация в условиях отечественной культурной традиции, а так же современное состояние вокального искусства.

Ключевые слова: вокальное искусство, история вокального искусство, русская вокальная школа, русская опера, вокальная педагогика, вокальное исполнительство, певческие традиции.

Ни одно из видов искусств, созданных человечеством на протяжении тысячелетий, не подвержено силе субъективной оценки так, как искусство пения. Зачастую, присутствуя на вокальном концерте, можно услышать диаметрально противоположные впечатления, произведенные на слушателей одним и тем же певцом. И все оценки могут быть одновременно справедливы. В наши дни, говоря о специфике пения, не принято разделять вокальное искусство по национальным признакам, говоря, что это итальянская, немецкая или французская манера пения. Скорее, общепризнанными считаются унифицированные требования к звучанию, тембру, дыханию и формированию звука, которые свидетельствуют не о национальной, а просто о хорошей или плохой вокальной школе. Несмотря на это, для верной оценки певческого искусства сегодня по-прежнему важно учитывать исторические особенности и тенденции развития, сформировавшие когда-то столь разные направления этого вида искусства. В данной статье будут рассмотрены особенности различных национальных вокальных школ, а также вехи формирования и основные черты русской национальной вокальной школы.

Актуальность данной тематики обусловлена особенно остро стоящими проблемами нравственного и духовного воспитания молодого поколения, на которое сегодня оказывают пагубное влияние примитивное миропонимание и вкусовой униформизм в условиях колоссального роста научно-технического прогресса XXI века, компьютерных технологий и агрессивного звукового фона современного общества. Благодаря бурному развитию поп-музыки, различных реалити-шоу и других подобных направлений на дальний план современности отодвигается классическая вокальная школа, которая благодаря преемственности поколений прошла столь долгий путь развития, накопив богатые традиции, являющие собой бесценные богатства отечественной куль-

туры. Поэтому сегодня как никогда важно сохранить и передать будущим поколениям ценнейшее культурное достояние России — классическое вокальное искусство.

Историко-методические вопросы отечественного классического вокала в своих трудах рассматривали Асафьев Б.В., Астрова Л.И., Багадуров В.А., Дмитриев Л.Б., Доброхотов Б.В., Друскин М.С., Кандинский А.И., Келдыш Ю.В., Левашова О.Е., Левидов И.И., Ливанова Т.Н., Локшин Д.Л., Львов М.Л., Назаренко И.К., Никольский А.В., Никольская-Береговская К.Ф., Орлова Е.М., Романовский Н.В., Серов А.Н., Смоленский С.В., Успенский Н.Д. и многие другие, подчеркивая, что на данном этапе развития науки о голосе у нас все еще недостаточно материала для исчерпывающего понимания вокальной теории, и, что по-прежнему необходим дополнительный глубокий анализ исторических аспектов развития теории голосообразования, в связи с чем, данная тема остается открытой до сегодняшнего дня.

Целью настоящей статьи является исследование истории вокального искусства. Предлагаемый материал будет особенно полезен всем занимающимся пением. Не вызывает сомнения факт, что вокалисты должны хорошо знать закономерности развития вокального искусства, его историю и методики развития певческого голоса, поскольку основным средством формирования будущего певца или педагога-вокалиста является освоение вокально-педагогических технологий, являющихся синтезом воплощения художественно-исполнительских задач и технических навыков, что достигается сознательной музыкальной деятельностью обучающихся вокальному искусству.

Термин «вокальная школа» обычно рассматривается в двух смыслах: в широком и узком. Если в широком смысле понятия «вокальная школа» преобладает территориальный аспект понимания — все культурно — исто-

рические процессы, которые происходили на определенной территории, то в употреблении данного термина в узком смысле обычно рассматривается этнически — ментальный аспект, то есть, система вокально-исполнительских принципов и педагогических методов, формирующаяся в музыкальной культуре народов различных стран. В национальной школе пения отражаются особенности психологического склада данного народа, его музыки, поэзии, языка, исполнительских традиций.

Вокальное обучение зародилось в древнейшие времена. На всех континентах и во всех странах пение было широчайше распространено задолго до начала нашей эры. Сохранившиеся документальные источники Греции донесли до нас имена древнейших прославленных певцов: Терпандр (VII в. до н.э.), Алкей (VI в. до н.э.), Сапфо (V в. до н.э.), Теон (II в. н.э.) и др. Вопросы и проблемы вокальной техники затрагивались в трудах Гиппократ (IV в. до н.э.) и Платона (III в. до н.э.). Одним из первых историко-методических сочинений о пении считается изданный в Испании трактат арабского музыканта Абуаль-Хасана по прозвищу Зираб-дрозд (789–857 гг.н.э.).

Зарождение профессиональных традиций классического пения происходит в средневековой Италии. Благодаря удачному географическому положению, климату и культурному наследию Римской Империи, Италия явилась родиной новой исторической эпохи — Возрождения. В этот блистательный период развития европейской культуры предрассудки средневековья заменяются новой философией, определяющей принципиально иное место человека в мире. В результате этого обновления появились уникальные шедевры живописи, скульптуры, литературы, и создается совершенно новый музыкальный жанр — опера. Появление этого жанра и повлекло за собой развитие вокального образования. В период с XVI–XIX в. сложилось несколько итальянских вокальных школ по названию городов-государств: флорентийская (Я. Пери, Д. Каччини), венецианская (К. Монтеверди), неаполитанская (А. Скарлатти), болонская (Ф. Пистокки). Принципы и педагогические традиции певческого искусства, выработанные в этих школах, позднее были названы великой *школой бельканто* и легли в основу вокального образования во всем мире. Итальянская вокальная школа сформировала тенденцию соединения пения с пластическими искусствами и дала основу общепризнанной до сих пор вокальной терминологии.

В XVI веке в Неаполе функционировали четыре консерватории. Изначально это были приюты для бедных, в которых детей, кроме всего прочего, обучали музыке и пению. Воспитанники этих учебных заведений участвовали в различных церковных церемониях и пели в церковном хоре. Постепенно музыкальные предметы стали доминировать над остальными, и консерватории

из приютов превратились в профессиональные учебные заведения для музыкантов. Бурное развитие оперного жанра в XVII веке определило потребность в более высоком уровне профессиональной подготовки вокалистов. Преподавать в консерваториях начинают выдающиеся музыканты своего времени: О. Дуранте, А. Скарлатти и др. Вокальное образование того времени было основательным и продолжительным. Обучение пению продолжалось десять-двенадцать лет. Работа с будущими певцами проводилась по специальной системе, которая включала в себя тренировки в сложных для вокализации условиях: на воде, в многолюдных местах, в помещениях с сильным эхом и т.д. Результатом этой системы обучения было большое количество вокалистов-виртуозов, которые разнесли по всему миру славу итальянской вокальной школы.

Теоретические труды величайшего вокального педагога итальянской школы пения XVIII века Н. Порпора (1686–1768), к сожалению, до наших дней не дошли. Но осталось множество упражнений, применяемых им для работы с учениками: Г. Каффарелли, К. Фаринелли, А. Уберти, а также для певиц «феноменальной техники» Т. Минготти, К. Габриели, гастролировавших в Петербурге. Кроме того, сохранился знаменитый «листок Порпору», состоящий из шестнадцати вокальных упражнений увеличивающейся сложности. Этот листок сыграл большую роль в истории пения, на протяжении нескольких столетий им пользовались многие поколения преподавателей пения всех стран.

Еще один великий вокальный педагог, чьи идеи легли в основу развития национальных школ пения всего мира, — М. Гарсиа (1775–1832). Он сформулировал важнейшие вокально-методические положения итальянской школы, большинство из которых развивались его воспитанниками и применяются до сегодняшнего дня.

Выдающиеся русские вокальные педагоги итальянского происхождения — Г. Ниссен-Соломан (1819–1879), К. Эверарди (1825–1899), У. Мазетти (1869–1919) приехали в Россию по приглашению отечественных композиторов. В стенах Санкт-Петербургской и Московской консерваторий они в течении многих лет передавали свой опыт певцам и первым педагогам русской школы. Проанализировав по воспоминаниям учеников их взгляды и педагогическую деятельность, можно наблюдать, как именно традиции итальянской школы бельканто проникали и укоренялись на русской земле. К сожалению, в основном они оставались верны эмпирическому методу (пой, как я), передавая мастерство своим ученикам через практическую деятельность, фактически не оставив после себя методических трудов и рекомендаций.

Таким образом, русская национальная вокальная школа на протяжении многих лет развивалась в резуль-

тате работы по прививанию и переработке опыта итальянской школы бельканто. Над этой задачей трудились как итальянские маэстро, так и отечественные музыканты, сформировав азы новой школы, а затем, развивая ее в русле отечественной традиции, сделав таким образом самостоятельной, яркой и покорившей весь мир своей самобытностью.

История

Говоря о преемственности традиций русской классической школы пения, мы обращаемся к истории, становлению и осмыслению мировых тенденций, которые зародились в древности, сформировались в XVI веке и бурно развивались в недрах итальянской вокальной школы в эпоху бельканто.

Китай

Музыка и пение всегда играли важную роль в традиционной культуре Древнего Востока. Сохранившиеся источники повествуют нам о возникновении самого древнего искусства профессионального пения в Китае. Истоки китайской музыки восходят к племенным песням и пляскам, имевшим ритуальный характер. Большие песенно-плясовые обрядовые формы ритуального искусства Китая сопровождалась игрой на ударных инструментах.

К VI веку до н.э. относятся приписываемый Конфуцию древнейший сборник песен и гимнов — *«Шичзин»*. Считается, что эта книга песен положила начало истории китайской музыки. Пение и музыка, в соответствии с представлениями Конфуция, воплощали великий Космос и выполняли важную функцию, способствуя своей строго организованной структурой правильному государственному устройству. Во II в. до н.э. из всех областей Китая были собраны около восьмисот певцов и танцоров, образовавших при дворе императора специальную музыкальную палату — *«Юэфу»*, члены которой занимались сбором и обработкой китайских народных песен. В X веке появляется крупнейший в Китае музыкально-теоретический трактат *«Записки о музыке»*. В XIII–XIV веках получает значительное развитие теория музыки. В это же время на первый план выходит театр, в котором музыка и пение занимают главенствующее место.

Профессиональная китайская музыка и пение с самого начала развития тесно связанные с философией, социальными особенностями китайского общества, выработались в строгую оригинальную систему музыкального и вокального мышления, которая, хотя и претерпевала серьёзные исторические изменения, сохранилась до новейшего времени как целостное эстетическое явление.

Индия

Индийское литературное наследие содержит множество свидетельств о древнем обществе, в котором певцы и музыканты всегда пользовались большим уважением. Каждое племя имело собственных исполнителей, сопровождавших песнопениями и гимнами все древние религиозные и магические обряды. Один из самых древних индийских сборников ритуальных песнопений — *«Ригведа»*, датируется вторым тыс. до н.э. Музыкальная культура Индии с древнейших времен оформилась в стройную, высокоразвитую, глубокосвоеобразную и оригинальную систему, о чем свидетельствует и *«Натьяшастра»* (III в.н.э), дошедший до наших дней трактат о театре, музыке и танце. В индийском классическом и народном театре органично существовали музыканты-инструменталисты и певцы. Пик развития и расцвет индийской классической музыки приходится на IV–VII вв.н.э., когда достигает своего апогея санскритская драматургия.

В процессе длительного исторического развития музыкальная система Индии неоднократно претерпевала изменения и модификации, что, по счастью, не затронуло ее основные теоретические каноны. Пронесенные сквозь тысячелетия многими поколениями музыкантов они дошли до наших дней. Современный этап развития музыкального искусства Индии связан с деятельностью Р. Тагора (1861–1941), который в начале XX века восстановил утраченный в средние века синтез слова и его музыкального воплощения, а также одним из первых ратовал за идею объединения музыкальных культур Востока и Запада.

Греция

Греческое профессиональное вокальное искусство существовало уже в древнем мире, что подтверждают литературные памятники VIII–IV веков до н.э. (Гомер, Эсхил, Софокл). Древние *Аэды* сочиняли свои произведения под аккомпанемент струнного инструмента. До наших дней дошли имена некоторых древнегреческих музыкантов и певцов, в частности: Терпондра, Клеомена, Стехизо-ра, Ксенокрита. Аэдов сменили *Рапсоды* — древнегреческие декламаторы. Они не сочиняли, а воспроизводили уже записанные тексты популярных поэм, декламируя их речитативом без музыкального сопровождения.

Евразия

Вокальное искусство Евразии традиционно развивалось в рамках народного и культового исполнительства. Первыми музыкантами-исполнителями были народные певцы-сказители: *гусаны* — певцы и инструменталисты (Армения, V в.); *барды* — певцы и поэты (Англия, VII в.); *трубадуры* — инструменталисты и певцы (Франция,

IX в.); гусяры — музыканты и певцы (Россия, IX в.); *ско-морохи* — исполнители песен и танцев (Россия, XI в.); *миннезингеры* — поэты-музыканты (Германия, XII в.); *бандуристы, кобзари* — народные певцы (Украина, Польша, XIV в.); *лирники* — народные музыканты и певцы (Белоруссия, Молдова, Литва, Украина, XVII в.); *акыны* — поэты и импровизаторы (Азербайджан, Киргизия, Казахстан, XIX в.). Эти музыканты зачастую сами были и творцами песен. Их искусство, живя в устной традиции, передавалось новым и новым поколениям. С приходом христианства сначала одноголосное, а затем многоголосное пение становится частью церковной службы.

Средневековые певцы не имели необходимости в специальных вокальных методиках, поскольку для исполнения их простых песен под незатейливый аккомпанемент использовался только средний регистр голоса. Основной задачей их исполнительства было скорее правдивое выражение чувств, нежели вычурные акустические эффекты. Произведения, использующие высокий и сверхвысокий регистры голоса, появляются лишь в новейшие времена, когда для сознания более сильного впечатления музыкальное, поэтическое и идейное содержание сливаются воедино. Для воплощения этих новых тенденций овладения сложными специфическими вокальными средствами голоса и появляются различные национальные школы пения.

Известно, что в Риме в V веке н.э. во время папства Гиллария была создана первая в Европе школа пения. Педагоги этой школы развивали певцов по трем различным направлениям:

1. *Vociferarril* — увеличение силы и расширение диапазона голоса;
2. *Phonasci* — воспитание резонансных и тембровых ощущений;
3. *Vocales* — развитие эстетических качеств, интонации и художественных оттенков.

В Метце и Суассане (Франция) в VIII веке н.э. уже существовали специальные церковнопевческие школы. Учителей пения для них направил король франков Карлу Великому лично папа Андриан I. В это же время Сан-Гальский и Турский монастыри (Швейцария), а позднее в Дижане, Туле, Камбре, Шартре и Невере (Франция) так же открылись школы, воспитывающие певцов для службы.

Следует различать «школьное» и «народное» пение. Оба эти направления, столь различные по своим особенностям, позднее испытали значительное взаимовлияние. Яркое народное звучание привнесло новые краски в церковную жизнь монастырей, а стремительное развитие церковной музыки способствовало созданию более сложных вокально-инструментальных произведе-

ний и общему бурному развитию вокального искусства эпохи Возрождения.

Окончательно вокальная школа сформировалась в своем классическом виде лишь в XVI веке в результате возникновения нового музыкального жанра — оперы. В 1599 году в Палацо Корси во Флоренции (Италия) представлением оперы «Дафна» Якопо Пери (1561–1633) по либретто Оттавио Ринуччини (1562–1621) был заложен фундамент нового направления, который на многие столетия стал определяющим в музыкальной культуре всех европейских стран. Преподаванием в ту эпоху занимались сами композиторы. При помощи специальных техник дыхания и звукоподачи они старались вырастить из своих подопечных живые музыкальные инструменты, пригодные для воплощения новых идей. В XVII веке во всех странах Западной Европы постепенно формируются свои школы пения, каждая из которых имеет собственные оригинальные черты и специфическую манеру исполнения в соответствии с требованиями, выдвигаемыми перед певцами национальными композиторскими школами.

Национальные вокальные школы Европы

Национальная школа пения может появиться только там, где уже прошли большой путь развития композиторская школа и профессиональная исполнительская культура. Любая нация в своем историческом развитии обусловлена индивидуальными природными условиями, языком и народной культурой, на основе которых формируются особенности психического склада, характера и уклада жизни народа. Эти особенности выражаются во всех областях духовной жизни нации, придавая им яркую самобытность. По таким признакам мы обычно без труда можем определить национальную принадлежность произведений живописи, литературы или музыки. Вокальные школы и манеры пения так же заключают в себе отражение традиций, специфику языка, темперамента, характера, интонационных, ладовых и ритмических компонентов народной музыки, которые определяют художественно-исполнительские особенности нации. Классическая вокальная школа того или иного народа тесно связана с национальной оперой, являющейся определяющим жанром вокального искусства. Обобщая ее требования, вокальная педагогика формирует свои специфические приемы и установки, обслуживая задачи национальной исполнительской практики.

Итальянская школа

Формированию национальной итальянской вокальной школы предшествовал длительный путь развития от народного песенного творчества и музыкально-сце-

нических «майских игрищ», в которых участвовали народный хор и солисты, через домашнее музицирование, и, наконец, до рождения нового жанра — оперы, который вобрал в себя лучшие достижения народного, церковного и светского пения. В результате, именно итальянская школа сформировала для последующих поколений певцов всего мира классический эталон звучания голоса, определив тем самым свое многовековое влияние на формирование всех других национальных школ пения. Именно в Италии откристаллизовалось в своих основах качества оперное пение как жанр. В Италии произошел первоначальный отбор и типизация всех вокальных понятий. Из Италии вышли и удержались до сих пор во всем мире термины вокального искусства, определились и наметились основные элементы оперного пения. В течение четырех веков итальянская школа бельканто неизменно оставалась ведущей мировой вокальной школой. Школа бельканто сформулировала основные принципы и методы совершенствования певца:

1. *Il canto è riflesso* — пение рефлекторно, является инстинктивным, а не познавательным процессом.

2. *Si canta col meccanismo, non colla voce* — пение создается механизмом, а не голосом.

Работа по формированию певческого голоса ведется не за счет эксплуатации природных ресурсов, а путем выработки специальных механизмов.

3. *Il fiato nel canto è inversivo* — дыхание в пении обратимо.

Певческое дыхание отличается от обычного, превращаясь в звук голоса.

4. *Il suono può essere orizzontale e verticale* — звук может быть горизонтальным и вертикальным.

Четкая дифференциация горизонтальной и вертикальной проекции звуковой эмиссии, вырабатывается при помощи ряда технических приемов.

5. *Prima risonanza, poi pronuncia* — первичен резонанс, затем произношение.

Переход к работе над произношением возможен только после организации вокального резонанса.

Французская школа

Французское классическое искусство пения, как национальное явление, сформировалось в XVII веке. Родоначальником этой школы считается Жан Баттист Люлли

(1632–1687). Новая опера Ж. Люлли появилась в результате влияния творчества П. Корнеля и Ж. Расина. Она потребовала от исполнителей специфически-аффектированной декламации, что на долгие годы стало определяющей тенденцией развития оперного жанра. В связи с формированием французской национальной вокальной манеры примечателен известный факт раскола общности Франции на приверженцев итальянского и французского пения. Разделились пристрастия короля и королевы, придворных, Ж. Руссо и Ф. Вольтера. Это резкое противостояние общества осталось в истории под названием «война шутов».

В XVIII веке французское оперное искусство подвергается значительным изменениям. Прием аффектированной декламации, с успехом применяемый в операх Люлли, становится неоправданным при исполнении опер Жана Филиппа Рамо (1683–1764). Следующий этап развития вокальных принципов французской школы связан с Кристофом Глюком (1714–1787). Он предложил новые подходы к вокальному искусству, основанные на современном развитии французской мысли и энциклопедических принципах Д. Дидро, Ж. Руссо, Ж. Д'Аламбера. Главным девизом вокального стиля Франции становятся «правда, простота и естественность». Однако, даже новые тенденции французской вокальной школы XVIII века не смогли выдвинуть ее на первые позиции в сравнении с итальянской. Кантилена, красота тембра и беглость вокальной техники итальянских певцов неизмеримо больше привлекали слушателей, нежели декламационный характер французских опер. Вокальную школу Франции XVIII–XIX веков можно охарактеризовать как школу актерской игры и декламации. Не случайно и парижская консерватория, основанная в 1784 году под руководством композитора Ф. Госсека, получает название консерватории «музыки и декламации».

Первым печатным трудом, посвященным методологии французской консонантной техники пения, считается книга певца и педагога М. Басилли «Комментарии к искусству пения» (1668). Автор этого труда — сторонник эмпирического метода обучения, считает, что основная задача педагога — выработать у ученика ясную и четкую дикцию, а также решить проблему гибкости декламации и драматической наполненности звучания голоса при воспитании «эмоционального тембра». Другим теоретическим исследованием, отражающим взгляды французских педагогов, стал сборник статей Ж. Берара (1775). Автор уподобляет голос человека струнному инструменту: гортанные губы — струны, воздух — смычок, а мышцы груди — руки скрипача. Кроме всего прочего, Ж. Берар считал необходимым признанное ошибочным всеми современными школами использование природного свойства подвижности гортани при движении голоса вверх.

В XIX веке французское оперное исполнительское искусство переживает свой наивысший подъем в связи с формированием жанра большой французской оперы (Д. Мейербер, Д. Обер, Ф. Галеви). Контрастная драматургия нового жанра, использование кантиленного звучания развернутых арий, включение сложных технических пассажей и другие нововведения вновь требовали от вокалистов изменения технических приспособлений для соответствия современным требованиям сценической выразительности.

Вокальную педагогику Франции XIX века представляют методические разработки Жильбера Луи Дюпре (1806–1896) и Мануэля Гарсиа-младшего (1805–1855). Результатом развития французской вокальной методической мысли явилось определение следующих основных принципов: *аффектированная декламация* — в качестве основы исполнительского стиля; *формирование смешанного типа дыхания* — для расширения динамики голоса; *разработка фальцетного звучания* — как прием, позволяющий раздвинуть границы диапазона; *принцип контраста* — выступающий мощнейшим ресурсом выразительности, дающий возможность передавать голосом изменения чувств. Более подробно ознакомиться с основными постулатами французской школы пения этого периода отечественные вокалисты могут, прочитав изданную в 1846 году в Париже и переведенную в России книгу Ж. Дюпре «Искусство пения».

Немецкая школа

Немецкая школа пения приобрела свою классическую форму только к середине XIX века. Ее расцвет связан с творчеством Рихарда Вагнера (1813–1883). Однако, начало формирования определяющих черт немецко-австрийской школы относится к творчеству И. С. Баха (1685–1750) и Г. Ф. Генделя (1685–1759), которые еще в XVII веке определяли певческий голос как самый выразительный из возможных музыкальных инструментов. В XVIII веке Вольфганг Амадей Моцарт (1756–1791) также требовал от исполнителей кристальной «инструментальной» чистоты вокала. Таким образом, с самого начала немецкая школа ратовала за инструментальное направление вокального звучания, но это направление было лишь тенденцией и не может свидетельствовать о сложившейся во времена Баха, Генделя и Моцарта своеобразной певческой школе. Воспитание немецких певцов еще многие десятилетия после них неизменно проводилось под руководством итальянских маэстро. В своем законченном виде немецко-австрийская вокальная школа характеризовалась стремлением к объединению черт итальянской и французской школ пения, пытаясь найти золотую середину между итальянским бельканто и французским экспрессионизмом. Вольфганг Амадей Моцарт в своих произведениях для голоса

объединил и расставил по своим местам лучшие достижения всех национальных школ, дав направление для формирования отечественной традиции. Творчество последующих композиторов — Л. Бетховена, К. М. Вебера, Ф. Шуберта, Ф. Мендельсона, Р. Шумана, И. Брамса, Х. Вольфа, находясь в контексте немецкой музыки, развивало национальные традиции камерного пения, выводя на авансцену вокалиста нового амплуа — камерного певца. Глубинные основы германской певческой культуры всегда имели отличия от итальянской. Разумеется, бесчисленные итальянские труппы и «итальянские» оперы немецких композиторов оказывали сильное давление на немецкие традиции, придавая им гедонистические черты верховенства мелодической вокализации над словом. Ему только отчасти противопоставлялись песенные и ораторские принципы зингшпиля. Первый значимый «удар» по итальянцам в направлении превращения оперы в музыкальную драму был совершен еще в XVIII веке К. В. Глюком (1714–1787), писавшем в посвящении к опере «Альцеста», ставшей своеобразным манифестом оперной реформы, о стремлении к единству поэзии и музыки, чтобы усилить выражение чувств и прибавить больше интереса сценическим ситуациям. Однако творчество К. В. Глюка пришлось на тот исторический период, когда эти идеи не могли, да и не должны были, исходя из логики исторического процесса развития оперы, стать господствующими. Следующим шагом в этом направлении было оперное творчество М. Вебера (1864–1920), утвердившего национальный романтизм в опере и одновременно усилившего ее театральность и зрелищность. Несмотря на это, принципиального «разрыва» немецкой и итальянской традиций в его опусах, как и в творчестве позднейших композиторов, все-таки не произошло. Характер творчества, например, К. Николаи (1733–1811) или Ф. Флотова (1812–1883) проникнут мелодизмом, что только доказывают это как, впрочем, и ранние опусы Р. Вагнера.

Колоссальный переворот в развитии немецкой оперы, а, соответственно, и в вокальном искусстве, был совершен именно Р. Вагнером, причем в его зрелых сочинениях. Если говорить обобщенно, то мелодическая основа итальянского пения была в его творчестве заменена на декламационную: «мелодия должна вытекать из речи» — один из определяющих девизов Вагнера. Таким образом, всё было поставлено на службу «музыкальной драмы». Но нельзя путать понятие драмы у Вагнера и использование в музыке таких терминов, как *драматизм*, *драматическое развитие*, так как это принципиально различные вещи. Из-за подмены этих понятий позднее возникла великая путаница, поскольку «музыкальной драмой» называли и «Бориса Годунова», и «Отелло», и «Кольцо Нибелунга». Иногда это словосочетание употребляли даже для определения самой оперы — «драма на музыке», таким образом, девальвируя

этот термин и лишая его специфики, что в корне противоречит системному подходу к явлениям.

Р. Вагнер, создавая свои многочасовые оперы, некоторые из которых звучали по пять вечеров подряд, определил новой тенденцией пения чрезмерную декламационность, которая требовала особой мощности звучания голоса, что часто становилось губительным для певцов. После Вагнера исполнительские традиции немецкой вокальной школы последовательно развивали новые поколения композиторов: Р. Штраус (1864–1949), А. Шенберг (1874–1951), А. Берг (1885–1935), П. Хиндемит (1895–1963), К. Орф (1895–1982) и другие.

Основателем немецкой национальной классической вокальной школы явился Фридрих Шмидт (1812–1884). Отрицая итальянский метод обучения вокалу и откликнувшись на призыв Вагнера, он разработал парадигму развития вокального искусства в соответствии со спецификой немецкой музыки и особенностями фонетики языка. Кроме того, он сформулировал основные теоретические позиции немецкой школы обучения пению, назвав их «Школа примарного тона»:

- ◆ Примарный (первичный) тон необходимо найти в среднем участке диапазона вокалиста. При этом рот широко открыт; язык должен лежать плоско, упираясь кончиком в корни нижних зубов; вдыхаемый воздух при подтянутом животе набирается в грудь.
- ◆ Развить способность перекрывать мощный вагнеровский оркестр певцу поможет усиленная полётность голоса, вырабатываемая при помощи вибрационных ощущений.
- ◆ Популярный прием «прикрытия» Ф. Шмидт не признавал, а проблему сглаживания регистров считал выдумкой вокальных педагогов. Он полагал, что ровное звучание голоса на всем диапазоне будет обеспечено, если верно организовать звучание в среднем регистре.
- ◆ Свободное звучание голоса — это результат правильного дыхания. Большое количество набранного воздуха следует удерживать и лишь дозированно подавать к связкам.

В 1886 году Ю. Гей, ученик и последователь Ф. Шмидта, издает собственную разработку об особенностях немецкой школы пения. Работу с голосом он предлагает начинать с поиска в речевом и певческом звучании некоего *натурального тона*, взяв его за основу построения голоса на всем диапазоне. Затем на его базе развить *нормальный тон*, звучащий достаточно ровно на всем диапазоне. После чего приступить к формированию *идеального тона*, выразительного и эстетически приятного как для исполнителя, так и для слушателей. основополагающими принципами немецкого обучения пению Ю. Гей считал:

1. Диафрагматическое дыхание

Диафрагма управляет силой голоса. Опускание диафрагмы при вдохе должно быть связано с активным подтятием мягкого нёба.

2. Пониженное положение гортани

Оптимальное положение гортани не должно формироваться насильственно путем механических воздействий или влиянием сильного движения нижней челюсти. Вначале занятий лучше использовать фонетический метод — петь на темных гласных «о», «у» и не стремиться сразу выходить на крайние звуки диапазона.

3. Вибрационные ощущения

Необходимое голосу металлическое звучание развивается путем культивирования вибрационных ощущений в верхней области лица.

Другие страны также формировали национальные певческие школы. В их недрах рождались свои выдающиеся вокалисты и педагоги. Флагманом же мирового вокального искусства всегда оставалось итальянское пение и представители вокальной школы бельканто.

Русская вокальная школа

История

В России профессиональная оперно-концертная манера была тесно связана с распространением итальянского пения в XVIII веке. Поскольку одним из главных методов обучения искусству пения являлся показ, усвоение новой музыкальной культуры было бы невозможным без обращения к «носителям» школы. Создание в начале XVIII века в Санкт-Петербурге придворного хора и приглашение итальянских маэстро обеспечило высокий уровень обслуживания культовой части придворного быта. Однако вскоре возникла большая потребность удовлетворения запросов двора в связи с увлечением оперой. 29 января 1736 года состоялась постановка оперы Франческо Арайи «Сила любви и ненависти», с которой начался период итальянской оперы в России, а в 1742 году — оперы Адольфа Хассе «Милосердие Тита» (к коронации Елизаветы). С этих пор и вплоть до конца XVIII века участие придворных певчих в опере стало систематическим. Именно на них была возложена задача исполнения хоров в операх итальянских, а позже и русских композиторов. Постепенное формирование направленности у певчих сольного подхода к исполнительству в пределах хора и потребность в сольных выступлениях способствовала развитию интереса к занятиям у лучших педагогов своего времени для воспи-

тания певческих навыков и овладения техникой бельканто, которая, таким образом, легла в основу русской вокальной школы.

Так пришедшая из Европы мода на оперу поставила задачу подготовки отечественных певцов и определила особое внимание к вопросам улучшения состава придворного хора, воспитания и обучения певчих. Свидетельство тому — широко известная школа в Глухове, открытая в 1738 году. В школе на протяжении сорока лет велась подготовка по церковному и светскому («манерному») пению. Из стен Глуховской школы вышли первые русские исполнители партий в итальянских операх — Марк Полторацкий (1729–1795), Гаврила Марцинкевич (1741–?), Максим Березовский (1745–1777) и Дмитрий Бортнянский (1751–1825).

Главенство итальянских музыкантов при дворе привело к тому, что со второй половины XVIII века и до конца XIX века их стали привлекать в качестве учителей сольного пения в Капеллу для совершенствования придворных певчих. На первых порах обучение вокальному мастерству поручалось придворному капельмейстеру. В разное время эти функции выполняли Франческо Арайя (1709–1767), Винченцо Манфредини (1737–1799), Томазо Траэтта (1727–1779) и Бальтазаре Галуппи (1706–1785). В дальнейшем к обучению певчих привлекается скрипач итальянской компании Анджело Вакари (1698–1770), невольно сыгравший большую роль в истории русского вокального искусства, воспитав таких певчих, как Иван Головаческий, Григорий Белогородский, Василий Нелговский и Савва Михеев. А. Вакари называется во многих источниках и в качестве вокального педагога Максима Березовского, исполнявшего в 1759 и 1760 годах заглавные мужские партии в двух итальянских операх, ставившихся в Ораниенбауме.

Гастролировавшие в России в XVIII веке европейские музыканты часто выступали на концертах в одной программе или в ансамблях с придворными музыкантами, что, безусловно, давало совершенно определенные слуховые впечатления отечественным музыкантам и способствовало укреплению манеры пения, предлагаемой в том числе в самой придворной Капелле.

На протяжении многих лет предпринимались попытки отказа от итальянских педагогов в пользу отечественных учителей пения. Так, получив в 1796 году должность директора придворной певческой капеллы, Дмитрий Степанович Бортнянский предложил развитие вокальных традиций отечественными педагогами. Однако, после ухода Д. С. Бортнянского вновь возникла необходимость в привлечении итальянского педагога к преподаванию сольного пения. Федор Петрович Львов (1766–1836), ставший директором после Д. С. Бортнян-

ского, пишет рапорт, обосновывая необходимость пригласить в придворный хор иностранного учителя пения, прошедшего академическую школу. Результатом данного рапорта стало приглашение в Капеллу учителем сольного пения итальянца Доменико Рубини (1795–1854), что продолжило традицию, зародившуюся более полувека назад.

В период работы Д. Рубини обучение пению в Капелле было построено следующим образом: все ученики были разделены на три класса по способностям. В каждом классе уроки вел отдельный учитель. В младшем классе изучали основы музыкальной грамоты, в среднем — сольфеджио в старшем (где преподавал Д. Рубини) начиналась непосредственная работа с голосом. В июне 1842 года Доменико Рубини, получив по Высочайшему повелению назначенный ему пенсия, навсегда покидает Россию. В этом же году следует рапорт Министру императорского двора с просьбой о помещении в Капеллу для разработки голосов певчих находящегося в С. Петербурге учителя пения итальянца Л. Пиччоли.

Луиджи Пиччоли (1812–1868) — итальянский певец и вокальный педагог. Неаполитанец по рождению, ученик знаменитого Андреа Нозари (учителя М. И. Глинки) прибыл в Россию в Санкт-Петербург в 1840 г., где оставался до самой кончины. Преподавал в Патриотическом институте, Придворной певческой Капелле, Санкт-Петербургской Консерватории. Некоторые исследователи творчества П. И. Чайковского считают, что именно Л. Пиччоли, возможно, и способствовал целенаправленному освоению молодым композитором вокального письма.

Таким образом, на протяжении всего XIX века в Придворный хор приглашаются итальянские учителя сольного пения, и лишь в начале XX века место преподавателя сольного пения занял Николай Кедров (1871–1940), воспитанник Санкт-Петербургской Консерватории.

Придворная певческая капелла, являясь флагманом не только русского вокально-хорового исполнительства, но и музыкального образования, осуществила не имеющий аналогов в истории эксперимент по внедрению и творческому переосмыслению иностранных традиций на отечественной культурной ниве. Исполняя возложенную на единственный к середине XVIII века профессиональный коллектив миссию по обеспечению потребностей императорского двора в новом увлечении оперным искусством, это уникальное учреждение быстро стало мастерской, воспитавшей первых отечественных оперных певцов. Именно певческая Капелла стала тем очагом, в котором слились воедино две певческие культуры — русская и итальянская. То, какую значимую функцию стали выполнять певчие этого коллектива на оперной сцене, не уступая в искусстве приезжим

артистам, позволяет говорить о том, что традиция итальянской школы была полностью усвоена и составляла неотъемлемую часть образования русских певчих. Прекрасно сочетаясь с русской певучестью мелодики, итальянское бельканто явилось основанием, на котором возник феномен русской вокальной школы.

Итак, классическая вокальная школа Санкт-Петербурга сложилась в конце XVIII века как синтез национальных традиций и принципов итальянской школы. Именно в Петербурге в значительной мере сформировалась русская школа вокала. Здесь, в новой российской столице, открывались первые театры оперы и балета, где исполнялись произведения русских и европейских композиторов, блистали звезды русской оперы. Свои особые и неповторимые черты музыкальная и вокальная школа Санкт-Петербурга обрела во время творчества «Могучей кучки» — петербургского союза русских ком-

позиторов, ныне занимающих почетное место в плеяде отечественных классиков. В 20-е гг. XIX века, в результате яркой деятельности на этой ниве М. Глинки, А. Варламова, Г. Ломакина, полностью определились черты русской национальной классической вокальной школы, и появились первые русские методические пособия по искусству пения.

В результате осмысления развития оперной вокальной культуры в России возникает возможность следующей периодизации истории отечественной вокальной школы:

- ◆ XVIII — середина XIX в.— Доклассический («Доглинкинский») период.
- ◆ Середина XIX в.— 1917 г.— Классический период.
- ◆ 1917 г.— 1991 г.— Советский период.
- ◆ 1991 г.— по наст. время — Российский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багадуров В. А. Очерки по истории вокальной педагогики — М.: Музгиз, 1956
2. Варламов А. Е. Полная школа пения. — СПб — М.-Краснодар: Планета музыки, 2008.
3. Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России: от истоков до Глинки. — Л.: Музгиз, 1959
4. Денисова Г. Очерки по истории вокальной педагогики в России. — Челябинск, 2004.
5. Деряжный В. А. О принципах и методиках советской вокальной педагогики, — М.: Музыка 1967.
6. Долгушина М. Г. Камерная вокальная музыка в России первой пол. XIX века. — СПб, 2010
7. Дробышевская Н. С. Вокальная работа в Придворной певческой капелле во времена директорства Д. С. Бортнянского. — СПб: Астерион, 2012
8. Дробышевская Н. С. Певцы Придворной певческой капеллы на оперной сцене. — М.: 2012
9. Зингаренко А. А. История и теория обучения профессиональных певчих в России в VII — первой половине XIX века. — Спб., 2008
10. Кандинский А. История русской музыки, — М.: Музыка, 1984
11. Кузьмин А. И. У истоков русского театра. — М.: Просвещение, 1984.
12. Ламперти Ф. Искусство пения. — М., 1899
13. Манько Т. В. Русская школа хорового исполнительства (традиции и современность). — Ростов-на-Дону, 2006
14. Назаренко И. К. Искусство пения: очерки и материалы по истории, теории и практике художественного пения. — М.: Музыка 1963
15. Назаренко И. К. Искусство пения. Хрестоматия. — М.: Музыка, 1968
16. Никольская-Береговская К. Ф. Русская вокально-хоровая школа от древности до XXI века. — М.: Владос, 2003
17. Петри Э. К. Взаимодействие немецкой и русской хоровой традиции в контексте культуры России XVII—XIX веков. — Н.Новгород, 2005
18. Петровская И. Ф. Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVII — начала XX века. — М.: Музыка, 1983
19. Петровская И. Ф. Музыкальный Петербург 1801—1917. — СПб: Композитор, 2009
20. Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. — М.: Музыка 1982
21. Рогачева А. А. Русская вокальная школа как феномен культурного синтеза: XVI — первая половина XIX века. — Ростов-на-Дону, 2009.
22. Тимохин Выдающиеся итальянские певцы, — М.: Музыка, 1962
23. Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. — М. — Л.: Госмузиздат, 1929
24. Хоффман А. Е. Феномен бельканто первой половины XIX века: композиторское творчество, исполнительское искусство и вокальная педагогика. — М., 2008
25. Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века. — СПб: Союз художников, 2002
26. Энциклопедический словарь «Музыкальный Петербург». — СПб: Композитор, 2000
27. Яковлева А. С. Русская вокальная школа: исторический очерк развития от истоков до середины XIX столетия. — М.: Глобус, 1999

© Покровский Андрей Викторович (avpokrovskiy@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ВОКАЛЬНАЯ ШКОЛА (ОСНОВОПОЛОЖНИКИ)

RUSSIAN NATIONAL VOCAL SCHOOL (THE FOUNDERS)

A. Pokrovskiy

Summary. this article examines the history of the Russian national academic vocal art. Its penetration on the territory of Russia, development and transformation in terms of the national cultural traditions and modern state of the vocal art.

Keywords: vocal art, Russian vocal school, Opera, vocal pedagogy, vocal performance, singing traditions.

Покровский Андрей Викторович

Независимый исследователь, Санкт-Петербург
avpokrovskiy@yandex.ru

Аннотация. в статье исследуется история русского национального академического вокального искусства. Его проникновение на территорию России, развитие и трансформация в условиях отечественной культурной традиции, а так же современное состояние вокального искусства.

Ключевые слова: вокальное искусство, история вокального искусство, русская вокальная школа, русская опера, вокальная педагогика, вокальное исполнительство, певческие традиции.

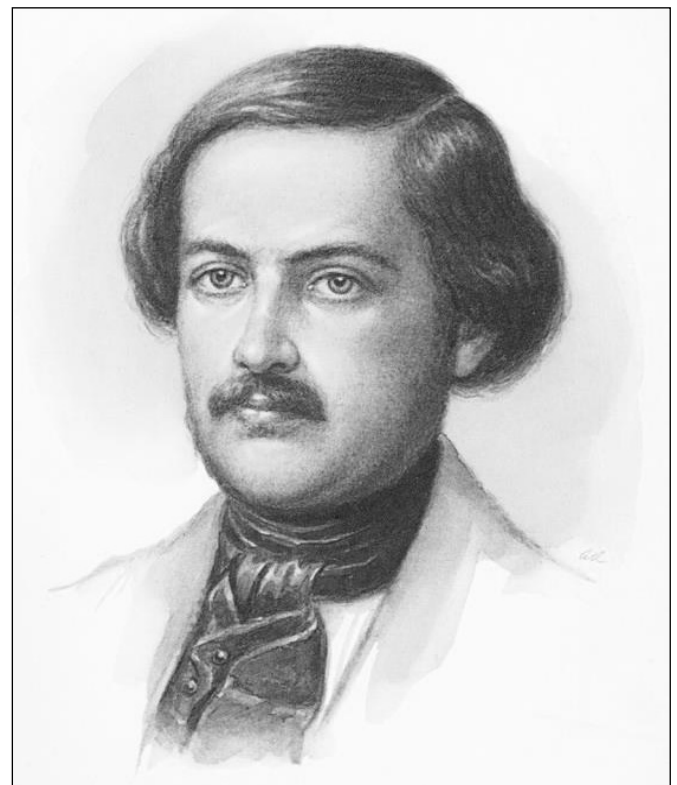
Александр Егорович Варламов (1801–1848)

Русский композитор. В историю русской музыки А. Е. Варламов вошел как автор романсов и песен, создав около 200 произведений. Основными жанрами для него были «русская песня» и лирический романс.

На протяжении всей своей творческой жизни А. Е. Варламов активно занимался вокальной педагогикой: преподавал пение в Нидерландах, а по возвращении на родину — в отечественных учебных заведениях.

В 1840 году издал «Школу пения», которая стала одним из первых в России учебным пособием по вокальному искусству.

Школа пения, по мнению Варламова, должна отражать национальную самобытность русской музыки, основываться на постижении мелодического богатства народных песен и на знании особенностей их исполнения. При этом принцип национальной самобытности органично сочетался в «Школе» А. Е. Варламова с основами классицистской и раннеромантической эстетики.

Михаил Иванович Глинка (1804–1857)

Русский композитор. Создатель нового самобытного русского музыкального языка. Автор первой русской национальной оперы «Жизнь за царя».

Один из основоположников отечественной вокальной школы М.И. Глинка не только создавал вокальную музыку, но и занимался вокалом, преподавал, пытался теоретически осмыслить методику вокальной педагогики. Важной чертой его метода является отношение к вокальному произведению как к драматическому, глубоко раскрывающему смысл поэтического текста.

Пение Глинка понимал как сложный психофизический процесс, требующий полной мобилизации сил пющего. Для него оперный певец — это певец и актер, поэтому, в частности, сочинения Глинки требовали принципиально иного подхода к исполнению.

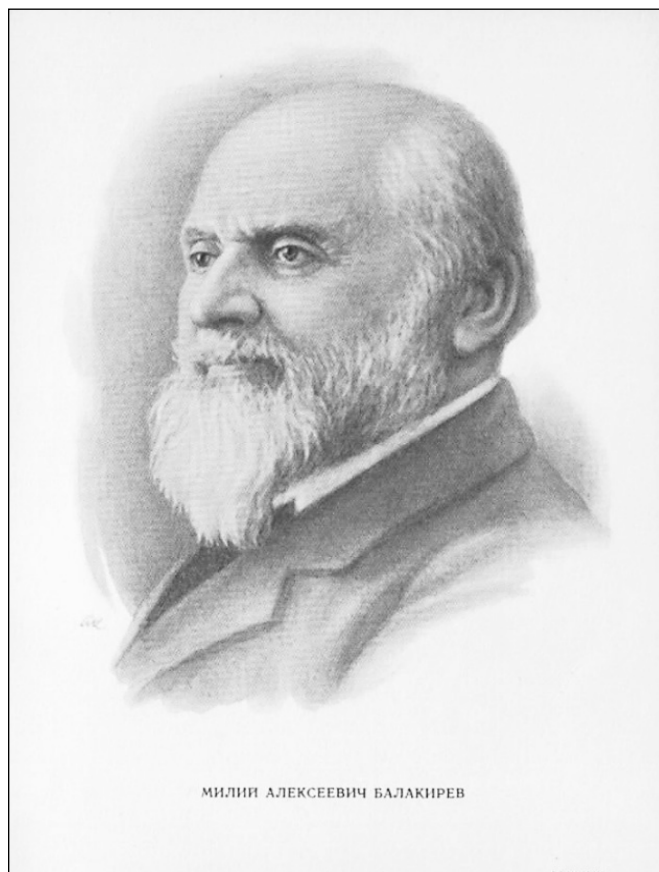
Гавриил Якимович Ломакин (1812–1885)

Русский хоровой дирижер и музыкальный деятель. Вошел в историю отечественной музыки как композитор и учитель пения.

С 1848 г. Ломакин преподавал пение в Придворной певческой капелле. На протяжении своей жизни руководил хорами во многих учебных заведениях Петербурга. Среди его воспитанников по Училищу правоведения — П.И. Чайковский.

Методические работы:

- ◆ Краткая метода для учения пению — СПб., 1861.
- ◆ Руководство к обучению пению — СПб., 1866.
- ◆ Краткая метода пения. — СПб., 1878.

Особенности и традиции

Разнообразие русских песен всегда требовало от исполнителей и разнообразия исполнения. Особенностью русских песен является глубокое содержание и ведущая роль слова, определяющая характер мелодии. Широкие, протяжные напевы русских песен требуют от исполнителей глубокого дыхания, ровного звучания, наполненного тембра голоса. Шутливые же, юмористические попевки-скороговорки способствуют выработке четкой дикции и хорошего донесения слова. Мелодические украшения народных песен всегда являются выражением эмоционального состояния, а не демонстрацией технических возможностей исполнителя. Эти важные особенности музыкально-песенного творчества русского народа сформировали характерные черты отечественной классической музыки, а также творчество профессиональных композиторов и исполнителей.

Русские церковные песнопения испокон веков носили повествовательный характер, отличаясь величавым спокойствием. Удобные для голоса плавные мелодии и небольшие интервалы в средней тесситуре требовали, в свою очередь, от исполнителей проникновенности, ясного произношения слов и безукоризненной интонации для воплощения благородного, величавого стиля. Церковное пение в России было распространено повсеместно, давая возможность выделять лучшие голоса из большой массы певчих, которые с юных лет овладевали вокальным мастерством, ежедневно тренируя свой вокальный аппарат в церковном хоре. Эта школа позволила хорошо подготовленным отечественным певцам легко справляться со сложным в техническом отношении западным оперным репертуаром, достойно соперничая с итальянскими исполнителями.

Восприятие русскими певцами, композиторами и педагогами XVIII века методики итальянской вокальной школы было во многом органичным и естественным, что обусловлено схожестью русской и итальянской культур, общностью интонационной специфики языков (плавность, открытость, эмоциональность, непринужденность). Овладение техникой бельканто позволяло русским певцам преодолевать все трудности итальянских оперных партий, не мешая привнесению в них «русской» теплоты и сердечности. Вместе с тем, отличия певческих традиций стали причиной не только сохранения своеобразия русской вокальной школы, но и периодов борьбы с засильем итальянской оперной культуры. Для итальянской школы самым важным было не наличие в певце природных певческих ресурсов, а развитие в нем соответствующих «механизмов», «создание инструмента», как условия овладения «инструментальным» звуком (Д. Лаури Вольпи, П. Гуэта). Русское вокальное искусство и педагогика совершили в этом направлении достаточно

быстрый эволюционный скачок, что нашло отражение уже в первых отечественных печатных вокально-методических трудах.

Русские композиторы, во многом определившие особенности формировавшейся вокальной культуры, отстаивали неоспоримость существования русской национальной школы, отмечая её естественность и благородство, которые не могли не произвести отрадного впечатления посреди вычур итальянской, криков французской и манерности немецкой школ той поры. Исключительное внимание отечественные исполнители всегда уделяли текстовой части вокальных сочинений, тесной связи между музыкой и словом. Требование А. С. Даргомыжского, чтобы звук прямо и правдиво выражал слово, можно считать одним из характернейших лозунгов русской вокальной школы. Против засилья виртуозности в искусстве отечественных певцов резко выступал и П. И. Чайковский, говоривший о современной ему итальянской опере не как о служении художественным целям, а как о предлоге для выставления напоказ виртуозных качеств исполнителей.

При наличии в итальянской и русской вокальных школах общих методов — инструментально-технического и музыкально-образного, а также при всем уважении обеих школ к эмпирическому методу «пой как я», итальянские и русские педагоги до настоящего времени пользуются ими с большой осторожностью, стараясь не навредить индивидуальности певца. Наибольшие отличия итальянской и отечественной школы выявляются в отношении к инструментально-техническому и образному методам. Овладение вокальной техникой — необходимое условие передачи музыкального образа, однако в российской педагогике единству обоих методов уделяется внимание с первого дня обучения вокалиста. Имеется много материалов, где отечественные педагоги и композиторы затрагивают вопросы музыкальности певца, развития его артистических возможностей, создания музыкального образа. Но стоит немало труда поиск подобных высказываний у итальянских певцов и педагогов, взор которых направлен преимущественно на техническую сторону голоса певца: образ — это приложение, а не цель. Трепетное отношение к живому, правдивому слову, неприятие виртуозности ради виртуозности, желание видеть на оперной сцене «живых», естественных персонажей, обладающих не только вокальным, но и драматическим мастерством, никогда не давали русской опере превратиться в костюмированный. Методика преподавания вокала в отечественной школе и сегодня направлена на правдивое изложение, проживание того или иного образа, независимо от того, сложная ли это оперная ария или небольшой вокализ. Если в итальянских консерваториях начинающие певцы первые два года исполняют только упражнения

Рис. 1

и вокализы, лишь на третьем — шестом году обучения переходя к романсам и ариям, то в отечественной школе техника и эмоциональность исполнения развиваются одновременно: с первого курса студент приступает к выучиванию арий и романсов. Даже при разучивании вокализов педагог требует от начинающего певца осмысления произведения и его особой интерпретации. Пониманию и созданию сценических образов способствует изучение таких обязательных в российских консерваториях дисциплин, как актерское мастерство и сценическая речь.

В целом русская школа отличается от европейских глубиной звука, психологизмом и чувственностью. Петербургские педагоги, сторонники национальной школы, изначально требовали от учеников не только безупречного владения техникой, но понимания произведения, эмоционального и убедительного исполнения, вхождения в образ. С течением времени петербургская школа вокала вбирала в себя новые течения: от оперы к оперетте, мюзиклу, эстраде. В конце XX века Петербург-Ленинград оказал огромное влияние на формирование традиций рок-вокала. Представители Ленинградского рок-клуба успешно компенсировали отсутствие академической школы эмоциональностью, искренностью, художественной выразительностью. В настоящее

время музыкальными театрами нашей страны активно осваивается жанр мюзикла и его специфическая манера пения.

Методика

В ранних отечественных учебно-методических трудах рассматриваются основные проблемы развития певческих голосов и приемы их решения, доставшиеся нам от итальянских музыкальных педагогов XVIII века. В качестве первых печатных русских вокально-методических трудов традиционно приводятся хорошо изученная «Полная школа пения» А.Е. Варламова», менее популярная «Метода пения» Г.Я. Ломакина и почти забытая «Школа пения» Е.Ф. Евсеева. Основным постулатом этих трудов становится сформулированный М.И. Глинкой «концентрический метод развития голоса», который на основе эстетических воззрений явился обобщением традиций 30-х годов XIX столетия о красоте тембра.

В «Методах пения» Г.Я. Ломакина впервые в отечественной литературе говорится о необходимости обучать пению по методикам знаменитых учителей и под руководством опытного педагога. Подобную мысль высказывает А.Е. Варламов, говоря о необходимости специального образования при занятиях пением, по-

Рис. 2. Упражнение 2

скольку в естественном виде состояние аппарата и технические возможности певца, как правило, являются неудовлетворительным. М.И. Глинка в своих «Упражнениях для голоса» также советует регулярно заниматься наработкой специфических вокальных свойств голоса.

А.Е. Варламов в «Школе пения» охватывает основные направления работы по воспитанию певческого голоса. Он закрепляет в отечественном восприятии важнейший и самый популярный до настоящего времени методический принцип обучения пению, говоря, что лучшая метода, без сомнения, состоит в преподавании живым голосом, то есть когда хороший учитель, одаренный прекрасным голосом, соединяет правила с примерами, а искусство в пении со способом преподавания, основанном на опыте и практике.

Со времен обучения пению доклассического периода начальным и основным принципом русской школы является не требовать на ранних этапах обучения слишком больших усилий, почти всегда портящих, если не совершенно истребляющих, лучшие голоса. Уже Е.Ф. Евсеев в своей «Школе пения» пишет о том, что воспитывать голоса необходимо с центральных звуков диапазона, не требующих при воспроизведении больших усилий.

Для наглядности первого постулата концентрического метода обратимся к одному из начальных упражнений «методы пения» Г. Ломакина (рис. 1).

В приведенном упражнении бросается в глаза определенная закономерность: каждая последующая музыкальная фраза здесь начинается с той ноты, на которой закончилась предыдущая. Такая система построения упражнений позволяет певцу лучше сохранять дыхательные ощущения. Многие современные педагоги не используют столь полезный методический прием, хотя, бесспорно, переход во время вдоха к более высокому или низкому звуку значительно усложняет выполнение вокально-технических задач для начинающих певцов. Все упражнения ранних этапов обучения должны строиться на центральном участке диапазона, на естественных тонах, воспроизводимых без усилий, не затрагивая звуков верхнего регистра голоса. Диапазон первого приведенного упражнения «Методы» Г. Ломакина, например, не превышает большой сексты. М.И. Глинка аналогично советует начинать работу с голосом на центральном участке диапазона, средние звуки которого берутся без какого-либо мышечного напряжения. А.Е. Варламов, кроме того, предупреждает, что преждевременное расширение диапазона губительно для неподготовленного голоса и может привести

не только к порче тембра, но и слуха, приведя к фальшивому интонированию.

Из сказанного выше не следует, что все современники строили свои вокальные школы в соответствии с концентрическим методом. Пособия зарубежных авторов по развитию голоса отличаются иной системой. Приведем в пример «12 уроков пения для тенора и сопрано», изданные в 1839 году Д. Рубини. Уже в первом уроке (цитируются последние 4 такта) от певца требуется умение переходить в верхний регистр (рис. 2).

Ж.-Л.Дюпре в трактате «Искусство пения» 1846 года издания — одном и наиболее известных трудов XIX века — так же, с первых уроков использует диапазон певца почти в полном объеме. Первое же предлагаемое им упражнение простирается от «До» первой октавы до «Ля» второй. Следовательно, «концентрический» метод не мог возникнуть в результате иностранных влияний, потому что в школах западноевропейских педагогов вокала того времени он не применяется. Выработка певческого тона на центральном участке диапазона, связанная с повышенным вниманием к тембру голоса и постепенной выработкой палитры интонационных выразительных средств, — исторически сложившаяся методическая традиция русских педагогов, среди которых, в первую очередь, должны быть названы имена М. И. Глинки, А. Е. Варламова, Г. Я. Ломакина и Е. Ф. Евсеева.

В первых отечественных методических трудах находят обстоятельное освещение основные принципы вокализации: приступать к вокализации рекомендуется не с первых уроков, а по прошествии полугода занятий по упражнениям в гаммах, исполняемых по методу сольфеджирования с названиями нот. Самыми «способными» для вокализации считаются гласные *А*, *О* и *Е*. Ломакин пишет, что ученик должен усвоить себе голос круглый, звучный и мягкий. Чтобы сделать голос круглым и звучным, нужно соединить *А* с *О* в произношении; артикулируя же одно *А*, голос не бывает совершенно круглым и полным. При таком подходе видно явное стремление объяснить особенности полноценного певческого тона, в частности его «округлость», связанную, согласно современным исследованиям, с наличием в акустическом спектре голоса низкой певческой форманты.

К основным недостаткам в тембре голоса, с которыми призвана бороться вокальная педагогика, Г. Ломакин прежде всего относит «носовое», «горловое» и «удушливое» звучание, которое возникает в результате того, что голос берется (атакуется) не из гортани, а из губ или дыхания, то есть при нарушении функции голосовых связок.

Популярное утверждение, что искусство пения — это искусство дыхания, было принято важнейшим постула-

том пения только в конце XIX века. Тем более оригинальным для своего времени звучит категорическое заявление Ломакина о том, что человек, не владеющий своим дыханием, никогда не станет искусным певцом. В «Методы пения» Ломакин указывает на то, что переводить дыхание следует по окончании слова или музыкальной фразы, чтобы не нарушать художественного исполнения. Верное владение дыханием, по его утверждению, позволяет свободно владеть голосом, делает его более выразительным и дает возможность развивать постепенный переход от тихого звучания к громкому и наоборот. Технические советы Г. Ломакина по овладению певческим дыханием в некоторой степени совпадают с методикой представителей староитальянской школы, но не ограничиваются ее постулатами. Г. Ломакин излагает приемы, ведущие к овладению дыхательной «опорой», о чем мы не находим прямых указаний в вокально-методических трудах его зарубежных современников. В своих работах он пишет, что петь без дыхательной опоры тяжело, а избавиться от такого тяжелого пения можно, только освоив навык верного дыхания. Термин Ломакина «удержание духа», указание «хранить в себе воздух долго и без усталости» — это та же «задержка», «затайка» дыхания, которая приводит к выработке импеданса и верного ощущения дыхательной опоры.

В «Краткой методике пения» Г. Ломакин развивает теорию вокального дыхания, говоря о сохранении ощущений вдоха в процессе пения. Он пишет о том, что главным правилом при начале пения является набор большого количества воздуха в легкие и стремление как можно дольше удерживать его, оставляя грудь в приподнятом положении (данное предложение не поддерживается большинством современных вокальных школ). Часто употребляемый Ломакиным дыхательный термин «вдох» заслуживает того, чтобы сказать о нем отдельно. Если педагог предлагает начинающему ученику произвести вдох, то по неопытности певец выполнит это указание точно в соответствии с выработанной привычкой к респираторным движениям во время постоянного газообменного дыхания, но с большим добавлением совершенно ненужных мышечных напряжений. Совсем по-иному будет осуществляться вдох, если попросить певца вздохнуть. При слове «вдох» в сознании вызываются ассоциации: «вдох из глубины души», «удивленный вздох» с задержкой дыхания в состоянии вдоха, «вдох с облегчением», «вдох восхищения», «мечтательный вздох влюбленных» и так далее. Из приведенных примеров следует, что использование какого-либо из приведенных «вздохов» своим образным наполнением более способствует овладению певцом специфики вокального дыхания. Автор «Методы пения» утверждает, что певец должен овладеть «чувством», «теплотой души», в чем он полностью солидарен с Варламовым и Глинкой. Первый из них писал о непосредственном влиянии «состояния

души» на голосовой аппарат, а второй, восхищенный вдохновенной трактовкой арии Вани из оперы «Иван Сусанин», отмечал в исполнении своей ученицы А.Я.Воробьевой-Петровой «бездну чувства».

Ломакин и Глинка обращают внимание на малейшие изменения положения рта певца. В разделе «О раскрытии рта» Ломакин советует при пении держать рот немного приоткрытым, как при смехе, поскольку такое положение способствует свободе голоса и четкости выговора. Глинка пошел в этом направлении еще дальше, раздвигая границы возможностей интерпретации смысла одного и того же слова без изменения нот, а лишь мимикой и выговором. На этот методический прием сегодня также многие не обращают внимания, но настоящие мастера вокала, безусловно, знают и с успехом применяют эти ресурсы для более глубокого раскрытия музыкально-образного содержания исполняемого произведения.

В «Методике пения» Г.Я. Ломакин пишет о необходимости четко выговаривать слова в пении, поскольку при неясном произнесении слов вокальная музыка может стать совершенно непонятной и не доставляющей удовольствия слушателю. Хорошо известны требования М.И. Глинки, который добивался от исполнителей четкого слова, верного точного донесения смысла фразы. А.Е. Варламов советовал достигать ясности и силы пения не мышечными усилиями, а правильностью выговора слога. Эти традиции русской вокально-методической школы в неизменности дошли до нашего времени. Четкое произнесение слов и верная, яркая интонация постоянно находится под неусыпным вниманием каждого современного вокального педагога. Вспомним истолкование этой заповеди по книге Д. Разумовского, который наставлял юношей петь не голосом, а сердцем, т.е. не только двигать языком, произнося фразы, но напрягать ум, понимая и выражая смысл каждого произнесенного слова. Четкие, определенные позиции русской вокальной школы по отношению к слову в пении нашли свое отражение и в музыкальной критике. В этой связи представляют интерес воспоминания современников о выступлении итальянской певицы Анджелики Каталани, довольно часто певшей для русской публики. Музыкальные критики, отмечая мягкую гибкость ее голоса, единодушно утверждали нехватку слова в выражении чувства и страсти, называя причиной этого недостаток вкуса и разумения знаменитой гастролерши. Подобные отзывы ярко демонстрируют осуждение чисто виртуозного стиля певицы. Музыкальные критики той эпохи обстоятельно объясняли эстетические позиции русского слушателя, настаивая на том, что недооценивая роль поэтического текста, любой, даже самый признанный певец, обедняет свое искусство тем, что лишает его всех тонкостей. Выхолащивая интеллектуальную сторону во-

кального искусства за счет невнимательного отношения к слову, исполнитель неизбежно обесцвечивает, значительно ограничивает рамки эмоциональной выразительности.

Педагогика

В конце XVIII века профессиональных вокалистов для светского пения и церковного обихода в России готовили в учебных заведениях, среди которых выделялись: Синодальное училище, Придворная капелла и Театральное училище. Несмотря на это, музыкальные критики к началу XIX века всё ещё повсеместно отмечали недостаточный уровень вокальной техники русских певцов. Так, например, один из рецензентов, отдавая должное Петру Злову (1774–1823) как исполнителю Микелли в опере Л. Керубини «Водовоз» и признавая созданный им образ «совершенным», выражает неудовлетворенность вокальной стороной исполнения, утверждая, что артист мог петь намного лучше, если бы учился пению. Создавшееся положение коренным образом меняется в 30-е годы, когда заметно активизировалась вокально-методическая и педагогическая мысль, заложив прочное основание русской классической вокальной педагогики.

Значительную роль в развитии русской школы пения сыграли вокально-методические разработки М.И. Глинки: «Семь этюдов для контральто» (1830), «Шесть этюдов» (1833), «Упражнения» (1835) и «Четыре экзерсиса» (1840–1841). Таким образом, отечественная вокальная школа уверенно заявила о себе уже в первой половине XIX века. Это время больших перемен и достижений педагогики в области певческого искусства. Ровно через сто лет после появления на русской сцене итальянской оперы, в 1836 году состоялась постановка первой русской оперы «Иван Сусанин». В этот период музыкальная общественность активно обсуждала вопросы национальной специфики русской музыки, драматургии, реалистического направления в опере и синтетический характер отечественного вокального искусства. В связи с этим особые требования предъявляются к наставникам певцов.

В теоретической части «Полной школы пения» А. Варламова формулируются требования, предъявляемые к педагогу пения. Согласно Варламову, преподаватель должен в равной степени владеть теоретическими знаниями и практическими навыками: он должен быть опытным певцом-исполнителем, уметь соединять в преподавании теоретические правила с наглядными примерами. А. Варламов указывает так же на обязательную широкую эрудицию педагога, который призван не только учить пению, но развивать общую культуру и художественный вкус своих подопечных. Однако, обучающийся

Рис. 3. Пример 3

также обязан самостоятельно расширять свой кругозор и овладевать специальными музыкально-теоретическими знаниями.

В качестве наглядного примера педагогических принципов русской школы пения XIX века для сравнения их с современными тенденциями рассмотрим труды: «Метода пения, содержащая начала музыки, правила пения, гаммы в различных тонах, интервалы, вокализации,

необходимые уроки с басом, сольфеджио из лучших опер для одного, двух, трех, четырех голосов и фуги с аккомпанементом пиано-форте, составленная Г. Ломакиным» и «Метода пения, содержащая гаммы в различных тонах и делениях, интервалы, вокализации и пр. сочинения Гавриила Ломакина». Для удобства в дальнейших ссылках на эти работы, имеющие довольно длинные наименования, условно обозначим их: «Метода пения I» и «Метода пения II».

Рис 4. Пример 4

В «Методах пения» Г. Ломакин раскрывает вопросы развития певческого голоса в неразрывной связи с задачами общего музыкального развития вокалиста. Как и М. Глинка, Ломакин считает главным условием для успешного овладения вокальным искусством наличие тонкого музыкального слуха. По его утверждению, человек, обладающий хорошим слухом и голосом, будет петь «совершенно» по прошествии двух с половиной лет интенсивных вокальных занятий. Если же одаренность музыкальным слухом и голосом отсутствует, то, независимо от прилагаемых усилий, достигнуть искусного пения будет невозможно. Подобный подход к процессу обучения вокалистов сильно отличается от современного. Сегодня далеко не во всех вокальных классах звучат «упражнения в ладу», подобные

упражнениям Ломакина. В редких классах обсуждаются и анализируются вопросы развития музыкальных способностей отдельного певца. В индивидуальных планах из года в год анализируется в той или иной мере техническое развитие вокалиста, линия же музыкально-художественного роста певца, как правило, прослеживается в них с трудом.

В XIX веке сольфеджио, элементарная теория музыки и обучение пению не сформировались еще в качестве отдельных специальных предметов. Обще-музыкальная и вокально-техническая подготовка возлагались на плечи одного педагога. Отсюда берет начало синтетическое построение учебных пособий того времени. Аналогичный подход осуществлял М. И. Глинка, когда от-

бирал в Чернигове певчих для Капеллы. На первом месте у Глинки и Ломакина всегда оказывался слух, на втором месте — голос. Эта тенденция нашла свое воплощение в педагогических приемах той поры.

В обучении певцов Ломакин большое значение придает пению гамм, причем, в отличие от современных методик, не транспонируя по полутонам, а строго в тональности (рис. 3).

Представляет интерес предложенное Ломакиным «Упражнение № 2», способствующее выработке ладовых слуховых ощущений в мажоре (рис. 4).

Любопытно, что в предлагаемых для занятий с голосом упражнениях Ломакин отказывается от гармонического сопровождения. Нижний голос («Упражнение-1» «Методы-II») является самостоятельной контрапунктирующей мелодией. Глинка, как известно, тоже не писал аккомпанемент для вокальных упражнений, в чем нетрудно усмотреть определенную закономерность. Эта тенденция проистекает из традиций русской народной песни и хорового пения, которые обычно исполнялись без аккомпанемента, в стиле *a capella*.

Приведенные выше примеры еще раз наглядно демонстрируют, что для успешного овладения вокальным искусством Ломакин полагает основным условием наличие музыкального слуха. Важнейшей задачей учителя музыки, по его методу, является чистое исполнение учеником всех гамм и интервалов без сопровождения, легкое узнавание и пропевание всех интервалов. Результатом достижения этих целей впоследствии будет грамотное выучивание произведений без традиционного натаскивания. В соответствии с методикой Ломакина, педагог должен развить слух подопечного, приведя его к такому уровню знаний, который при сегодняшней системе музыкального образования вокалисты обычно получают, осваивая комплекс специальных теоретических дисциплин. Таким образом, в современной педагогике в отличие от старой школы в этом вопросе подход значительно изменился. Сегодня теоретики занимаются воспитанием слуха певцов, а вокальным педагогам едва хватает времени для выявления вокальных данных, раскрытия художественно-исполнительских способностей и прохождения разностильного вокального репертуара. Однако, принятое в современной практике «распределение обязанностей» при всех положительных сторонах часто вызывает серьезные проблемы в обучении пению. Педагоги-вокалисты перестали сознавать свою ответственность за музыкально-слуховое развитие каждого студента, а современная вокальная педагогика уклоняется от соблюдения изначально установленно-го принципа отечественной вокальной педагогики —

единства художественного и технического развития студентов. Это очевидно, когда на вступительных экзаменах в училищах и консерваториях в первую очередь комиссия знакомится с голосовыми данными. Только затем проводится проверка слуховых, музыкальных и актерских способностей. Особенно мало времени уделяется сегодня музыкальному развитию вокалистов в условиях дополнительного образования. Знакомая с участниками секций системы дополнительного образования, приходится констатировать, что подавляющее большинство из них разучивают свой репертуар по слуху, не имея ни малейшего представления о музыкальной грамоте. Взрослому же человеку потом будет чрезвычайно сложно восполнять пробелы, возникшие в музыкальном воспитании в школьные годы, и приобщиться к профессиональному искусству.

Отечественная вокальная педагогика всегда уделяла большое внимание ровному звучанию голоса на всем диапазоне и чистоте тембра. Указания о смешанном звучании голоса и «затемнении» верхнего регистра встречаются в самых старых сохранившихся музыкально-теоретических трудах. Так, в «Идее грамматики мусикийской» (1679) Н. Дилецкого приводится правило, согласно которому для большей красоты пения можно соединять «восшествия» и «нисшествия», то есть мелодические ходы вверх и вниз, добиваясь ровного, смешанного звука на всем диапазоне. А. Мезенец в «Азбуке знаменного пения» (1668) касается особенностей формирования верхнего регистра голоса. Он пишет, что вокалисту подобает петь кротким и тихим голосом, но так, чтобы было слышно всем. Для сохранения этой эстетики самые высокие ноты диапазона нужно научиться брать темно и закрыто. Такие мысли, высказанные авторами трудов в XVII веке, не могут не вызывать восхищения. Позднее более последовательно этот принцип будет проводить в своей методике профессор Петербургской консерватории К. Эверарди, требуя ставить «голова на грудь, а грудь на голова». Стремление к тембральной ровности сохраняется в методике лучших отечественных педагогов по сегодняшний день.

Отдельный раздел «Методы пения I» назван Ломакиным «О соединении грудного голоса с головным или фальцетом». В зависимости от типа голоса, в тембре выделяется 9–10, а иногда 12–13 тонов грудного регистра. Грудной регистр рекомендуется соединять с головным, вырабатывая смешанное звучание голоса без регистровых переходов. В более поздних изданиях, например, в «Краткой методе пения» 1878 г., Г.Я. Ломакин выделяет три регистра: грудной, смешанный и головной, предлагая петь переходные ноты более мягко и без форсировки. Развивая же головной регистр, он советует петь на гласном *У*, который больше способствует выработке этого звучания.

В специальном разделе «Методы-II» Ломакин предлагает важные педагогические приёмы, помогающие формированию правильной атаки звука. Саму атаку звука он определяет как «приготовление к пению», для чего необходимо при правильной певческой установке и слегка втянутом животе медленным и ровным движением приподнять грудь, вдохнув воздух через полуоткрытый рот. Приготовившись таким образом начать петь на *A* легко, открытым и чистым голосом, который должен быть взят из глубины гортани. Особое внимание при этом необходимо обратить на мягкость и гибкость голоса. Чтобы придать ему это свойство, нужно во время пения держать гортань без всякого напряжения, то есть принимать свободное и натуральное положение, в каком она находится в то время, когда мы не поем. При усилении голоса важно стараться не доводить его до крика. Такая координация обеспечивается глубоким нефорсированным вдохом и свободной, легкой артикуляцией.

Уделяется Г. Ломакиным внимание и соблюдению основных законов орфоэпии в пении. Русские певчие в доклассический период всегда воспитывались на заповеди «Петь разумно». На страницах трудов Г. Ломакина имеются практические советы по этому вопросу.

В 19-м разделе «Методы пения-I» изложены правила, касающиеся положения корпуса. Подчеркивается важность правильной певческой постановки фигуры певца, отсутствие лишних движений в теле и лице. Для того, чтобы голос мог звучать более свободно, Ломакин рекомендует петь стоя, а не сидя. Своим внешним видом вокалист должен как бы подчеркивать значительность искусства. Вспомним слова А.С. Пушкина: «Служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво».

К работе над вокальным репертуаром с текстом Г.Я. Ломакин рекомендует приступать при уже достаточно хорошо сформированных под руководством педагога основных вокальных навыках, используя на первых этапах небыстрые и протяжные произведения, имеющие высокие художественные достоинства. Особенно настоятельно рекомендуется использовать классическую музыку.

Не все установки автора «Методов пения» могут быть безоговорочно восприняты в наше время. Так, например, Ломакин советует для выработки навыков раскрытия рта ставить на зубы пробку величиной в 1½ дюйма. Современная же вокальная педагогика не разделяет использование механических приемов, к тому же в XXI веке нельзя всерьез говорить о пробке от винной бутылки как о вспомогательном средстве обучения пению.

Современная отечественная вокальная педагогика в полном объеме и достаточно эффективно использует весь арсенал приемов, доставшихся нам в наследство от предков, и с успехом применяет их при обучении певцов, хотя с течением времени и современными общественно-социальными тенденциями общества неминуемо возникают и новые проблемы. На сегодняшний день у нас, как это всегда было в России, много людей, обладающих замечательными голосовыми данными. Однако, при этом у нас мало профессионально обученных исполнителей. Да и те немногие, как правило, стараются работать за рубежом. Остальные учат и учатся пению, кто как может. А могут, естественно, далеко не все. В результате утрачивается само понятие русской школы вокала. И если у педагога все баритоны, хотя и хорошо поют, но все поют одним голосом, стирается понятие таланта, потому что талант — это, в первую очередь, индивидуальность тембра. Но самое страшное, что со временем у таких вокалистов голос садится на бронхиальные мышцы, запирается грудь, и они начинают преодолевать свою тесситуру форсировкой. Возникает «качка», голос становится рыхлым и неуправляемым. Так развивается процесс деградации певца. Это неизбежное последствие неправильной школы педагога. Очень часто педагог изначально неверно определяет голос певца. Например, баритона ведут как баса, а меццо-сопрано принимают за сопрано. В таких случаях начинается тремоляция, голос звучит как бы кусками и гаснет. Грамотный педагог-вокалист должен и обязан «слышать» все мышцы, которые мешают пению, а также уметь ликвидировать все зажимы.

Происходит в современной вокальной педагогике и переосмысление старых методов обучения. В качестве примера можно привести доставшийся нам в наследство образ: «горячая картошечка во рту или яблочко во рту». Этот прием дает чрезмерное раздвижение нёбной занавески, при котором происходит процесс поднятия нёба. В результате остается глубокое слово, которое «вытащить» уже невозможно, голос «садится на грудь», и начинается процесс его разрушения. Технический прием «картошечки и яблочка» — процесс физиологический, а не естественный. У певца существует головной резонатор, грудной резонатор и затылочный резонатор. Слово надо выводить из резонаторов, из гортани и всех мышц щёчных, носовых, гортанных, а не загонять его еще глубже. Когда певец поет, то создается объем голоса, и этот объем должен быть естественным.

Как учат пению в музыкальных заведениях России сегодня и учат ли вообще? Конечно, учат, но... как умеют. Понимающий и профессиональный педагог вокала в наши дни — настоящая редкость. Неквалифицированные же учителя могут испортить голос в учебном заве-

дении любого статуса. Поэтому во всем мире наиболее перспективное обучение — частное. Современный музыкальный театр предъявляет огромные требования

к подготовке вокалистов. Если же эта подготовка отсутствует, то в любом театре мира исполнитель рискует не справиться и потерять голос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багадунов В. А. Очерки по истории вокальной педагогики — М.: Музгиз, 1956
2. Варламов А. Е. Полная школа пения. — СПб — М.-Краснодар: Планета музыки, 2008.
3. Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России: от истоков до Глинки. — Л.: Музгиз, 1959
4. Денисова Г. Очерки по истории вокальной педагогики в России. — Челябинск, 2004.
5. Деряжный В. А. О принципах и методиках советской вокальной педагогики, — М.: Музыка 1967.
6. Долгушина М. Г. Камерная вокальная музыка в России первой пол. XIX века. — СПб, 2010
7. Дробышевская Н. С. Вокальная работа в Придворной певческой капелле во времена директорства Д. С. Бортнянского. — СПб: Астерион, 2012
8. Дробышевская Н. С. Певцы Придворной певческой капеллы на оперной сцене. — М.: 2012
9. Зингаренко А. А. История и теория обучения профессиональных певчих в России в VII — первой половине XIX века. — СПб., 2008
10. Кандицкий А. История русской музыки, — М.: Музыка, 1984
11. Кузьмин А. И. У истоков русского театра. — М.: Просвещение, 1984.
12. Ламперти Ф. Искусство пения. — М., 1899
13. Манько Т. В. Русская школа хорового исполнительства (традиции и современность). — Ростов-на-Дону, 2006
14. Назаренко И. К. Искусство пения: очерки и материалы по истории, теории и практике художественного пения. — М.: Музыка 1963
15. Назаренко И. К. Искусство пения. Хрестоматия. — М.: Музыка, 1968
16. Никольская-Береговская К. Ф. Русская вокально-хоровая школа от древности до XXI века. — М.: Владос, 2003
17. Петри Э. К. Взаимодействие немецкой и русской хоровой традиции в контексте культуры России XVII–XIX веков. — Н. Новгород, 2005
18. Петровская И. Ф. Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVII — начала XX века. — М.: Музыка, 1983
19. Петровская И. Ф. Музыкальный Петербург 1801–1917. — СПб: Композитор, 2009
20. Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. — М.: Музыка 1982
21. Рогачева А. А. Русская вокальная школа как феномен культурного синтеза: XVI — первая половина XIX века. — Ростов-на-Дону, 2009.
22. Тимохин Выдающиеся итальянские певцы, — М.: Музыка, 1962
23. Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. — М. — Л.: Госмузиздат, 1929
24. Хоффман А. Е. Феномен бельканто первой половины XIX века: композиторское творчество, исполнительское искусство и вокальная педагогика. — М., 2008
25. Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века. — СПб: Союз художников, 2002
26. Энциклопедический словарь «Музыкальный Петербург». — СПб: Композитор, 2000
27. Яковлева А. С. Русская вокальная школа: исторический очерк развития от истоков до середины XIX столетия. — М.: Глобус, 1999

© Покровский Андрей Викторович (avpokrovskiy@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕНТАЛЬНОСТЬ МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА

THE MENTALITY OF THE MONGOLIAN PEOPLE

O. Sapozhnikova

Summary. Informal institutions: religious ethics, traditions, values, worldview, motives of behavior in a certain ethnic group are the deep regulators of social phenomena. It is in the ethnic environment that an integral set of basic values and sustainable behavioural norms is formed. In the context of growing globalization, it is ethnic group that plays a huge role in the formation of culture.

The relevance of the topic of the article is that mentality (mentality) is the basis for the formation of the culture of the people, in particular Mongolian. Mongolian peoples have attracted attention since ancient times. This can be supported by the words of the American historian and writer D. Weatherford: «the Mongols formed the core of a new universal culture and the world system. She was held for a long period of development and formed the basis of the modern world system with the characteristic Mongol interest in free trade, open society, shared knowledge, secular politics, religious tolerance, international law and diplomatic immunity. . . Due to the fact that the Mongols brought peace and prosperity to many lands and kingdoms, Western scholars later called the XIV century Pax Mongolica (Mongol peace) or Pax Tatarica. . . » [8].

Keywords: informal institutions, the Mongolian peoples mentality (the mentality of); hospitality, gravity, deliberation, self-sufficiency, observation, curiosity, foresight, freedom, belief in Heaven, marginalis.

Сапожникова Олеся Андреевна

Старший преподаватель, Московский
государственный университет имени М. В. Ломоносова
sapozhnikova89@mail.ru

Аннотация. неформальные институты: религиозная этика, традиции, ценностные ориентиры, мировоззрение, мотивы поведения в определенной этнической группе, являются глубинными регуляторами общественных явлений. Именно в этнической среде формируется целостная совокупность базовых ценностей и устойчивых поведенческих норм. В условиях растущей глобализации именно этнос играет огромную роль в формировании культуры.

Актуальность темы статьи в том, что именно ментальность (менталитет) является основой формирования культуры народа, в частности монгольского. Монгольские народы привлекают внимание уже с давних времен. Это можно подкрепить словами американского историка и писателя Д. Уэзерфорда: «Монголы сформировали ядро новой универсальной культуры и мировой системы. Она прошла длительное развитие и легла в основу современной мировой системы с характерно монгольским интересом к свободной торговле, открытому обществу, общедоступным знаниям, светской политике, веротерпимости, международному праву и дипломатической неприкосновенности. . . Благодаря тому, что монголы принесли мир и процветание многим землям и царствам, западные ученые позже называли XIV столетие Pax Mongolica (Монгольским миром) или Pax Tatarica. . . » [8].

Ключевые слова: неформальные институты, монгольские народы, ментальность (менталитет); гостеприимство, степенность, неспешность, самодостаточность, наблюдательность, любознательность, дальновидность, свобода, верование в Небо, маргашизм.

Монгольские народы — это группа родственных народов, говорящих на монгольских языках. Всех их тесно связывает общая многовековая история, культура, традиции и обычаи. Основные народы в составе монгольских: монголы, буряты, калмыки и т.д.

Обычно понятия менталитет и ментальность рассматриваются как синонимы. Хотя некоторые исследователи разводят эти понятия. Но, думается целесообразно рассматривать их как синонимы.

Ментальность (менталитет) (от лат. mens — сознание, ум) — это образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы [4]. Также говоря о ментальности нельзя не затронуть такое понятие как «характер».

Национальный менталитет монголов отражен в многочисленных книгах и статьях российских и советских авторов, путешественников, ученых, дипломатов, журналистов, специалистов и т.д. Например: в книге И. М. Майского «Современная Монголия» [5]. Автор полно описы-

вает обычаи и черты характера монголов. И. М. Майским отмечена изумительная наблюдательность, природное любопытство, добродушие и гостеприимство монголов.

Любопытство монголов и их гостеприимство примечают многие путешественники и сегодня. Стоит остановиться, как вдруг появляется конный всадник. Окрестные монголы приходят посмотреть издали, долго наблюдают за жизнью посторонних.

Необходимо отметить и современных российских ученых, изучавших монгольскую духовную культуру, таких как: Н. Л. Жуковская, Л. Л. Викторова, Л. Г. Скородумова, М. И. Гольман, В. В. Грайворонский, В. Л. Нейдинг. Н. Л. Жуковская в научно-популярном издании «Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах» [2] отмечает монгольское гостеприимство, степенность, неспешность, любовь к традиционному порядку.

Книги журналиста Л. И. Шинкарева высоко оценены специалистами-монголооведами. Интересные исследо-

вания ценностных ориентаций современных монголов проводятся Ю. В. Попковым и Е. А. Тюгашевым, [7], А. В. Ивановым [3] и др.

Любопытно отметить, что Ю. В. Попков и Е. А. Тюгашев считают, что отношения между русским (интуитивно-этический интроверт) и монгольским (сенсорно-логический экстраверт) характерами взаимодополняют друг друга [7].

А. В. Иванов пишет о своих ощущениях в Монголии, как о психологической комфортности в этой стране для русского человека. В связи с этим он вспоминает Л. Н. Гумилева, который пытался передать чувство близости русских с монголами: монгол более нетороплив и дольше настраивается на какое-либо дело, чем русский.

Исследователи, журналисты и наблюдатели выделяют следующие характерные черты национального характера монгол: близость к природе (любовь к просторам, созерцательность, так называемую естественность), самодостаточность, неторопливость, наблюдательность, любознательность. Это признают и сами монголы. Например, политический деятель Ц. Балхаажав описывает характерный стиль поведения монгола: «...поднялся на вершину горы монгол и увидел новое, переправился через широкий простор, почувствовал еще что-то новое, погостил у соседа, узнал о новом. Все это происходит постепенно, обогащается опытом и укладывается в жизни. В этом и заключается честный, дальновидный характер монголов» [1, с.14].

Известный монгольский политический деятель, публицист Баабар достаточно строго оценивает своих соотечественников и полагает, что кочевой уклад сформировал следующие черты: леность, непунктуальность, лживость. Монголам сложно договариваться между собой. Однако с представителями других народов им договориться проще [6].

Неспешность, степенность, наблюдательность и т.д. у монгольских народов возможны потому, что основная черта их мышления — это свобода.

На огромных степных территориях монгольские народы всегда занимались кочевым животноводством, жили вольготно и спокойно. Монгольское животноводческое производство их не напрягает, а приносит удовольствие, так как у животновода сравнительно много свободного времени. Пастбищное животноводство не очень продуктивно, но его достаточно для жизнеобеспечения одной семьи или группы юрт. Мясо и молоко используются в качестве пищи, шкуры и шерсть — для одежды, а крупный скот — для езды. Поэтому монгол не-

зависим ни от кого, кроме своего скота и своей семьи. В этом отношении он — сравнительно самостоятельный и свободный гражданин.

Верование в Небо у монгольских народов входит в ранг государственной религии при Чингисхане. Оно создавало науку выживания в гармонии с природой и ее закономерностями: человек должен понимать природу как неотъемлемую ее часть. Для них Вечное небо — это не только воздух, небо, звезды, солнце и луна, но и выделение самого высокого уровня и высших сил.

Пространственно-временное чувство у монголов специфично и на протяжении многих веков связывалось с неспешными и повторяющимися животноводческими процессами.

Монголы любят говорить слово «маргааш» (завтра). Оно равнозначно — «через 24 часа». В действительности «маргааш» может означать и несколько дней, даже несколько недель. Монгол редко может детально рассматривать суть задания или обязанности, он подходит к нему на основе душевной ориентации и допускает ошибку в распределении времени, поэтому обещание «завтра» часто не выполняется вовремя.

Это очень похоже на русскую ментальность, но даже самый нерадивый русский далеко уступает в распространном «маргашизме» монгольским народам.

Таким образом, национальная ментальность — это совокупность особых черт, особенности психологического характера и культур этносов, нации: обычаи и традиции, образ жизни, религиозные, мифологические поверья и взгляды, определенный образ восприятия действительности, социальное поведение и отношения людей, способ мышления и т.д.

Ментальность с одной стороны — это биологическое природное, и даже подсознательное, а с другой — социальное, культурное, сформированное в процессе воспитания, то есть неформальный институт.

Особенности мышления, поведения и ментальности монгольского народа связаны с географическими, природно-климатическими, геополитическими, историко-культурными условиями существования, обусловлены на генетическом уровне и неподвластны времени и современным реалиям. Основные черты их ментальности: свобода, любовь к просторам, созерцательность, самодостаточность, неторопливость, наблюдательность, любознательность, природное любопытство, добродушие и гостеприимство, верование в небо, особенное пространственно-временное чувство (неограниченное).

ЛИТЕРАТУРА

1. Буяндэлгэр Одгэрэл. Эффективность учебной деятельности монгольских студентов с различными акцентуациями характера: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. — с. 14.
2. Жуковская Н. Л. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. М.: Наука, 1990.
3. Иванов А. В. Монгольский лик Евразии [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_3/482-mon-face-of-evrazia.html (дата обращения: 12.05.2013).
4. Ильичев Л. Ф., Федосеев П. Н. и др. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
5. Майский И. М. Современная Монголия: Отчет монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всерос. центр. союза потреб. о-в «Центросоюз». Иркутск: Госиздат «Знание — Сила», Иркутское отделение, 1921.
6. Монгольский менталитет в бизнесе [Электр. ресурс] // Монголия сейчас. URL: <http://mongolnow.com/Bussines.html> (дата обращения: 12.05.2013)
7. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Монголия в мировом сообществе цивилизаций и народов [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_16/5642-popkov-tyugashev.html (дата обращения: 12.05.2013).
8. Уэзерфорд. Д. «Чингисхан и рождение нового мира». М., Аст, 2005.

© Сапожникова Олеся Андреевна (sapoznikova89@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Главное здание МГУ им. М.В. Ломоносова

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА ЛИЧНОСТИ

CULTURAL ASPECTS SUBJECTIVE PICTURE OF THE WORLD OF THE PERSON

N. Senchenko

Summary. The article deals with the changes in subjective picture of the world of personality in the transition from real to virtual space. The author notes that the Network gives the subject the possibility of understanding the motivational orientations of its activities and the properties of an ideal «I», the article focuses on the fact that the technology of the Internet generates new technique existence and allows to identify with a cultural hero of the Internet, to carry out the displacement; to push the limits. Internet that forms a new picture of the world.

Keywords: Internet, culture, the user-subjective picture of the world, personality.

Сенченко Наталья Анатольевна

К. культурологии, доцент, ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»
(г. Симферополь)
senchenko_n.a@mail.ru

Аннотация. В статье идет речь об изменениях в субъективной картине мира личности при переходе из реального в виртуальное пространство. Автор отмечает, что Сеть дает субъекту возможность осмысления мотивационных ориентиров своей деятельности и свойств идеального «Я». В статье акцентируется внимание на том, что технология Интернета формирует новую технику существования и позволяет идентифицировать себя с культурным героем Интернета, осуществлять перемещения; преодолевать границы. Интернет, что формирует новую картину мира.

Ключевые слова: Интернет, культура, пользователь, субъективная картина мира, личность.

Постановка проблемы

Стремительное развитие интернет-технологий, расширение жизненного пространства человека вызвали ряд изменений во всех сферах его жизнедеятельности. В интернет-пространство перенесены не только общение, обучение, но и то, что всегда считалось объектом культуры в реальном пространстве — художественные галереи, театры, культурные зрелища и элементы массовой культуры. Научная проблема заключается в выявлении влияния новых технологий на формирование субъективной картины мира человека, его мировосприятия для предотвращения клиповости мышления.

Целью статьи является культурологический анализ субъективной картины личности интернет-пользователя.

Обзор публикаций по проблеме исследования

Впервые термин «картина мира» ввел в употребление немецкий физик Герман Герц, понимая под ним совокупность внутренних образов внешних предметов, дающих понимание поведения этих предметов. В нашем понимании, картина мира — это то, каким образом мы воспринимаем этот мир и себя в нем, это отражение окружающих нас явлений в сознании, это результат нашего взаимодействия с окружающим миром. Такое

определение подводит нас к трактовке представлений о мире через субъективный опыт человека. Исследования такого рода проводились, в первую очередь, в рамках когнитивизма, в связи с проблемами восприятия, хранения и переработки информации человеческим сознанием. Вслед за термином картина мира, Е. Толманом был предложен термин когнитивная карта, что позволило определить когнитивную картину мира как активную структуру. Один из основоположников когнитивной психологии У. Найссер отмечал, что когнитивные схемы и карты могут проявляться в виде образов, так как переживание образа также представляет собой некий внутренний аспект готовности к восприятию воображаемого объекта[8].

В психологии к дефиниции картина мира обратился А.Н. Леонтьев, приписав ей систему значений и поле смысла. Исходя из теоретических принципов А.Н. Леонтьева, сознаваемую картину мира можно разделить на три слоя сознания: первый слой — чувственные образы; второй — значения, носителями которых являются знаковые системы, которые формируются на основе интериоризации операционных и предметных значений; третьим слоем выступает личностный смысл [6].

В.П. Зинченко разделил сознание на два слоя. Первый слой представляет собой бытийное сознание. Оно включает в себя опыт действий, движений, а также чувственные образы. Вторым же слоем является рефлексив-

ное сознание, которое объединяет смыслы и значения. С значениями сопоставимы научные и житейские знания, со смыслом соотносятся мир человеческих ценностей, эмоций а также переживаний [4].

С.Д. Смирнов, обращаясь к дефинициям картина мира и образ мира отметил основные характеристики образа мира, а именно:

- ◆ амодальность образа мира;
- ◆ целостный, системный характер образа мира;
- ◆ многоуровневая структура образа мира [1,5,9].

Проблема взаимоотношения субъективного опыта и образа мира является центральной в исследованиях Е.Ю. Артемьевой. Она понимает образ мира как интегратор следов взаимодействия человека с объективной действительностью. Н.Н. Королева в качестве базового элемента картины мира выделила инвариативные смысловые образования, которые обеспечивают целостность картины мира. Е.Е. Сапогова отмечает деятельностную и социальную природу картины мира [5].

В культурологическом аспекте картина мира оценивается общими и специфическими универсалиями: знаниями, представлениями, ценностями, хронотопами, движением вещественного. Таким образом, картина мира в культурологии связана с восприятием и отображением в сознании человека этих универсалий. Универсалиями выступают прежде всего культурные нормы и ценности. Следует отметить, что изменчивость культурных норм порождает разные картины мира в сознании людей.

В исследованиях А.Я. Гуревича отмечается, что культурная картина мира в качестве элементов включает А.Я. Гуревич еще и этнические особенности народов, категории числа, отношение к сверхчувственному. Кроме того, исследователи включают в культурную картину мира представления о личности, о ее отношении к обществу, ценности свободы, семьи, жизни и смерти, духовность. Следует отметить, что в культурологии акцентируется внимание на передаче культурной картины мира из поколения в поколение. В таком случае справедливо говорить о том, что все возможные противоречия связаны с тем, что картина мира определяется на основе неких культурных аспектов. Следовательно, и речь идет не о целостном толковании картины мира, а только об описании ее отдельных составляющих. При этом важно сосредоточение внимания на том, чтобы исследовать картину мира через целое — и в целом. Очевидно, что для этого необходима культурно-историческая перспектива рассмотрения; в первую очередь — выделение механизма взаимодействия картины мира и культуры в их генезисе.

Лурье считал, что картина мира состоит из констант мира и ценностных ориентиров. Эти группы по своему

содержанию соотносятся как цель действия и способ действия [14]. При этом константы вступают в зону сознания как представление о наиболее удобном способе действия, а формы, в которых эти представления проявляются могут быть разнообразными. Именно этот феномен объясняет противоречивость в картине мира: искажения появляются в ходе выстраивания новой картин мира на основе старой. Так, люди летают в космос и верят в неудачу, принесенную черной кошкой.

В случае разрушения и исчезновения культуры картина мира, свойственная данной культуре, прекращает своё существование. Следует заметить, что при смене картины мира культура не исчезает, а лишь претерпевает ряд изменений: появляются новые константы (универсалии), а прежние вытесняются на периферию картины мира, либо поверхностные структуры проходят ряд модификаций в последнюю очередь. Таким образом, смена картины мира предполагает определенную преемственность, где когда-то актуальные установки продолжают существовать в скрытом виде — и, следовательно, могут быть реализованы в некоторых ситуациях [8].

Можно сделать вывод о том, структура картины мира может быть описана как оппозиция сознательного и бессознательного, ядерного и поверхностного, устойчивого и неустойчивого, архаического и современного, рационального и иррационального.

Картина мира не является самостоятельным образованием. Она зависит и от большого количества факторов (от уровня развития технологий, от социальной структуры, от типа производственных отношений в данном обществе, от степени этнической и геополитической тревожности, в том числе и от геоклиматических условий). Но существует система, объединяющая все предложенные аспекты человеческого бытия в единый ракурс. Под этой системой подразумевается культура в широком смысле этого слова, как специфический способ жизнедеятельности людей [12].

В обществе постмодерна, где интернет-технологии создают новое виртуальное пространство, привычная картина мира претерпевает изменения. Так, меняются общие и частные универсалии, те, что казалось должны быть неизблемыми. Особенности Интернета как жизненного пространства, а именно: размывание пространственных границ; растяжение и конденсация времени; открытость; наличие знаковых мест; гипертекстуальность, возможность нелинейной организации событий, динамичность и игровой характер определяют специфику картины мира интернет-пользователя.

В исследованиях интернет-культуры Е.А. Ляшенко Интернет рассматривается как вторичная моделирующая

Рис. 1. Теоретическая модель исследования картины мира

щая система, с помощью которой строятся модели мира. Ученый указывает, что современная интернет-культура ориентирована на монтажность; клиповость; увеличение количества сообщений; увеличение числа текстов, отсутствие художественного, смыслового, ценностного отбора информации; установка на получение готовых сообщений [7].

Таким образом, Интернет, предлагая доступность, вневещественность, интерактивность, массовость коммуникации, формирует новую форму сознания и новую картину мира личности.

Когнитивное взаимодействие с миром является основным процессом информационного характера, который используется при активном построении картины мира. Под когнитивным информационным взаимодействием понимаем двухсторонний и многоканальный процесс передачи информационных воздействий от одного взаимодействующего субъекта «А» к другому взаимодействующему субъекту «В» с подключением когнитивной области субъектов к процессу взаимодействия и анализа информации [8,13].

Сталкиваясь с огромным количеством параметров, отражающих сложную ситуацию, разум людей объеди-

няет их в группы в соответствии с качественными признаками на основе когнитивных представлений при отсутствии строгих формальных описаний. В процессе принятия решений люди анализируют объекты и систему отношений между ними. При возникновении сложностей производится разложение на структурные элементы сложного объекта или явления. Таким образом, когнитивный аспект является важным аспектом построения картины мира. Данный аспект связан с проблемами восприятия, хранения и переработки информации человеческим сознанием [13].

Эмоциональный компонент картины мира возникает как результат оценочной деятельности сознания при ментальном освоении элементов мира. В эмоциональной картине мира объективно существующая реальность отражается через призму эмоций людей [3]. Выражаясь другими словами, эмоции отражают не предметы и явления реального мира, а отношения, в которых они находятся к человеку, то есть не свойства предметов и явлений, а их значение для жизни человека. Таким образом, можно говорить о существовании прямо пропорциональной зависимости между эмоциональным состоянием человека и его представлением об этом мире, картиной мира в его сознании.

Активность в Интернете предполагает в качестве обязательного условия решение задачи самоопределения и поиска идентичности. Сеть предоставляет субъекту возможность осмысления мотивационных ориентиров своей деятельности и свойств идеального «Я», на основе чего и складываются условия осознания составных частей своей личности и приобретения навыков управления ими.

Интернет-пространство даёт возможность реализовать мифологическую составляющую субъективного образа «Я»: идентифицировать себя с культурным героем Интернета, осуществлять перемещения; преодолевать границы. Интернет, выполняя по отношению ко всей современной культуре функцию периферии, стимулирует формирование картины мира, где происходит накопление всё новых и новых знаний о случайном, ненормативном, не вписывающемся в жесткие рамки устоявшихся субъективных представлений [10,11,14].

Интересен анализ этнической картины мира в интернет-пространстве. По мнению Л.В. Черемошкиной, в отличие от «пространства» культуры, где все объекты обладает материальным носителем, объекты интернета представляются сознанию кусками информации, определяясь в знаниях и рассуждениях интернет-пользователей. Согласно концепции уровневой организации когнитивных координаций Б.М. Величковского, образы и представления субъекта выступают как особые пространства движения мысли, создающие возможности для действия. Все высказывания в Интернете, представ-

ляя собой такое пространство, создают возможность интернет-деятельности для субъекта, а также позволяют использовать его в виде собственного субъективного пространства [2,10].

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Субъективная картина мира в культурологии представляет собой совокупность образов, знаний, представлений и эмоциональных отношений личности, построенных в рамках принятой культуры.

2. Субъективная картина мира в культурологии может быть описана при помощи констант или универсалий, что подразумевает хронотопы, дихотомии добра-зла, жизни-смерти и ценностных ориентиров самой личности и культуры, в которой личность находится.

3. Интернет предоставляет субъекту возможность осмысления мотивационных ориентиров своей деятельности и свойств идеального «Я», на основе чего и складываются условия осознания составных частей своей личности и приобретения навыков управления ими.

4. В субъективной картине мира личности в интернет-пространстве преобладает мифологическая составляющая, что позволяет человеку идентифицировать себя с культурным героем Интернета, осуществлять перемещения; преодолевать границы, выполнять новые виды деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежицкая. — М., 2001. — 426 с.
2. Величковский Б. М. Открытое письмо в редакцию / Б. М. Величковский // Вопросы психологии. — 2001. — № 2. — С. 152–155.
3. Горрея Р. К понятию эмоциональной картины мира / Р. Горрея // Вестник МГЛУ. — 2010. — № 584. — С. 29–39.
4. Зинченко В. П. Образ и деятельность. / В. П. Зинченко — М.: Воронеж, 1997. — 298 с.
5. Королева Н. Н. Смысловые образования в картине мира личности: Автореф. дис. канд. психол. наук. / Н. Н. Королева. — СПб., 1998. — С. 16.
6. Леонтьев А. Н. Образ мира. / А. Н. Леонтьев // Избр. психологические произведения: В 2 т. — М., 1983. — С. 251–261.
7. Ляшенко Е. С. Семиотический аспект интернет-культуры // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 2 (26). — С. 199–205.
8. Найссер У. Познание и реальность. / У. Найссер. — М., 1982. — 145 с.
9. Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления / В. В. Петухов // Вестник МГУ. Сер. 14. — 1984. — № 4. — С. 13–21.
10. Сенченко Н. А. Особенности хронотопов в интернете (на основе культурологического анализа сетевой литературы) // Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени: сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. — № 4 (9). — С. 54–57.
11. Смирнов С. Д. Психология образа. Проблема активности психического отражения. / С. Д. Смирнов. — 1985. — 227 с.
12. Солдатова Г. У. Толерантность и интолерантность — две грани межэтнического взаимодействия / Г. У. Солдатова // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. — 2001. — С. 32–40.
13. Соловьёв И. В. Картина мира как когнитивная парадигма / И. В. Соловьёв // Образовательные ресурсы и технологии. — 2016. — № 1. — С. 96–102.
14. Чудова Н. В. Особенности образа Я жителя Интернета. / Н. В. Чудова // Психологический журнал. — 2002. — № 1. — С. 54–59.

© Сенченко Наталья Анатольевна (senchenko_n.a@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕЛЕСНОСТИ И ФИТНЕС КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОСТИ

METHODOLOGY OF INVESTIGATION OF PHILOSOPHY AND FITNESS OF CULTURE OF MODERNITY

**S. Stoycheva
A. Cheremisov**

Summary. The article is devoted to the increasing role of corporality in contemporary culture in general, the importance of questions of visual presentation for modern culture and the inclusion of fitness culture in the culture of the consumer society and the communication culture of our time.

Keywords: culture, body, corporeality, fitness — culture, man, health, healthy lifestyle.

Стойчева Светлана Сергеевна

*Старший преподаватель, Ишимский педагогический институт им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ в г. Ишиме
pet7062@yandex.ru*

Черемисов Андрей Васильевич

Ассистент, Ишимский педагогический институт им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ в г. Ишиме

Аннотация. статья посвящена возрастанию роли телесности в современной культуре в целом, важности вопросов визуальной презентации для современной культуры и включенностью фитнес-культуры в культуру общества потребления и коммуникационную культуру современности.

Ключевые слова: культура, тело, телесность, фитнес — культура, человек, здоровье, здоровый образ жизни.

Актуальность исследования фитнес-культуры обосновывается возрастанием роли телесности в современной культуре в целом, важности вопросов визуальной презентации для современной культуры и включенностью фитнес-культуры в культуру общества потребления и коммуникационную культуру современности.

Целью исследования является изменение социальной структуры общества, изменение качества жизни человека и её продолжительности, процессы феминизации, высвобождение большего количества свободного времени и формирование сферы досуга как важной для самоопределения части человеческого бытия, а также процесс визуализации культуры.

Ведущие подходы к исследованию проблемы телесности хорошо разработаны современной философией. Философские подходы к осмыслению тела, анализ телесности человека в ценностном ключе, проблемы синтеза тела и мысли рассматриваются в трудах А. Бадью, А. Валлона, Ж. Делёза, М. Фуко, М. Мерло-Понти, Г. Марсея, Ж.-Л. Нанси, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра, Л. Фейербаха, М. Шелера, М.Н. Эпштейна. Из российских исследователей эту проблематику мы находим в трудах В.В. Подороги, Л.В. Жарова, Л.П. Карсавина, В.Л. Круткина, В.В. Налимова, Г.Л. Тульчинского и др. Особенно важной представляется феноменологическая онтология тела, разрабатываемая на основе идей Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра, Ж.-Л. Нанси, А. Бадью.

Проблемы стратегий идентификации и репрезентации образа «Я» рассмотрены в трудах Э. Эриксона,

П. Бергера и Т. Лукмана, И. Гоффмана, Г. Бриквелла, С. Московичи, В. Дойса, Р. Фогельсона. Анализ практик идентичности в современности осуществляется в работах М. Кастельса, Г. Миненкова, Е. Суровой.

Проблема культурных индустрий рассматривается в работах А.А. Васецкого, С.Э. Зуева, К. Нордстрема, В.И. Полищука, Й. Риддерстрале, А.Я, Флиера, Р. Флориды, Д. Хезмондалша.

Теории и практике фитнеса посвящены работы как педагогического и психологического характера, так и работы в области исследований спорта, медицины, физической культуры. Это труды Т. Кудра и Э.Т. Хоули, Д. Койла, Х. Гумбрехта, Р.В. Эрла, Т.Р. Бехля, Б. Шаркли, Л. Даллека, Л. Кравитца, Т.В. Бесташивили, В.И. Борилкевича, В.И. Григорьева, С.Н. Бубки, Е.Г. Сайкиной, Г.М. Пономарева, Л.В. Рудневой, Я.М. Коц и др.

Введение

Понятие фитнес-культуры, которое вынесено в название темы, возникло относительно недавно. Понятие фитнес (от английского to be fit for — соответствовать, быть в форме) связывается, прежде всего, с индустрией фитнеса, которая развивается как самостоятельная часть спортивной и оздоровительной индустрии и индустрии рекреации. Индустрия фитнеса развивается сегодня чрезвычайно активными темпами, обращается к новейшим технологиям и напрямую зависит от современной визуальной культуры. Именно это позволяет нам говорить о специфической фитнес-культуре, которая

требует исследования в рамках культурологии, равно как и смежных социальных и гуманитарных дисциплин.

Мы рассматриваем фитнес как сознательно выбранный целенаправленный процесс оздоровления и формирования привлекательного образа тела и как специфическую субкультуру, ценностями которой выступают телесное здоровье и здоровый образ жизни. Целью процесса фитнес-оздоровления является как поддержание здоровья (физического, психического, социального), так и создание специфической визуальной презентации собственной идентичности, соотносящейся с доминирующими в обществе стандартами красоты и проведения досуга. Таким образом, исследование фитнес-культуры оказывается тесно связанным с двумя важными для современной культуры темами — переосмыслением телесности и визуальной идентичностью.

Историки культуры и философы отмечают, что происходит «отелеснивание» культуры в целом, что связано как с повышением уровня комфорта в повседневной жизни, так и с изменением представлений о человеке. Важным фактом, который обусловил актуальность проблем телесности за последние 50 лет, является изменение социальной структуры общества в странах Европы, изменение качества жизни человека и её продолжительности, процессы феминизации, высвобождение большего количества свободного времени и формирование сферы досуга как важной для самоопределения части человеческого бытия, а также процесс визуализации культуры.

В современных представлениях и идентификационных практиках образу тела, формированию тела, телесному здоровью уделяется огромное внимание. Визуальная культура активно утверждает стандарты телесной красоты и формулы успешности, напрямую связанные с определёнными репрезентациями тела. На сознание многих мужчин и женщин оказывают значительное влияние стереотипные представления о физически развитом красивом теле, имеющем определённые пропорции и формы. Таким образом, в сознании масс искусственно завышается значимость внешности, вне зависимости от социальной роли и статуса носителя. В этой связи оказывается актуальным изучение техники и технологии формирования тела, заданного параметрами, транслируемыми популярной культурой.

Говоря о телесной культуре, мы встречаем два различных базовых понятия — тело и телесность. Причём, если тело понимается всё же как объект, покров или граница, то понятие телесность имеет более широкое значение, соотносённое с социокультурным контекстом.

Тело трактуется, прежде всего, как предмет, расположенный в пространстве. Также телом называется «орга-

низм человека или животного в его внешних физических формах и проявлениях; физическое начало в человеке в противоположность духовному (страдать не телом, но духом); часть человеческой фигуры от шеи до ног; туловище, корпус; останки умершего человека, мёртвый человек, труп» [1, с. 344]. Психология изучает тело как место и условие протекания психических процессов. Тело исследуется многими науками на стыке медицины и психологии: психофизиологией, психосоматикой, и т.д. Тело выступает здесь своего рода субстратом, материей — это клетки, органы, ткани, определённым образом организованные в структуру, словом то, что обеспечивает протекание различных процессов. [1, с. 344]. Для биологических и психологических наук, равно как и для медицины, тело само оказывается пространством для процессов.

Философия определяет тело различным образом. Философский энциклопедический словарь даёт следующие определения: «1) название материальной протяжённой вещи как чего-то объективно физического; 2) неточное название материального носителя жизни организма, в частности, организма человека; 3) название трёхмерной фигуры в стереометрии». Отдельно выделяется понятие «живое тело», обосновывается соотношение тела и духа, единства духовного и витального. История философской мысли знает как культ телесного, так и полное пренебрежение телом во имя духа [2, с. 185]

Современная философия рассматривает тело как базовую структуру идентичности, акцентирует внимание на том, что именно тело есть наш первый опыт в мире, своего рода проводник в мир. Тело задаёт границы нашего восприятия и одновременно является условием возможности нашей деятельности. Именно поэтому осмысление тела и телесности стали одной из наиболее важных тем для современной философии. М. Мерло-Понти определял тело как интенциональность особого рода [2, с. 185], то есть, с его точки зрения, именно тело даёт нам возможность действовать, проявлять себя в мире. Но мы полагаем также, что не менее важно и то воздействие, которое оказывается на тело извне — совокупность культурных воздействий создаёт тело как культурный феномен.

Тело одновременно и природный, и социальный, вернее, социокультурный феномен. Изучая различные культуры и эпохи, мы чётко видим, как изменяется образ тела. Физическое воспитание, физическая культура и фитнес в том числе, является одним из мощных способов формирования тела, идеальный образ которого задаётся нормами конкретной культуры.

История европейской культуры демонстрирует нам смену различных представлений о теле, тесно свя-

занных с религиозными идеями и философскими воззрениями на человека и его место в мире. На смену античному культу тела как микрокосма приходит средневековое небрежение телом как сосудом греха, плотским началом, не заслуживающим доверия и уважения. Новое время с его развитием научного знания, как естественнонаучного, так и философско-гносеологического, ещё более усиливает дуализм тела и духа или разума, тело изучается как объект, оно подвластно разуму. Развитие европейской цивилизации акцентирует внимание на технической, познавательной, и, в конечном счёте, материальной составляющей. В таком контексте тело приобретает специфический смысл — оно трактуется как своего рода инструмент, «техническое обеспечение» духа. С этих позиций тело репрезентируется в культуре, показывается согласно социальным нормам и воспитывается, формируется, культивируется.

Инструменталистская концепция тела может быть трактована как одна из исходных составляющих фитнес-культуры. Одновременно с этим важным для понимания фитнес-культуры становится постклассическое понимание телесности. Образ тела соотносится в современной философии и культурологии с понятием телесности. Понятие телесности, как считают учёные, в большой степени амбивалентно [2, с. 185]. Психологи определяют телесность как пространственную структуру, имажинативную структуру внутреннего пространства, которое воспринимается человеком как нечто, соотносящееся с его «Я». Тело в этом случае оказывается границей «Я» [2, с. 185]. Е.Э. Газарова подчёркивает, что телесность «не является продуктом одного лишь тела — это отдельная реальность, результат действия триединой природы человека... объективно наблюдаемое и субъективно переживаемое выражение и свидетельство вектора совокупной энергии индивида» [2, с. 185]. Телесность определяется культурными нормами, паттернами, она есть выражение габитуса — совокупности поведенческих и пластических выражений человека. Телесность изменчива и социокультурно обусловлена.

Особенность неклассической философской традиции, выросшей из философии жизни и экзистенциалистской проблематики, в том, что человек, субъект окончательно перестаёт пониматься «по-просвещенчески», как трансцендентальный, и начинает рассматриваться как живой, страдающий, изменяющийся субъект, признающий собственные аффекты и иррациональные состояния. Именно в этом контексте в философском дискурсе появляется понятие телесности: «Телесность — понятие неклассической философии, конституированное в контексте традиции, которая преодолевает толкование субъекта как трансцендентального и вводит в поле философской проблематики такие феномены как сексуальность, аффект, перверзии, смерть и т.д.» [2, с. 185].

Тело, как отмечает в своём исследовании В.А. Подорога [2, с. 185], начинает осмысляться через понятие опыта. Впервые тело было проблематизировано как содержание опыта феноменологией, которая выделила понятие телесных чувств и чувственного опыта. Э. Гуссерль писал о «событии ощущения», которое позволяет выделить тело в некую «уникальную первовещь», объект, «которому я, сообразуясь с опытом, приписываю поля ощущений». Тело, согласно мысли Гуссерля, конституируется, прежде всего, осязанием. Напротив, феноменология тела М. Мерло-Понти строится по преимуществу как визуальная. Тело «видит себя видящим, осязает осязающим, оно видимо, ощутимо для самого себя. Это своего рода самосознание» [3, с. 13].

Современные исследователи используют понятия «телесного образа» и «телесной схемы», чтобы прояснить специфику внесознательных и сознательно регулируемых телесных процессов. Эти понятия поясняет Ш. Галлахер, определяя телесный образ как «систему восприятий, установок и пресуппозиций, свойственных чьему-то телу», а телесную схему как «систему сенсорно-моторных способностей, функционирующих безотносительно к нашей осведомлённости о них или к их восприятию» [3, с. 13]. Телесная схема, таким образом, функционирует без контроля нашего сознания, и становится для нас феноменом, как отмечал М. Мерло-Понти, лишь в момент болезни, травмы, диссоциации. М. Джонсон называет эту телесную схему «прячущимся телом», которое «выполняет свою филигранную работу по большей части за спиной у наших чувств» [3, с. 13].

Таким образом, в философии задаётся два вектора современной фитнес-культуры — тело как опыт и как визуальное представление о самом себе.

Параллельно развивалось и инструментальное представление о теле, восходящее к традиции европейской культуры. М. Фуко писал о «дисциплинировании» и «подчинении» тела. Исследуя специфику властных отношений, он пришёл к выводу, что телесная дисциплина, в том числе и дисциплина проявлений сексуальности, является и остаётся постоянной практикой власти, которая подчиняет человека, изменяя его представления о теле. Таким образом, помимо анализа опыта тела и визуальности, в круг исследования фитнес-культуры с необходимостью входят практики властных отношений и коммуникации.

XX век — век развитых технологий и интенсивного развития нового типа форм фиксации и передачи культурного опыта, изменяет сам принцип воздействия на человека и начинает осуществлять властные манипуляции, опираясь на тело: «Правила, диктующие индивиду, как видеть, воспринимать, ощущать и оцени-

вать любую вещь или проблему, как выполнять ту или иную предписанную функцию, постепенно становятся «естественными», частью самой личности, её соматики и кинесики» [4, с 138]. Развитие технологий позволяет манипулировать телом и трансформировать его — в диапазоне от улучшений при помощи пластической хирургии до трансплантаций и технологически совершенных робото-протезов и экзоскелета.

Само возникновение идеи фитнеса чётко вписывается в инструменталистскую концепцию телесности. Слово *fitness* означает «соответствовать», то есть подразумевает соотношение с неким канонem (форм тела) либо функцией (которую тело должно адекватно и эффективно выполнять). Фитнес как физкультурная практика подразумевает два направления: во-первых, создание красивого, подтянутого, гармонично развитого рельефного тела, и, во-вторых, улучшение самочувствия, причем как физического, так и психического. Фитнес как культура направлен, прежде всего, на коммуникацию, создание сообщества и определённого образа жизни.

Современности принадлежит открытие того, что тело неразрывно связано с эмоциями, которые переживает человек. «Специфически человеческим» является не наличие отдельных эмоций, а сама способность испытывать эмоции, эмоции же, как доказала психофизиология, переживаются телесно, более того, они фиксируются в теле — как мышечные реакции и мышечные блоки, которые со временем могут приводить к серьезным нарушениям и болезням.

Современные направления изучения эмоций можно разделить на несколько основных теоретических трендов. Один из них можно назвать аксиологическим — его последователи исходят из того, что эмоции оценивают наше восприятие действительности. Об этом пишут, например, А. Дамасио и Д. Ле Бретон [4, с 138]. Второй важный теоретический тренд — исследование телесной

обусловленности эмоциональных переживаний. В центре внимания оказывается телесное переживание эмоций, и, соответственно, телесная драматургия и способы влияния на эмоции через тело. Также большое значение имеет изучение эмоций как культурных практик [4, с 138], в том числе и фитнес-практик, и, наконец, психотерапевтическое исследование эмоций [4, с 138].

Современная культура реабилитирует тело и телесность, уделяет внимание телу и телесной культуре. Важно, что тело понимается сегодня как условие опыта человеческого самосознания и познания, равно как и опыта деятельности — в контексте социальных и личных отношений, и отношений сексуальности и власти в том числе. Возникновение идеи фитнеса напрямую связано с пониманием телесности как условия опыта, в том числе опыта индивидуального, а также с идеями изменения тела, осознания и познания тела в условиях тех или иных отношений в социуме. Таким образом, мы пришли к выводу, что современная культура способствует реабилитации тела, тело начинает пониматься целостно, как одна из базовых структур идентичности, оно получает аксиологическую нагрузку. Вместе с акцентом на важность эмоциональной и подсознательной составляющих, понимания тела как хранящего эмоции, тенденции современной культуры оказываются противоположными европейским христианским традициям, в которых тело противопоставлялось духу и более близким традициям восточным, в которых тело рассматривалось холистически.

Всё это оказывается важным для изучения фитнес-культуры в её коммуникационном аспекте, поскольку доказывает, что работа с телом одновременно позволяет создавать и экологическое, и корректное социальное пространство коммуникации, общения и взаимодействия людей. В современности телесность как таковая становится ценностью — изучение фитнеса как культурной практики приобретает аксиологический аспект, на что указывает И. М. Быховская [4, с 138].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бескова Д.А., Тхостов А. Ш. Телесность как пространственная структура. // Психология телесности между душой и телом. — М.: АСТ, 2005. — С. 237–240.
2. Большой толковый психологический словарь: в 2 т. Т. 1 / А. Ребер. — М., 2000..
3. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 2003..
4. Быховская И. М. *Nomo Somaticus*: аксиология человеческого тела. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 108 с.
5. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. — СПб.: Интерсоцис, 2009. — 164 с.
6. Газарова Е. Э. Тело и телесность: психологический анализ. // Психология телесности между душой и телом. — М.: АСТ, 2005..
7. Григорьев, В. И. Стратегия формирования индустрии рекреации / В. И. Григорьев, В. С. Симонов. СПб., 2006.
8. Гуссерль Э. Картезианские размышления. [Электронный ресурс] http://philosophy.ru/Library/Husserl/kartesianshe_meditationen.html
9. Джонсон М. Смысл тела: эстетика человеческого понимания. // Метаморфозы телесности. — СПб.: СПбГУ, 2015. — С. 233–245.
10. Жаров Л. В. Двадцатилетний опыт изучения проблемы человеческой телесности (взгляд врача и философа) / Л. В. Жаров. — Ростов н/Д., 2001.
11. Ильинич В. И. Физическая культура студента: учебник / под ред. Ильинича В. И. — М.: Гардарики, 2003. — 488 с.
12. Косяк В. А. Эпистемология человеческой телесности. — Сумы: ИТД Университетская книга, 2002.

13. Литвак Р.А., Резанович И. В. Организация досуговой деятельности пожилых людей в фитнес-клубе. // Современные проблемы науки и образования, 2011, № 6. [Электронный ресурс] <http://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-dosugovoy-deyatelnosti-pozhilyh-lyudey-v-fitness-klube>
14. Мерло-Понти М. Око и дух. — М., 1992.
15. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. / М. Мерло-Понти / пер.с фр. — СПб.: Ювента, 1999. — 712 с.
16. Петрова Т.Э., Каравашкин А. А. Проблемы формирования здорового образа жизни молодёжи. // Интеграция образования, 2005, № 4.
17. Подорога В. А. Политики тела в европейской культуре. // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. — С. 111–118.
18. Подорога В. А. Феноменология тела. М.: Ad Marginem, 1995. — 339 с.
19. Полищук В. И. Человек в мире и мир в человеке // NB: Психология и психотехника. — 2012. — № 2. — С. 106–135.
20. Полищук В. И. Креативная природа идеала. // Международный журнал исследований культуры, 2014, № 4 (17). — С. 65–71.
21. Сайкина Е. Г. Фитнес в модернизации физкультурного образования детей и подростков в современных социокультурных условиях / Е. Г. Сайкина. — СПб.: Образование, 2008. — 301 с.
22. Сайкина Е. Г. Фитнес в системе физической культуры. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2008, № 68. — С. 182–190.
23. Смоляр Е. В. Женский фитнес — путь к здоровому образу жизни. // Актуальные аспекты современной науки, 2013, № 3(2). — С. 204.
24. Философский энциклопедический словарь. — М.: Инфра-М, 1999. — С. 450.
25. Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе. — Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. — 288 с.
26. Damasio, A. R. The Feeling of What Happens. Body and Emotion in the Making of Consciousness. — New York: Harcourt Brace & Company, 1999. Le Breton, D. Les passions ordinaires. Anthropologie des émotions. — Paris: Armand Colin, 1998.
27. Gallagher S. How the Body shapes the Mind. — Oxford: Oxford University Press, 2005, P. 24.
28. Hochschild A. The Meaningful Heart: Commercialisation of Human Feeling. — Berkeley, 1983. 307 p., p. 138
29. Regulating Emotions. Culture, Social Necessity, and Biological Inheritance. / Vandekerckhove, Marie/Christian von Scheve/Sven Ismer/Susanne Jung, and Stefanie Kronast (eds). — Malden: Blackwell, 2008; Greenberg L., Working with Emotions in Psychotherapy. New York: Guilford, 1997.
30. Turner J.C. A self-categorization theory // Turner J. C. et al. (eds). Rediscovering the social group: A self-categorization theory. Oxford: Basil Blackwell, 1987.

© Стойчева Светлана Сергеевна (pet7062@yandex.ru), Черемисов Андрей Васильевич.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ишимский педагогический институт им.П.П.Ершова (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

БУДДИЙСКАЯ ОБРЯДОВАЯ ТРАДИЦИЯ В МУЗЫКАЛЬНОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Цибудеева Надежда Циденевна

К. искусствоведения, доцент, ФГБОУ ВО Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
г. Улан-Удэ
cebude@mail.ru

BUDDHIST TRADITION IN MUSICAL REFRACTION

N. Tsibudeeva

Summary. The subject of the study is the musical side of the Buddhist religion, which penetrated into the territory of ethnic Buryatia, and in the XVIII century was recognized by the supreme authority of Russia. The Buddhist cult, endowed with a high sacred meaning and mysterious mystery, was traditionally accompanied by rituals and worships in musical instrumental design. Such are the summer liturgies Maidari and Tsam, formerly held in the temple territories and popular with the people.

The description is based on the comparative method, which implies a comparative comparison of Buddhist rituals with Christian services designed to propagate theological truths. They are comparable to theatrical performances by the presence of their vocal part, the entertainment of choreographic costume numbers with pantomime, solo recitatives and choral episodes. The sufficiently branched and specific instruments of the orchestra are represented by a rather disharmonious combination of aerophones, idiophones and membranes, which exert an ecstatic effect on the psyche of the listener through overwhelming impressiveness and the creation of a state close to trance.

The scientific novelty of the study consists in newly discovered data on the interpretation of Buddhist rituals, which irretrievably lost certain components over the decades of their semi-legal existence in public space.

Keywords: confession, clergy, sangha, Buddhism, lamaism, hural (liturgy), mantra, huwarak, mystery, sacred.

Аннотация. Предметом исследования является музыкальная сторона буддистской религии, которая проникла на территорию этнической Бурятии и в XVIII веке получила признание со стороны верховной власти России. Буддистский культ, наделённый высоким сакральным смыслом и мистериальной загадочностью, традиционно сопровождался обрядами и молитвенными хуралами в музыкально-инструментальном оформлении. Таковыми являются летние богослужения-хуралы Майдари и Цам, прежде проводимые на храмовых территориях и пользовавшиеся популярностью у народа.

В основе описания лежит компаративистский метод, подразумевающий сравнительное сопоставление буддистских обрядов с христианскими богослужениями, предназначенными для пропаганды богословских истин. Они сопоставимы с театральными представлениями наличием у них вокальной партии, зрелищности хореографических костюмированных номеров с пантомимой, сольных речитативов и хоровых эпизодов. Достаточно разветвлённый и специфический инструментальный оркестр представлен довольно дисгармоничным сочетанием аэрофонов, идиофонов и мембранофонов, оказывающих экстатическое воздействие на психику слушателя посредством подавляющей внушительности и созданием состояния близкого к трансовому.

Научная новизна исследования состоит во вновь открывшихся данных в отношении трактовки буддистской обрядности, безвозвратно утратившей отдельные компоненты за десятилетия своего полуправового существования в публичном пространстве.

Ключевые слова: конфессия, клир, сангха, буддизм, ламаизм, хурал (богослужение), мантра, хуварак, мистерия, сакральный.

Согласно летописным источникам, тибетская ветвь буддизма проникла к бурятскому населению Забайкалья в начале XVII века через Монголию и получила название буддизм Ваджраяны (от санскр. «ваджра» — «алмаз»). Буряты, находившиеся в подчинении туматского Алтан-хана, приняли во 2-й половине XVI в. буддистское вероучение (автор фундаментального труда «Бурятские исторические хроники и родословные» Г.Ц. Цыдендамбаев указывает точную дату — 1576 г.). Оно насаждалось приглашённым в их владения Далай-ламой [1, с. 58, 229]. Тогда первые домашние молельни в виде *дуганов* или кошмовых храмов (*сүмэ*) стихийно возникали в кочевьях степняков. В них исповедовались родоплеменные общины вместе со своими старейшинами наряду с появляющимися в поселениях

войлочными юртами (кумирнями) и *дацанами* (буддистскими храмами).

Согласно этнографическим изысканиям, буряты Байкальского региона принадлежат к тибето-монгольской буддистской культурной сфере, простирающейся от Гималаев через Тибет в Монголию, Байкальский регион, Тыву вплоть до низовьев Волги — территории проживания торгутов — западномонгольской группы, называемой калмыками.

Однако в масштабах метрополии буддизм (ламаизм) «воссиял подобно солнцу» с официальным его признанием в 1-й половине XVIII в. Приходу буддистской конфессии на территорию этнической Бурятии способствовала мис-

Рис. 1

сионерская деятельность её основоположника и учёного монаха — ламы Дамбы-Даржо Заяева (1710–76). Рис. 1.

Российские власти признали легитимность буддийской общины в 1741 г. и стали принимать меры по регулированию численности её служителей [2, с. 15]. Будучи с 1764 г. первым Бандидо Хамбо-ламой, т.е. главой буддийской сангхи, Д.-Д. Заяев добился аудиенции у императрицы Екатерины Великой (1729–96) для оформления религиозной организации. В результате она была структурирована по образцу русской православной церкви (РПЦ) с единым предстоятелем, избираемым общиной и утверждённым верховной властью. Заодно были узаконены дацаны со 150-ю ламами-монахами и *хувараками* (учениками-послушниками), освобождёнными от податей и повинностей. Однако по сведениям авторитетных источников, данный указ за подписью императрицы не был обнаружен [3, с. 309]. Серьёзным

шагом в продвижении конфессии было строительство монастырей и университетских комплексов с повсеместным возведением деревянных и каменных буддийских храмов, достигшим к 1852 г. максимума: 34 дацана и 146 молитвенных здания [4, с. 41].

Так Забайкалье оказалось в зоне влияния тибетской цивилизации, где официально оформилась буддийская религия со своим клиром, разработанным культом, иерархией и влиянием на государственные дела.

Как и в любом другом вероучении, в буддийской религии свершаются культы и ритуалы, роль же молитвы выполняют мантры-заклинания, повелевающие незримыми силами в их влиянии на окружающий мир. Будучи методом духовной практики, звуковая вибрация мантры, обладающая интонационно мелодическим оформлением, служит установлению контакта с божествами. В её монотонно-од-

Рис. 2

ноголосном звуковом потоке различимы стихийно возникающие подголоски в нижнем регистре, оплетаемые время от времени произвольными отклонениями от унисона.

Такого рода гетерофонно-хоровое пение, создающее атмосферу торжественно-грозного звучания мужских голосов, производит впечатление пчелиного гудения в улье [5, с. 82]. Звуковая субстанция, наполненная эмоциональным содержанием и темброво насыщенная, воспринимается важным элементом обрядового действия в её воздействии на паству. Каждый из сидящих на земле буддийских монахов издаёт собственный мелос на удобной ему высоте, из их совместного сочетания образуется довольно плотная общая звучность. «Все они пели очень мягко, глубокими, низкими голосами; именно поэтому храм был наполнен каким-то странным, волнующим звуком», писал американский дирижёр Леопольд Стоковский (1882–1977) в популярном издании «Музыка для всех нас» [6, с. 42]. «Молитва буддийская — завершённая, стоячая, вызубренная форма молитвенных текстов и шаманские заклинания — молитва творимая, живая, идущая на чистом темпераменте, на профессиональной

наркотической накачке поэта-колдуна», говорится в воспоминаниях бурятского кинодеятеля мировой значимости Валерия Инкижинова [7, с. 163–164]. Подобными сравнениями и комментариями изобилуют эпистолярные источники и заметки непосредственных участников и свидетелей упоминаемой культовой обрядности.

«Во время богослужений ламы сживают рядами, пьют чай и хором читают или поют слова гимнов, играет струнный оркестр. Рано утром раздаётся заунывный протяжный звук раковины, в которую дуют, как в трубу; из разных концов, из маленьких двориц появляются жёлтые и красные фигуры монахов, идущих медленно, важно, перебирая чётки; они тихо обходят вокруг храма, совершают круговращение и длинной лентой пробираются в широко открытые ворота храма, которые представляются чёрной пастью. Вот они расселись по своим местам, и уставщик низким-низким басом начинает петь хвалебный гимн «Победоносному» — Будде; начинается обычное, ежедневное богослужение», значит у крупнейшего востоковеда, академика АН СССР Б.Я. Владимирцова, исповедовавшего буддизм [8, с. 448–449].

Рис. 3

Подобно христианским молениям, буддийские песнопения предназначены для пропаганды богословских ценностей. Потому главное внимание здесь уделено тексту, мелодия же носит вторичный прикладной характер, ибо не должна затенять/затемнять его содержания. Они исполняются, главным образом, *a capella* (без сопровождения). По уставу монастырской жизни порядок службы ведёт *унзад* (канонарх с сильным и густым басом), он же начинает молитвенные чтения, которые подхватываются остальными.

Атрибутику культовых действий с ясной мелодикой, оркестровыми номерами, инструментальным аккомпанементом, сольным и хоровым речитативом автор вышеприведённых строк В. Инкижинов сравнивает с неким подобием религиозной оперы.

Что же касается инструментария богослужбной оперы, то она состоит из обилия духовых и ударных инструментов, используемых для создания пышных ритуалов и детально регламентируемых в придании им торжественной величавости. Крупнейший специалист по мон-

гольской литературе и быту буддийских монастырей А. М. Позднеев подразделяет их на разряды:

1) духовые (аэрофоны): *дунгар* — морская раковина со звуком, имитирующим звучание рога; *бишхур* — цилиндрический корпус красного дерева с медным раструбом, имитирует ржание мифического коня, якобы переносящего верующих из земного мира в блаженную страну Сукхавади (рай); *бүрээ* — прямые конические трубы разной величины; *гандан* — инструмент из трубчатой кости 18-летней девушки; *дун бүрээ* — морская раковина, сигнал к началу службы; *үхэр-бүрээ* — 4-метровая труба в подражание рёву слона. Рис. 2.

2) потрясаемые, они же по общепринятой терминологии самозвучащие (идиофоны): *хонхо* — небольшой колокольчик с рукояткой. Предназначен для избавления от тёмных сил и демонов. Рис. 3.

3) ударные (мембранофоны): *дамари* — небольшой барабанчик с колотушкой; *хэнгэрэг* — плоский турецкий барабан с деревянными (берестяными) стен-

Рис. 4

ками, украшенными 5-ю или 7-ю взаимно переплетающимися драконами; *цап* — парные медные тарелки с большой головкой из сплава меди, чугуна и серебра; *цэлни* — более плоские тарелки, аналогичные *цап*’у и с меньшей головкой; *харанга* — медный таз ≈ бубен, там-там; *дэнишиг* — две медные вогнутые тарелки, соединённые ремешками; *дударма* — 4-угольная деревянная рама с 9–12-ю тарелочками разной звуковысотной настройки [9, с. 140–144].

Отсутствие струнных (хордофонов) — выразителей основной мысли произведения в европейской музыке свидетельствует о психологическом эффекте, производимом гремющими и звенящими инструментами, который воздействуя на присутствующих, подчиняет их сознание и волю высшим силам, а также предназначен для очищения окружающего пространства от скверны.

Согласно мнению учёных-ориенталистов, из множества храмовых праздников, проводимых в дацанах, музыкальным сопровождением обладают молебствия *Майдари* и *Цам* с использованием произвольной комбинации инструментов от 17 до 40 из вышеперечисленных. На великих хуралах их количество доходило прежде

до двухсот и трёхсот, включая по 49 *бүрээ* и барабанов, 9 *дударма* и *хонхо*-колокольчиков [5, с. 77–78]. Ок. 30-ти добавочных инструменталистов наряду с *унзадом* служили в штате каждого клира в течение 7-летнего срока.

Трёхдневный хурал в честь самого почитаемого *Майдари* (будды Майтрейи) — грядущего Учителя человечества — праздник, значимый после Нового года по лунному календарю. Установленный ок.1409 г. тибетским проповедником Цзонхавой, он подразумевал пришествие на землю царства справедливости и благоденствия [10, с. 40].

Торжественное шествие *Майдари-хурала* открывался блюстителями порядка, освобождавшими ход процессии. Затем попарно следовали ламы — *дун-бүрээчи*, за ними остальные инструменталисты. Далее появлялась колесница, запряжённая зелёной лошадью со скульптурой Будды, которую около 20-ти бурлаков провозили вокруг монастыря. Это символизировало вселенский объезд божества, распространявшего свою благодатную ауру и означало, что участники церемонии являются сторонниками и помощниками *Майдари* в великой битве Шамбалы со злыми силами [11, с. 234–235]. Замыкало

процессию высшее монастырское духовенство. Блестя позолотой и пестря шёлковым разноцветьем, они представляли необычайным зрелищем с зажжёнными светильниками и привлекали людское внимание от 10 до 30 тысяч [9, с. 388–389].

Обряд, протекавший с восхода до заката, сопровождался длительными службами у всех 4-х монастырских ворот. Основной обряд жертвоприношения в виде священных танцев исполнялся 16-ю танцовщиками — четыре четвёрки располагались по четырём краям света: на Юг — в красных одеждах, на Запад — в синих, на Север — в белом, на Восток — в жёлтом [12, с. 25].

Пышность дацанских служб и таинственность мистерий действовала на воображение и душу людей, «направляя их мышление по известной испытанной колее и дисциплинируя ум, лишала их возможности собственного суждения. Этим путём ламаизм, сохраняя свою привлекательность, ревниво оберегает себя от разрушительной светской критики: привлекает к себе народ, но не даёт ему и всегда остаётся заманчивым, таинственным, неразгаданным и совершенным» [13, с. 131].

Подобным почтением наделяли и мистерию *Цам*, которая символизировала победу буддизма над древними языческими поверьями с помощью гневных охранителей веры из бурханов-*докиштов*. Задействованные в ней 108 участников (сакральное в буддизме число) воплощали разных персонажей и события из буддийской мифологии. За ламами — носителями храмовых атрибутов выступали ламы-музыканты. Выход зловещих *хохи-маев* (мёртвых голов, дополненных скелетированными костюмами) словно бы очищал окружающее пространство от нечистой силы и дурных духов, предвещая появление семьи Хашин-хана из добрых и преданных служителей веры. Каждый из его сыновей нёс музыкальную принадлежность: домбру, колокольчик, *дэншиг*, *цап*, *цэлынин*, *дун-бүрээ*.

Важный персонаж театрализованной мистерии — седовласый добродушный дед *Сагаан Ыбгэн* являлся хранителем Земли, Стран и Мест и считался покровителем домохозяев, скотоводства [14, с. 165]. Он выходил в цветастом халате, подпоясанном кушаком с посохом, украшенным набалдашником в виде драконьей головы. Просыпаясь ото сна, Белый старец потягивался, расправлял усы и бороду. Затем выпивал вино и опьянев, пускался в пляс до изнеможения, пока не валился с ног. Наплясавшись, оставался на сцене, забавляя зрителей разными скоморошьими выходками и выразительной пантомимой. Рис. 4.

По мнению учёного этнографа Г.-Д. Нацова, *Сагаан Ыбгэн* является трансформацией шаманского *Эсэгэ ма-*

лан тэнгрия — защитника семьи, охоты и домашних животных из пантеона языческих духов. Он как бы знаменовал эпоху палеолита (каменный век), когда собираясь на охоту, первоначально бурят-монголов приглашали шамана для совершения жертвоприношений *онгонам* — многочисленным духам местности [15, с. 99–100].

В мистерии *Цам* раскрывалась сила танцевально-пластического искусства, слитого с мощным звучанием оркестра из ритуальных духовых инструментов и яркой палитрой божеств-бурханов, людей, животных с масками из папье-маше. Один из её эпизодов был запечатлён в к/ф «Потомок Чингисхана» режиссёра В.И. Пудовкина 1928 г.

Отдельные фрагменты *Цама*, вмонтированные в музыкальную драму «Баир» П. М. Берлинского в постановке народных артистов СССР Г.Ц. Цыдынжапова и И. А. Моисеева с успехом демонстрировались в программе I-ой декады бурятского искусства в Москве в 1940 г. Хореографическая миниатюра «Сон старика» (*Сагаан Ыбгэна*) украшала в течение ряда лет репертуар Государственного ансамбля песни и танца «Байкал» [12, с. 3].

Странствовавший по кандалным сибирским трактам американец Дж. Кеннан обстоятельно описал службу в Селенгинском ламаистском монастыре, состоявшую из уныло-дружного песнопения в исполнении 17 низких ламских голосов с бречением тарелок и глухими ударами огромных барабанов. К ним примешивалось звяканье колокольчиков, стон раковин, гудение рожков, мелодичный перезвон треугольников и хриплый рёв исполинских железных труб в течение 3–4 минут, прерванных другим оркестровым шумом, «от которого стены Иерихона рухнули бы без вмешательства сверхъестественных сил. Такое дьявольское смешение звуков, прерываемое время от времени суматошной игрой 20-ти или 30-ти различных инструментов, составило «благодарственный» молебен, продолжавшийся около 15-ти минут» [16, с. 66–67].

И вместе с тем «оглушение» сознания верующих треском барабанов, звоном медных тарелок и рёвом огромных труб, настроенных на большей резкости «вразлад» и его «усыпление» при помощи лёгкого постукивания в маленький ручной барабанчик, перезвона колокольцев в руках лам и на крышах пагодообразных храмов, невнятного бормотания молитв. Экстатическими ритмами громкозвучных инструментов и монотонностью усыпляющих лопотаний и перезвонов в уродливых ритмах мелодических форм — эти приёмы применялись как ламаистами, так и шаманистами», отмечал исследователь монгольского фольклора Б. Ф. Смирнов [5, с. 77].

Помимо театрализованных представлений буддийский оркестр использовался, к примеру, в торжествах

по поводу встречи священных книг из Тибета на русско-монгольской границе, а также в ритуально-бытовых молебнах в целях исцеления. Трубя впервые, они будто бы изгоняли злых духов, трубя вторично, призывали на помощь добрых духов [17, с. 166].

К большому сожалению, о многом из написанного можно ныне судить лишь по письменным источникам и мемуарной литературе, ибо культово-буддийские

атрибуты были изъяты с наступлением эры торжествующего атеизма из всех существовавших дацанов и по предложению СНК РСФСР направлены с 14 января 1930 г. на нужды индустриализации страны

Согласно описям только в Ацагатском дацане находилось около 130 ритуальных музыкальных принадлежностей. Подобным набором инструментов обладали лишь крупные дацаны, имевшие разрешение на проведение *цамов*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные / Ц. Б. Цыдендамбаев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. — 664 с.
2. Цыремпилов Н. В. Ранний этап распространения и утверждения буддизма в Российском Забайкалье / Н. В. Цыремпилов // Буддизм в истории и культуре бурят. Коллективная монография под ред. И. Р. Гарри. — Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном. 2014. — С. 4–35.
3. Коллмар-Пауленц К. Встреча бурят-монгольской, тибетской и русской культур знания / К. Коллмар-Пауленц // Буддизм в истории и культуре бурят. Коллективная монография под ред. И. Р. Гарри. — Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном. 2014. — С. 304–325.
4. Цыремпилов Н. В. Буддизм и Российское государство в XIX веке: от конфликтов к компромиссам / Н. В. Цыремпилов // Буддизм в истории и культуре бурят. Коллективная монография под ред. И. Р. Гарри. — Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном. 2014. — С. 36–65.
5. Смирнов Б. Ф. Монгольская народная музыка / Б. Ф. Смирнов. М.: Совет. композитор, 1971. — 365 с.
6. Стоковский Л. Б. Музыка для всех нас / Л. Б. Стоковский. М.: Совет. композитор, 1963. — 216 с.
7. Валерий Инкижинов: известный и неизвестный. — Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2003. — 288 с.
8. Владимирцов Б. Я. Буддизм в Тибете и Монголии // Гумилёв Л. Н. Древний Тибет. М.: ДИ-ДИК, 1996. — С. 433–452.
9. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего с народом / А. М. Позднеев. Изд. репринтное. — Элиста: Калм. кн. изд-во. — 512 с. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 2000. — 512 с.
10. Пубаев Р. Е., Семичов Б. В. Происхождение и сущность буддизма-ламаизма / Р. Е. Пубаев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. — 47 с.
11. Белка Л. Миф Шамбалы: видения, визуализации и возрождения мифа в Бурятии // Буддизм в истории и культуре бурят. Коллективная монография под ред. И. Р. Гарри. — Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном. 2014. — С. 228–245.
12. Найдакова В. Ц. Буддийская мистерия цам в Бурятии / В. Ц. Найдакова. Улан-Удэ: изд-во БИОН СО РАН, 1997. — 39 с.
13. Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области // Байкал. — 2007. — № 4. — С. 111–142.
14. Сыртыпова С.-Х. Д. Культовая система и изобразительное искусство буддизма Бурятии / С.-Х. Д. Сыртыпова // Буддизм в истории и культуре бурят. Коллективная монография под ред. И. Р. Гарри. — Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном. 2014. — С. 156–193.
15. Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят / Г.-Д. Нацов — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. — 156 с.
16. Кеннан Д. Сибирь и ссылка: путевые заметки (1885–1886): в 2 т. / Д. Кеннан. — Санкт-Петербург: Рус. — Балт. инф. центр БЛИЦ, 1999. Т. I. — 391 с. Т. II. — 399 с.

© Цибудеева Надежда Циденовна (cebude@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЛЛЮСТРАЦИИ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ В РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ПО РОДНОМУ ЯЗЫКУ

ILLUSTRATIONS OF FAIRYTALE PLOTS IN THE TEXTBOOKS OF THE PRIMARY SCHOOL OF RUSSIA AND CHINA

Qiu Manli

Summary. The article looks at the similarity and difference in illustrations of fairy tale subjects and fables in the textbooks of the primary school of Russia and China. The comparison is carried out using the method of content analysis. The ratio of illustrations, their repeatability is determined. Illustrations, characters, subjects of fairy tales and fables are compared.

Keywords: illustration, fairy tale, fable, fairy-tale characters, values, nature.

Цю Манли

Аспирант, Дальневосточный федеральный
университет (г. Владивосток)
manli90@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сходство и различие иллюстраций сказочных сюжетов и басен в учебниках начальной школы России и Китая. Сравнение проводится с помощью метода контент-анализ. Определяется соотношение иллюстраций, их повторяемость, сравниваются персонажи и тематика сказок и басен.

Ключевые слова: иллюстрация, сказка, басня, сказочные персонажи, ценности, природа.

Для исследования формирования культурных ценностей в процессе начального обучения сказка является одним из лучших примеров. В ней отражаются традиции и мировоззрение народа, его культурные и социальные нормы. Сказка учит ребенка правильным поступкам, воспитывает и развивает его личностные качества. В учебном плане китайской начальной школы (класс 1–2) в шестом пункте, обозначенном «чтение», указано: читать сказки, басни, стремиться к добру, заботиться о природе и жизни [7]. Таким образом, чтение сказок и басен является важнейшим предметом для учеников начальной школы.

Сравнительных исследований китайских и русских сказок не так много. Российская исследовательница Краюшкина Т. В. изучает речевые обращения, жестикуляцию и мимику, которые характерны для персонажей русских и китайских народных волшебных сказок, и оценивает фольклор как источник знаний о личностных отношениях в межкультурной коммуникации. [14, с. 364]. Китайские учёные Цун Япин, У Цзыцин, Ван И и др. сравнивают русские и китайские сказки с линвокультурологических позиций [18, 17, 1]. Сравнительный анализ иллюстраций сказок и басен в учебниках, насколько нам известно, пока никто не предпринимал.

Объект нашего исследования: российские и китайские учебники по родному языку для учащихся 1–3-х классов [2–6, 8–13]. В общей сложности нами было проанализировано 11 учебников. Это учебники, выпущенные наиболее известными издательствами: «Просвещение» в России и «Народное образование» в Китае.

Предметом исследования стали иллюстрации сказок и басен в учебниках.

Цель настоящей работы — на основе сравнения иллюстраций выявить кросскультурные особенности.

В «Современном китайском словаре» сказка определяется как жанр детской литературы. Авторы сказок посредством воображения, фантазии и преувеличения пишут истории, подходящие для чтения детей [16, с. 1266]. В российском словаре литературоведческих терминов: «Сказка — один из основных жанров народного устно-поэтического творчества. Сказка преимущественно прозаический художественный устный рассказ фантастического, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел» [15, с. 356]. В основном существуют 4 разновидности сюжетов: рассказы о животных, волшебные истории, авантюрные повести, сатирические анекдоты [Там же]. Таким образом, сказка — один из жанров детской литературы или устного народного творчества, основные характеристики которой — это фантазия, антропоморфизация персонажей, гиперболизация и символичность.

Само понятие «сказка» в Китае появилось только в начале XX в. и было заимствовано из японского языка [19, с. 219]. В это время в Китае появились писатели, сочинявшие сказки. В современных китайских учебниках в основном представлены как раз авторские сказки. В древнем Китае народ создавал многочисленные притчи, а также мифы, в которых выражались культурные ценности народа. Именно эти формы народно-

Таблица 1

учебники	Российские учебники		Китайские учебники	
	Количество Сказок и басен	Количество иллюстрации	Количество сказок и басен	Количество иллюстрации
1 класс, часть 1	13	14	6	22
1 класс, часть 2			15	45
2 класс, часть 1	5	5	11	30
2 класс, часть 2	7	7	5	7
3 класс, часть 1	8	9	4	6
3 класс, часть 2	8	9	6	7
Общее количество	41-7 = 34	44	47	117

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

го творчества наиболее полно показаны в школьных учебниках.

В российских учебниках представлены как народные, так и авторские сказки. Но доминирующую позицию занимают народные сказки. Из таблицы 1 видно, что среди текстов и иллюстраций сказок и басен в учебниках начальной школы России сказка занимает ведущее место.

Иллюстрации к некоторым сказкам и басням наиболее частотны (7). Это «Колобок» (2), «Доктор Айболит» (2), «Терем-теремок» (2), «Попрыгунья стрекоза» (2), «Сказка о рыбаке и рыбке» (2), «Дюймовочка» (3), «Сказка о царе Салтане» (4). Общее число иллюстраций 44. Иллюстрации к сказкам и басням почти равномерно распределены по российским учебникам начальной школы. В количественном сравнении иллюстраций сказок в китайских

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

учебниках больше в 2.66 раза (всего 117). В учебнике второго класса появляются тексты мифов и крылатые выражения и число иллюстраций уменьшается (таблица 1).

Можно считать, что крылатые выражения, дополняющиеся иллюстрациями и выражающие мудрость народа, в определённой степени берут на себя функцию народной сказки. Для примера приведём следующие высказывания: «揠苗助长» — «тянуть всходы руками, чтобы они скорее росли» (Рисунок 1). «守株待兔» — «сторожить пень в ожидании зайца» (русский аналог: «сидеть у моря да ждать погоды») (Рисунок 2). «亡羊补牢» — «чинить хлев, когда несколько овец уже пропали» (русский аналог: «лучше поздно, чем никогда») (Рисунок 3). «南辕北辙» — «повернуть оглобли на юг, чтобы ехать на север» (Рисунок 4).

В китайском учебнике есть несколько сказок, содержание которых представлено нарративной формой иллюстрации. Они передают линейную историю развития сюжета и помогают понять смысл текстов. В качестве примера приведём иллюстрации к сказке «Маленькая обезьяна спускается с гор» (Рисунок 5–8). Маленькая обезьяна сначала видит персики и собирает их, потом видит арбуз, бросает персики и собирает арбузы, вдруг она видит зайца, бросает арбуз и бежит догонять зайца, в конце концов остаётся ни с чем.

В китайских учебниках кроме национальных текстов есть и русские сказки. Например, сказка «Большая Медведица» (в переводе Льва Толстого), называется «Семь бриллиантов». Авторская сказка «Цветик-семицветик» (В. Катаев) есть как в российских, так и в китайских учебниках, но иллюстрации акцентируют внимание

на разных аспектах сюжета и различных побудительных мотивах действия. Рисунок в российских учебниках изображает начало сказки: старушка даёт девочке красивый цветок, у цветка семь прозрачных лепестков (Рисунок 9). В китайской иллюстрации описывается конец сказки: девочка использует последний лепесток, чтобы помочь больному мальчику (Рисунок 10, Рисунок 11).

Как мы уже отмечали, одна из особенностей сказки как жанра состоит в антропоморфизации персонажей. Ниже представлено соотношение сказочных персонажей в иллюстрациях (таблица 2).

Из таблицы видно, что наибольшее число персонажей — это животные. Они умеют говорить, носят одежду, работают как люди. Самые популярные животные в русских учебниках — это заяц, медведь, лиса, волк и собака. Лиса во многих культурах является символом хитрости. Сравнивая изображение сказочных животных можно заметить, что в китайских учебниках они более разнообразны — утка, птица, белка, медведь, головастики, геккон, ворона, обезьяна, лев и другие. Следует отметить, что в китайских учебниках нет изображения лисы, именно потому, что она символ хитрости. Кроме животных, растения и предметы то же носят характер человека, к примеру, таков персонаж русской народной сказки «колобок». В российских учебниках есть фантастические сказочные существа, например «змея Горыныч». В китайских учебниках таких персонажей нет.

В китайских учебниках особое место занимают авторские сказки, посвящённые теме природы. Мы выделили

Таблица 2

Персонажи	В российских учебниках	В китайских учебниках
человек	44	25
животное	56	84
растение	1	5
предмет	3	4
фантастические персонажи	3	0

Таблица 3

Знакомство с природой	Знакомство с животными	Защита природы
«Руки дедушки Земли»	«Хлопковая девочка»	«Медведь жил в пещере»
«Белка ищет лучёный земляной орех»	«Геккон даст займы хвост»	«Белки и кедровые орехи»
«Скоро будет дождь»	«Головастики ищут свою маму»	«Красивая дорога»
«Эхо»		«Олень посадил розы»
«Дождевая капля»		

3 аспекта этой темы: знакомство с природой, знакомство с животными и защита природы (таблица 3).

Группа 1 «Знакомство с природой» учит внимательному наблюдению за природными процессами. Группа 2 «Знакомство с животными» раскрывает специфику жизни биологических видов. Группа 3 раскрывает вопросы защиты природы и окружающей среды. Таким образом, в образовательном дискурсе Китая сюжеты сказок о природе формируют бережное отношение к природе, тогда как в российских учебниках сказок на тему защиты природы мы не обнаружили.

Подводя итоги сравнительного анализа можно утверждать, что численно иллюстрации сказок преобладают

в китайских учебниках. В российских учебниках больше представлены народные сказки, основанные на народном фольклорном творчестве; в китайских — больше авторских сказок.

В российских учебниках иллюстрации народных сказок дополнены небольшим числом европейских сказок. В китайских учебниках кроме китайских сказок есть европейские и русские сказки. При этом в одних и тех сказочных сюжетах иллюстрируются разные культурные установки, вычлняются разные смыслы. Особое место в китайских иллюстрациях сказок занимает тема природы и её защиты. Таким образом, иллюстрации сказок отражают социальные ценности и культурные установки того или иного народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван И. Русская и китайская волшебная сказка: лингвокультурная специфика оригинала и перевода / Ван И // В сборнике: Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы. Издательство: Башкирский государственный университет, 2016. — С. 28–32.
2. Канакина В.П., Горецкий В. Г. Русский язык. 1 класс. Учеб. для общеобразоват. организации. / В. П. Канакина, В. Г. Горецкий. — 8-е изд, испр. — М.: Просвещение, 2016. — 143 с.
3. Канакина В.П., Горецкий В. Г. Русский язык. 2 класс. Учеб. для общеобразоват. организации. В 2 ч. Ч. 1 / В. П. Канакина, В. Г. Горецкий. — 6-е изд. — М.: Просвещение, 2016. — 143 с.
4. Канакина В.П., Горецкий В. Г. Русский язык. 2 класс. Учеб. для общеобразоват. организации. В 2 ч. Ч. 2 / В. П. Канакина, В. Г. Горецкий. — 6-е изд. — М.: Просвещение, 2016. — 143 с.
5. Канакина В.П., Горецкий В. Г. Русский язык. 3 класс. Учеб. для общеобразоват. организации. В 2 ч. Ч. 1 / В. П. Канакина, В. Г. Горецкий. — 5-е изд. — М.: Просвещение, 2015. — 159 с.
6. Канакина В.П., Горецкий В. Г. Русский язык. 3 класс. Учеб. для общеобразоват. организации. В 2 ч. Ч. 2 / В. П. Канакина, В. Г. Горецкий. — 5-е изд. — М.: Просвещение, 2015. — 159 с.
7. Китайский учебный план начальной школы. Первый этап (1–2 класс). [Электронные ресурсы] — URL: <https://wenku.baidu.com/view/c606212c4b73f242336c5f7a.html> (дата обращения: 01,01,2018)
8. Китайский язык. 1 класс часть 1 / Издательство Народного образования, 2015. — 148 с. (语文. 一年级 上册 / 人民教育出版社, 2015年, 148页.)
9. Китайский язык. 1 класс часть 2 / Издательство Народного образования, 2015. — 178 с. (语文. 一年级 下册 / 人民教育出版社, 2015年, 178页.)

10. Китайский язык. 2 класс часть 1 / Издательство Народного образования, 2015. — 186 с. (语文. 二年级 上册 / 人民教育出版社, 2015年, 186页.)
11. Китайский язык. 2 класс часть 2 / Издательство Народного образования, 2015. — 170 с. (语文. 二年级 下册 / 人民教育出版社, 2015年, 170页.)
12. Китайский язык. 3 класс часть 1 / Издательство Народного образования, 2015. — 170 с. (语文. 三年级 上册 / 人民教育出版社, 2015年, 186页.)
13. Китайский язык. 3 класс часть 2 / Издательство Народного образования, 2015. — 172 с. (语文. 三年级 下册 / 人民教育出版社, 2015年, 170页.)
14. Краюшкина Т. В. Фольклор как источник знаний о межличностных отношениях (на материале русских и китайских народных волшебных сказок) / Т. В. Краюшкина // В сборнике: Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Издательство: Благовещенский государственный педагогический университет (Благовещенск), 2014. — С. 364–371.
15. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. — М.: просвещение, 1974. — 509 с.
16. Современный китайский словарь / — Пекин: коммерческое издательство, 2002. — 1767 с.
17. У Цзыцзин. Иллюстрации к сказкам русских и китайских художников как отражения менталитета России и Китая / У Цзыцзин // Университетский научный журнал, 2017. № 33. — С. 91–106.
18. Цун Япин. Лингвистические особенности русских и китайских народных сказок в национально-культурном аспекте / Цун Япин // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.. 2010. № 1. — С. 67–70.
19. Чжан Чжицзюнь, Хань Дань. Прецедентные сказочные имена: сопоставительный анализ / Чжан Чжицзюнь, Хань Дань. // В сборнике: Лингвистика и межкультурная коммуникация в современном мире. Издательство: Забайкальский государственный университет (Чита), 2014. — С. 219–223.

© Цю Маньли (manli90@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ КРИТЕРИИ ЭТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ОБЩЕНИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

BASIC CRITERIA OF ETHICAL AND PSYCHOLOGICAL PRINCIPLES OF COMMUNICATION IN MEDICAL ACTIVITY

**R. Avetisyan
S. Karyayeva
A. Abaev**

Summary. Ethical issues of medicine, with its leading question — about the relationship between doctor and patient working closely with psychology and is inseparable from any kind of medical activity. An important part of the treatment process, a condition of its effectiveness, is the establishment of psychological contact and trust between doctor and patient, wereused specialist is invaluable and the only health. So in medicine are so closely intertwined moral, legal and psychological aspects of health-care workers. Modern medical practice is a complex differentiated system, in which health professionals and patients are in various forms of social interaction, reflecting certain traditions of healing that exist in a given society.

Keywords: relationship; health care; installation; placebo effect; psychological culture.

Аветисян Рубина Рубиковна

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации
rubina-avetisan@mail.ru*

Каряева Светлана Константиновна

*К.м.н., ассистент, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации
vetlin@mail.ru*

Абаев Алан Батырбекович

Ассистент, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация. Этическая проблематика медицины с ее ведущим вопросом — об отношении между врачом и пациентом тесно взаимодействует с психологией и является неотделимой от любого вида медицинской деятельности. Важной составляющей лечебного процесса, условием его эффективности, является установление психологического контакта и доверительных отношений между врачом и пациентом,веряющим специалисту бесценное и единственное — здоровье. Поэтому в медицине так тесно переплетены моральные, правовые и психологические стороны деятельности медицинских работников. Современная медицинская практика, представляет собой сложную дифференцированную систему, в которой медицинские работники и пациенты находятся в самых различных формах социального взаимодействия, отражающих определенные традиции врачевания, существующие в данном обществе.

Ключевые слова: взаимоотношения; медицинская деятельность; установка; эффект плацебо; психологическая культура.

В настоящее время, наряду с изучением познавательных процессов, особенностей профессионального мышления в деятельности врача, психология в медицине призвана формировать не только ценностные ориентации, но и развивать немаловажный аспект личности — психологическую культуру.

Психологическая культура определяет особенности и характер отношений специалиста-медика, осуществляя психическую регуляцию социальной активности и поведения врача в условиях профессиональной деятельности. Этическая проблематика с ее основным вопросом — об отношении между врачом и пациентом тесно взаимодействует с психологией и является неотделимой от любого вида медицинской деятельности.

Со времен Гиппок рата бесспорным являлось суждение о том, что нравственная культура врача — это не про-

сто свойство его личности, но и качество, определяющее его профессионализм, совокупность знаний умений, навыков, наличие этической культуры, позволяющей молодому специалисту врачу, стать полноправным членом своего профессионального сообщества. [1, с. 88]

Отражая особенности развития и специфику трансформации общества, история медицины свидетельствует о постоянно меняющихся взаимоотношениях врача и пациента. Долгое время деятельность врача оценивалась и регламентировалась только с позиций морали, но халатность, врачебная ошибка, несчастные случаи в медицинской практике, заставили общество прибегнуть к необходимости правовой регламентации медицинской деятельности. [1, с. 22–23]

Важной составляющей лечебного процесса, условием его эффективности, является установление психологиче-

ского контакта и доверительных отношений между врачом и пациентом,веряющим специалисту бесценное и единственное — здоровье. Поэтому в медицине так тесно переплетены моральные, правовые и психологические стороны деятельности медицинских работников. Современная медицинская практика, представляет собой сложную дифференцированную систему, в которой медицинские работники и пациенты находятся в самых различных формах социального взаимодействия, отражающих определенные традиции врачевания, существующие в данном обществе.

Американский биоэтик **Роберт Витч** выделял четыре неравноценные по своему моральному значению модели взаимоотношения врач-пациент, характерные для современной культуры: **инженерную, патерналистскую, коллегиальную и контрактную**. [2, с. 72].

1. Инженерная. В рамках этой модели пациент воспринимается врачом как безличный механизм. Инженерная модель строится на представлении о медицинской деятельности как о сфере прикладного применения объективного научного знания природных механизмах жизнедеятельности человеческого организма.

2. Патерналистическая. Межличностные отношения подобны взаимоотношениям священника и прихожанина, отца и ребёнка, наставника и подопечного, основанные на любви, милосердии, заботе. Данная модель господствовала в христианской европейской культуре на протяжении многих столетий и не потеряла актуальности и в наши дни. Она отражена в «Клятве Гиппократа», в «Обещании врача России». Для многих пациентов данная модель психологически приемлема.

3. Коллегиальная. Пациент получает от врача достаточное количество информации о своем состоянии здоровья, знакомится с вариантами лечения, прогнозе развития заболевания, возможных осложнениях, а также принимает активное участие в выработке конкретных решений, касающихся своего лечения, реализуя право личности на свободу выбора.

4. Контрактная. Взаимодействия врача и пациента осуществляются по принципу общественного договора на медицинское обслуживание с лечебным учреждением или через страховую компанию. Каждая сторона выполняет свои обязательства и условия, достигает определенного результата. Данная модель учитывает невозможность равенства врача и пациента. Если по определенным причинам, условия не были соблюдены, то пациент может считать для себя договор недействительным, и потребовать компенсации.

Следует отметить, что каждая из моделей, как правило, не реализуется в чистом виде, взаимодействие врача

и пациента в некоторых случаях зависит от вида профессиональной деятельности. Существующая триада взаимоотношений в педиатрической практике требует от врача особой компетенции, и может строиться в соответствии с одной из моделей, выбор которой должен быть обусловлен возрастом пациента, характером оказываемой ему помощи, специализацией врача и т.д. [2, с. 101].

Безусловно, на приеме у детского врача, пациентом является ребенок, но общение происходит преимущественно с родителями или лицами их заменяющими, которые несут ответственность за правильное выполнение медицинских назначений и манипуляций. В первые годы жизни, ребенок еще не может с точностью передать и выразить свои болевые ощущения, и его транслятором становится взрослый. Достоверность такого «перевода» будет зависеть от характеристик личности, психологического состояния и особенностей его контакта с ребенком. Как правило, настроение, самочувствие заболевшего ребенка напрямую зависит от родителей, следовательно, одной из важных задач в работе педиатра, несмотря на характерологические особенности родителей, является способность устанавливать доверительные отношения между врачом и семьей ребенка, что приведет к положительному взаимодействию, снижению эмоционального напряжения и грамотному дальнейшему лечению. Важным фактором является такое качество, как выдержанность и тактичность, способность выслушать все эмоционально окрашенные и не всегда положительные реакции со стороны поведения родителей по поводу состояния их ребенка. [5, с. 88].

При всем разнообразии существующих подходов и моделей сотрудничество в работе врача состоит из четырех компонентов: доверия, понимания, сочувствия и уважения. [3, с. 156].

1. Доверие к медицинскому персоналу остается важным и необходимым компонентом в лечебно-диагностическом процессе. Доверительное общение способствует обмену информацией для оказания квалифицированной медицинской помощи, снижает эмоциональную напряженность, мотивируя пациентов к выполнению рекомендаций для улучшения самочувствия, и здоровья. Такие отношения сотрудничества между врачом и пациентом порождают эффект плацебо.

В медицине плацебо (лат. *placere* — нравиться) означает препарат, не имеющий лечебных свойств. Термин «эффект плацебо» впервые введен в научный оборот американским врачом Генри Бичером в 1955 году, который выяснил, что примерно треть пациентов выздоравливают от таблеток — «пустышек», не содержащих дей-

ствующих веществ. Подтверждение этому и серьезное изучение эффекта плацебо развернулось в годы второй мировой войны. В госпиталях не хватало обезболивающих средств, и анестезиолог Бичер, в отдельных случаях, после убедительных доверительных бесед с ранеными солдатами, вводил инъекции физиологического раствора, имеющего практически, то же действие, что и настоящее лекарство. [4, с. 122–124].

Врачи давно использовали эффект плацебо. Известный терапевт XIX в. М.Я. Мудров лечил больных специальными порошками с названиями «золотой», «серебряный», «простой». Этим названиям отвечал цвет бумаги, в который заворачивали лекарства. После смерти врача выяснилось, что это просто смолотый мел. Поэтому понятно, что психологическое восприятие врача, доверие к нему, установки со стороны доктора на скорейшее выздоровление, способствовали исцелению. Явление установки впервые было открыто немецким психологом Л. Ланге в 1888 году, а вскоре стало активно изучаться в различных областях общей и социальной психологии. Зарубежные авторы определяют установки, как личностно сформированные или пространственные в определенной культуре когнитивные образования. Среди отечественных ученых наиболее фундаментально проблемой установки занимался психолог Д.Н. Узнадзе, обозначивший следующее определение: «Установка субъекта — это неосознаваемая и обусловленная прошлым опытом детерминирующая тенденция, внутренние состояния готовности человека определенным образом воспринимать, оценивать и действовать по отношению к явлениям и объектам действительности». [6, с. 45].

2. Понимание — важное условие установления психологических взаимоотношений, при которых пациент уверен, что его жалобы услышаны, зафиксированы в сознании врача, это улучшает самочувствие и приводит к укреплению авторитета последнего.

3. Сочувствие, эмпатия — эмоциональная отзывчивость личности на переживания другого человека, умение и способность поставить себя на место другого, посредством сопереживания пациенту. Эмпатия необходима для повышения продуктивности деятельности, развития компетентности в общении и создания глубоких и личных отношений.

4. Уважение к пациенту подразумевает признание ценности личности

пациента как индивида, умение выслушать, проникнуть в его внутренний мир. [3, с. 95]

Грамотные взаимоотношения врача и пациента являются важной составляющей лечебного процесса, они усиливают и облегчают воздействие других медицинских вмешательств, влияют на дисциплинированность пациента, и готовность выполнять врачебные рекомендации. Условием эффективности считается установление психологического контакта и доверительных отношений между врачом и пациентом. Аналогичным образом, стремление сотрудничать со своим врачом — часто главный стимул к выздоровлению. Уважение к личности и достоинству в медицине является ведущим, позволяющим пациенту в наибольшей степени реализовать права в отношении своего здоровья и дальнейшей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биоэтика. Учебное пособие. — Саратов — 2007. — 244 с.
2. Витч Роберт Модели взаимоотношения врач-пациент. — [Электронный ресурс] URL: <http://videoinet.ru/view?id=ISW2tSZDvVsS931>
3. Лакостина Н. Д. Клиническая психология: Учебн. для студ. мед. вузов / Москва «Медпресс-информ» 2007
4. Окунь А. Плацебо. Издательство: «Зебра Е, АСТ» (2008)
5. Седова Н.Д., Эртель Л. Право и этика в педиатрии: проблема информированного согласия в педиатрии. Москва, 2004
6. Узнадзе Д. Н. Теория установки. — Москва-Воронеж, 1997.

© Аветисян Рубина Рубиковна (rubina-avetisan@mail.ru),

Каряева Светлана Константиновна (vetlin@mail.ru), Абаев Алан Батырбекович.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ СОВМЕСТНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF OPTIMIZING JOINT LABOR ACTIVITIES IN THE FRAMEWORK OF THE ORGANIZATION

**V. Lugovsky
G. Blokhovtsova**

Summary. The main psychological aspects of optimization of joint labor activity within the organization are studied in the article. The most important, according to the author, are such as, interpersonal relations, leadership style, psychological climate in the team. The work reveals the essence of these aspects, describes their specific characteristics. Particular attention is paid to the emotional component in the formation of the «psychological fabric of the organization». The specifics of the management style that promotes the development of constructive interpersonal relations are revealed.

Keywords: joint work activity, collective, organization, psychological aspects, psychological climate, management style, interpersonal relations, leader, emotional intelligence, emotional state.

Луговский Владимир Алексеевич

Д.и.н., профессор, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
psi_kubgau@mail.ru

Блоховцова Галина Геннадьевна

К.ф.н., доцент, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
ggb_@rambler.ru

Аннотация. В статье изучены основные психологические аспекты оптимизации совместной трудовой деятельности в рамках организации. Наиболее важными, по мнению автора, являются такие как, межличностные отношения, стиль руководства, психологический климат в коллективе. В работе раскрывается сущность данных аспектов, описываются их специфические характеристики. Особое внимание уделено эмоциональной составляющей в формировании «психологической ткани организации». Раскрыта специфика стиля управления, способствующего развитию конструктивных межличностных отношений.

Ключевые слова: совместная трудовая деятельность, коллектив, организация, психологические аспекты, психологический климат, стиль управления, межличностные отношения, руководитель, эмоциональный интеллект, эмоциональное состояние.

Актуальность выбранной темы связана с необходимостью обоснованного психологического воздействия на оптимизацию совместной трудовой деятельности в рамках организации. Понимание значимости и учета психологических факторов эффективности совместной деятельности не вызывает сомнений, поэтому в настоящее время мудрые руководители уделяют большое внимание обеспечению психологического фундамента организационной культуры. Благоприятный психологический климат, соответствующий стиль управления, а также работа с человеческими ресурсами (их ценностями, установками, эмоциональным настроением) обеспечивают в коллективе атмосферу «добровольной ответственности и инициативы» [4]. В связи с этим необходимо определить те социально-психологические и управленческие аспекты трудовой деятельности, которые необходимо анализировать, формировать или модифицировать.

Объектом исследования является совместная трудовая деятельность, а его предметом — психологические аспекты оптимизации трудовой деятельности.

Учет психологических аспектов оптимизации трудовой деятельности связан с анализом множества социально-психологических феноменов, основными из которых являются такие как «межличностные отношения»,

«стиль руководства», «эффективные коммуникации», «психологический климат».

Улучшение условий и результатов совместной деятельности напрямую зависит от качества внутриорганизационных коммуникаций. В трудовом коллективе люди взаимодействуют друг с другом. Во внешнем плане это отражается в межличностных отношениях. Никандров В. В. дает следующее определение: «межличностные отношения — это субъективные связи между людьми в группах, представленные системой взаимных психологических установок, ориентаций, ожиданий, обуславливающих содержание их совместной деятельности» [5].

Межличностные отношения являются одной из сторон общения, как многопланового процесса развития контактов между людьми. Для обеспечения эффективности деятельности трудового коллектива необходимо позаботиться о формировании благоприятных условий взаимодействия и общения людей.

С целью оптимизации совместной трудовой деятельности, необходимо определиться со спецификой «трудового коллектива», особенностей взаимодействия в нем. Основные характеристики трудового коллектива представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Основные характеристики трудового коллектива

Рис. 2. Направления формирования эмоций в организационной системе

Специфика межличностных отношений и проблем напрямую зависит от уровня развития трудового коллектива, а также управленческих компетенций руководящего состава. В исследованиях Г.Г.Блоховцовой подчеркивается роль руководителя, основные функции которого заключаются в «умении собрать команду профессионалов и работать с каждым из них индивидуально, выстраивать конструктивные межличностные отношения, организовывать, воздействовать, оценивать и контролировать» [1].

Коллектив представляет собой высокую степень развития малой группы, которая характеризуется сплоченностью, взаимопониманием, желанием работать вместе и ощущать ответственность каждого за общий результат.

Анализ коммуникаций внутри коллектива включает в себя оценку эмоциональной составляющей, которая определяет степень включенности сотрудников в трудовой процесс. В исследовании Грошева И.В. и соавторов показано, что эмоции человека, возникающие в орга-

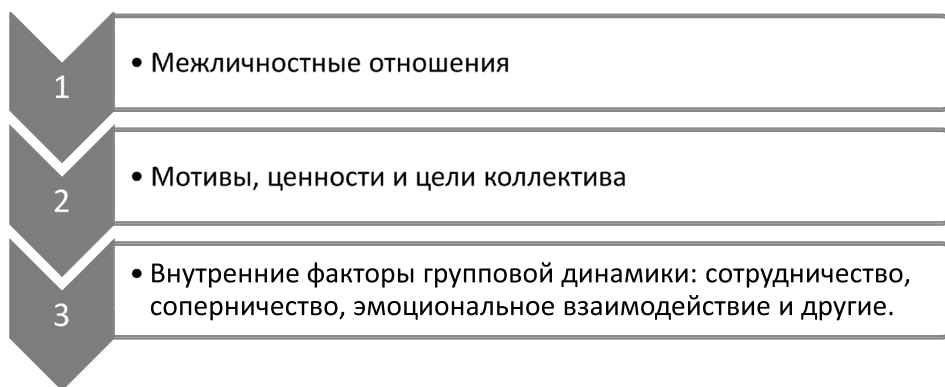

Рис. 3. Взаимозависимость межличностных отношений и других компонентов совместной деятельности

Рис. 4. Составляющие эмоционального интеллекта руководителя

низационной структуре, могут развиваться по трем направлениям, показанным на рисунке 2.

Приведенная схема показывает, что эмоциональное состояние человека в организации будет зависеть как от его психофизиологического состояния, личностных психологических особенностей (характер, когнитивные привычки, коммуникативная компетентность и т.д.), так и от типа организационной культуры, предъявляющей особые требования к установкам и ценностям индивида.

Таким образом, формирование «психологической ткани» совместной трудовой деятельности напрямую

зависит от эмоционального состояния каждого сотрудника, которое, в свою очередь, во многом определяется качеством межличностных отношений в коллективе.

Взаимозависимость межличностных отношений и других компонентов совместной деятельности показана на рисунке 3.

Состояние межличностных отношений влияет на индивидуальную и совместную деятельность в коллективе, определяя ее ведущую направленность либо на сотрудничество, либо на соперничество, индивидуализм и т.д.

Таблица 1

Название подхода	Содержание
«Майнд-менеджмент»	Технология построения интеллект-карт для решения неструктурированных задач. Алгоритмы решения повышают эффективность корпоративной деятельности.
Метод структурирования процессов развития на основе «дорожных карт»	Поэтапный план действий, способствующий прояснению целей совместной деятельности в организации (видению будущего). За счет видения перспектив происходит стимулирование деятельности персонала.
Стратегия «глубокого океана»	Стратегия нахождения новых возможностей
Метод стратегического выравнивания	Стратегическая гармонизация внешней бизнес-стратегии и внутренней организационной инфраструктуры.

Важная роль в поддержании благоприятного психологического климата в организации принадлежит руководителю, который способен «управлять, нейтрализовать или перенаправить эмоциональный заряд в конструктивном направлении» [3]. При этом стиль управления, способствующий развитию конструктивных межличностных отношений, будет связан с высокой степенью развития эмоционального интеллекта руководителя. Составляющие эмоционального интеллекта руководителя (представленные на рисунке 4) будут способствовать мобилизации работы трудового коллектива на основе информационного, энергетического, мотивационного и ценностного ресурса.

Следуя цели оптимизации совместной трудовой деятельности, следует помнить, что стиль эмоционального взаимодействия, принятый в рамках той или иной организации, а также его интериоризация всеми сотрудниками — это один из важнейших психологических аспектов обеспечения эффективности деятельности.

Стиль управления организацией в современных реалиях становится более гибким, способствующим большей демократизации взаимоотношений, большому самораскрытию, инициативности и творческому поиску. Психологический климат в коллективе напрямую связан с умением общаться [2]. Исследователи данной проблемы прямо указывают, что инновационные подходы в управлении являются залогом его эффективности. Наиболее известные из них представлены в таблице 1.

Именно наличие таких подходов в инновационном стиле управления обеспечивает большую свободу сотрудников и помогает избежать таких неконструктивных эмоциональных установок в их поведении, как:

- ◆ страх критики и несправедливой оценки работы;
- ◆ страх не оправдать ожидания;

- ◆ страх привлечения чрезмерного внимания к своей персоне;
- ◆ страх отвержения другими людьми в коллективе.

Таким образом, применение на практике социально-психологических, управленческих и организационных аспектов функционирования и развития организации, делает возможным оптимизацию совместной трудовой деятельности. Проявляя достаточную степень свободы, нестандартное мышление в командной работе, а также получая соответствующую поддержку со стороны руководителя, повышается мотивированность персонала, чувство гордости за свою организацию.

Подводя итоги работы, следует отметить, что для совершенствования трудовой деятельности в рамках организации необходимо проводить систематическую, комплексную работу, касающуюся формирования и поддержания благоприятного психологического климата и формирования позитивных межличностных отношений в коллективе. На формирование «психологической ткани» коллективной деятельности накладываются следующие факторы:

- ◆ личный опыт, эмоциональное состояние, система ценностей каждого участника (работника) коллектива;
- ◆ стиль взаимодействия руководителя с подчиненными, создающий положительный или отрицательный социально-психологический климат в организации. Что напрямую влияет на настрой, желание и мотивацию работы.
- ◆ качество взаимодействия между членами коллектива, что выражается в слаженности действий, умении бесконфликтно общаться друг с другом при выполнении своих должностных обязанностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блоховцова Г.Г. Инновационные подходы к формированию эффективного стиля управления / Г.Г. Блоховцова // Высшее образование сегодня. — 2017. — № 6. — С. 8–10.
2. Баранов Д. О., Блоховцова Г.Г. Деловое общение как фактор успешного управления рыночной экономикой // В сборнике: Научный поиск в современном мире сборник материалов XIV международной научно-практической конференции. — 2017. — С. 68–70.
3. Грошев И. В. Эмоции в структуре составляющих психологической «ткани» организационной культуры / И. В. Грошев, Ю. А. Давыдова, И. А. Краснослободцева // Социальная психология и общество. — 2015. — С. 120–133.
4. Грошев, И. Ресурсный потенциал организационной культуры / И. Грошев, А. Краснослободцев // Общество и экономика, № 11, 2015. — С. 100–116.
5. Никандров, В. В. Психология [Электронный ресурс]: учебник / В. В. Никандров. — Электрон. текстовые данные. — М.: Волтерс Клувер. — 2009. — 1008 с. — 978-5-466-00413-7. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/16795.html>

© Луговский Владимир Алексеевич (psi_kubgau@mail.ru), Блоховцова Галина Геннадьевна (ggb_@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

АДАПТИВНЫЕ И ДЕЗАДАПТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ

ADAPTIVE AND DDADAPTIVE FUNCTIONS OF CHANGED CONDITIONS OF CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF PERSONAL DEVELOPMENT

**M. Maksudov
E. Maksudova**

Summary. In this paper we consider different approaches to understanding the nature of altered States of consciousness. A cultural and historical review of the role of altered States of consciousness in the history of mankind is carried out, and theoretical models are proposed that can complement and expand the existing ideas about the structure, functions and role of altered States of consciousness in modern psychological science.

Keywords: changed States of consciousness, personality, psychology of development.

Максудов Михаил Юрьевич

Аспирант, Психологический институт РАО, г. Москва
maxm92@yandex.ru

Максудова Елена Антоновна

Старший преподаватель, Московский
государственный психолого-педагогический
университет, г. Москва

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются различные подходы к пониманию природы измененных состояний сознания (ИСС). Проводится культурно-исторический обзор роли ИСС в истории человечества, а также предлагаются теоретические модели, способные дополнить и расширить существующее представления о структуре, функциях и роли ИСС в современной психологической науке.

Ключевые слова: измененные состояния сознания, личность, психология развития.

Измененные состояния сознания (ИСС), исходя из классического определения американского психиатра Арнольда Людвига понимаются, как качественные изменения в субъективных переживаниях или психологическом функционировании от определенных генерализованных для данного субъекта норм, рефлекслируемые самим человеком или отмечаемые наблюдателями. Такие состояния сопровождают человеческую цивилизацию практически на протяжении всего периода ее развития и являются неотъемлемой частью многих культур. Так, например, еще в Индийских Ведах (~1 тысячелетие до н.э.) можно встретить упоминание медитативной практики, которая до сих пор является одним из самых распространенных методов вхождения в ИСС. Кроме того, во многих культурах практикуется вхождение в ИСС через ритуальные действия (аборигены пустынных регионов Центральной Австралии, коренные народы Сибири, равнинные индейцы Северной Америки, мексиканские майя, мексиканские ацтеки, перуанские инки). Вольфганг Жилек на основании своих исследований североамериканских индейцев выделил следующие способы вхождения ИСС:

- ◆ сфокусированное суггестивное внимание (прикосновение к посвящаемому жезлом, имеющее огромную символическую значимость);
- ◆ болевую стимуляцию (техники истязания посвящаемого или самоистязание);
- ◆ гипогликемию и обезвоживание (которое технически достигается воздержанием от воды, интен-

сивными физическими нагрузками и потением под шерстяным одеялом);

- ◆ крайне интенсивную двигательную активность (техники бега и непрерывного танца);
- ◆ температурную стимуляцию — холодом и жарой (бег босиком по снегу, купание в ледяных реках или в зимнем океане, обливание холодной водой);
- ◆ акустическую стимуляцию (техники непрерывного пения, барабанного боя и других ритмичных звуков, соответствующих по частоте тета-ритму электрической активности мозга);»
- ◆ уединение и ограниченную подвижность (уединение в темноте в курительной палатке при строгом соблюдении тишины и избегании любого телодвижения);
- ◆ лишение сенсорного распознавания зрительных образов (завязывание глаз посвящаемому);
- ◆ лишение сна;
- ◆ кинетическую стимуляцию (ежедневная процедура «хватания»);
- ◆ гипервентиляцию (от посвящаемого требуется глубоко, часто и непрерывно дышать) [1].

На сегодняшний день в современной культуре вхождение в ИСС также можно встретить достаточно часто. Несмотря на то, что многие ритуалы существенно трансформировались и не выглядят так пугающе в глазах современного человека, их базовые функции остались

такими же. Так, например, теория «культурного питания», ставшая в определенный момент одним из элементов культуры многих стран, и оказывающая до сих пор влияние на различные слои населения, по своим функциям ничем не отличается от ритуального коллективного употребления галлюциногенных растений древними племенами. Базовыми функциями таких действий в обоих случаях выступают социализация, получение совместного опыта, а в некоторых других случаях даже получение быстрой психотерапевтической помощи.

Арнольд Людвиг выделил 2 основных группы функций ИСС:

1. Адаптивные функции ИСС:

- ◆ психотерапевтическая — ИСС помогают поддерживать и улучшать здоровье и самочувствие, могут использоваться для излечения от заболеваний (психических и психосоматических), а также для того, чтобы справляться с болью;
- ◆ получение нового опыта и новых знаний — пониманий о себе и своих отношений с миром и другими людьми, как источник вдохновения и усиления эстетического восприятия; приобщение личности к культуре сообществ и общества, в которых он живёт;
- ◆ социальные функции — ИСС обеспечивают групповую сплочённость, включаются в ритуалы инициации, помогают разрешать конфликты между требованиями общества и желаниями конкретного человека.

2. Деадаптивные функции ИСС — эти состояния используются для ухода от существующей реальности (в таких случаях человек удовлетворяет через эти состояния свои психологические потребности) [1].

Исходя из вышеприведенной классификации можно сделать вывод, что сегодня ИСС, в большинстве случаев, используются для реализации деадаптивной функции. Рассмотрим на примере Российской Федерации, в каких масштабах сегодня осуществляется злоупотребление средствами вхождения в ИСС, такими как алкоголь и наркотики. В 2009 г. Президент РФ доложил, что алкоголизм в стране приобрел характер национального бедствия. По данным министерства социального развития в РФ на каждого человека приходится около 18 литров чистого алкоголя потребляемого в год. Это более чем в 2 раза превышает уровень установленный Всемирной организацией здравоохранения, как уровень смертельно опасный для жизни. По данным Роспотребнадзора на данный момент в РФ около 5 млн. людей страдает от алкоголизма. Ежегодно по причинам связанным с алкоголизмом умирает порядка 500 тыс. человек. По официальным данным Федеральной службы по контролю за оборо-

том наркотиков от 2016 г. опыт употребления наркотиков имеет около 18 млн. человек из них 8 млн. человек являются постоянными потребителями наркотических средств. Ежегодно количество наркозависимых людей увеличивается на 100 тыс. человек и 70 тыс. из них ежегодно умирают. Средний возраст людей употребляющих наркотики в РФ составляет 16–18 лет. Данная статистика указывает на то, что реализация деадаптивных функций ИСС носит катастрофический характер, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать резкое ухудшение демографического состояния общества.

Человек в своем личностном развитии проходит ряд этапов. Существует достаточно большое количество периодизаций, описывающих динамику личностного развития. Для того, чтобы проанализировать как адаптивные, так и деадаптивные функции ИСС и влияние, которое они оказывают на становление личности, необходимо проанализировать основные стадии жизни человека. На сегодняшний день одна из самых известных концепций, описывающей весь период развития личности является эпигенетическая концепция Э. Эриксона [5]. Кроме того, по данным современных исследований, существует также отдельный период, оказывающий огромное влияние на дальнейшее становление личности и, возможно, являющийся наиболее значимым этапом индивидуального развития — это пренатальный период (т.е. период развития, предшествующий биологическим родам). С точки зрения личностного развития этот этап очень важен, т.к. самые глубокие психологические травмы, влияющие на всю дальнейшую жизнь человека, возникают именно в этот период. В своих исследованиях С. Гроф выделяет 4 основных этапа, предшествующих биологическим родам (базовые пренатальные матрицы, рис. 1)[2].

В своей эпигенетической теории Э. Эриксон (рис. 1) выделил 8 стадий психосоциального развития личности, в каждой из которых существует, так называемая, сильная сторона, а также позитивные и негативные компоненты данного периода развития.

Таким образом, объединяя базовые пренатальные матрицы и эпигенетическую концепцию можно выделить 5 основных этапов индивидуального развития, расположив их в порядке значимости, относительно вклада в дальнейшее личностное становление, что сопряжено, в определенной степени, с возможностью реализации адаптивных или деадаптивных функций ИСС.

1. *Пренатальный период* В данный период человек, полностью зависим от внешней среды. При условии, что мать вынашивающая ребенка злоупотребляет психоактивными веществами, вызывающими ИСС (в которые входят как наркотические средства, так и алкоголь и та-

Кластер / отрезок перинатального периода		Переживания плода в процессе родов	Переживания индивида в процессе развития его отношений с матерью
1-й	<i>Внутриутробный</i>	Безмятежное внутриутробное существование	Изначальное единство
2-й	<i>Первая клиническая стадия родов. Сжатие в закрытой маточной системе. Схватки</i>	«Нет выхода»	Антагонизм
3-й	<i>Вторая клиническая стадия родов. Проталкивание через родовые каналы</i>	Борьба между смертью и вторым рождением	Синергизм (совпадение направлений энергии)
4-й	<i>Рождение</i>	Освобождение	Отделение от матери

Рис. 1. Пренатальные матрицы С. Грофа

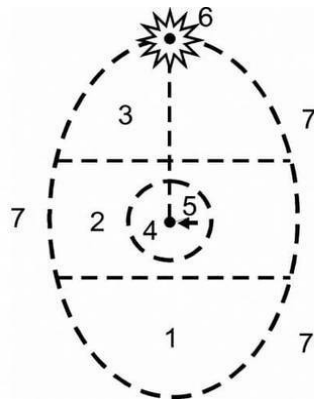
Стадия	Возраст	Психосоциальный кризис (позитивные и негативные компоненты)	Сильная сторона
1. Младенчество (орально-сенсорная)	Рождение — 1 год	Базальное доверие — базальное недоверие	Надежда
2. Раннее детство (мышечно-анальная)	1—3 года	Автономия — стыд и сомнение	Сила воли
3. Возраст игры (локомоторно-генитальная)	3—6 лет	Инициативность — вина	Цель
4. (Школьный возраст) латентная	6—12 лет	Трудолюбие — неполноценность	Компетентность
5. Юность (подростковая)	12—19 лет	Эго-идентичность — ролевое смещение	Верность
6. Ранняя зрелость	20—25 лет	Интимность — изоляция	Любовь
7. Средняя зрелость	26—64 года	Продуктивность — застой	Забота
8. Поздняя зрелость	65 лет — смерть	Эго-интеграция — отчаяние	Мудрость

Рис. 2. Стадии психосоциального развития.

бак), это может привести не только к образованию механизмов паталогической зависимости и формированию глубинных психотравм. Также возможно генерализованное нарушение развития всей нервной системы, вплоть до тяжелых органических поражений.

2. *Младенчество*. Этот период неразрывно связан с предшествующим этапом и является его логическим

продолжением. Здесь также как и в предшествующем этапе, главенствующей фигурой выступает мать ребенка. Как правило, матери страдающие пагубными зависимостями сами являются жертвами сильнейшего психотравмирующего опыта в прошлом и не способны дать ребенку необходимое количество любви и заботы для формирования в нем базального доверия к окружающему миру.

1. Нижнее бессознательное
2. Среднее бессознательное
3. Высшее бессознательное, или
Сверхсознательное
4. Поле сознания
5. Сознательное «я»
6. Высшее Я
7. Коллективное бессознательное

Рис. 3. Структура психики Р. Асаджиоли

3. *Раннее детство.* Несмотря на то, что на этом этапе степень зависимости от внешней среды становится чуть меньше ребенок все равно еще сильно зависим от окружения. Здесь формируются основные поведенческие модели, ребенок активно осваивает навык подражания и имитации. Если социальное окружение транслирует ребенку деструктивные модели поведения, в том числе, зависимые формы поведения, то вероятность того, что они интериоризируются и ребенок в будущем будет воспроизводить данные формы поведения, очень высока.

4. *Подростковый возраст.* Потенциально это один из самых опасных периодов, когда может возникнуть патологическая зависимость от психоактивных веществ. Как и на предыдущем этапе социальное окружение очень сильно влияет на формирование приоритетной поведенческой модели. Стоит добавить, что в этот период закладывается фундамент для формирования потребностной и экзистенциально-смысловой сферы личности.

5. *Ранняя зрелость.* На данном этапе личность уже практически сформирована и происходит ее кристаллизация. Несмотря на то, что все предшествующие периоды оказывают огромное влияние на личностное развитие, именно в этот период возможны резкие переходы как к гармоничному, так и дисгармоничному вектору развития. Как правило, высшее образование, как социальный институт и как мировоззренческая система убеждений и ценностей, может способствовать раскрытию заложенного личностного потенциала. В случае реализации негативного сценария, ведущего к изоляции, можно считать данный период своеобразной «точкой невозврата», после прохождения которого человеку становится крайне сложно или практически невозможно встроиться в систему здоровых социальных отношений и раскрыть заложенный личностный потенциал.

Таким образом, в современной культуре чаще всего можно встретить реализацию дезадаптивных функций ИСС в контексте личностного развития. Однако суще-

ствует достаточно большое количество средств, реализующих адаптивные функции ИСС и не только не разрушающих и дезорганизирующих личностное развитие, но и, напротив, способствующих ему.

Для того, чтобы ответить на вопрос, как реализовать адаптивные функции ИСС в контексте личностного развития, необходимо более глубоко разобраться — что есть ИСС, почему из всех доступных возможностей люди, в большинстве случаев, предпочитают реализовать дезадаптивную функцию ИСС, сбегая из существующей реальности и делая свою жизнь и жизнь окружающих людей невыносимой. Для ответа на этот вопрос обратимся к модели структуры психики Р. Ассаджиоли.

Исходя из данной модели, мы видим, что поле сознания человека не статично и может в различный период времени деформироваться, охватывая при этом области нижнего и/или верхнего бессознательного. Низшее бессознательное ответственно за координацию телесных функций, инстинктивных стремлений, сновидений, образов и комплексов, связанных с интенсивными эмоциями и пр. Высшее бессознательное или сверхсознательное — это источник высших чувств, любви, гениальности, а также состояний озарений и экстаза [3]. В этой связи можно предположить, что ИСС — это состояние, вызванное эндогенными и /или экзогенными факторами, расширяющее поле сознания конкретного индивидуума до границ низшего и/или высшего бессознательного.

Согласно разработкам Л.И. Спивака и Д.Л. Спивака, изменённые состояния сознания можно типологизировать следующим образом:

1. Искусственно вызываемые: индуцированные психоактивными веществами (например, психоделиками — галлюциногенные грибы, дурман, марихуана, кактусы пейотль и Сан-Педро, можжевёловый дым, алкоголь, химические препараты) или процедурами (например, сенсорной депривацией, холотропным дыханием).

2. Психотехнически обусловленные: религиозные обряды, аутогенная тренировка по Шульцу, осознанные сновидения, гипнотический транс, медитативные состояния.

3. Спонтанно возникающие в обычных для человека условиях (при значительном напряжении, прослушивании музыки, спортивной игре, оргазме), или в необычных, но естественных обстоятельствах (например, при нормальных родах), или в необычных и экстремальных условиях (например, пиковые переживания в спорте, околосмертный опыт различной этиологии) [4].

Стоит отметить, что 1 тип ИСС (искусственно-вызываемые) встречается в современной культуре довольно часто и связан с злоупотреблением психоактивных веществ, вызывающих зависимость, и в итоге, ведущих к распаду личности. Можно предположить, что данный тип ИСС расширяет поле сознания, как правило, только до границ нижнего бессознательного, что приводит к подавлению высших программ жизнедеятельности, связанных с саморазвитием, и стимулирует только биологически заданные формы поведения, благодаря которым потребностная сфера личности сужается до удовлетворения физиологических потребностей и потребностей в безопасности. В определенный момент времени человек, злоупотребляющий вхождением в данный тип ИСС, начинает руководствоваться только инстинктивными формами поведения. При длительном злоупотреблении биологические программы также постепенно угасают и начинают включаться механизмы самоуничтожения.

2 тип ИСС (психотехнически-обусловленные) может оказаться одним из самых продуктивных способов вхождения в ИСС для реализации адаптивных функций. Многие способы вхождения в психотехнически-обусловленные измененные состояния сознания используются в современной психотерапевтической практике и способны оказывать благоприятное воздействие на личность, расширяя границы поля сознания до высшего бессознательного, что влечет за собой качественные преобразования в потребностной сфере личности. Такой

человек начинает стремиться к удовлетворению высших потребностей, таких как потребность в саморазвитии, самоактуализации, самоосуществлении. Данный тип ИСС связан с минимизацией внешних раздражителей и фокусированием внимания на внутреннем пространстве, что исключает образование патологических зависимостей. Кроме того, установлено, что медитативная практика, как один из способов вхождения в психотехнически-обусловленных ИСС, позволяет воздействовать на нервную систему в целом. В результате длительных медитативных практик организм способен вырабатывать необходимое количество эндогенных веществ (нейромедиаторов), оказывающих положительное воздействие как на физическое, так и на психическое здоровье. В этой связи, психотехнически-обусловленные ИСС, в определенной степени, противопоставляются искусственно-вызываемым ИСС. При искусственно-вызываемых ИСС организм вступает во взаимодействие с экзогенными веществами, представляющими аналоги нейромедиаторов. Такие вещества искусственно вызывают краткосрочные состояния эйфории и ведут к образованию психологической, а затем и физиологической зависимости. Психотехнически-обусловленные ИСС, в отличие от искусственно-вызываемых, способствуют самостимуляции нервной системы и запускают процесс выработки необходимых для организма нейромедиаторов.

3 тип ИСС (спонтанно возникающие) встречается достаточно редко в нашей культуре и связан с переживанием интенсивных стрессовых состояний, либо с достижением пикового состояния через религиозный или визионерский опыт.

Несмотря на активно реализуемые в современном обществе дезадаптивные функции ИСС, возможна также реализация и их адаптивной функции, как в психотерапевтической, так и в социальной практике в целом. ИСС выступают как мощнейший инструмент, способный при определенных условиях нанести непоправимый вред отдельной личности и обществу в целом — с одной стороны, а с другой — способный преобразить и развить личностный потенциал отдельного человека и всего общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева О. В. Измененные состояния сознания и культура: хрестоматия. — СПб.: «Питер», 2009. — 371 с.
2. Гроф С. Исцеление наших самых глубоких ран. Холотропный сдвиг парадигмы. — М.: «Ганга», 2012. — 365 с.
3. Ковалев С. В. Психотерапия человеческой жизни. — М.: «Твои книги», 2014. — 352 с.
4. Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. — СПб.: Издательский дом Ювента; Филологический ф-т СПбГУ, 2000.
5. Эриксон Э. Детство и общество. — СПб.: «Речь», 2002. — 416 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ О СВОЕМ ФИЗИЧЕСКОМ Я

METHODOLOGICAL APPROACHES TO INVESTIGATION OF THE REPRESENTATIONS OF THE PERSONALITY ABOUT ITS PHYSICAL I

V. Senchenko

Summary. In the article, you are talking about reducing the importance of the human body, deprivation of physicality, the perception of physical death as an ordinary and even desirable phenomenon. The author notes that there is a correlation between the subjective picture of the world of the individual and the individual components of the image of the ego. The article focuses on the fact that the Image of the Self is the totality of the cognitive attitudes of the individual with respect to himself. The author presents a theoretical model for investigating the representations of the individual about his physical self.

Keywords: image of self, personality, physical self, representations, post-nonclassical paradigm, subjective picture of the world.

Сенченко Владимир Владимирович

Преподаватель, ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (г. Симферополь)
senchenko_n.a@mail.ru

Аннотация. В статье идет речь о снижении значимости человеческого тела, депривации телесности, восприятию физической смерти как обычного и даже желаемого явления. Автор отмечает, что существует взаимосвязь субъективной картины мира личности и отдельных компонентов образа Я. В статье акцентируется внимание на том, что Образ Я является совокупностью когнитивных установок личности в отношении себя самой. Автором приводится теоретическая модель исследования представлений личности о своем физическом Я.

Ключевые слова: образ Я, личность, физическое Я, представления, пост-неклассическая парадигма, субъективная картина мира.

Постановка проблемы

Современное развитие человечества в поле информационных технологий, виртуализация отношений, создание виртуальных, бестелесных образов приводят к вторичности телесности. Подростки и молодежь компенсируют свое физическое Я аватарами и мемами, молодежь постами в социальных сетях, трансформируя тем самым представления о теле, телесности и здоровом образе жизни. Таким образом, бурное развитие информационных систем, искусственного интеллекта привело к снижению значимости человеческого тела, депривации телесности. Между тем, такое отношение к физическому Я может привести к его вытеснению и восприятию физической смерти как обычного и даже желаемого явления.

В современной научной литературе можно выделить несколько подходов к исследованию телесности: социально-философский, социально-культурный и психологический.

Представители социально-философского подхода (Б. Г. Акчурина, И. М. Быховская, Б. Е. Ерасов, И. Г. Замещанский и др) [2,6] связывают телесность со становлением и функционированием различных типов рациональности. В работах И. Г. Замещанского, например, отмечается

влияние западноевропейской культуры на дифференциацию телесности, что делает телесность синонимом бытия.

В социокультурном подходе (И. М. Быховская, Н. А. Бугуева)[6] рассматриваются социальная и культурная составляющие телесности: социально-нравственные идеалы, ценностно-нормативные представления групп, народов и их влияние на представления о телесности. Телесность представлена как социокультурный феномен, объясняющий девиации в процессе социализации личности, а именно: соматизация, уход в деструктивные практики (алкоголизм, наркомания, гипертрофия сексуальности, аномальное поведение и т.д.), сопровождающиеся отказом от собственного тела) [3,4].

В работах Р. В. Маслоу, например, анализируется рефлексия человеческой телесности через виртуальность. Ученый акцентирует внимание на феномене виртуальной телесности [9].

Нашему исследованию такой подход близок, однако исследователями не поднимался вопрос о телесности как психологической категории.

Представителями психологического подхода к исследованию телесности (О. В. Лаврова, Е. Т. Соколова,

А.Ш.Тхостов) акцентируется внимание на различных сторонах телесности: половой идентичности, сексуальности, инстинктах. В работах А.Ш.Тхостова разделяется норма и патология тела. В здоровом состоянии тело не осознается, а в больном становится объектом сознания [1,11, 7].

Несмотря на значимость этих исследований, малоизученным остается субъективная картина мира личности, ее представления о своем физическом Я, составляющие эту картину. Как известно, без четко сформированных жизненных планов, перспектива личности теряет свою основную функцию — целенаправленную саморегуляцию поведения на основе предвидения отдаленных событий будущего. (К.А.Абульханова, Р.М.Гинзбург, Е.И.Головаха, И.В.Дубровина, И.С.Кон, Р.С.Немов, Л.М.Фридман, И.И.Чеснокова и др.) [1, 7,11].

Научная проблема исследования заключается в выявлении особенностей представлений о физическом «Я» в субъективной картине мира молодежи, что позволит создать психологически грамотную систему социально-психологического сопровождения здорового образа жизни.

Целью статьи является анализ методологических подходов к исследованию представлений личности о своем физическом Я.

Задачи исследования

1. Проанализировать категорию образа Я в психологии.
2. Раскрыть понятие субъективная картина мира личности.
3. Проанализировать связь субъективной картины мира личности с ее образом Я.
4. Рассмотреть представления о физическом Я как элемент субъективной картины мира личности.

Теоретический обзор

Среди методологических проблем исследования представлений личности о своем физическом Я можно выделить несколько основных: выбор парадигмы исследования, выбор научной теории и выбор концепции.

Так, в классической парадигме принято акцентировать внимание на биологической составляющей образа Я. Прежде всего, это психоаналитический подход З.Фрейда, который связал образ Я прежде всего с телесностью. Учитывая психосоциальную природу окружения личности, ученый все же делает акцент на биологической составляющей Я-образа личности и объясняет все психические акты природой тела. По сути телесный феномен представляется Фрейдом как знаково-символическая форма, приобретенная индивидом в процессе

социализации. Таким образом, симптомогенез, по мнению ученого, зависит от хода социализации личности и определяет контекст ее межличностных отношений. Кроме того, исследователь выделил инстанцию «Я», которая ориентирована на «Идеал Я» и подвергается влиянию бессознательного. Этот подход близок нашему исследованию, однако за пределами исследований ученого остались представления о своем теле, телесности и их смыслообразующая функция.

Уже в работах последователей З.Фрейда отмечается уклон в психосоциальную составляющую Я-образа. Так, в работах Э.Эриксона мы наблюдаем обращение к социокультурному контексту в описании образа Я, что привело к выделению восьми стадий становления эго-идентичности [13,15].

В неклассической парадигме особое внимание уделяется социальной составляющей Я-образа. Взять хотя бы трансформацию представлений о красивом теле в разные века и в разных культурах. От пышных красоток Рубенса с ярко выраженной женской сущностью до измодернированных моделей современности со стертым гендером.

Третья научная революция, которая принесла научному миру постнеклассическую парадигму. Не умаляя достоинства гуманистических, экзистенциалистских теорий, остановимся на когнитивистском представлении образа Я.

У когнитивистов образ-Я относится к самопознанию личности. В структуре Образа-Я выделяются когнитивные схемы (Х.Маркус), личностные конструкты, способы восприятия, когнитивные стили. Для нас имеет огромное значение теория Дж.Келли, объясняющая формирование системы представлений личности. Существование бинарных оппозиций у каждой личности позволяет, по мнению ученого, управлять межличностным восприятием. В дальнейшем анализе когнитивной модели обратимся к исследованиям Х.Хеманс, В.Мишел, К.Морф, выделившими в системе формирования представлений две подсистемы: когнитивно-ориентированную и ментальную [4,8,14].

Собственно, согласно этой парадигме человек есть та информация, которую он о себе сообщает. Особенно ценным это определение становится в век информационных технологий, расширяющих жизненное пространство личности за счет виртуальной среды. Потеря телесности превращает взаимодействие людей во взаимодействие образов, симулякров, вызывая необходимость привлечения внимания за счет ников, аватаров, статусов. Повышение разнообразия в личностном развитии происходит с увеличением количества безопасных выборов, поступков, экспериментов с личностной

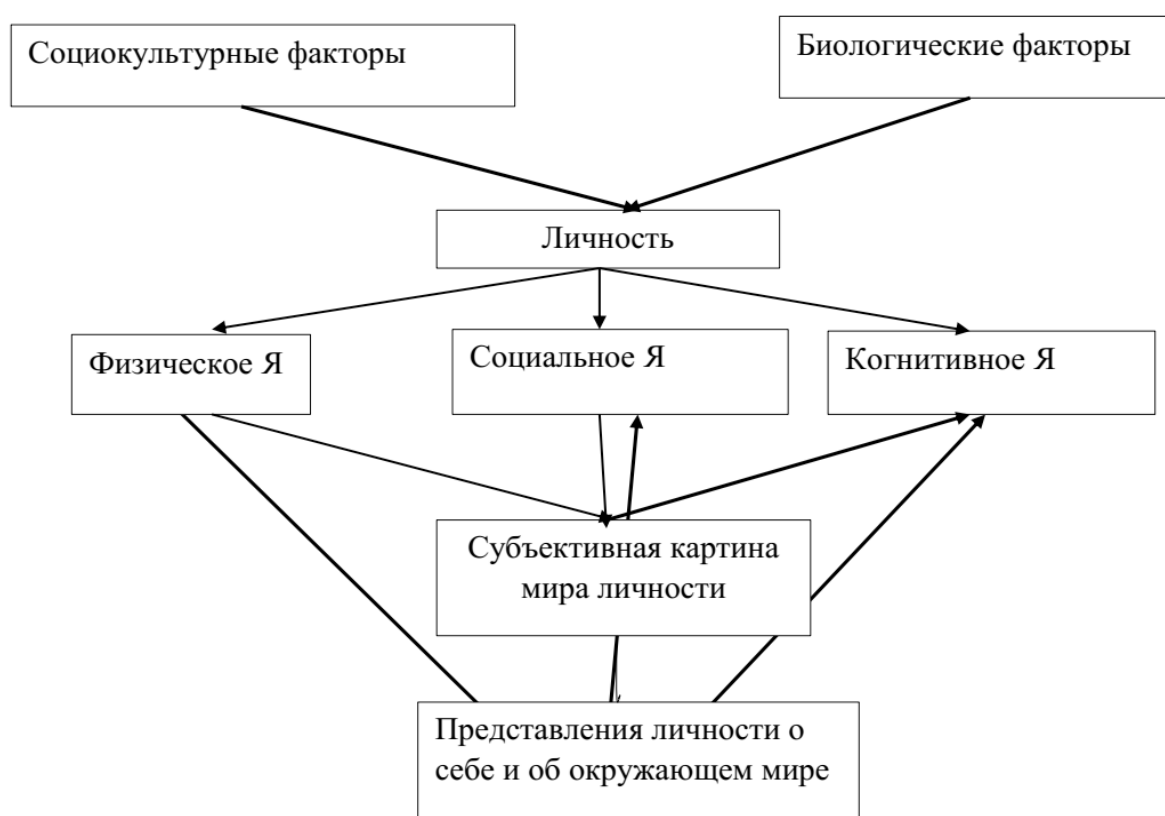

Рис. 1. Теоретическая модель исследования представлений личности о своем физическом Я

идентичностью, что составляет группу задач, связанную с личностным конструированием. При этом происходит взаимовлияние виртуальной и реальной составляющей личности друг на друга.

Следует отметить, что подобное понимание Образа-Я приводит к дефиниции субъективная картина мира личности, без введения которой наше представление о структуре Я-образа было бы неполным.

К исследованию субъективной картины мира можно выделить три основных подхода. В рамках первого направления картина мира субъекта рассматривается как совокупность представлений об окружающем мире, которые могут выступать в виде знаний. Так, А. Эйнштейн считал, что познание человеком природы имеет противоречивый характер, отражение мира с помощью научных методов происходит на основе предварительного создания его целостного образа.

В рамках второго подхода картина мира рассматривается как совокупность переживаний субъекта об окружающем мире. В работах С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой образ мира рассматривается в контексте жизненного пути человека, через систему познания бытия в мире. Оказывается, что формирова-

ние образа мира происходит в процессе познания человеком окружающего его мира, осмысления значимых событий в своей жизни. Мир для человека представляется в конкретике реальности бытия и становится собственностью «Я» человека [1,10].

Объединение обоих подходов позволяет рассматривать картину мира как такую внутреннюю модель реальности, в основе которой лежит специфическая для человека как биологического вида система знаков, имеющая социальную природу и сформированная в ходе его культурно-исторического развития. Кроме того, картина мира является продуктом субъективного конструирования, обусловленного индивидуальными особенностями восприятия, познания, мышления, деятельности, что делает ее уникальной и отличительной от картины мира других субъектов.

Таким образом, субъективная картина мира базируется на представлениях личности о мире вообще и характеризуется временной направленностью личности, осмысленностью и эмоциональной насыщенностью.

Учитывая, что образ-Я, прежде всего, характеризует-ся характеризующийся представлениями человека о самом себе и по мнению Ш. Самюэля содержит физическое

Я, социальное Я, когнитивное Я, следует обратить внимание на взаимосвязь субъективной картины мира личности и отдельных компонентов образа Я.

Так, например, представления личности о красивом теле формируют ее самооценку в отношении собственного физического Я. При этом, подражание и копирование становятся едва ли не самыми значимыми механизмами социализации личности и формирования ее Я-концепции.

В своем исследовании мы исходим из определения Образа Я как совокупности когнитивных установок личности в отношении себя самой.

Таким образом теоретическая модель формирования представлений личности о себе самом представлена на рисунке 1.

Как видно на рисунке 1, на формирование личности оказывают влияние социокультурные факторы (общественный строй, традиции, культура, социум в целом и ближайшее окружение) и биологические факторы (генетика, природная среда). Под влиянием социокультурных факторов формируется идеальный образ Я. У личности складываются устойчивое понимание какой нужно стать в физическом, когнитивном, социальном аспектах. По сути, мы имеем дело с требованиями общества, его нормами или их отсутствием. Именно этим можно объяснить моду на трансгендер или выраженную феминность. Появление на портретах феминных, утонченных мужчин и женщин с выраженными формами в прошлые столетия связано с представлениями общества о красоте мужского и женского тела. Увлечение телом в наше время также происходит под влиянием социокультурных факторов и происходит в направлении смещения гендера — накачанное мужское и женское тело.

При этом формируются собственные когниции в отношении физического тела. Так, согласно опросу проведенному в студенческой аудитории в 2017 году женское тело

должно: быть стройным (86% респондентов обоих полов), быть спортивным (62% респондентов мужчин и 54% женщин), иметь выраженную талию (45% мужчин, 78% женщин), иметь широкие бедра (68% мужчин, 34% женщин). Мужское тело должно: быть накачанным (91% респондентов обоих полов), быть здоровым (47% обоих полов).

Следует отметить, что в физические составляющие тела респонденты включают запах.

Таким образом, идеальный образ Я оставляет свой отпечаток на формировании субъективной картины мира личности. Личность «видит» мир сквозь призму уже сформированных у нее представлений, Именно с этим связана мода на тело, одежду, образ жизни. При этом следует отметить, что в силу особенностей процесса социализации личности, его индивидуальности для каждого отдельного случая, может выявиться конфликт между идеальными и реальными составляющими образа Я. Не является исключением и физическая составляющая, например мода на «няшные образы» девушек и юношей с огромными глазами и подростковыми фигурами, приводит к конфликту реального и идеального физического Я, что влияет на самооценку личности.

ВЫВОДЫ

1. Учитывая особенности эпохи постмодерна, мы считаем необходимым в исследованиях представлений личности о своем физическом Я обратиться к постнеклассическим когнитивистски ориентированным теориям, позволяющим связать физическую и информационную составляющие образа Я.

2. На формирование личности оказывают влияние социокультурные факторы (общественный строй, традиции, культура, социум в целом и ближайшее окружение) и биологические факторы (генетика, природная среда). Под влиянием социокультурных факторов формируется идеальный образ Я. Биологические факторы корректируют этот образ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова–Славская К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова: Славская — М., Мысль. — 1991. — 299 с.
2. Акчуринов Б. Г. Духовная и телесная организация человека / Б. Г. Акчуринов. — Башк. гос. ун-т. — Уфа: [б. и.], 2001. — 257 с.
3. Арина Г. А. Психология телесности: методологические принципы и этапы клинико-психологического анализа / Г. А. Арина // Вестник Московского Университета, Серия 14. Психология. — 1999. — № 2. — С. 9–28.
4. Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — 128 с.
5. Бернс Р. Развитие Я — концепции и воспитание / Р. Бернс. — М.: Прогресс, 1986. — 367 с.
6. Быховская И. М. Аксиология телесности и здоровье: сопряженность в культурологическом измерении / И. М. Быховская // Психология телесности: между душой и телом / Ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. — М.: АСТ МОСКВА, 2007. — С. 53–62.
7. Вильева С. И. Историческое развитие понятия «человеческая телесность» / С. И. Вильева // Аналитика культурологии. — 2014. — № 1 (28). — Режим доступа: <http://www.anaculturolog.ru>

8. Зинченко В. П. Психология телесности между душой и телом / Сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. — М.: АСТ, 2005. — 222 с.
9. Маслов Р.В., Проблема телесности в русской философской традиции/ В. Р. Маслов // Известия саратовского университета. Саратов, 2006. — С. 229.
10. Рубинштейн С. Л. Человек и мир/ С. Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. — М., 1976. — С. 253–384.
11. Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности/ Е. Т. Соколова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. — 215 с.
12. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии/ И.И. Чеснокова. — М.: Наука, 1977. — 144 с.
13. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. — М.: Просвещение, 2012. — 448 с.
14. Филиппова, Г. Г. Проблемы телесности репродуктивной сферы женщины / Г. Г. Филиппова// Психология телесности: между душой и телом / Ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. — М.: АСТ МОСКВА, 2007. — С. 457–480.
15. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. — М.: Мысль, 2004. — 352 с.

© Сенченко Владимир Владимирович (senchenko_n.a@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь)

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СРЕДЕ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА МУЖСКОГО ПОЛА, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ, И ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ ДАННОЙ КАТЕГОРИИ СПЕЦКОНТИНГЕТА

ABOUT CHANGES
IN THE ENVIRONMENT OF CONVICTED
YOUTH AGED MALE, SERVING
SENTENCES IN CORRECTIONAL
COLONIES, THE PROBLEM OF STUDYING
THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL
MATURITY THIS CATEGORY
OF STATSKONTORET

O. Teteukhina

Postgraduate student of the Science and Pedagogy Personnel Training Faculty, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. Ryazan, Russia.

Summary. The article presents a socio-demographic analysis of young males serving sentences in penal colonies, as well as an analysis of the study of their personality in the study of domestic authors. Identified socio-psychological characteristics of male youth of age serving sentences in correctional colonies, with the goal of developing a program of examination and justification of psycho-diagnostic tools for the study of socio-psychological maturity of the youth convicted of the age of the male at different stages of punishment.

Keywords: convicts, youth age, socio-psychological maturity, infantilism, socio-demographic characteristics, learned helplessness, penal colony.

Тетеухина Ольга Владимировна

Старший психолог, межрегиональный отдел информационно-технического обеспечения психологической работы УФСИН России по Ярославской области, майор внутренней службы; адъюнкт, Академия ФСИН России
nemo80@list.ru

Аннотация. В статье представлен социально-демографический анализ лиц молодежного возраста мужского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях, а также анализ изучения их личности в исследованиях отечественных авторов. Выявлены социально-психологические особенности мужчин молодежного возраста, отбывающих наказание в исправительных колониях, с целью разработки программы обследования и обоснования психодиагностического инструментария для исследования социально-психологической зрелости осужденных молодежного возраста мужского пола на разных этапах отбывания наказания.

Ключевые слова: осужденные, молодежный возраст, социально-психологическая зрелость, инфантилизм, социально-демографические особенности, выученная беспомощность, исправительная колония.

В России по-прежнему актуальной остается проблема рецидивной преступности, в том числе среди лиц молодежного возраста. Согласно статистических данных судебного департамента наблюдается рост числа осужденных молодежного возраста мужского пола, по сравнению с предыдущими годами. Так за 2017 год число осужденных данной категории составило 44% от общего числа осужденных мужского пола (2015 г.— 37%, 2016 г.— 34%), из них 21% — лица от 18 до 24 лет, 23% — лица от 25 до 30 лет [8]. Таким образом, наиболее активная, трудоспособная часть нашего общества, находясь в исправительных учреждениях, наносит немалый экономический ущерб государству.

Границы рассматриваемого возрастного периода весьма условны и размыты. Современная социологиче-

ская наука относит к молодежи лиц 14–30 лет, находящихся на этапе между детством и взрослостью, в процессе своего созревания и развития [12, с. 188]. Существует большое количество определений понятия «молодежь», данное в рамках психологии, социологии, педагогики, философии и т.п. Среди российских ученых наиболее распространено определение молодежи, данное И. С. Коном: «Молодежь — социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость, как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанные с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от обще-

ственного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [5, с. 65].

Перед молодыми людьми объективно встает необходимость решения таких важных задач, как выбор жизненного пути, создание семьи, рождение и воспитание детей, получение образования и профессии, служба в армии и т.д. Другими словами, перед молодежью встает задача семейной и внесемейной социализации [6, с. 480]. И.В. Солодникова объединяет социально-психологические факторы социализации в два блока: первый блок — «Социальные, отражающие социально-культурный аспект (набор ролей и статусов, предлагаемых обществом человеку, совокупность социальных институтов, в рамках которых он может формировать свои социальные качества и т.п.); второй — «индивидуально-личностные, в значительной мере определяемые этапом жизненного пути человека (избирательность личности в освоении образцов поведения, деятельности, проявлении гендерных особенностей, транслируемых конкретным обществом)» [11, с. 33].

Молодежный возраст ввиду такого широкого диапазона — 14–30 лет — сложно рассматривать как единый целостный объект, поэтому были предприняты попытки разделить его на несколько возрастных подгрупп. Б.А. Ручкин предлагает выделять следующие периоды: до 18 лет (подростки), 18–24 года (молодежь), 25–30 лет (молодые взрослые) [9, с. 91].

Подростки до 18 лет не входят в сферу нашего научного интереса, так как они отбывают наказание в воспитательных колониях.

Возрастная группа 18–24 года представлена, преимущественно, студенчеством. По мнению В.В. Загребина, решая задачи первичной профессиональной социализации, «...она не имеет должного для занимания высоких социальных позиций профессионального образования, квалификационных навыков, личностной зрелости и опыта, социальных («связей», семьи и т.д.), экономических и прочих ресурсов...» [4, с.28]. Таким образом, в данный период закладывается и развивается человеческий потенциал.

Возрастная группа 25–30 лет представлена, преимущественно, молодыми специалистами, перед которыми стоят следующие задачи: «...необходимость определиться по поводу дальнейшей семейной жизни, обзавестись детьми; окончательно стать экономически и социально самостоятельными; необходимость стать личностно зрелыми, сформировать определенные жизненные устремления и планы» [4, с. 28].

Таким образом, данная возрастная категория представляет собой мощный потенциал для нашей страны,

обеспечивающая экономическое, политическое, духовное, интеллектуальное развитие нашего государства, определяющий наше будущее. Этим обусловлена актуальность и популярность научных исследований молодежного возраста.

Социализация не всегда может проходить успешно, а неудачное освоение ролей приводит к различным девиациям. Типичным примером неудачной социализации можно считать такое социальное явление, как преступность.

Анализ статистических данных судебного департамента (по состоянию на 2017 год) показал, что большинство лиц молодежного возраста мужского пола осуждено за преступления против собственности (ст. 158–168) — 44% от общего количества лиц молодежного возраста мужского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях, что составляет 19% от всего количества совершенных преступлений лицами мужского пола по данной категории статей. На втором месте по количеству следуют преступления против здоровья населения и общественной нравственности (228–245) — 18%, что составляет 7,8% от общего количества совершенных преступлений по данной категории статей. В основном, осужденные данной категории отбывают наказания по статьям 228–234 за незаконные действия и нарушения правил обращения с наркотическими средствами и психотропными веществами [8].

Существенно ниже количество осужденных за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (263–271) — 12% от общего количества всех лиц молодежного возраста (5% от общего числа преступлений по данной категории); преступления против порядка управления (317–330) — 6% от общего количества всех лиц молодежного возраста (2,5% от общего числа преступлений по данной категории), преступления против жизни и здоровья (105–125) — 10% от общего количества всех лиц молодежного возраста (4,4% от общего числа преступлений по данной категории), преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (131–135) — 2% от общего количества всех лиц молодежного возраста (0,7% от общего количества преступлений по данной категории); преступления против общественной безопасности (205–227) — 1,3% от общего количества всех лиц молодежного возраста (0,5% от общего числа преступлений по данной категории) и преступления против правосудия (294–316) — 1,2% от общего количества всех лиц молодежного возраста (0,5% от общего числа преступлений по данной категории).

Данные официальной статистики наглядно показывают нам, что наиболее часто совершаемые преступления

лицами молодежного возраста мужского пола (хулиганство, разбой, вымогательство, грабеж, неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем и т.д.) носят корыстно-насильственный характер.

Другая категория преступлений — незаконные действия и нарушения правил обращения с наркотическими средствами и психотропными веществами — свидетельствуют о таких особенностях осужденных молодежного возраста, как жажда легких денег и немедленной наживы незаконным способом, преобладание гедонистических установок, неумение зрелым способом контролировать возникновение и удовлетворение своих потребностей.

Таким образом, анализируя статистические данные, можно сказать, что преступления, совершаемые лицами молодежного возраста мужского пола, носят агрессивный, корыстный, инфантильный характер, а также обладают чертами социально-незрелых форм поведения и взаимодействия с социумом. В основе этих преступлений лежит незрелая мотивация и отсутствие навыков социально-приемлемым способом удовлетворять свои потребности.

В рамках исследования психодинамики социально-психологической зрелости осужденных молодежного возраста мужского пола было проведено анкетирование респондентов с целью уточнения социально-демографических параметров для подбора оптимального психодиагностического инструментария. Анкетирование, в котором приняло участие 228 осужденных 18–30 лет, проводилось в исправительных колониях общего и строгого режимов. Данные, полученные в результате анализа анкет осужденных, согласуются с данными официальной статистики судебного департамента и уточняют их по некоторым параметрам.

Среди опрошенных респондентов 56% составляют лица возрастной категории 25–30 лет и 44% — 18–24 лет, что отражает соотношение лиц данных возрастных категорий в общей выборке осужденных.

Большинство осужденных, принявших участие в анкетировании, имеет среднее образование (44%). Среднее специальное образование у 25,8% респондентов, неполное среднее образование у 22,6% опрошенных, высшее образование у 5% респондентов, незаконченное высшее образование и среднее профессиональное образование имеют по 1,3% опрошенных. Таким образом, мы можем судить о низком образовательном уровне респондентов, так как, согласно полученным данным, около 67% осужденных молодежного возраста не имеют профессионального образования и специальности,

и, следовательно, задача первичной профессиональной социализации у данной группы не решена.

По семейному статусу осужденные молодежного возраста распределились следующим образом: 73% в браке не состоят, 21% состоят в браке, 6% респондентов разведены. Полученные данные говорят нам о том, что у подавляющего числа осужденных (почти 80%) выявлены трудности не только в профессиональном самоопределении, но и в семейной социализации. Таким образом, полученные результаты наглядно свидетельствуют о сужении набора ролей и статусов, предлагаемых обществом человеку, которым овладели осужденные, а также о минимальном влиянии (не исключено и полное его отсутствие) социальных институтов на личность осужденного, в рамках которых он может формировать свои социальные качества и т.п.

Большая часть респондентов осуждены по тяжким (57%) и особо тяжким статьям (26%). За преступления средней степени тяжести отбывают наказание 16% респондентов, за нетяжкие преступления — 1%.

Распределение осужденных по различным категориям статей Уголовного кодекса Российской Федерации согласуется с данными Судебного департамента Верховного Суда РФ и подтверждает сделанный ранее вывод о том, что преступления, совершаемые лицами молодежного возраста мужского пола носят, преимущественно, агрессивный, корыстный, инфантильный характер, обладают чертами социально-незрелых форм поведения и взаимодействия с социумом, направлены на немедленное удовлетворение возникающих потребностей и тесно связаны с незрелой мотивацией (немедленное получение удовольствия, жажда «легких денег» и быстрой наживы).

От социально-демографической характеристики перейдем к рассмотрению социально-психологических особенностей осужденных молодежного возраста мужского пола. Социально-психологическая зрелость осужденных, в целом, и осужденных молодежного возраста, в частности, как отдельная категория, в отечественной науке еще не становилась предметом самостоятельного изучения. Но были проведены исследования отдельных ее аспектов в рамках юридической психологии.

Изучением данного вопроса в различных его аспектах занимались ученые-пенитенциаристы Ю. М. Антонян, А. В. Быков, В. М. Поздняков, В. Ф. Пирожков, А. И. Ушатиков, В. Г. Деев, К. Е. Игошев, Б. Б. Казак и др., в рамках различных исследований данная тематика освещена в работах Г. В. Щербаклова, А. В. Наприса, Н. А. Полянина, А. В. Федорова и др.

Всестороннюю, научно обоснованную общую характеристику осужденных данной категории дали А. И. Ушатиков и Б. Б. Казак. Рассматривая данную возрастную категорию, так же как и большинство ученых, авторы разделяют ее на два этапа и характеризуют каждый из них:

- ◆ в период от 18 до 25 лет большинство осужденных «...не имеют профессии и трудового стажа, а подавляющее большинство — даже общего среднего образования, что является результатом деформации познавательных интересов вследствие отрицательного отношения к обучению в школе...» Актуальной становится проблема осознания себя, осознания своих перспектив, которая связана с криминальным образом жизни и характеризуется низкой общественной активностью [15, с. 510].
- ◆ в период от 25 до 30 лет «...происходит стабилизация криминального или правопослушного поведения осужденных...» [15, с. 511]. В. Г. Деев (1986) отмечает, что «...на границе 26–30 лет наблюдается усталость от воровской и тюремной жизни, обостряется проблема смысла жизни, происходит переоценка ранее сформированных установок и убеждений, возникает желание покончить с прошлым...» [15, с. 511]. В этот период «...более чем на две трети увеличивается число положительно направленных осужденных, что является следствием изменения жизненной позиции отдельной части правонарушителей; наблюдаются проявления активности в общественно значимых видах деятельности, стремления порвать с преступным прошлым, встать на путь исправления» [1, с. 126].

В. Г. Деев (1986) классифицирует осужденных молодежного возраста в зависимости от направленности личности на неустойчивых с активной положительной и отрицательной мотивацией поведения, устойчивых с отрицательной групповой мотивацией поведения, устойчивых с пассивной мотивацией поведения, устойчивых с положительной мотивацией поведения. Самой многочисленной является группа осужденных-приспособленцев, которые не изменяют внутренних убеждений, ценностей и при различного рода эксцессах оказываются на стороне отрицательной части. В отличие от других групп осужденных молодежного возраста лица с положительной мотивацией переживают вину за совершенное преступление, намерены создать семью, работать и вести правопослушный образ жизни.

Г. В. Щербаков в результате проведенного диссертационного исследования выявил особенности мотивационной сферы осужденных молодежного возраста. Так, для осужденных первого периода молодежного

возраста (18–25 лет) характерно «...категоричное выражение асоциальных интересов, стремлений, негативное отношение к основным средствам исправления и ресоциализации. Они открыто демонстрируют асоциальный и антисоциальный характер своих жизненных планов. Осужденные второго периода молодежного возраста (26–30 лет) характеризуются занимают выжидательную позицию, активности не проявляют...» [16, с. 109].

Исследованию жизненных планов как высшему уровню развития направленности личности посвящено диссертационное исследование А. В. Наприса (1997). Жизненные планы и ценностные ориентации осужденных молодежного возраста в местах лишения свободы связаны со стремлением занять достойное место в иерархии осужденных, найти физическую защиту и опору в малой неофициальной группе, приспособиться к жизни в колонии. Градация их ценностных ориентации следующая: высокий материальный уровень жизни, создание семьи, свобода; учеба, интересная работа, религия занимают последнее место [7, с. 183].

Особую роль в мотивационной сфере осужденных молодежного возраста занимают «осмысление жизни и личностные ценности. Это основные цели человека, которые отражают долговременную жизненную перспективу и определяют смысл жизни человека» [13, с. 166]. В ходе проведенного А. В. Федоровым исследования личностных ценностей осужденных молодежного возраста, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, установлено, что данная категория по особенностям мотивационно-смысловой сферы отличается в социально-негативном смысле от законопослушных граждан в том, что социально-позитивные цели (например, здоровье, интересная работа, законность) не находятся в верхней части иерархии [13, с. 166].

Основной причиной того, что доминирующую роль приобретают мотивы, связанные с удовлетворением сиюминутных потребностей, стремление во всем видеть только личную выгоду, искаженное понимание ответственности большинство ученых связывают с деформацией направленности волевой активности осужденных (В. Г. Деев, М. В. Тимашев и др.) Недостатки динамической стороны воли выражаются в неразвитой способности к задержке отрицательных мотивов и побуждений, повышенной эффективности и импульсивности поведения. Имеет место дисгармония между силой побуждения и торможения. Эти особенности проявляются у осужденных на разных этапах волевого действия — постановки цели, планирования, исполнения. Волевая активность их основана в основном на экстермальном локусе контроля при сниженном интернальном [3, с. 37].

В результате длительного пребывания в местах лишения свободы, под влиянием тюремной субкультуры у осужденных может вырабатываться «выученная беспомощность». Находясь в условиях изоляции, у осужденных зачастую формируются конформистско-приспособленческие паттерны поведения, все действия и поступки строго регламентированы либо требованиями режима колонии, либо традициями и обычаями криминальной субкультуры. «Осужденные в условиях изоляции как бы выстраивают барьер по отношению к окружающему миру. Деструктивная среда, с её враждебной атмосферой и генерализованным запретом на проявление активности, требует обособления без коммуникации. Другими словами, среда принуждает осужденного развиваться и действовать не в собственных, а в строго заданных, предписанных ему жёстких границах» [10, с. 135]. Попав в сложную ситуацию, осужденные со сформировавшейся выученной беспомощностью ничего не предпринимают для ее преодоления, у них формируется комплекс неудачника и психология жертвы, в целом. Таким образом, с возрастом проведенного в исправительном учреждении срока, происходит усугубление присущих осужденным молодежного возраста, психологических особенностей: незрелости мотивационной сферы, отсутствия планов на будущее, приоритета социально-негативных перед социально-позитивными ценностями, деформации волевой направленности, отсутствия активности, безответственности. Данный факт необходимо учитывать при планировании комплекса психокоррекционных мероприятий для данной категории осужденных.

Для осужденных молодежного возраста мужского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях, характерна тенденция к группированию, которая вызвана потребностью в защите группой, завоевания в ней высокого статуса [15, с. 512].

Учитывая высокую значимость группы для осужденных данной возрастной категории, а также труд-

ности семейной, профессиональной и прочей социализации, актуальными становятся исследования социально-психологической зрелости данных лиц. По мнению А. Л. Журавлева, социально-психологическая зрелость ограничивается сферами проявления, «...это взаимодействие личности с социальным окружением, малыми и большими группами, качество самих социальных групп, личностных и межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношений...» [14, с. 9]. Таким образом, интегральное изучение социально-психологической зрелости осужденных молодежного возраста, психологической динамики подструктур личности, составляющих данный феномен, приведет нас к более глубокому пониманию механизмов изменения в процессе отбывания наказания социализации и тех необходимых психологических качеств, которые необходимы для дальнейшей успешной адаптации индивида в обществе. Научно обоснованная картина динамики данных процессов позволит в дальнейшем подобрать оптимальный психокоррекционный инструментарий для снятия ограничений и развития социально-психологической зрелости лиц, отбывающих наказание в исправительных колониях.

Учитывая актуальность исследования социально-психологической зрелости осужденных молодежного возраста мужского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях, и отсутствия в практике пенитенциарных психологов психодиагностического инструментария для оценки уровня ее развития с целью дальнейшего развития, был проведен всесторонний методолого-теоретический и социально-демографический анализ лиц данной возрастной категории. В результате данного анализа обоснован выбор психодиагностического инструментария и его включения в программу исследования социально-психологической зрелости осужденных молодежного возраста на разных этапах отбывания наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деев В. Г., Казакова Е. Н., Михалева И. В., Наприс Л. В. Основы психологии исполнения уголовных наказаний: Учеб. Пособие. Вологда: ВИПЭ МЮ РФ, — 2001. — 347 с.
2. Деев В. Г. Психология направленности личности осужденных молодежного возраста: Учеб. пособие. Рязань, 1978. — 78 с.
3. Деев В. Г., Тимашев М. В. Методика изучения и характеристика волевых проявлений осужденных в условиях ИТУ. Рязань, 1975. — 56 с.
4. Загребин В. В. Подходы к определению категории «Молодёжь» // Концепт. 2014. № 2. — С. 26–30.
5. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. — М.: Политиздат, 1987. — 366 с.
6. Краткий словарь по социологии / Под общ. Ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина — М.: Политиздат, 2001. — 480 с.
7. Наприс А. В. Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста: На материалах исправительных колоний строгого режима: Диссерт. канд. психол. наук. Рязань, 1997. — 220 с.
8. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Данные судебной статистики / <http://www.cdep.ru>
9. Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России // СОЦИС — 1998. — № 5. — С. 90–98.
10. Сергеев М. П. Личность осужденных (психодиагностика и психопрофилактика, воспитательная работа) // Вестник ЧГУ. 2010. № 2. — С. 133–140.

11. Солодникова И. В. Социализация личности: сущность и особенности на разных этапах жизни // СОЦИС — 2007. — № 2. — С. 32–39.
12. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор РАН Г. В. Осипов. — М.: Издательство НОРМА, 2000. — 488 с.
13. Федоров А. Ф. Психологические особенности воспитательного процесса осужденных молодежного возраста и особо опасных рецидивистов. / Сибирский педагогический журнал. — 2011 г. — № 6. — С. 164–174.
14. Феномен и категория зрелости в психологии/ отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М. — 2007. — 223 с.
15. Ушатилов, А. И. Пенитенциарная психология / А. И. Ушатилов, Б. Б. Казак. — Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. — Рязань: Академия права и управления МЮ РФ, 2003. — 758 с.
16. Щербаков Г. В. Мотивационная сфера осужденных молодежного возраста и ее влияние на адаптацию в исправительном учреждении: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06: Рязань, 2002. — 199 с.

© Тетеухина Ольга Владимировна (nemo80@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЛОСКУТНЫХ СЕМЬЯХ КАК ОСОБОЙ СЕМЕЙНОЙ СТРУКТУРЕ

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF INTERACTION IN BLENDED FAMILIES AS SPECIAL FAMILY STRUCTURE

A. Shtolts

Summary. In the article there are systematized the most widespread triggers, promoting appearance of contradictions in relationship of members of blended family. The concept of blended family is specified. It is shown that in blended families, in comparison with biological, relationship of participants proceeds in more complicated, conflict way. The conclusion is drawn that the following directions could be considered as the reserves for psychological correction and prevention of the arising problems in relationship in blended families: maintenance of openness and permeability of borders of interaction; gradual and continuous strengthening of the authority of the stepfather or mother; creation of the clear boundary allowing to continue the relations with expanded families outside the mixed family; development of policy of respect and trust for all family members; adoption of differences in development of each member and decrease in their level of expectations.

Keywords: patchwork family, blended family, step family, the mixed family, remarriage, problems of interaction in blended families, problems of communication in blended families.

Штольц Ангелика Львовна

Аспирант, Московский институт экономики,
политики и права
justwerbung@mail.ru

Аннотация. В статье систематизированы наиболее распространенные триггеры, способствующих возникновению противоречий во взаимоотношениях членов лоскутной семьи. Уточнено понятие лоскутной семьи. Показано, что в лоскутных семьях, по сравнению с биологическими, взаимоотношения участников протекают в более сложной, конфликтной форме. Сделан вывод, что резервами для психологической коррекции и профилактики возникающих нарушений во взаимоотношениях в лоскутных семьях выступает: поддержание открытости и проницаемости границ взаимодействия; постепенное и непрерывное укрепление авторитета отчима или мачехи; создание четких границ, позволяющих продолжать отношения с расширенными семьями за пределами смешанной семьи; развитие политики уважения, доверия в отношении всех членов семьи; принятие различий в развитии каждого члена и снижение их планки ожиданий.

Ключевые слова: лоскутная семья, смешанная семья, повторный брак, проблемы взаимодействия в лоскутной семье.

В настоящее время в условиях трансформации моделей семьи как центрального института воспитания, растущего числа разводов и повторных браков, взаимосвязи и внутренние взаимоотношения индивидуумов в различных семейных структурах, как и их внешнее социальное взаимодействие, отличается высокой вариативностью. Данные процессы приобретают особую актуальность для такой структуры, как лоскутная семья. Под лоскутными семьями (*patchwork families* — в англ.) в настоящей статье подразумеваются семьи, созданные двумя партнерами в результате повторного брака и имеющими детей от первого брака. В российской науке данному термину в целом соответствует понятие «смешанная семья».

Лоскутная семья, включенная в жизнедеятельность социальной системы, с одной стороны, отражает основные явления, состояния, реализуя их в виде типичных форм функционирования и проявляя трудности и проблемы во внутрисемейном взаимодействии, свойственные другим типам семейных структур, а с дру-

гой,— придает им индивидуализированное значение, обусловленное субъективными составляющими, которые определяются личностными характеристиками членов семьи и спецификой взаимодействия между ними. Сложность эффективного методического и практического решения исследуемой в настоящей статье проблемы заключена в том, что современная российская наука еще не располагает теоретико- и методологически обоснованными и эмпирически подтвержденными сведениями о специфике, закономерностях и механизмах формирования и развития взаимоотношений, возникающих проблемах и особенностях жизнедеятельности в целом в семьях лоскутного типа, детерминированных воздействием сложного комплекса социально-психологических, субъективных и объективных факторов.

Результаты актуальных эмпирических исследований, в ходе которых проводился сравнительный анализ биологических и смешанных семей [1–3], демонстрируют, что градус конфликтного накала в последних гораздо выше, чем в биологических семьях. Доказано, что кон-

фликты в семьях в первом браке развиваются дольше, чем в смешанных семьях, но в последних при этом возникают чаще. Снижение качества взаимоотношений между супругами здесь происходит быстрее, чем в первом браке. В смешанных браках конфликт протекает более интенсивно и открыто. Именно дети из предыдущих браков очень часто становятся наиболее острыми источниками конфликтов в смешанных семьях между родителями, и именно ссоры из-за детей в большей мере влияют на агрессию детей и проблемы в их поведении. Таким образом, уже ряд приведенных результатов свидетельствует, что в смешанных семьях взаимоотношения складываются тяжелее, чем в биологических. Эти семьи как бы обнажают и усиливают обычный семейный процесс, равно как и возникающих в его рамках конфликты и трудности во взаимоотношениях.

Как бы уважительно и спокойно не проходил разрыв между партнерами в семье в прежнем браке или союзе, он в любом случае носит стрессовый характер. Эти тенденции проецируются и на функционирование вновь создаваемой семьи. При этом для ребенка в такой семье расставание родителей в любом случае представляет собой острое травмирующее событие, как и появление нового партнера в жизни отца или матери, попытки установления стабильных взаимодействий между всеми членами лоскутной семьи.

Комплекс проблем в жизнедеятельности подобных семей достаточно обширен, что актуализирует необходимость консультативной и психотерапевтической деятельности в данном направлении, однако при этом уровень обращений за психологической помощью представителей данных структур остается достаточно низким и чаще всего проявляется только в особо острых случаях.

Опираясь на изученную научную литературу, систематизируем наиболее распространенные триггеры, способствующие возникновению противоречий во взаимоотношениях в лоскутных семьях. В их числе можно выделить такие, как:

1. *Возрастные различия.* В смешанных семьях дети могут быть по возрасту ближе друг к другу, чем с родными братьями и сестрами, или новый родитель может быть всего на несколько лет взрослее, чем старший ребенок, что препятствует адекватному восприятию его семейной роли.

2. *Родительская неопытность.* Один из родителей в лоскутной семье может не иметь родительского опыта раньше, и, следовательно, не имеет никакого представления относительно возрастных этапов, через которые проходят дети, и сопровождающих их трудностях.

3. *Изменения в семейных отношениях.* Если оба родителя вступают в повторный брак с партнерами с существующими семьями, это значит, что дети могут обнаружить себя в новых ролях в двух смешанных семьях. Например, один ребенок может быть старшим в одной семье, но самым маленьким в другой. Смешение семьи также может означать, что один ребенок теряет свою уникальность в качестве единственного мальчика / девочки в семье. Аналогичное можно сказать и о роли родителей. Например, у матери она может измениться с ведущей в прежней семье на ведомую в новой. Противоположной может быть и возрастная градация партнеров, влияющая на смещение поведенческих паттернов.

4. *Трудности в принятии нового родителя / нового партнера.* Если дети провели много времени в неполной семье или если они по-прежнему питают надежды на примирение своих родителей, тогда для них будет трудно принять нового человека. Если взрослые члены новой семьи по-прежнему в глубине души не расстались с мыслью о возможности воссоединения с предыдущим партнером при тех или иных условиях, в новом браке процесс адаптации и установления стабильных семейных взаимоотношений будет протекать крайне проблематично [4].

5. *Совмещение с требованиями других членов семьи.* В лоскутных семьях планирование семейных мероприятий может усложниться, особенно когда нужно учитывать распоряжения суда по опеке. Дети могут быть разочарованы, что отдых или поездки на выходные теперь требуют более сложных организационных мер для включения в отношения их новых братьев/сестер. Аналогично новые организационные сложности, требования прежних партнеров в отношении детей могут негативно повлиять на психологический климат в семье.

6. *Изменения в семейных традициях.* Большинство лоскутных семей имеют очень разные представления о том, как отмечать ежегодные праздники, дни рождения и проводить семейный отдых. Дети могут чувствовать себя обиженным, если они будут вынуждены идти по чужому плану. В условиях лоскутной семьи здесь особенно важно прийти к взаимопониманию как взрослым партнерам, так и детям или создать новые традиции для смешанной семьи.

7. *Родительская неуверенность.* Приемный родитель может беспокоиться о том, как ребенок его сравнивает с биологическим, или может обижаться, если это сравнение носит неблагоприятный характер. [5] Этот симптом часто характеризуется гипертрофированными проявлениями, которые, в частности, манифестируются в попытках женщины или мужчины превратить нового партнера в отца/мать ребенка. К крайним проявлениям

приводит и ситуация, когда мужчина или женщина стараются чрезмерно опекать ребенка своего нового партнера, компенсировать пережитый и испытываемый им стресс подарками, подменяя этим попытки выстраивания естественного хода взаимоотношений.

8. *Повторный брак маркирован проблемами предыдущего.* Потеря значимого члена семьи и связанные с этим неотработанные личностные проблемы приводят к эмоциональному кризису. Такой эмоциональный кризис может испытывать как ребенок, так и взрослый член семьи с утратой прежнего родителя / партнера и замены его новым, особенно если прежний брак / союз длился достаточно много времени.

9. *Чувства вины и утраты, с которыми приходят в новую семью все ее члены.* Так, мать может ощущать вину в связи с заключением нового брака и потребность поладить с детьми мужа, смягчив им боль утраты. Отец, бросивший детей от предыдущего брака, склонен к интенсивному взаимодействию с неродными детьми. Попытки декомпенсации прежних взаимоотношений и связанных с ними потерь, а не строительство новых, часто возникают во взаимодействии взрослых членов лоскутной семьи [2, с. 47].

10. *Установление иерархии во взаимоотношениях.* В смешанной семье неопределенны роли отчима и мачехи, из-за чего остро встает проблема иерархических взаимоотношений. Матери обычно не возражают против воспитания своего ребенка отчимом, при этом опять же отсутствуют какие-либо правила и традиции относительно существования границ. Однако как отчим, так и ребенок могут оказаться не в состоянии адекватно воспринять свои новые роли и принять изменение границ, диктуемые другим членом семьи [2, с.47].

Все эти и многие другие триггеры (рассмотрение которых комплексно в рамках одной статьи является крайне затруднительным) создают условия, в которых лоскутная семья определенное время балансирует на предмете разрешения проблемы с ее дальнейшим продуктивным решением или превращением ее в хроническую, сохранения семьи или ее распада. Смешанная семья живет и развивается благополучно при условии, если каждый ее член важен и нужен. Многие представители таких вновь созданных семей пытаются жить так, будто другие партнеры, с которыми они были ранее связаны, не существуют. Эта позиция является в корне неверной, так как прошлое семьи и ранее построенные и разорванные взаимоотношения продолжают непрерывно влиять на жизнь прежних партнеров и на функционирование новой семьи.

Основными задачами продуктивного развития лоскутной семьи как социально-психологической систе-

мы в подобных условиях являются следующие направления, выступающие резервами для психологической коррекции, консультации и профилактики возникающих нарушений и противоречий:

1. Поддержание границ взаимодействия открытыми и проницаемыми.

2. Создание условий, обеспечивающих открытость коммуникации между бывшими супругами и детьми.

3. Постепенное и непрерывное укрепление авторитета отчима или мачехи в новой семье. Сначала неродному родителю необходимо оказать помощь в установлении с детьми в новой семье дружеских отношений, а затем осуществлять постепенный переход к адекватным ситуации семейного развития воспитательным мерам.

4. Создание четких границ, позволяющих продолжать отношения с расширенными семьями за пределами смешанной семьи и развивать новые взаимодействия в ее рамках [6, с. 71].

5. Развитие политики уважения в отношении всех членов семьи. Новые члены семьи могут не нравиться друг другу, испытывать по отношению друг к другу яркие негативные эмоции по тем или иным причинам (в особенности это касается детей), но при этом необходимо, чтобы они относились друг к другу с уважением и проявляли вежливость.

6. Установление доверия как основы создания сплоченной смешанной семьи. Дети могут чувствовать неуверенность в новой семье и сопротивляться попыткам взрослых лучше узнать их. Часто наблюдается и обратная ситуация. В подобных условиях важно понимать, что отсутствие энтузиазма (и другие негативные проявления) не значат, что новые члены семьи не хотят, чтобы вы другие были счастливы, устанавливали с ними взаимоотношения, не готовы делать шаги в этом направлении; они просто не знают, как делить родителей с новыми супругами, не говоря уже об их детях. Эти чувства абсолютно нормальны.

7. Принятие различий в развитии каждого члена семьи. Члены лоскутной семьи могут находиться на разных этапах жизни и иметь разные потребности (например, подросток и ребенок младшего возраста имеют сильные различия). Взрослые также могут быть на разных этапах принятия новой семьи. Члены семьи должны понимать и уважать эти различия.

8. Снижение планки ожиданий. Взрослые члены новой семьи должны быть психологически подготовлены к тому, что им не удастся получить немедленной отдачи

от детей своего нового партнера в ответ на уделенные время, энергию, любовь и привязанность. Необходимо воспринимать их как психологическую и эмоциональную «инвестицию», которая рано или поздно принесет положительные результаты во взаимоотношениях.

Родителям в смешанных семьях, в особенности в недавно образованных, следует оказать психологическую помощь в осознании факта о необходимости избегать детских конфликтов, возникающих в подсистеме «ребенок — ребенок», позволить им самим решать свои проблемы, снижая конкуренцию.

При социопсихологическом консультировании смешанных семей также необходимо исходить из того факта, что большинство родителей, создающих такие семейные структуры упускают из виду факт о том, что слишком много изменений сразу может расстроить детей, деформировать потенциал новой, создаваемой семьи, подменить ее ценности. Иногда взрослые члены семьи считают, что активные изменения (которые они используют как защитный механизм) выступают инструментом профилактики негативных реакций на прекращение прежних супружеских отношений и разрыв семьи. Однако в большинстве случаев такие попытки имеют прямо обратный эффект, так как отсутствие продуктивной отработки предшествующего негативного и позитивного опыта (последний из которых, безусловно, присутствовал в предшествующем союзе) несет разрушающий эффект и для вновь создаваемой семьи. По данным исследователей [1], полученных в ходе проведенных эмпирических исследований по проблеме, самые высокие шансы на длительный, стабильный союз и продуктивное функционирование имеют те лоскутные семьи, в которых пара ожидала два года или более после развода (расставания), прежде чем вступить в повторный брак / союз. Таким образом, они не накладывали одно резкое изменение в семье на другое.

Крайне важно, чтобы представители лоскутной семьи получили опыт «реальной жизни» вместе до вступления в новый союз. Совместный досуг, прогулки не отражают повседневной жизни, бытового уклада, не активируют все паттерны взаимоотношений в семье. Поэтому необходимо, чтобы все члены будущей лоскутной семьи узнали друг друга заранее в ситуациях повседневной жизни. Вносить изменения в воспитательный процесс детей также важно до вступления в новый союз. Взрослые партнеры в лоскутной семье должны заранее обсудить вопрос о том, как они будут воспитывать детей вместе (с учетом контактов с прежними партнерами и биологическими родителями детей), а только затем вносить необходимые коррективы в стиль воспитания и стиль взаимоотношений, прежде чем вступить в повторный брак. Это сделает переход для детей и родителей в новую структуру более плавным, и они не станут переносить

негативные эмоции, боль и разочарование от распада прежней семьи на нового супруга за привнесение изменений. Безусловно, такая схема развития событий во многом носит характер идеализированной, на практике не всегда удается воплотить ее заранее. Родители в лоскутных семьях редко обращаются за профилактической помощью, чаще всего возникает необходимость так называемых паллиативных решений, когда кризис во взаимоотношениях уже ярко назрел или находится в самом разгаре.

При правильной психологической поддержке как внутренней, так и внешней, члены лоскутной семьи постепенно адаптируются к перспективе и действительности взаимоотношений в новом союзе, начинают ощущать себя частью новой семьи. Помощь специалиста — психолога, социального работника заключается в том, чтобы при обращении таких семей за консультацией помочь их членам научиться открыто общаться, удовлетворять их потребности в безопасности и дать друг другу достаточно времени, чтобы сделать успешный переход к новому статусу. Очень важно осуществлять профилактику попыток того, чтобы из новой семьи ее членами (как взрослыми, так и детьми) создавалась копия первой семейной структуры или предпринималась попытка создать идеальную «малую семью», что в той или иной степени проявления неминуемо и может привести остальных членов семьи в замешательство и разочарование [5]. К ходе консультационной и психотерапевтической помощи необходимо помочь представителям лоскутной семьи (желательно, чтобы в процессе терапии принимали участия и члены прежней семьи) принять свои различия и осознать те основные элементы, которые сделают взаимоотношения в их семье стабильными и счастливыми [7, с. 52], сосредоточиться на развитии позитивных отношений друг с другом (в основе которых лежит учет потребностей друг друга: быть в безопасности и иметь опору, быть любимыми, быть «видимыми» и значимыми, быть услышанными и эмоционально связанными друг с другом, быть честными и открытыми, быть оцененными и поощренными).

Таким образом, с целью профилактики фрустрации и усиления различий в ходе объединения семей в лоскутную структуру, где неминуемо соприкоснутся разные принципы воспитания детей, дисциплина, образ жизни, приоритетной задачей должно выступать создание некоторого единства, когда речь идет о взаимоотношениях и бытовой жизни, в частности: правилах, обязанностях по дому, дисциплине. Согласие в основных регулирующих принципах и стратегиях покажет детям, что взрослые члены семьи намерены в дальнейшем решать вопросы во взаимоотношениях подобным образом, что позволит сделать адаптацию всех участников нового союза более мягкой, сделать первый шаг в достижении здоровых отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hurwitz J. Coping in a Blended Family. — N.Y.: The Rosen Publishing Group, 2017. — 270 p.
2. Сатир В. Психопатия семьи. — Спб.: Речь, 2001. 226 с.
3. Satir V., Banmen J., Gerber J., Gomori M. The Satir Model. Family Therapy and Beyond / V. Satir, J. Banmen, J. Gerber, Gomori M. — Palo Alto, California: Science and Behavior books, Inc., 1991. — 398 p.
4. Хитрина И. Ю. Внутрисемейное взаимодействие в психологически благополучной семье: Автореф. дисс. . . канд. психолог. наук. — СПб., 2008. — 24 с.
5. Целуйко В. М. Психология неблагополучной семьи: кн. для педагогов и родителей. — М.: Владос, 2004. — 272 с.
6. Sigal J., Robinson L. Parenting in blended families [Электронный источник]. — URL: <https://www.helpguide.org/articles/family-divorce/step-parenting-blended-families.htm> (дата обращения: 14.12.2017)
7. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / Под ред. Е. Г. Силаевой. — М.: Академия, 2005. — 192 с.

© Штольц Ангелика Львовна (justwerbung@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский институт экономики, политики и права

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И СТРАТИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Викторова Ольга Викторовна

Аспирант, Череповецкий государственный
университет, г. Череповец
ooluk@mail.ru

THE FORMATION OF THE SOCIOCULTURAL APPROACH TO THE DIFFERENTIATION AND STRATIFICATION OF SOCIETY: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

O. Viktorova

Summary. The article is devoted to the problem of formation of socio-cultural approach to differentiation and stratification of society. The author analyzes the classical and modern theories of stratification of society, shows how gradually the emphasis in the allocation of criteria of social differentiation shifted from economic to socio-cultural, from one-dimensional to polycriteria. Since the traditional economic, professional, educational, demographic, etc. criteria of division into social groups do not always meet modern requirements, do not reflect the changes taking place in society, especially in Russia, the author focuses on the socio-cultural indicator of stratification, namely the lifestyle. The criterion for dividing lifestyle groups made the ability to innovate, due to the requirements of modern Russian society in the socio-cultural transformations.

Keywords: socio-cultural approach, the criterion of differentiation, social stratification, social differentiation, lifestyle, innovation activities.

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления социокультурного подхода к дифференциации и стратификации общества. Автор анализирует классические и современные теории стратификации общества, показывает, как постепенно акцент в выделении критериев социальной дифференциации смещался от экономического к социокультурному, от одномерного к поликритериальному. Поскольку традиционные экономические, профессиональные, образовательные, демографические и т.п. критерии деления на социальные группы не всегда отвечают современным требованиям, не отражают изменений, происходящих в обществе, особенно в российском, автор заостряет внимание на социокультурном показателе стратификации, а именно — на стиле жизни. Критерием деления стилезажизненных групп выступила способность к инновационной деятельности, что обусловлено требованиями современного российского общества в социокультурных трансформациях.

Ключевые слова: социокультурный подход, критерий дифференциации, социальная стратификация, социальная дифференциация, стиль жизни, инновационная деятельность.

Вопросы социальной дифференциации и стратификации находят свое отражение в теоретических воззрениях многих исследователей уже многие столетия. Проблема определения критериев социальной дифференциации всегда находилась в центре социальной мысли. Она является актуальной и по сей день, поскольку до сих пор не сложилось единого мнения относительно критериев деления людей на группы.

Рассмотрим подробнее классические и современные критерии социальной дифференциации в рамках различных концепций социальной стратификации.

Классическим критерием социальной дифференциации является экономический. Основоположителем данного подхода к стратификации общества является немецкий экономист, философ, социолог К. Маркс [10]. Индивиды, объединенные в классы, отличаются друг от друга отношением к собственности, способами и долей получения общественного богатства. В классовой

теории деление общества произведено на две группы — имеющий или не имеющий собственность класс (буржуазия и пролетариат соответственно). Говоря современным языком, дифференцирующим признаком является уровень доходов. Многими последователями К. Маркса и критиками такой подход признан одномерным.

Марксистские идеи социальной стратификации уточняет в своей теории функционализма французский философ и социолог Э. Дюркгейм, в трудах которого уже можно увидеть начало социокультурного анализа к дифференциации общества. В своей работе «О разделении общественного труда» [9] он приходит к мнению, что для всех обществ характерно естественное (физическое) неравенство и неравенство способностей (талантов). В связи с этим социум поощряет значимые виды деятельности и награждает социальные группы престижем и высоким уровнем дохода, что находит отражение в ранжированности по значимости различных социальных ценностей в каждом конкретном обществе. Также в своей теории

Э. Дюркгейм утверждает, что индивид обладает специфическими способностями и талантами, которые можно совершенствовать в процессе обучения. Поэтому образование позволяет человеку занимать более высокое социальное положение в обществе и выполнять более важные функции. Таким образом, исследователь дополняет экономическую модель стратификации общества К. Маркса еще и социальными критериями дифференциации — престижем и образованием.

Веберовская модель социальной дифференциации является логическим продолжением развития социокультурного подхода к стратификации. Она представляет собой альтернативу марксизму и функционализму и отличается своей многофакторностью. Полагая, что К. Маркс чересчур упростил картину стратификации, М. Вебер [4] сформулировал ее многомерную модель, включающую 3 критерия дифференциации общества — экономический (богатство и доход), политический (власть) и социальный (престиж). Под доходом подразумеваются денежные или любые другие материальные блага, получаемые за выполняемую индивидом деятельность. Богатство — это накопление индивидом различных материальных благ сверх его достатка. Власть представляет собой возможность управлять поведением других людей. Престиж — приписываемая обществом значимость какой-либо деятельности. Каждый из трех факторов социальной дифференциации представляет собой не только самостоятельный аспект, но и взаимосвязанный с другими.

Комплексная теория стратификации в XX веке была сформулирована русско-американским социологом и культурологом П. А. Сорокиным [15]. Он выделяет 3 критерия социальной дифференциации — экономический, политический и профессиональный. Различия индивидов и социальных групп в уровне доходов и богатства обуславливают экономическую стратификацию общества, в степени влияния и власти — политическую, в квалификации и профессионализме, а также престиже профессии — профессиональную. Дифференциация по данным параметрам свидетельствует о специфичности каждого из трех критериев стратификации общества, но в тоже время они между собой тесно взаимосвязаны в социальном пространстве. Социальная стратификация рассматривается еще и в культурном контексте: П. А. Сорокин акцентирует внимание на профессии, которая находит отражение в образе жизни человека, его быте и в целом в поведении.

Американский социолог Т. Парсонс [12] сформулировал свою концепцию социальной дифференциации. Он считал, что, во-первых, в обществе все более признаются достигаемые, нежели аскриптивные критерии дифференциации. Во-вторых, профессиональный ста-

тус коррелирует как с материальными вознаграждениями и социальным престижем, так и с функциональной значимостью для общества. В-третьих, материальное вознаграждение является побудительной силой для людей в реализации их функционально значимых видов деятельности. В-четвертых, в обществе сложился определенный консенсус относительно значимости профессий. В целом, при описании социальной стратификации Т. Парсонс отмечает высокую значимость в обществе культурных стандартов и ценностей.

Продолжая идеи Э. Дюркгейма, К. Дэвис и У. Мур [8] опубликовали свою функционалистскую теорию. Согласно их теории социальной стратификации дифференциация в обществе связана с формированием таких условий, при которых наиболее приспособленные, предприимчивые и квалифицированные личности способны достигнуть высокого положения в обществе. При этом каждое общество имеет свою специфичную социальную структуру, что характеризует множество стилей жизни. По нашему мнению, стилизационный подход к анализу дифференциации и стратификации общества заслуживает внимания со стороны научного сообщества.

Таким образом, функционалисты видят причину социальной дифференциации общества в важности профессиональной деятельности индивида и его вклада в жизнь общества в целом. Однако нельзя согласиться, что именно востребованный род занятий определяет высокий социальный статус индивида. В современном обществе социально одобряемые, престижные профессии не всегда обеспечивают высокое материальное положение.

В целом, социальные мыслители XX в. смещают свое внимание с экономических и политических критериев стратификации общества на социокультурные факторы дифференциации.

При изучении социальной дифференциации формирующегося постиндустриального общества внимание теоретиков смещается на информационно-коммуникационный аспект социального пространства. Французский социолог А. Турен [18] достаточно широко понимает информационный критерий стратификации, подразумеваемая под ним и доступность информации и образования, и социальную активность в отношении получения всевозможных знаний, включая их потребление. Социальные группы возникают тогда, когда индивиды проявляют себя как акторы и как обладатели наибольшего объема информации. В настоящее время социальная активность является актуальным предметом для изучения дифференциации людей.

Таким образом, существуют различные подходы к стратификации общества, к разделению людей на груп-

пы. Для анализа современной социальной реальности необходим интегральный подход к анализу социально-культурной динамики общества, основанный на стиле жизни.

Изучение стиля жизни как основы стратификации общества является актуальной проблемой в социальной мысли, что обосновано способностью данного подхода отражать различные формы социального поведения во всех сферах жизни и деятельности социальных групп. В данном случае учитывается множество критериев социальной дифференциации, их взаимодополняемость.

Предпосылки исследования стиля жизни были заложены еще в XIX в. М. Вебером, Т. Вебленом, Г. Зиммелем и др., Например, М. Вебер подразумевал под стилем жизни «критерий социальной дифференциации, фактор, интегрирующий данную социальную группу и одновременно выступающий барьером, препятствующим переходу из одной группы в другую» [цит. по: 3]. При этом каждый теоретик сосредотачивался на изучении конкретного аспекта стиля жизни, например, М. Вебер — на статусном престиже, Т. Веблен — на демонстративном потреблении, Г. Зиммель — на моде, Ж. Бодрийяр — на идентификации.

В своей работе «Шок будущего» американский социолог и футуролог Э. Тоффлер [17] сравнивает множество возникающих стилей жизни с мозаикой, а причиной того является возрастающая индивидуализация общества. Главной проблемой в таком обществе является сохранение своего собственного «Я» в ситуации ценностного и стилевого множества.

Английский социолог Э. Гидденс [7] отмечает нравственную сторону в определении стиля жизни индивидом. Социолог основывается на теории структуризации, т.е. внимание уделяется индивиду как социальному актору, действия которого обусловлены социальными практиками как единицами анализа. Таким образом, данная теория сравнима со структурным функционализмом Т. Парсонса.

В отличие от Э. Гидденса французский социолог, этнолог, философ П. Бурдьё обращает внимание не на социальную структуру, а на социальное пространство. Он отмечает важность социальных связей различного вида как форм «капитала» — экономического, культурного, социального и символического («обычно называемый престижем, репутацией, именем и тому подобным» [2, С. 62]). Как отмечает теоретик, социальное пространство и различные спонтанные социальные процессы и действия представляют собой совокупность стилей жизни. Идеи П. Бурдьё высоко оценены современными философами и социологами, поскольку они характеризуют

современное общество множеством факторов — культурной и экономической активностью, социальным статусом индивида и др.

Известный немецкий социолог, психолог и философ Э. Бэк поддерживает идею Э. Тоффлера о возрастающей индивидуализации в процессе индустриализации общества: «человек все более утрачивает органичные связи с семьей, социальным классом, группой и все сильнее зависит исключительно от собственных выборов» [цит. по: 1, С. 15].

Изучением категории «стиль жизни» активно занимаются и отечественные ученые. Социолог А. В. Сафарян отмечает, что в современной теории индивидуализированного общества большее внимание уделяется поведению людей, а именно «влиянию на индивида его потребительских стандартов, отношения к религии, политике, здоровью, его ценностных ориентаций» [13]. Он приводит четкую формулировку категории «стиль жизни» как «совокупности устойчиво воспроизводимых образцов поведения, социальных и культурных практик, которые обладают типичностью для определенных социальных общностей и принудительно воздействуют на эти общности и включенные в них личности в рамки повседневной жизни» [14, С. 246].

Психолог Н. Н. Мельникова также подмечает факт того, что феномен «стиль жизни» является «явлением сугубо социальным и обусловлен экономическими и политическими условиями, которые отражаются на жизни человека, несколько преломляясь через систему индивидуальных ценностей, интересов, мотивов» [11, С. 41]. Она выделяет три переменные, оказывающие влияние на поведение индивида в повседневной жизни: 1. исходные условия среды, 2. социально-демографические характеристики индивида, 3. индивидуальные параметры индивида.

Благодаря работе отечественных социологов Л. В. Сохань и В. А. Тихонович сформировалось общепризнанное определение стиля жизни. Под ним понимается специфический тип поведения индивида, «устойчиво воспроизводящий отличительные черты общества, бытового уклада, манеры, привычки, склонности и т.п., ... выявляющие своеобразие их духовного мира через внешние формы бытия» [16, С. 68].

Большинство исследователей стиля жизни подразумевают под этой категорией тип поведения людей и социальных групп в повседневной жизнедеятельности, который складывается в процессе социализации. Таким образом, стиль жизни отражает субъективные характеристики индивида исходя из его повседневного поведения, обусловленного социокультурными факторами.

Различные виды активности индивида, его индивидуальные особенности, ориентации, ценности в совокупности представляют собой составляющие стиля жизни. Категория стиль жизни позволяет комплексно анализировать взаимовлияние сфер жизнедеятельности. С этой целью стиль жизни условно расчленяется на блоки показателей трудовой, культурно-бытовой и общественно-политической деятельности (включая показатели брака и семьи, образования, национальных отношений и другое), сопряженные с показателями условий жизни — материального благосостояния людей, социального обеспечения и здравоохранения и другое.

Изучением стиля жизни россиян в разное время занимались Я. М. Рощина (классификация россиян на основе досугового поведения), Б. С. Гладарев и Ж. М. Цинман (социальная стратификация в зависимости от потребительского поведения), Е. Л. Омельченко (дифференциация молодежи на основе культурных практик, а именно солидарности) и другие. Нам кажется, что данные авторы недостаточно стремятся понять, что повлияло на выбор человека в той или иной ситуации, чем был мотивирован поступок. Они констатируют факты и в соответствии с ними производят классификацию.

На наш взгляд, именно в стиле жизни как критерии социальной дифференциации наиболее полно раскрывается потенциал социокультурного подхода. Он интегрирует множество теорий и концепций, описывающих различные критерии стратификации общества, и позволяет проанализировать разнообразие практической и духовной деятельности индивидов.

В соответствии с требованиями российского общества можно сформулировать модель наиболее востребованного, соответствующего современным реалиям стиля жизни. С этой целью нами была разработана модель социальной дифференциации и стратификации на основе стиля жизни, где основанием для анализа выступает способность использовать инновационные практики.

В разработанной нами теоретической модели социальной стратификации были сформулированы четыре основных типа стиля жизни: выживающий, традиционный, действующий, новаторский. Каждая стилезиженная группа существенно отличается по своим ценностным установкам и деятельностным признакам (потребительским, трудовым, досуговым и т.д.).

В связи с ограниченностью объема статьи остановимся лишь на описании новаторского стиля жизни (более подробно с типологизацией групп можно ознакомиться в работах 5, 6). Он характеризует небольшую часть общества, однако представители именно данной стилезиженной группы выполняют одну из наиболее важных функций в жизни общества — привнесение инноваций.

Новаторы обладают активной жизненной позицией, высокой социальной активностью и ответственностью, и в целом именно они обеспечивают трансформацию общества. Вот почему в основу нашей теоретической модели легла инновационная деятельность как критерий социальной дифференциации.

Помимо создания теоретической концепции, мы хотели разработать верифицированную эмпирическую модель стратификации общества на основе стиля жизни, сделав акцент на личностных качествах индивидов.

О стиле жизни судят по внешним формам бытия. Разработанная нами модель дифференциации включает в себя следующие индикаторы:

1. Потребительские практики. Респондентов опрашивают на предмет того, что им доводилось делать в последнее время (оформлять кредит в магазине, летать на самолетах, заниматься в фитнес-центре, спортивном клубе и т.д.).
2. Трудовые установки. Респонденты отмечали значимость различных параметров работы (безопасность, стабильность места работы, отношения с коллегами, с руководителем, возможность реализовывать свои способности, творчески решать поставленные задачи и т.д.).
3. Досуговые установки. Респондентов спрашивают о том, как они обычно проводят свободное время (занимаются домашними делами, читают книги, занимаются общественной деятельностью, посещают учреждения культуры и отдыха и т.д.), где они проводят свой отпуск или каникулы.
4. Локус ответственности (внешний или внутренний). Респонденты выбирают ответы, которые характеризуют человека как ответственного за свою судьбу или как перекладывающего ответственность на государство и окружение.
5. Уровень адаптации (гибкость человека по отношению к изменчивой социально-экономической среде). Ответы на вопросы показывают, как человек может адаптироваться к новым условиям и может ли использовать их как фактор развития.
6. Уровень притязаний (стремление человека к определенному уровню жизни).
7. Ценностные установки человека, уровень его рискованности и индивидуализма, активности.

Разработанная нами теоретическая модель социальной дифференциации и стратификации на основе стиля жизни верифицирована эмпирической моделью, что может способствовать разработке адресной социальной политики с привлечением людей новаторского стиля жизни.

Подытоживая вышеизложенное, можно отметить, что в связи с неоднозначностью трактовки произошедших социальных изменений возникла необходимость переосмысления классических подходов к изучению общества. В настоящее время социокультурный подход стал активным инструментом для анализа трансформаций современного общества. Происходящие социокультурные изменения позволяют по-новому взглянуть на стратификацию общества сквозь призму стилизационного подхода.

Стилизационный подход является интересным и продуктивным для научного сообщества, поскольку вбирает в себя разнообразие поведенческих практик. Изучение стиля жизни как критерия социальной дифференциации способствует анализу структуры современного российского общества, при этом учитываются личностные качества человека, формирующего и преобразовывающего современную социокультурную реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бевзенко, Л. Стили жизни переходного общества / Л. Бевзенко. — К.: Институт социологии НАН Украины, 2008. — 144 с.
2. Бурдьё, П. Социология политики: Пер. с фр. / П. Бурдьё / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
3. Важинский, Н.П. К вопросу об определении термина «культура» [Электронный ресурс] / Н.П. Важинский // Электронный научный журнал «Аналитика культурологии». — 2010. — Выпуск 1. — Режим доступа: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/241-article_2-8.html — (дата обращения: 25.12.2017)
4. Вебер, М. Основные понятия стратификации / М. Вебер / Пер. с англ. А. И. Кравченко // Социологические исследования, 1994. — № 5. — С. 147–156.
5. Викторова, О. В. Типологизация социальных групп на основе стиля жизни / О. В. Викторова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2017. — № 10. Ч. 1. — С. 36–39.
6. Воробьева, И. Н. Стиль жизни как единица анализа социокультурного расслоения населения: индикаторная модель / И. Н. Воробьева // Череповецкие научные чтения — 2013: В 4 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Н. П. Павлова. — Череповец: ЧГУ, 2014. — С. 31–34.
7. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.
8. Дэвис, К., Некоторые принципы стратификации / К. Дэвис, У. Мур / Пер. с англ. А. И. Кравченко // Социология, 2016. — № 3. — С. 3–7.
9. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм / Пер. с фр. и послесловия А. Б. Гофмана. — М.: Наука, 1990. — 575 с.
10. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Москва: Государственное издательство политической литературы, 1961. — Т. 20: Анти-Дюринг, Диалектика природы. — 858 с.
11. Мельникова, Н. Н. Образ жизни и его адаптивная функция / Н. Н. Мельникова // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: психология. — 2009. — № 5. — С. 41–48.
12. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. — М.: Академический Проект, 2000. — 880 с.
13. Сафарян, А. В. Понятие «стиль жизни» в социологии. [Электронный ресурс] / А. В. Сафарян // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». — 2008. — № 3. — Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/3/Safarian/> — (дата обращения: 25.12.2017)
14. Сафарян, А. В. Стиль жизни / А. В. Сафарян // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». — 2008. — № 1. — С. 246–248.
15. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов: Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
16. Сохань, Л. В. Стиль жизни личности: теоретические и методологические проблемы / Под ред. Л. В. Сохань, В. А. Тихонович. — Киев: Наукова думка, 1982. — 371 с.
17. Тоффлер, Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 557 с.
18. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. — М.: Научный мир, 1998. — 204 с.

© Викторова Ольга Викторовна (ooluk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИРОНИЯ НАКАЗАНИЯ ИЛИ ОНТОЛОГИЯ ВИНЫ

THE IRONY OF PUNISHMENT OR THE ONTOLOGY OF GUILT

V. Gertsy

Summary. the Author based on rich philosophical material analyzes the problem of the relation of being guilty of a crime and the fault of the sanction. The analysis of the being guilty is conducted in the four regions of study: legal, ethical, religious and psychological. This allows to identify the common features inherent in all four regions of the study and approach category of punishment for the crime. However, the sanction, the designated perpetrator by the court, that is the formation of the judicial discretion in sentencing, as the author suggests, is determined by three concepts archetypic inherent in consciousness: the revenge, same-value and kerygma. The author postulates that the perpetrator, depending on their level of self-awareness, is facing some form of sanctions for a crime.

Keywords: guilt, punishment, concept of crime, being guilty, deviance, sociopathy, conscience, remorse.

Герций Виталий Михайлович

Соискатель, Московский государственный
Университет им. М. В. Ломоносова
xdxt@yandex.ru

Аннотация. Автор на основе богатого философского материала анализирует проблему соотношения бытия виновным в преступлении и следующим за виной санкцией. Анализ бытия виновным ведется в четырех регионах исследования: юридическом, этическом, религиозном и психологическом. Что позволяет выявить общие черты присущие всем четырем регионам исследования и подойти к категории меры наказания за совершенное преступление. Вместе с тем, санкция, определяемая виновному в преступлении судом, то есть, формирование судебного усмотрения при назначении наказания, как предполагает автор статьи, детерминировано тремя концептами, архитипично присущими сознанию: месть, равноценность и керигма. Автор постулирует, что виновный, в зависимости от своего уровня самосознания, сталкивается с той или иной формой санкции за преступление.

Ключевые слова: вина, наказание, понятие преступления, бытие виновным, девиантность, социопатия, совесть, раскаяние.

Человеческая рациональность сталкивается с некоей дихотомией в понимании преступления как акта воли, и «преступления» как юридического понятия, в последнем случае юридической конструкции и предмета юридической науки. Вместе с тем, «состав преступления» как понятие, отражающее преступный акт, т.е. будучи тождественным объективной реальности, включает в себя, непосредственно, как акт — действие, протекающее в объективной реальности (объективная сторона преступления), так и внутреннее, глубоко личное, интимное отношение субъекта к «деянию» и его последствиям (субъективная сторона преступления). Преступное действие, с одной стороны, укоренено в субъекте, а с другой, выходит за пределы субъекта, оно снимает существующее бытие, наличествующую действительность, в аспекте проявления «злой воли». Эту онтологическую модель бытия виновным в преступлении описывает концепт Хайдеггера через бытийственное положение Dasein, и систему горизонта экзистенциалов, т.е. быть виновным в преступлении в так-бытии, здесь-бытии.

Преступление берет свое начало в субъекте. Мотив преступления предопределен Желанием субъекта, Его Желанием, а действие субъекта направлено во вне, разворачивается в объективной реальности. Поэтому «преступление» внешнее для субъекта. Его «внешность» дает возможность высказать о нем суждение, квалифицировать преступление, судить субъекта, и осуждать престу-

пление. Здесь кроется исток «инженерного сознания», и, как следствие, позитивистский подход в праве. Суждение о «преступном»-внешнем высказывает Другой, им может быть судья, обвинитель, защитник, очевидец преступления или жертва. И опять возникает проблема двусмысленности в говорении о «преступном»: 1) о чём говорится? 2) и что говорится? В первом случае, о составе преступления, как юридической категории, во втором, — о преступной воле. Рациональное структурирование злой воли субъекта в юридических категориях ведет к квалификации его деяния, как конкретного состава преступления, т.е. внешнего явления и предмета юридического дискурса; и наоборот, иррациональное ощущение, проживание страдания от злой (преступной) воли другого, схватывается сознанием жертвы как трансцендентное, внешнее воздействие, ниспосланное извне, пусть исток и коренится в поступке другой индивидуальности, но этот другой есть носитель всего лишь внешней силы, исток той самой «злой воли», основание объективации присутствия «злой воли» здесь и сейчас, причина её переживания личностью-пострадавшим. Или наоборот, гамма чувств преступника: наслаждение от актуализации своих низменных влечений-инстинктов, обусловленных энергией Танатоса (во Фрейдовском смысле, вкладываемом в это понятие) своей неотрефлексированной агрессии. Или: отстраненная оценка содеянного «виновным» в преступлении на основании совести и действующего законодательства, осуществляемая судами в соответствии со ст. 17 УПК РФ, т.е. схваты-

ваемая сознанием как долг, обязанность, не только профессиональная, но и моральная. Выше, лишь несколько примеров, смещающих фокус сознания с чисто внешних сторон понятия «преступление», как внешнего явления, вглубь субъекта, к существу понятия, по меньшей мере, попытка эпистемологии интериоризации преступной воли.

Обязанные судить о «преступном» уже втянуты в преступный акт, они уже включены преступной волей в свой оборот, и обречены на выбор своей моральной позиции, пусть каждому из этих актеров-акторов внешне и отведена особая роль. Таким способом преступление, как понятие, выходит за свои пределы, становится больше, чем юридическое понятие «состав преступления». Понятие преступления в своей моральной всеобщности требует от каждого из сопричастных «преступному акту» высказать свое суждение о нём, определить для себя свое отношение к этому проступку, занять позицию на стороне добра или зла. Да, можно проигнорировать преступление, можно, наоборот, подыграть преступнику, ведь никому не известна та последняя инстанция, которая отделяет «преступное» от «не преступного», можно решительно бороться с преступлением, активно отрицая ничтожную преступную волю. Но другой всё равно уже втянут в орбиту преступного, и обязан совершить моральный выбор — занять позицию в отношении поступка-преступления другого, и этот поступок *может быть преступен*, хоть ещё и не отдешифрирован таковым, не означен как преступление, допустим, судом, если говорить о юридическом дискурсе преступного. Как антитеза юридического дискурса, звучит мысль Гегеля: «... это определение понятия следует видеть в той необходимой связи, которая заключается в том, что преступление как в себе ничтожная воля тем самым содержит в себе свое уничтожение, являющее себя как наказание» [5. с.158], — субъект исключается из логической цепи «преступления и наказания», с неизбежностью превращаясь в концепте Гегеля в объект, претерпевающий наказание.

У П. Рикера высказана мысль о том, что реальность не познается в созерцании или в мышлении, а только в акте воли [10 с.18]. Однако, если злая воля или преступление, есть ментальная конструкция, рациональное понятие, или же экзистенциал, как это понимается Хайдегеровском проекте, то вынужденный судить о преступном, являет разве не акт воли, будучи втянутым в орбиту преступного, и обреченный занять моральную позицию, и совершить тем самым скачок из сферы морального в универсум нравственного, опять же в гегелевском смысле. Г.В.Ф.Гегелем четко отграничена моральность субъекта от его нравственной сущности, реализуемой последним во вне — семье, гражданском обществе и государстве. Гегель отмечает: «...законы и силы нравственной субстанции не суть для субъекта

нечто чуждое, но он свидетельствует о них свидетельством духа как о своей собственной сущности, в которой он обладает своим самочувствием и живет как в своей не отличающейся от него стихии» [5. 223]. Отсутствие моральной философии у Гегеля и наличие философии морали (мысль А. Кожева), не оспаривается ни одним философом. Здесь же видится и исток моральной концепции А. Бадью — субъект обязан занять моральную позицию в конкретной жизненной ситуации, именно в этом проявляется акт его воли [4]. Избежать оценки в преступном, значит уже стать виновным, эта проблематика проанализирована, например, у К. Ясперса. «Пугаясь этих последствий своих поступков, я могу, правда, подумать, что избегаю вины, если, не вступая в мир, не буду делать совсем ничего; тогда я не заберу ни у кого, сам останусь чистым и, пребывая в чистой возможности, никакой возможности не отвергну. Но надеяние само есть деяние, а именно — бездействие... Невступление в мир — это несостоятельность перед требованием действительности, приступающем ко мне как невнятная претензия: требованием рискнуть и узнать, что из этого выйдет. Я в своей ситуации несу ответственность за то, что произошло от того, что я не вмешиваюсь; если я могу что-то делать и не делаю, то на мне лежит вина за последствия моего надеяния. Следовательно, действую ли я или не действую, — и то и другое имеет последствия, и в обоих случаях я неизбежно оказываюсь виновен», отмечено по этому поводу у Ясперса [12. С. 250–253].

В преступном, субъект невольно сталкивается с необходимостью, он должен вынести моральное суждение. Как контроверза, тезис из доктрины йогической, равно как и буддийской, которые предполагают, наоборот, воздержание, как от суждений, так и действий, с целью сохранения внутренней «пустоты сознания», предоставив бытию возможность разворачиваться по своим внутренним законам, сохранив позицию стороннего наблюдателя (этический принцип — «ахимса», невмешательство). Однако, в этом случае анализ «преступного» становится Без-Смысленным. Субъект потерян, никто не судит преступное, оно развивается свободно, и только лишь законы кармы (возмездие будет ждать «виновного» в следующем перерождении) могут удержать индивида дать начало злomu и преступному. В этической же парадигме, равно как и Христианской, и Иудейской, Субъект проблематичен в зависимости от своего морального выбора, и задача обыденного сознания состоит в том, чтобы не потерять субъекта в бытии, стать сознанию сопричастным бытию, созерцать становление Со-Бытия через свою моральную позицию. Уклонение от суждения о злой воле, явленной в преступном, делает проблематичным существование самого субъекта.

Другой аспект пассивного отношения к преступному отмечен Х. Арент в статье «Организованная вина»

(1944): простой человек-обыватель под воздействием внешних обстоятельств творит зло в интересах своей семьи, просто, чтобы выжить, чтобы получить пенсию по старости, и при этом вообще не задумывается об ответственности[1]. Преступник включен в преступную систему, все внешнее — преступно, он(преступник, злодей) всего лишь носитель злой воли вышестоящего начальства. Он никто, что он мог сделать и как противостоять этому преступному, явно превосходящему по своей мощи одинокой личности? Обыватель-мещанин превращается в аморального монстра и преступника-социопата. Помимо своей воли, — так утверждал Адольф Эйхман в свое оправдание на Суде. Это разве может быть оправданием? — задается вопросом Х.Арендт. Виновный все же, в данном случае, предстал перед Судом, был осужден и казнен [2 с.424]. В данном проекте попытка спрятаться за внешними обстоятельствами, переложить ответственность на третье лицо(лица), утаив свою личную вину в этнических чистках и массовых убийствах, оказалась не удачной — возмездие нашло свою жертву!

Итак, «преступление» как акт злой воли, это не только юридическое понятие, но и этическая категория. Собственно, ещё Сократ дал толчок к развитию в философии учения об общем в понятии, как идеи, и при этом его внимание к этому всеобщему, содержащемуся в понятии, было обусловлено не общей теорией диалектики, а этикой. Имеется ли в знании сила, способная руководить людьми? — вопрос, поставленный Сократом в Платоновском диалоге «Протагор». Сократ отстаивает тезис, о том, что никто не делает злого по своеволию, а лишь по неведению, всё есть знание: и справедливость, и рассудительность, и мужество [6. С. 92,93]. Отмечая, этический рационализм Сократа, исследователи Античной философии, в частности В.Ф. Асмус, подчеркивают: «... этика Сократа, тесно связанная с его взглядом на роль понятия, состоит в отождествлении нравственной доблести со знанием» [3 с. 128].

О каком знании здесь идет речь?

Онтология преступной интенции субъекта, очевидно включает необходимость анализа его вины в совершенном поступке (внешнем проявлении его воли), и меры наказания за вину в преступлении. Примечательно, что сама сущность понятия «санкция» претерпела значительные метаморфозы со времен Античности до наших дней: ордалии, месть богинь Эримиий (Гесиод «Труды и дни»), угрызания совести от совершения злого, неблагоприятного поступка (Сократ), наказания, ниспосланного Божьей волей и рассуждений о строгости наказания (Аврелий Августин, Фома Аквинский, Ансельм Кентерберийский, Пьер Абеляр), санкция как отрицание ничтожной (преступной в своей основе) воли (Г.В.Ф.Гегель), месть как наслаждение от наказания преступника

(Ницше), возмездие-страдание, как возмещение Бытию от злой воли (Хайдеггер).

Общее, что объединяет эти подходы, взятые в их исторической перспективе, — детерминизм кары для тех, кто преступил, нарушил какой то свод правил, нанес ущерб Другому, нарушителю существующего порядка. Речь идет об этике долга. Аспект злой воли в поступке относит последний к преступлению в юридическом смысле с середины XVII в., когда Пуффендорф — немецкий ученый-богослов применил форму учения о грехе, покаянии, искуплении и наказании за грех, к поступкам человеческим, но уже без богословского содержания, заменив последнее юридическим смыслом, и переведя тем самым дискурс из области теологии в область юриспруденции[8]. Последовавшая затем философская дискуссия о назначении наказания только лишь за нарушение законов писаных, известных преступнику, равно как и вопроса, вправе ли суд казнить преступника, свидетельствовали не только о гуманизации нравов, но и внимании к вопросу о решимости индивида умышленно нарушать закон, и вопросу о мере наказания за причиненное зло, которое было вменено преступнику под видом преступления (И. Кант, Ансельм Фейербах, И.Г. Фихте). При этом, сам факт необходимости санкции и кары за преступление не ставился философами под сомнение. Помилование сувереном преступника рассматривалось как милость, т.е. добрая воля, и не учитывалось в качестве санкции.

Санкция или наказание становится таким же элементом «преступного», как и вина, взаимно обуславливая друг друга. Гегель, в частности, в «Философии права» отмечал, что наказание имманентно присуще преступлению, включено в преступление, то есть наказание есть в своем существе, такой же элемент злой воли, как и само преступление. Богини Эримиий не спят, преступление, как акт воли, ничтожно в своем существе, отрицание этой ничтожной воли, есть второе отрицание (отрицание отрицания), собственно, и есть сущность санкции [5 с. 293].

Высказать тезис, что преступление совершается в надежде снискать наказание, это значит совершить скачок из философии Гегеля в классический психоанализ З. Фрейда. Садомазохистические интенции Я психоанализ Фрейда объясняет как нельзя лучше[11], однако, подознавательная тяга к наказанию в классическом психоанализе, понимается, как проявление невротических черт личности, и, как следствие этого, неосознанный индивидом мотив преступления. Чтобы понять это, надо провести расшифровку переплетений скрытых (подсознательных) влечений индивида, среди которых агрессия или энергия Танатоса займет едва ли не первое место. Неправильная «работа» механизма вытеснения и ин-

вестирования этой отрицательной энергии в концепте Фрейда приводит к неврозу, этот невроз, впрочем, может легко объяснить онтологическое бытие Субъекта и его девиантность. Если пройти далее, то по мнению неотрейдистов (М. Кляйн), агрессивность, связанная с ним вина, и возникающее затем чувство ожидания наказания, равно как и репарация за «причиненное зло», присуща ребенку буквально с момента рождения и формируется с первыми глотками грудного молока [7]. Получается, что преступление совершается с целью получить наказание, и это не оксюморон. На первый взгляд дело обстоит как раз обратным образом: преступная воля не хочет себя обнаруживать, если уж обнаружена, то должна избежать наказания, а если и это не удалось, и меч богини Немизиды настиг виновного, то «минимизировать раны», по меньшей мере. Правда, у Ф. М. Достоевского в романе «Преступление и наказание» выведен персонаж (рабочий Николай), который добровольно берет на себя вину и наказание в убийстве двух старушек, т.е. намеренно захотевший «пострадать», как указывает автор. Тем самым, вкладывая в страдание совершенно иной смысл. Поразительно, что Ф. М. Достоевский под видом следователя следственной части — Порфирия Петровича — вывел и того, кто знает об этом подсознательном стремлении, т.е. также в структуру мифа о вине и следующую за ней наказанием, введен означивший, тот, кто знает и понимает человека с его подсознательными влечениями-инстинктами.

Впрочем, эта драма страдающего и даже гибнущего Субъекта от своей неосознанной вины, за не-умение-совладать-с-собой, лежит в основе многочисленных литературных сюжетов: Софокла «Царь Эдип» — убийство Леем своего отца, наказание: ослепление Леем самого себя; Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — Иван Карамазов унижает мелкого чиновника Соловьева на глазах его сына, что приводит И. Карамазова к 20 годам каторги в результате судебной ошибки, и, наконец, отдадим дань современности: 1-й сезон сериала «Фарго», автор сценария Ной Хоули, где главного героя Лестера Найгарда унижает другой персонаж сериала, и затем мгновенно погибает от рук другого социопата Лорна Малво, с молчаливого согласия и по просьбе униженного.

Объединяет эти драматические сюжеты то, что санкция нисходит на виновного. Субъект воли, давший начало злу, это и есть виновный, он одновременно несет преступление, и переносит наказание, он является одним и тем же, кто причиняет зло преступлением, и страдает от зла наказания. Страдание, как санкция вызвана самой волей виновного, которая уже воздействовала на другую волю, унизило ее. Мера наказания предполагает равнозначность, с одной стороны, зла, причиненного преступлением, с другой, зла наказания. Это не месть Ницше [9] — где наказанию отведена роль компенсации

за причиненное преступлением зло, т.е. где эго, подверженное рессентименту, наслаждается сладостным чувством мести. Мысль Ницше разрывает линейность «преступления и наказания», но, уходя в область сенсуализма, она проскальзывает мимо этой диалектики добра и зла, мимо гармонии преступления и наказания, мимо причудливо разворачивающегося сюжета-драмы возмездия, имманентно присущего злой воле, игры богинь Эримий, настигающих виновного.

Субъект свободен в своем поступке. Нравственность есть последний порог на пути к этой радикальной свободе. В этическом плане преступник не может быть развитой личностью, нужен более высокий уровень рефлексии, как над своим психическим аппаратом, так и выбором нравственной позиции в конкретной жизненной ситуации или онтологическом положении Субъекта. Вина субъекта за преступный акт возникает, если поступок несправедлив, о чем ему говорят угрызения совести, источник которых — страх за причинение ущерба другому, а не боязнь мести за причиненное зло (не страх наказания за нарушение запрета (табу), здесь, «ущерб, нанесенный личности другого, значит больше, чем боязнь кастрации», отмечает по этому поводу П. Рикер [10 с. 478].

Проблема соразмерности наказания за зло, решена в концепте Гегеля самым элегантным образом: санкция в виде страдания, это не зло наказания, присовокупленное ко злу преступления, в этом случае сознание «ныряет» в дурную бесконечность рациональности. Принцип Талиона: «око за око», не действует! Ответ Гегелем видится в ином, санкция или наказание, обретает ценностный характер, наказание должно быть *равноценно* злу преступления, но не равнозначно в жестокости. Этот тезис радикальным образом разворачивает акт преступной воли против самого виновного Я. Преступник уже сам актом преступления дает согласие на применение к нему равноценного наказания.

Поэтому ответ на вопрос, поставленный выше, о каком знании здесь идет речь, приводит к Субъекту, к тому, кто знает и может артикулировать, то, что знает. Дихотомия смысла, сливается в синхронию и тогда понятие разворачивает свою внутреннюю энергию. В поэме Софокла «Царь Эдип» знающий — Тризер, но он был с гневом удален Царем за его знание и едва не казнен, в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — отец Зосима, безошибочно угадавший в Иване Карамазове будущего «невинного» страдальца, остается непонятым и осмеянным Карамазовыми. Знающий в драме наказания выполняет роль посла, приносящего плохую весть суверену. Может быть потому, что он и есть объективация вины во вне, встреча с которой не охватывается преступной волей и не включена в Желание преступника? Мо-

жет быть...Вновь этическая проблема, как и в проекте Х. Аренд, решается за счет попытки субъекта спрятаться, скрыть свою вину, и тем самым избежать наказания.

Выведение проблемы соотношений греха и наказания в область религиозного дискурса, также приводит к необходимости отыскания смысла «ниспосланной» санкции, так и возможности ее искупления. Переформатирование злой воли в религиозном проекте делает актуальным вопрос о введении в дискурс о наказании, аргумента о том, чтобы «демистификация обвинения исходила из керигматического ядра веры, то есть из благой вести, сообщающей о том, что Бог — это любовь» [10 с.474] В религиозном аспекте виновность может быть умалена, а санкция снята, если только человек, отказываясь от наказания и вознаграждения, принимает на себя аскезу виновности. «Только в свете духовной любви к Богу человек может быть справедливо обвинен и по настоящему утешен» [10 с.481]. Искренне раскаявшийся

преступник уже не преступник, а грешник, правосудию здесь делать нечего. Глубинная трансформация личности в данном случае происходит, если идти до конца в обвинении, а за тем, в прощении...Очевидно, что в религиозном дискурсе наказание ведет к очищению души.

Попытка, предпринятая выше, сделать краткий набросок онтологии вины и присущего ей наказания, вскрывает в общем то схожий механизм актуализации наказания, за причиненное преступлением зло, во всех четырех проектах. Но говорить о том, что между преступлением и наказанием существует только прямая логическая связь, свести иррациональность санкции к простому тезису о том, что наказание неотвратимо, значит оставаться только в юридическом дискурсе, исключив из анализа бытия виновным человека огромный пласт категорий и понятий, которые, собственно, и составляют существо личности, его самость и душу, само суть понятия свободного выбора, и переживания вины за этот выбор.

ЛИТЕРАТУРА

1. http://ec-dejavu.net/a-2/Hannah_Arendt_Organized_Guilt.html
2. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. / Пер. с англ. Н. Катальского и Н. Рудницкой; послесл. М.: Европа, 2008. — 424 с.
3. Асмус В. Ф. Античная философия. М. Высшая школа, 1976. Изд. 2-е. С. 128.
4. Бадью А. Этика. М. Mashina. 2012. С. 118
5. Гегель Г. В. Ф. «Философия права», пер. с немецкого Б. Г. Столпнера. М. Мир книги. Литература. 2009.
6. Гуссейнов А. А. Античная этика. М. Книжный дом «Либроком», 2011. с. 92, 93
7. Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе. [www.http://psychoanalysis.pro/lib.html](http://psychoanalysis.pro/lib.html)
8. Назаренко Г. В. Вина в уголовном праве. Монография. Орел. 1996.
9. Ф. Ницше К генеалогии морали, Ницше Ф. Соч. В 2т. М. 1990, т. 2.
10. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Пер. с французского И. С. Вдовиной, -М. Академический проект. 2008.
11. Фрейд Вопросы вины и её появления в психическом аппарате человека, посвящены статьи «Экономические проблемы мазохизма» (1924), «Неудовлетворенность культурой» (1929), «По ту сторону принципа удовольствия» (1920). «Торможение, симптом, тревога» (1926)
12. К. Ясперс Философия в 3 т. пер. с нем. А. К. Судакова. М. Канон + РООИ «Реабилитация», 2012 Т. 2 Просветление экзистенции.
13. Иванов С. А. Понятие, основные характеристики и показатели вины в уголовном праве России» Монография. Ставрополь. 2005.
14. С. В. Складаров Вина и мотивы преступного поведения. СПб: Изд. Расланова. 2004

© Герций Виталий Михайлович (xdxt@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОК-КУЛЬТУРА И ВЛАСТЬ — ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ?

ROCK CULTURE AND POWER — IS DIALOGUE POSSIBLE?

V. Doronin

Summary. This article is devoted to the relationship between rock culture and power. The paper presents variants of these complex and ambiguous relationships in different historical periods. Emphasizing the relevance, the main leitmotif of the work is the statement of the problem — is it possible to have a dialogue between rock culture and power. The goal is to understand whether such a dialogue is possible in principle, if so, whether it is possible to predict its further prospects. The conclusion of the paper is that, under special conditions, it has grounds under certain boundaries. However, it should be noted that complete agreement between rock culture and power is impossible, since they have different goals, interests, and most importantly they have different nature.

Keywords: rock culture, rock, the subject of rock culture, rock hero, power, system, conflict, dialogue.

Доронин Владимир Викторович

К.ф.н., Тюменский Государственный Университет
sibe1@rambler.ru

«Однажды в Вавилоне пошел густой снег...»

(Группа «Гражданская Оборона»)

Аннотация. Данная статья посвящена соотношению рок-культуры и власти. В работе приводятся варианты этих сложных и неоднозначных соотношений в разные исторические периоды. Подчеркивая актуальность, основным лейтмотивом работы является постановка проблемы — возможен ли диалог рока и власти. Целью является понять возможен ли такой диалог в принципе, если да, можно ли спрогнозировать его дальнейшие перспективы. Вывод работы состоит в том, что при особых условиях он имеет под собой основание в определенных границах. Однако, следует отметить, что полностью прийти к общему знаменателю рок-культура и власть не могут, так имеют разные цели, интересы, а самое главное разную природу.

Ключевые слова: рок-культура, рок, субъект рок-культуры, рок-герой, власть, система, конфликт, диалог.

Противостояние рок-культуры и власти уже давно, можно сказать, стало классическим, а антагонизм между ними признан казался бы окончательно неразрешимым. Как спел Сергей «Олди» Белоусов:

*«Если есть стены, есть потолок,
Дубовая удочка, ржавый крючок.
Если есть власть, есть тюремный рок,
Здесь каждый получит свое в назначенный срок».*

(Группа «Комитет Охраны Тепла» — «Тюремный рок»)

Но времена меняются, вместе с ними меняется многое и иногда случается, казалось невозможное, подчеркивая тем самым, что во всем есть свои исключения. В настоящий момент что-то подобное происходит в соотношении рока и власти. Конечно, не все стало так просто и вряд ли кто-то поверит, что эти непримиримые оппоненты пришли к консенсусу. Дело обстоит несколько в другом, об этом далее и пойдет речь.

Формы власти постоянно развиваются, а на смену ее консервативным методам приходят новые более перспективные и прогрессивные. Сложилось множество концепций власти: от классической — Платона и Аристотеля, которые видели ее вполне конкретно — в подчинение и рассматривали через отношение господина и раба. Далее у Макиавелли и Гоббса: власть надлена

своим вседозволенности, в какой-то мере, можно сказать, даже свойством «непогрешимости» и непрерываемого «авторитета». А Локк в свою очередь считал, что она должна и может быть ограничена законом. Позднее появилась концепция легитимного господства, выдвинутая Вебером. В современных подходах понимание власти расширилось, помимо того, что власть отдельными авторами признавалась «вездесущной», так еще и затрагивающей любые отношения между людьми. В своих концепциях, например, Луман усмотрел во власти не подавление, а символически обобщенное средство обеспечения коммуникаций, а Бурдьё практически поменял расстановку сил, управляющих миром, называя правящим классом — «производители мнений», а «не хозяев сил материального принуждения (армии, полиции, суда и т.п.)».

Рок-культура тоже развивалась как ей и положено вопреки всему и власти в том числе, а вместе с ней развивался и менялся ее субъект — рок-герой. Но какие бы формы не обретала власть и какие бы концепции собой не реализовывала, неизменным оставалось одно — категорическое неприятие ее рок-культурой. Власть была и остается одним из главных врагов рока или по крайней мере областью, не входящей в круг его интересов. Даже демократия, которую еще Платон так и называл — «мать тирании», для рок-героя — это все та же власть, подавляющая свободу. История соотношений рока и власти прошла разные этапы и носила различный характер. Мы

приведем варианты этого противостояния, обозначив основные акценты и сделав выводы, на их основании попытаемся спрогнозировать дальнейшие перспективы.

На ранних этапах соотношения между этими противниками не складывались вообще. Власть игнорировала рок-культуру, но быстро почувствовав ее влияние на большое количество людей, попыталась взять под свой контроль. Это попытка по большому счету оказалась безуспешной. Рок показал себя как практически неконтролируемое и неуправляемое явление, которое существует и развивается по своим законам. Идентифицировав рок-культуру как нечто опасное и враждебное с ней стали бороться. Так поступала советская власть с джазом, а позднее и с роком. А рок не чего общего не хотел иметь не с властью, не с политикой, не с чем-то официальным, считая ценности современного общества фальшивыми. Наступила тотальная конфронтация, перешедшая в непримиримую вражду.

*«Мы вам не верим, ваш метод — сталь
Ваша вера — металл, ваша совесть — закон
Мы уходим в подвалы на подпольные флэты
Это наш с тобой рок-н-рольный фронт»*

*(Группа «Инструкция по Выживанию» —
«Рок-н-рольный фронт»)*

В Советском Союзе это продолжалось до конца 80-х годов и начала перестройки президента Горбачева, с приходом которого, несколько изменилось отношение власти к року. Вначале она ослабила свое давление, а потом и вовсе потеряла интерес к нему, в стране назревали серьезные перемены, не было дела уже не до рок-культуры, не до культуры вообще. На фоне этого кто-то из рок-героев вышел на большую сцену, кто-то не принял новые правила игры и так остался в подполье. Позже, во время распада союза и с приходом к власти Ельцина, как он цинично сказал — рок-музыканты «пригодились» снова. Зная, что рок-герои, в своем большинстве, горды, честны и романтичны, способны на душевные порывы, широкие жесты, склонны к патриотизму, власть попыталась сыграть на этих чувствах и использовать рок в своих интересах. Пойдя на некоторые компромиссы, хотя бы частично, заслужив доверие, она попыталась привлечь на свою сторону самых влиятельных фигур в роке, чтобы при помощи их воздействовать на огромные массы людей. Эпоха Ельцина запомнилась даже вручением государственных наград рок-музыкантам, некоторые, кстати, потом их вернули.

В настоящее время ситуация несколько изменилась, но сказать в лучшую ли сторону пока однозначно нельзя. Сейчас мы часто слышим слово, ставшее, наверное, даже не так как актуальным, а в большей степени мод-

ным, это слово — инновация. Она становится своеобразной установкой во многих сферах жизни. Можно сказать, что одной из таких инноваций является диалог власти и рок-культуры. Современная власть стала действовать более тонко и пластично по отношению к оппозиции, в том числе и к рок-культуре, уходя от прямой конфронтации. В этом видятся хотя бы частично положительные тенденции для обеих сторон. Это, если не решение каких-то проблем, то возможно вероятность быть услышанным и выразить свою точку зрения.

Такие перемены происходят не только в России, и они не случайны. Есть мнение, что кто владеет информацией тот владеет миром. «... контроль над информацией, знанием и другие «мягкие» способы воздействия на поведение человека становятся сегодня все более популярными среди власть имущих.» [6; С. 190] Поэтому не обязательно прибегать к жестким мерам воздействия. Так красноречивым примером нового этапа соотношений рок-культуры и власти может стать Норвегия. В этой скандинавской стране поддержка Black металл групп входит чуть ли не в государственную программу. Рок-музыкантам выделяются средства из госбюджета на развитие их творчества, оплату репетиционных баз, студий для записи, издание альбомом и т.д. Такой подход власти к рок-культуре вызывает, если неуважение, то хотя бы положительные эмоции. Другое дело, что стоит за этой лояльностью и какие цели преследует власть таким снисходительным отношением к року. В этом смысле ситуация вполне очевидная. С одной стороны власти Норвегии не хотят ассимиляции своей национальной культуры европейской и потери национальной самобытности. А рок и Black металл в скандинавских странах имеет сильную фольклорную основу. Другой причиной является желание правительство и власти отвлечь молодежь от пагубных привычек и вообще, таким образом, держать рок-культуру под контролем.

Но конфликт и последующая конфронтация между роком и властью были неизбежны с самого начала, в силу их диаметрально противоположной природы. Этот конфликт до конца будет вряд ли разрешим. Вообще «...термин «конфликт» нередко используется для обозначения любых расхождений (трений, противоречий)..., в строгом смысле понятие «конфликт» означает противоречие, столкновение, оппозицию; по смыслу это скорее «соперничество», «борьба», чем «различие», «расхождение»». [6; С. 189] Этот принцип проявляется и в соотношении других конфликтующих сторонах. Ледяев и Льюкс отмечали его как конфликт интересов. Согласно Ледяеву, русское слово власть, соотносится и с английским power переводимым аналогично и латинскими словами potestas и potentia означающие — способность, при этом уже у римлян potentia — это возможность или способность воздей-

ствовать на другого человека или вещь. Поэтому слово власть «обычно используют для обозначения способности кого-либо контролировать (посредством господства, принуждения, влияния) других «власть» представляют, как нечто, что «над» нами, что ограничивает нашу свободу, создает препятствие и т.д.» [6; С. 95] Стивен Льюкс отмечал, что понятие власти является инвариантным или «суб-понятием» при этом конкретизируя что за ним стоит и если же трактовать: «...понятие власти как potential: это способность иметь другого или других в вашей власти, ограничивая их выбор и тем самым обеспечивая их согласие. Такая власть является способностью производить особые результаты: среди них те, которые обозначают понятием господства, и такие тесно связанные с ним понятия, как субординация, подчинение, контроль, конформизм, согласие и повиновение» [7; С. 110]

Одним же из главных детерминирующих основание рок-культуры является стремление к свободе, во всех ее проявлениях, а одним из синонимов рока может является именно — нонконформизм. Это полное неприятие и отторжение любого контроля, всего того, что было перечислено выше. Так что в аллегорическом смысле героическое противостояние рока и власти — это вызов взбунтовавшегося непокорного Прометея, посягнувшего на власть богов и требующего свободу не только для себя, но и для других. Поэтому конфликт между роком и властью имеет под собой более глубокое основание. Для рок-культуры неприятие власти — это не просто бунт, это еще и метафизический бунт, это призвание отвоевать свободу любой ценой у того, кто воплощает несвободу или ее подавляет. Как отмечал Альбер Камю «Метафизический бунт — это восстание человека против своего удела и против всего мира, ...метафизический бунтарь протестует против удела, уготованного ему как представителю рода человеческого. Восставший раб утверждает, что в его душе есть нечто, не смиряющееся с тем, как обращается с ним господин; метафизический бунтарь заявляет, что он обделен и обделен самим мирозданием. Для обоих речь идет не только о простом отрицании. И действительно, и в том, и другом случаях мы сталкиваемся с суждением о ценности, во имя которой мятежник отказывается принять собственную участь». [5; С. 80] При этом Альбер Камю полагал, что для человеческого духа вообще доступны только два универсума: это священный универсум или универсум благодати и универсум бунта. «Бунта вообще не происходит, если нет чувства правоты» [5; С. 70]. «Бунт порождается осознанием увиденной бессмысленности, осознанием непонятого и несправедливого удела человека. Цель бунта — преображение» [5; С. 69]. Это как нельзя кстати соотносится с позицией рок-культурой, которая по мнению автора является современным воплощением героической традиции и чью героиче-

скую программу непосредственно реализует рок-герой. Вся его внутренняя природа требует бунта, он уверен в своей правоте и для него главным олицетворением, порабощающим свободу становится любая власть, будь то физическая или метафизическая. И рок-герой принимаемая единственный универсум свободы, воплощает его через бунт и конфликт с любым проявлением власти. Как спел Егор Летов: «При любом Госстрое я партизан!», а в качестве радикального способа реализации этой программы рок-герой начинает с себя: «Убить в себе государство!». Но понимать слово «государство» в данном случае нужно в более широком смысле. Власть для рок-героя олицетворяет не только государство: тоталитарное со своим контролем или пост-модернистское демократическое. Этих ограничений, направленных на подавления человеческого духа и свободы, настолько много, что они соединяются в нечто незыблемое, становясь целой системой, а система — это и есть власть. Ей и сопротивляется внутренняя природа рок-героя. Зачастую у рок-культуры вызывает неприятие и протест не сама власть, а ее формы и методы. Власть — это все, что хочет поставить в уязвимое, зависимое положение, подавить творческий порыв и стремление, героический потенциал, и в первую очередь — все, что ограничивает, вписывает человека в не удобный чуждый ему контекст, навязывает свои интересы и т.д. «Хотя данная точка зрения связана с самыми различными методологическими позициями, аргументами и интерпретациями «интересов», во всех ее вариациях «власть» по определению заключает в себе конфликт между субъектом и объектом, она не может выражать отношения сотрудничества и кооперации. Успешное осуществление власти подразумевает, что объект (его интересы, положение и т.д.) подверглись негативному воздействию. Отсутствие же конфликта (открытого, скрытого или потенциального) означает отсутствие властного отношения.» [6; С. 182] Таким образом, становится понятна причина конфликта рок-культуры и власти. Она состоит именно в конфликте интересов как в приземленном смысле, так и в возвышенном. Каждая из противоборствующих сторон осуществляет свою программу и реализует свой потенциал согласно заложенной внутри каждого природы. Власть перестанет быть властью, если перестанет демонстрировать свое «властное отношение», а рок перестанет быть роком, если перестанет повсеместно устанавливать универсум свободы. Так что на лицо конфликт интересов двух сил имеющих разную природу. Теперь коротко обозначим основные варианты действия рок-героя в этих условиях.

Первый это путь война — полная конфронтация, отрицание и борьба с властью, без каких-либо компромиссов. Пример — группа «Гражданская Оборона» Егора Летова и как лейтмотив такой борьбы: «Я всегда буду против!».

*«Не вейся шестерёнкой в механизме государства
Армейской мясорубке не давай себя сжевать...
Сторонникам порядка навреди как можно больше
В проигранной войне сопротивляйся до конца...
Шагай на красный цвет и нарушай правопорядок
Законам и запретам поступай наперекор...
На всякое насилие отвечай сопротивленьем
В безликом окруженьи будь всегда самим собой...
Назло! Поперёк!»*

(Группа «Гражданская Оборона» —
«Поперёк»)

Второй подход — тоже в какой-то степени подход война, но своеобразный его «восточный» вариант. Это попытка переиграть систему и уход от прямого конфликта. Как в композиции Бориса Гребенщикова:

*«Рассказывают, что у него не одна жизнь, а три
Говорят, что он совершенно пустой внутри
Никто не видел, что бы он отвечал ударом на удар
Он сильно изменился с тех пор,
как повернулся и ушел под радар...
Многие надеются, что он отошел от дел
Что он продался, спился и оскудел
Что он сгорел или провалился под лед
Но неправильные пчелы продолжают
Делать свой неправильный мед
А значит остается только чистая вода
И скрепляющие тебя провода
Остается то, на чем машина дает сбой
И Вавилон... Вавилон не властен над тобой...
Вавилон никогда не был властен над тобой»*

(Группа Аквариум — «Огонь Вавилона»)

В данном аллегорическом смысле власть (система) — это Вавилон, символизирующий тиранию.

Третий вариант соотношения рока и власти — это своеобразная обратная перспектива, не открытая конфронтация и не тактическое сопротивление, а полное игнорирование власти системы и непринятие ее в расчет, создавая пространство и универсум свободы в себе. «Свобода — это то, что у меня внутри» (Группа «Ленинград»). Это, конечно, самый сложный путь и не совсем

пока ясно возможно ли полностью вообще освободится от контроля со стороны власти системы.

Четвертый вариант — это компромисс рок-культуры и власти. Автор работы считает такой вариант развития событий неприемлемым, так как по существу является предательством. В этом случае рок-герой перестает быть героем как таковым и утрачивает свою изначальную природу.

Подводя итог данной статьи, нужно сказать, что мы не пытаемся нарисовать радужную перспективу соотношения рок-культуры и власти. По-прежнему остается масса проблем, не все гладко и однозначно. Рок и власть по своей природе абсолютно разные и они вряд ли когда-то придут к полному взаимопониманию, да этого в принципе и не требуется. Понятно, что любая власть все равно будет стремиться к отстаиванию своих интересов, но рок-культура представляет собой огромную часть общества и власти придется с ней считать. Другое дело, что и рок-культура не должна полностью обособляться, а понимать свою интегрированность, не в институт власти, а в культуру национальную и мировую. Рок-герой должен реализовывать свою программу с позиции творческой, эстетической, просветительской и т.д. А структура власти должна заниматься изменением мира и общества путем легитимности и реформ. Каждый должен заниматься своим делом. В данное время сложилась особые условия в обществе и есть другие варианты развития событий. Выросло новое поколение людей, которые пришли во власть, немало из них сами воспитаны на роке. И поэтому далеко не все из них относятся к нему отрицательно, наоборот есть те, кто относится с интересом и с пониманием. Большая часть рок-исполнителей — умные, перспективные, прогрессивно смотрящие на мир люди, которые по-своему хотят положительных перемен в своей стране и в мире. Поэтому в каких-то вопросах видится возможным, а в чем-то даже необходимым конструктивный диалог рока и власти. Конечно, у каждого свои пути, цели и каждый должен для себя сам определить границы этого диалога. Не смотря на все противоречия, рок и власть как бы странным не показалось, еще и нужны друг другу, подтверждая закон единства и борьбы противоположностей. Другое дело, что и рок-культуре и власти нужно помнить, что как сказал М. Бакунин: «Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. — М.: Правда, 1989. — 608 с.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. / Пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч.: В 2 т. — М.: Мысль, 1991. — 478 с.
4. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин — М.: Интрада, 1996. — 258 с.

5. Камю, А. Бунтующий человек: сочинения в 5 т.: т 3 / А. Камю. — Харьков: Фолио, 1998. — 574 с.
6. Ледаев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 384 с.
7. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. — М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. — 240 с.
8. Никлас Луман. Власть. — М.: Праксис, 2001. — 256 с.
9. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. — М.: Культурная Революция, 2005. — 880 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. — М.: АСТ, 2002. — 509 с.
11. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские: пер. с англ. / Г. Спенсер; под ред. Н. А. Рубакина. — М.: Современный литератор, 1999. — 1408 с.
12. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. — М: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 220 с.

© Доронин Владимир Викторович (sibe1@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тюменский Государственный Университет

СИНЕРГЕТИКА ЭКОЛОГИИ

Егоров Владислав Викторович

Д.х.н., профессор, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины имени К. И. Скрябина, Москва, Россия kaf_chimii@mgavm.ru

Ларионова Ирина Сергеевна

Д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины имени К. И. Скрябина, Москва, Россия kfsign@gmail.com

SYNERGY OF ECOLOGY

**V. Egorov
I. Larionova**

Summary. the paper discusses the problems of ecology from the perspective of modern scientific paradigm — synergetics Prigozhin-onzager-VIAM. The concepts of the control parameter and Lyapunov's factors, theories of attractors and catastrophes, fractal geometry in relation to environmental protection are considered.

Keywords: ecology, synergetics, attractor, bioethics, noosphere.

Аннотация. в работе обсуждаются проблемы экологии с позиций современной научной парадигмы — синергетики Пригожина-Онзагера-Виама. Рассматриваются концепции управляющего параметра и факторов Ляпунова, теорий аттракторов и катастроф, фрактальной геометрии применительно к вопросам охраны окружающей среды.

Ключевые слова: экология, синергетика, аттрактор, биоэтика, ноосфера.

Теория В.И. Вернадского о биосфере и экологическое учение в современных условиях обретают новое звучание через осмысление основных концепций синергетики: управляющего фактора и принципа подчинения, критериев Ляпунова, а также теорий аттракторов, катастроф и фрактальной геометрии.

Экология — раздел биологии, рассматривающий взаимодействие между организмами и между организмами и средой. «Нравственными вопросами, связанными с отношением человека к природе, занимается дисциплина «экологическая этика» — направление философских исследований, в котором в качестве моральных проблем человека рассматриваются не только благополучие и социальные связи людей, но и ответственность за благо всех форм жизни» [3; с. 136]. В основе экологии лежит теория В.И. Вернадского о биосфере, главными постулатами которой являются:

1. живое на Земле непрерывно распределено в пространстве и во времени;
2. организмы на планете выполняют строго определенные функции;
3. биосфера необходимо переходит в ноосферу — сферу разумной деятельности человека.

Основные положения экологического учения можно сформулировать в виде нескольких положений:

1. Для поддержания жизни на Земле необходима устойчивость в системе «организм-среда», обеспечиваемая взаимодействием всех ее элементов, а также энергией солнца.
2. Эта устойчивость поддерживается биотическим круговоротом — движением биогенов, осуществляемым организмами.

3. Основой экологического метаболизма на планете является обмен веществ в водных экосистемах.

Особой проблемой экологии является защита окружающей среды, в первую очередь от антропогенных воздействий. «Антропогенное воздействие на природную среду приводит к изменению естественного состояния атмосферы, природных вод и ландшафта планеты, её флоры и фауны... Только осознание человеком культурных принципов отношения к природе и их преемственности в культуре может способствовать сохранению природы и человека как биологического существа» [7; с. 8].

Встает вопрос: относятся ли основные концепции экологии к синергетике — науке об открытых, устойчиво неравновесных, самоорганизующихся системах с нелинейной динамикой? Выше отмечалось, что предметом экологии является система: организм и окружающая его среда (биота и биом, совокупность биогеоценозов), т.е. биосфера. Рассмотрим, подпадают ли ее характеристики под понятие синергетических систем.

Очевидно, что любой организм является открытой системой, поскольку через него постоянно проходят потоки веществ-биогенов (см. второе положение экологии), энергии и информации. Без них он не мог бы поддерживать свое устойчивое неравновесие, заложенное в первом положении экологического учения (см. выше) и являющееся основным критерием живых систем. Крупнейший теоретик биологии Э. Бауэр писал: «Все и только живые системы никогда не бывают в равновесии и исполняют за счет своей свободной энергии постоянную работу против равновесия, требуемого законами физикохимии при существующих внешних условиях» [1; с. 53].

Но относится ли свойство открытости к биосфере, где живое-биота вписана в некое ближайшее окружение — биом? Да, поскольку сама наша экологическая среда, безусловно, открытая система, куда извне поступает и вещество (пища) и энергия (в первую очередь Солнца), необходимые для поддержания жизни. Их постоянно потребляют организмы, выделяя отходы жизнедеятельности и тепло, утилизируемые средой (поллютанты) или рассеиваемые в пространстве (тепло).

Самоорганизация в биосфере также не вызывает сомнений, поскольку речь идет об организмах, которым для выживания требуется определенное взаимодействие и партнерство. Причем это не обязательно организмы данного вида (стая волков, стадо оленей, культура клеток). Например, понятие симбиоз относится к организации, определяющей взаимодействие и взаимовлияние организмов разных видов, полезное для тех и других (например, популяция микрофлоры в нашем организме). При этом такие системы, как биоценозы, по сути, представляют собой особые структуры, в основе которых лежит самоорганизация, позволяющая осуществлять эффективный обмен веществом и энергией, а также информацией (в первую очередь важной для высших животных и человека) внутри сообщества растений и животных. Это заложено в первом положении теории Вернадского (см. выше), в котором заключена не только непрерывность всего живого, но и последовательные сгустки-разряды биоты как по горизонтали (на данном историческом уровне), так и по вертикали, т.е. в процессе совершенствования и эволюции, что определяется, по нашему мнению, в первую очередь доступностью пищевых ресурсов.

В связи с вышесказанным самым слабым звеном или синергетическим параметром порядка в биосфере является ее энергия (пища плюс кислород для организмов, где последний заменяется другими окислителями у хемотрофов), поскольку ни одно живое существо не может существовать в ее отсутствии. Именно она формирует и поддерживает жизнь, позволяя осуществляться метаболизму в клетках, их реакции на внешние воздействия, движению, трансформации, пролиферации-размножению и т.д. То же относится к любым организмам. Таким образом, принцип подчинения всех остальных переменных любой живой системы (и биосферы в целом) ее энергии налицо. При этом одной из важнейших, а может главной функцией живого является самоподдержание. Именно здесь роль энергетического фактора выявляется как нигде, поскольку только обеспечение достаточным количеством пищи позволит любому организму эффективно осуществлять все свои функции.

Внутри живой системы, живого организма одновременно действуют противоположные факторы: ор-

ганизирующий и разрушающий. Действительно, в нашем организме постоянно происходит, например, гибель одних клеток и рождение других, что обеспечивает целостность и устойчивость, в том числе в плане приспособления к изменяющимся условиям, всей системы. То же отмечается и в любой популяции организмов (где плотность «населения» изменяется от центра к периферии — распределение Ципфа-Парето), и в биосфере в целом, где, как отмечалось, постоянно действуют встречные потоки вещества, энергии, информации, одни из которых являются центробежными (положительный фактор Ляпунова), а другие — центростремительными (отрицательный фактор Ляпунова). В целом совокупное действие противоположных факторов приводит к колебательным явлениям во всех динамических системах, без чего невозможно представить себе их устойчивость в плане оперативной перестройки под влиянием изменяющихся внешних воздействий. Это является и основой их эволюции, когда положительные обратные связи Ляпунова в какой-то момент превышают по интенсивности отрицательные.

С этого момента начинается преобразование или, как говорит синергетика, движение системы в направлении некоего аттрактора — точки притяжения (в биологии мы говорим об экологической нише). Причем, таких аттракторов может быть достаточное множество, но живая система выбирает лишь один (принцип Кобозева — см. ниже), наиболее благоприятный по ряду признаков (доступность, способность оптимально обеспечить выживаемость и другие преимущества перед остальными точками сборки). Указанное относится и к любому биогеоценозу, и к биосфере в целом, поскольку внешние условия постоянно изменяются, стимулируя реорганизацию в целях приспособления всей системы (идеоадаптация по Северцову), ее движение к аттрактору.

Однако, в этом движении системы изменяются не столь кардинально, обеспечивая определенную преемственность в структурно-функциональном смысле. В этой связи можно говорить о развитии структурных и динамических фракталов, столь свойственных синергетическим системам. Действительно, рассматривая любой организм, начиная с клетки, мы выделяем в нем определенные структуры, обеспечивающие работу управляющей системы (геном, головной мозг) и подчиненных ей разного рода исполнительных систем: метаболизма или пищеварительной и дыхательной, рецепторной или системы органов чувств, двигательной, системы продолжения рода и пр. В этом плане структурная организация биосферы и функции всех ее иерархических уровней от одноклеточных до человека, по сути, подобны, хотя и в определенной степени изменяемы (совершенствование и специализация снизу вверх), что позволяет рассматривать всю

систему как совокупность функциональных динамических фракталов.

Но вот в процессе изменения биосферы наступает момент, когда ее определенный уровень не в состоянии обеспечить дальнейшее приспособление и развитие, например, к резко изменившимся условиям (ледниковый период). В этом случае наступает глубокая и кооперативная реорганизация всей биоты: отмирают одни (древние ящеры, гигантские хвощи) и возникают другие виды (мелкие, густошерстные, способные создавать жилища — норы, гнезда и пр.). Этот момент, как правило, достаточно протяженный по времени, но короткий в историческом плане, связан с максимальным хаосом во всей биосфере (принцип фазового перехода Пригожина-Ландау). Она оказывается в состоянии бифуркации в синергетической теории катастроф (Зиман и др.), т.е. перед выбором дальнейшего пути: вверх к совершенствованию (ароморфоз по Северцову) или вниз к деградации. Такие условия возникали на планете не единожды. Вспомним, например, вызванный деятельностью организмов, переход от первичной восстановительной атмосферы к кислородной окислительной. Сегодня мы также стоим перед выбором пути в связи с активной деятельностью человека по изменению окружающего мира (выбросы загрязнителей и тепла; уничтожение одних и культивирование других, не приспособленных к самостоятельному выживанию, видов; изменение своей природы и пр.). Вернадский предсказывал, что выходом из этой ситуации может быть только переход к ноосфере — разумному антропному управлению природой по ее собственным законам. «Всё более актуальной становится необходимость изменения ориентиров последующего социокультурного прогресса, что предполагает широкое распространение экологических знаний, помогающее предотвратить отрицательное влияние производственной деятельности человека на природный мир» [7; с. 8].

Сам революционный переход или скачек, как отмечалось, происходит кооперативно во всей системе (принцип синергетики) в направлении одного или нескольких заданных аттракторов. На это указывает принцип Кобозева: наиболее устойчивой является система, способная расти и множиться, переводя в себя окружающую материю и энергию. Причем, такой скачек может быть инициирован каким-либо незначительным по силе воздействием (принцип Пригожина). Так, например, под влиянием «давления массы» находящихся в воде организмов, одна из групп может выйти на сушу вслед за переселением туда лишь нескольких особей. Важно, что для этого организмы должны иметь определенные структурно-функциональные предпосылки, которые, как полагал Дарвин, возникают случайно, т.е. сами по себе в результате мутаций, но далее сохраняются и совершенствуются в про-

цессе конкуренции или борьбы за выживание и отбора. Однако в синергетике действует принцип «опережающего отражения» по Анохину, который утверждает, что ничего не происходит случайно. Организм (как и любая другая система) должен заранее готовиться к тем изменениям, которые критичны для выживания. Это происходит уже на стадии выбора аттрактора («завтра заложено в сегодня» — Князева, Курдюмов).

В результате всего вышесказанного эволюцию биосферы, как типичной синергетической системы, можно представить себе как цепь скачков-катастроф. Именно в этом состоит принцип развития Пригожина «синергетическая система последовательно проходит ряд точек, в которых происходит нарушение единственности решения уравнения параметра порядка». При этом, как констатирует второе начало термодинамики для закрытых систем, движение наблюдается в сторону роста энтропии-хаоса. Действительно, одной из важнейших проблем современности является загрязнение окружающей среды. Оно уже превысило все мыслимые пределы, что отражается в первую очередь на нас самих, а также и на всей остальной живой природе. И, казалось бы выхода нет, поскольку второе начало термодинамики отменить нельзя. В работах авторов этой статьи ранее было показано, что рост энтропии в мире одновременно стимулирует увеличение информации (принцип саморегулируемых информационных систем). Именно наши знания открывают реальную возможность сохранить наш мир. При этом, как скорость роста энтропии, так и скорость накопления информации непрерывно снижаются [4], что напрямую следует из теоремы Пригожина-Онзагера-Виам.

Вместе с тем, если о росте энтропии в процессе развития можно говорить реально в случае биосферы — условно закрытой системы «организм-среда» (выбросы продуктов жизнедеятельности, отходов и тепла), то в популяции организмов все происходит как раз наоборот. В живой природе мы наблюдаем непрерывное совершенствование — эволюцию. В результате происходит снижение структурной энтропии биоты [1], что определяется, безусловно, открытым характером любой живой системы.

Для выживания человечества в условиях угрозы экологического, минерально-сырьевого и демографического кризисов следует со всей серьезностью отнестись также к проблеме медико-биологических основ здоровья, жизни (физического выживания, сохранения собственной идентичности вида *Homo sapiens*). Данную проблему можно рассматривать как «стыковую». Она непосредственно связана одновременно и с отношением «общество-природа», и с отношениями «общество-человек» [8].

Таким образом, приведенный анализ позволяет утверждать, что биосфера нашей планеты не только является типичной синергетической системой, но и обладает своими особенностями, связанными с жизнью как таковой. При этом в своей основе жизнедеятельность, как отмечалось, зависит от энергии организмов (лимитирующий фактор), определяемой наличием кислорода и органических продуктов в биоме. Сегодня основным их источником является фотосинтез в живых растениях, сосре-

доточенных на 90% в мировом океане. Следовательно, именно водные экосистемы определяют существование самой биосферы (см. третье положение экологического учения) и их подавление и разрушение (промышленные и бытовые выбросы, захоронения отходов) является критичным для самой жизни на Земле. По сути этим и определяется в современном мире важнейшая роль экологии как науки и ее раздела — охраны окружающей среды, опирающихся на новую парадигму — синергетику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауэр Э. С. Теоретическая биология. М.: Л.: ВИЭМ, 1935. — 206 с.
2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. — М.: Айрис-пресс, 2012. — 576 с.
3. Гришина А.А., Ларионова И. С. Философские аспекты ветеринарии: экологическая этика — переход от антропоцентризму к биоцентризму./Вопросы ветеринарии и ветеринарной биологии: Сборник научных трудов молодых ученых. Вып. 11. — М.: ФГБОУ ВО МГАВМиБ — МВА им. К. И. Скрябина, 2016. — 170 с.
4. Егоров В.В., Ларионова И. С. Философский синтез синергетики и дарвинизма: лекция. — М.: ФГБОУ ВО МГАВМиБ — МВА им. К. И. Скрябина, 2013. — 46 с.
5. Егоров В.В., Тихомиров Н. В., Ларионова И. С. Социальная синергетика. — М.: ЗооВетКнига, 2017. — 92 с.
6. Егоров В.В., Тихомиров Н. В., Ларионова И. С. Теория и методология науки, термодинамические и синергетические основы. — М.: ЗооВетКнига, 2017. — 32 с.
7. Желудева Е.В., Ларионова И. С. Экологическое образование — путь к экологической культуре.// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2017. № 9–10. С. 8
8. Ларионова И. С. Здоровье как ценность./ Актуальные вопросы современной науки: Сборник научных трудов МГАВМиБ. — М.: ФГБОУ ВО МГАВМиБ — МВА им. К. И. Скрябина, 2011. — 203 с.

© Егоров Владислав Викторович (kaf_chimii@mgavm.ru), Ларионова Ирина Сергеевна (kfisgn@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московская государственная академия ветеринарной медицины имени К.И. Скрябина

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ (ОТ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ ДО ЭПОХИ АЛЕКСАНДРА II)

SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE THEORY OF TERRITORIAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA (FROM PETER THE GREAT'S REFORMS TO THE ERA OF ALEXANDER II)

L. Kleshneva

Summary. The article considers the social aspects of reforming the zemstvo self-government in Russia and philosophical reflection on this problem during the reign of Peter I to Alexander II. It is noted that the view of the Zemsky self-government has undergone significant changes at this time and each ruler has contributed to the history of Russian self-government. The three emperors played a particularly important role: Peter I, Catherine II and Alexander II. Their reforms were carried out in a difficult historical epoch of modernization of Russia, time of modernization with a desire to make in the country all on the European manner, but also, simultaneously, to hold autocracy.

Keywords: territorial self-government, local government, social and philosophical aspects of governance, reform of the governance system in Russia.

Клешнева Любовь Ильинична

*Аспирант, Санкт-Петербургский Государственный
Аграрный Университет (СПбГАУ)
uliunuchna@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются социальные аспекты реформирования земского самоуправления в России и философские рефлексии по этой проблеме в периоды правления от Петра I до Александра II. Отмечается, что взгляд на земское самоуправление перетерпели существенные изменения в это время и каждый правитель внес свою лепту в историю русского самоуправления. Особенно большую роль сыграли три императора: Петр I, Екатерина II и Александр II. Их реформы были осуществлены в непростую историческую эпоху модернизации России, время модернизации с желанием сделать в стране все на европейский манер, но и, одновременно, удерживать самодержавие.

Ключевые слова: земское самоуправление, местное самоуправление, социально-философские аспекты управления, реформирование системы управления в России.

Земское самоуправление в России как теория и практика общественного управления сформировалось в период модернизации страны, в условиях общественного кризиса, обусловленного социально-экономическими и политическими факторами. Появление земства в первую очередь вызывалось административно-хозяйственными потребностями, хотя присутствовали и политические мотивы. В конце XVII века в стране самоуправление представляло собой право управлять своими внутренними, административными и хозяйственными делами областям, общинам и сословиям под строжайшим контролем государства. Это нашло свое отражение в социально-политической мысли того времени, в частности, в литературном творчестве славянского мыслителя Юрия Крижанича. В своих сочинениях «Политика» (более известна под названием «Беседы о правительстве») и «Толкование исторических пророчеств», он отстаивал идеал просвещенного монарха. Царь для него подобен Богу, находящемуся на земле. Однако, Крижанич признавал необходимым установление ряда ограничений для самодержца, чтобы его правление не превратилось в «людодержество», в тиранию! Одной из таких, по его словам, «сдержек» монархии и понимались основы земского самоуправления, как управления местными вопросами.

Петром I в первой четверти XVIII века были осуществлены реформы, охватившие все без исключения стороны общественной жизни России, затрагивали они и интересующую нас проблему — управление и организацию государственной и народной жизни. Предшествовало этому стремление и желание Петра I обустроить Россию по примеру европейских стран. Административные реформы Петра I носили децентрализованный характер, пытались они внести коллегиальные начала в политическую систему страны. Административно-правовая сфера российской государственности реформировалась Петром I дважды: в начале и в конце его царствования. Преобразования в сфере управления российским государством начинаются Петром I с попытки введения новой системы городского управления, формирования городских ратушей как органов самоуправления. Работа над реформой осуществлялась Ближней канцелярией императора с назначенными губернаторами и в переходный период утверждалась Сенатом, коллегиальным органом власти.

Указ от 28 января 1715 г. ввел новую систему местного управления и ликвидировал уезд, как административную единицу. Губернская реформа практически не оставляла

места для организации самостоятельных общественных форм управления, хотя Петр I, как мы уже отмечали, и стремился вводить в практику губернского управления коллегиальные начала. Это вылилось в избрание при губернаторе совета ландратов, формировавшегося по сословному принципу исключительно из дворянства. Одной из особенностей губернской реформы было создание новых судебных учреждений, не имевших аналогов в допетровской практике местного управления — это так называемые «надворные суды».

Вторая административная реформа велась по шведской модели. Она покончила с коллегиальным управлением в губерниях, а сам принцип коллегиальности применила лишь к управлению центральному. Петр I старался вести политику местного управления по примеру Швеции, но в России были свои правила и обычаи, собственные традиции, которые наложили отпечаток на новую политику Петра. Указом 26 ноября 1718 г. губерния становилась военным и судебным округом и делилась на провинции. Указом 29 мая 1719 г. во главе провинций вставили воеводы, которые распространяли свои полномочия в сфере финансовой, а так же народно-хозяйственной и полицейской сферах. Особенность Административной реформы Петра заключалась в введении правовой структуры — судебные присутствия. Однако, заимствованные из шведской практики идеи столкнулись с мощным противодействием русских традиций и привычек. Обособленная деятельность суда и администрации ни к чему хорошему не привела и лишь усилила противоречия между ними [2,349]. Введенные Петром I новые элементы и структуры управления со временем были трансформированы Екатериной II в органы с более развитыми формами городского самоуправления [2,357]. Можно сделать вывод о том, что реформы местного самоуправления при Петре тесно взаимодействовали с созданием единой централизованной системой управления в стране. Однако постепенно, назревал вполне реальный конфликт интересов центральной и местных властей. Частичное разрешение его стало возможным за счет упрочнения местных форм управления, что составило сущность реформаторской деятельности Екатерины II. Теоретической базой этой формы практической деятельности выступало увлечение Екатерины Великой европейской философией. Известно, что она в свое время стала магистром философии.

Екатерина мечтала о заведении в городах крепостной России своего «третьего сословия» на европейский манер и желала возвысить русский город на степень значимости его западного собрата. Первоначально административно-правовая реформа ставила перед собой чисто техническую задачу: переместить центр тяжести правительственного механизма в провинцию, то есть усовершенствовать административное управление. Однако, по мере развертывания реформы, в круг преобразования стали подпадать и местные интересы: судопроизводство и обеспечение

правопорядка, распространение просвещения и вопросы народного образования, социальная сфера.

Злоупотребление администрации и недовольство населения заставили Екатерину II обратить внимание на местное самоуправление. Реформы Екатерины провозглашали ту общественную истину, что администрация должна служить людям, они, по своей сути, были направлены на то, чтобы вызвать к успешной жизнедеятельности местные общественные силы. В этом состоял важнейший теоретический вклад екатерининского законодательства в развитии общественного самоуправления. Но на практике по многим пунктам этот провозглашенный союз правительственной бюрократии и земской общественности не состоялся. Традиции местного самоуправления необходимо было еще возрождать, а препятствовало этому, в первую очередь крепостничество. Само местное самоуправление было самоуправлением дворянским, сословным. В манифесте от 1766 года говорится о праве дворянских обществ на участие в местном управлении и возможности занимать руководящую должность, так же право контроля выборных должностных лиц принадлежит только дворянскому обществу.

Теория земского самоуправления при Екатерине Великой основывалась на идеи компромисса двух тенденций — централизации и децентрализации управления, причем органам самоуправления представлялись весьма широкие полномочия и права. Основу централизованного управления страны поддерживала налоговая и карательная политика государства, административное устройство российского государства. Принятая 7 ноября 1775 г. реформа вводила систему органов губернской администрации, состоящую из губернского правления во главе с генерал-губернатором или наместником, из органа исполнительно-полицейского учреждения — Нижнего земского суда, из финансового управления на местах — казенной палаты, а так же их штата из чинов прокурорского надзора. Реформа 1775 г. не только усилила местный чиновничий аппарат, но и повысила значение местного дворянства в управлении и суде [2,371]. По мнению профессора П.Н. Малюкова, только «при Екатерине II, наконец, управление губернией, всецело, стало принадлежать губернии. Рядом с правительственным чиновником стали в новых губернских учреждениях выборные представители от местных дворянских обществ; таким образом, положено было начало развитию местного самоуправления» [4,158]. Таким образом, в результате реформ местного самоуправления и суда резко обозначился их сословно-представительный характер, выразившийся в выборности как личного состава сословных дворянских, так и в сословном происхождении личного состава общих сословных учреждений. Реформы Екатерины II были направлены верховной властью на децентрализацию власти и создание местного управления, с которым приходилось разделять свои полномочия. Была проведена значительная децентрализация местного самоуправления.

Реформирование областного управления в эпоху Екатерины Великой было завершено двумя «Жалованными сословными грамотами» от 21 апреля 1785 г., адресованным дворянству и городам. Как следствие этому, права малоимущего дворянства сильно ущемлялись, а дворянское самоуправление наоборот еще более приобретало большие права и власть. Деятельность сословного дворянского самоуправления подвергалась тщательному контролю со стороны местных должностных лиц — губернаторов, генерал-губернаторов и наместников. Принятое «Городовое положение» 1785 г. определяло порядок взаимоотношения между органами местного дворянского самоуправления и наделяло городскую думу как органу всесословного городского самоуправления следующими компетенциями: прокормление и содержание городских жителей; предотвращение ссор и тяжб города с окрестными городами и селениями; сохранение в городе мира, тишины и согласия; обеспечение города необходимыми запасами; охрана городских зданий, поддержание в должном состоянии городских площадей, пристаней, амбаров и магазинов; приращение городских доходов; разрешение сомнений и недоразумений по ремеслам и гильдиям. Таким образом, Положение 1785 г. окончательно закрепило за городом права юридического лица, внесло единообразие, полноту и системность в регламентацию городского устройства и управления [2,380]. Законодательные акты Екатерины II как подчеркивал исследователь истории земского самоуправления А. А. Кизеветтер «санкционировали два общественных соединения нового типа: корпорацию привилегированных землевладельцев — «дворянское общество» и всесословное «общество градское» [3,111].

Екатерина II пыталась дать приоритет в стране принципу всесословности. Выборные уездные органы были подчинены губернским инстанциям, построенными на чисто бюрократическом начале. Так, например, на месте прежних петровских центральных коллегий возникли губернские палаты и уездные учреждения, как органы коллегиальные, с обязательным разделением административных полномочий и судопроизводства. Реформы осуществляли принцип объединенной деятельности всех сословий и классов, в основе которого было бы местное самоуправление. Правда, речь шла только и исключительно о свободных сословиях и классах, включая и свободных крестьян. В наибольшей степени принцип всесословности был воплощен в городском самоуправлении.

Наследовавший престол Павел I во многом отвергал идеи и социальные практики Екатерины II. Он был занят политикой укрепления трона. Павел утвердил «Учреждение об императорской фамилии», где указано было, что переход трона осуществляется от отца к старшему сыну, в случае отсутствия сыновей, к старшему брату. Павел I принял Учреждение для того, чтобы обезопасить страну от дворцовых переворотов. Его политика была направлена на ограничение дворянского самоуправления, укрепление централь-

ного управления и изменения быта крестьянства: принят был «Манифест о трехдневной барщине», который освобождал крестьян от работы в воскресенье и давал возможность 3 дня работать на себя и только 3 дня на помещиков. Его политика в целом ограничила власть на местах и усилила центральную власть. В определенной мере она и привела к убийству императора.

После смерти Павла I в 1801 г. на престол взошел Александр I. Он отменил многие распоряжения Павла I, восстановил жалованные грамоты дворянству и городам, уничтожил Тайную экспедицию и др. Александр I ставил перед собой важную задачу — изменение государственного строя. Александр изменил статус Сената, как института административной юстиции, прокуратуры и суда. Сенат сдерживал безнаказанное злоупотребление властью администрации и был на стороне населения. Манифестом 8 сентября 1802 г. были учреждены восемь министерств — военных сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции, народного просвещения и учрежден был так же центральный орган — Государственное казначейство. Сформировалась центральная министерская система государственного управления, которая действовала на основе центральных органов. Существовало и «придворное» управление — Департамент уделов, Кабинет его императорского величества и Придворная контора. У этих учреждений была юридическая неопределенность и узкая специализация, которая ставила их статус вне рамок общей принятой системы государственного управления.

Большую роль в политике Александра I сыграл член государственного совета и статс-секретарь М.М. Сперанский. Он разработал в период 1803–1809 гг. концепцию «истинной» монархии. Сперанский полагал, что возможно соединить в единое целое абсолютизм и гражданское общество, сословно-иерархический строй и свободную личность, единовластие и законодательное регулирование социальных отношений. С его точки зрения, «российская конституция должна будет бытием своим не воспалению страстей и крайностей обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы» [5,15]. Решение проблемы развития общественного самоуправления М.М. Сперанский видел как проблему оживления личной самодеятельности под началом верховной власти и создание правового государства, построенного на основе уважения к закону. Он первый предложил в России принцип разделения властей и разработал главные положения данной политической системы, включающие в себя Государственную Думу, Сенат и министерства. Особая роль была у Государственного Совета, созданном при императоре для согласования законодательной, судебной и исполнительной властей. Как подчеркивают современные исследователи истории политико-правовых учреждений России

«его программы подготовили почву для прогрессивных изменений судебной и законотворческой системы после 1861 года. Главная проблема, определившая судьбу проектов Сперанского, их неприятие властвующей элитой состояла в необходимости трансформации самодержавия, его самоограничения и введении начал политического самоуправления» [1, 147]. Следует отметить также, что Сперанский был идейным вдохновителем создания Царскосельского Лицея в 1877 году.

Отмена крепостного права при Александре II зародила основания Земской реформы 1864 г., которые, в свою очередь, заложили основу для развития в России Всесловного выборного представительства. Перед реформой 1861 г. у многих разрядов крестьян было распространено так называемое общественное (сельское) самоуправление, которое послужило неким эталоном для составителей Положения о крестьянах. Ю. Ф. Самарин доказывал, что единство хозяйственных интересов обуславливает собой у крестьян единство всех их административно-общественных интересов и редакционная комиссия стала без разбора переносить на сельские общества разнообразные административные функции волостей. Положение 1861 г. стало, в конечном счете, теоретическим и правовым источником создания российской бюрократии с одной стороны и земского самоуправления с другой.

Положение о губернских и уездных земских учреждениях разрабатывал П. А. Валуев, а на завершающей стадии Н. А. Милютин. М. А. Корф считал нецелесообразным различать в избирательном цензе положение для дворян и недворян, отказывался признавать условия принадлежности их к потомственному дворянству. Он предлагал создать единые органы по управлению всеми местными делами. Предварительное обсуждение проекта Земской реформы, при участии экспертов, закончилось в июле 1863 г., в декабре 1863 г. он был представлен на рассмотрение в Общее собрание Государственного Совета. Изменения, внесенные Государственным Советом — смягчение сословного характера земских учреждений и ограничение власти ад-

министрации. Введение в действие Положения о земских учреждениях было возложено на временные уездные комиссии в составе: предводители дворянства, исправник, городской глава и чиновник от палаты государственных имуществ и от конторы удельных крестьян. В основу Положения 1864 г. был положен принцип имущественного ценза, на первый план выдвигались интересы дворян — землевладельцев, с интересами же промышленников и крестьян считались мало.

С деятельностью земств были связаны главнейшие общественные мероприятия в области народного образования, врачебного дела, сельского хозяйства и прочее. К органам местного управления относились губернские правления во главе с губернатором, землеустроительные комиссии, земские начальники и казенные палаты, а так же органы самоуправления, но между ними имелись различия в выборности. Губернаторы и прочие назначались верховной властью, а земские, городские и сельские управления выбирались самим населением. Земское самоуправление стало способом проявления общественной самодеятельности, это форма социальной саморегуляции и практическая форма гражданского общества в России. Однако правительство поставило земства в прямую зависимость от Министерства внутренних дел и его чиновников. Губернатор и министр внутренних дел утверждали в должности председателей уездных и губернских управ. К недостаткам создаваемой системы земства относилось отсутствие земских учреждений в волостях, что лишало земств и опоры в крестьянских массах.

В качестве вывода укажем, что важнейший вклад в развитие страны был сделан при Александре II. Его политика оставила огромный след в истории нашей страны. Реформа 1861 г. заложила основы организации и функционирования крестьянского (сельского) самоуправления и фактически создало земское самоуправление. В целом же, последовательное развитие конституционализма и земщины в России, обусловило постепенное формирование правового общества в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьев М. А., Давыденкова А. Г., Козлова Т. И. Русская культурология: политико-правовые и социально-экономические аспекты: монография. — СПб.: ИПП, 2016. — 280 с.
2. Еремян В. В. Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века): Учебное пособие для высшей школы. — М.: Академический проект, 2003. — 528 с.
3. Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. — М., 1903.
4. Милюков П. Очерки по истории русской литературы. — СПб., 1896. — Ч. I.
5. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. Введение к уложению государственных законов 1809 г. — М., 1905

© Клешнева Любовь Ильинична (uliunuchna@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРИ ДИЛЕММЫ ЭСТЕТИКИ

Темерева Елена Валерьевна

Аспирант, Омский государственный технический университет»
temri@mail.ru

THREE DILEMMAS OF AESTHETICS

E. Temereva

Summary. The article considers three great dilemmas that constitute the problems of contemporary aesthetics. The dilemma, based on the opposition of objectivity and subjectivity in the notion of taste, originates at the time of Ancient aesthetics in the writings of Plato and the Sophists. The dilemma aroused in the New Age based on the difference between publicity and privacy of aesthetic experience, it was presented in the studies of taste judgments by David Hume and Immanuel Kant. Finally, the last dilemma is based on the opposition of imagination and perception, it is formed in the twentieth century in the aesthetic theories of Jean-Paul Sartre, Monroe Beardsley and John Fischer. These dilemmas are not the same either and demonstrate impossibility to reduce problems of contemporary aesthetics to any part of the presented dilemmas.

Keywords. aesthetics dilemmas, objective and subjective, publicity and privacy, perception and imagination.

Аннотация. В статье рассматриваются три основные дилеммы, конституирующие проблемное поле современной эстетики. Дилемма, основанная на оппозиции объективности и субъективности понятия вкуса, берет свое начало в Античной эстетике и представлена в трудах Платона и софистов. Дилемма, сложившаяся в Новое время, и опирающаяся на различие публичности и приватности эстетического опыта, была представлена в исследованиях суждений вкуса Д. Юма и И. Канта. Наконец, последняя дилемма основана на противопоставлении имажинации и перцепции, складывается в XX веке в эстетических концепциях Ж.-П. Сартра, М. Бердсли и Д. Фишера. Нетождественность этих дилемм демонстрирует невозможность редукции проблемного поля современной эстетики к любому из представленных дилеммических полюсов.

Ключевые слова: дилеммы эстетики, объективное и субъективное, публичность и приватность, перцепция и имажинация.

Анализ поля современной эстетики открывает его сложность, многомерность и противоречивость. Область эстетических проблем складывалась поэтапно и в рамках каждого из этих этапов обычно можно обнаружить концептуальное противостояние двух диаметрально противоположных точек зрения на понятие вкуса и эстетического опыта. Чтобы описать и проанализировать основные дилеммы, конституирующие проблемное поле современной эстетики, обратимся к трем ключевым этапам в ее развитии.

Первая из основных дилемм эстетики зарождается еще в Античности. Эта дилемма основана на оппозиции объективности и субъективности в понятиях вкуса и эстетического опыта. Объективный полюс этой дилеммы представлен воззрениями Платона, в рамках которых «идея «Прекрасного», будучи трансцендентной, не зависит ни от мнения людей ..., ни от самих «вещей», подобных произведениям искусства, в которых оно лишь проявляется, но не пребывает» [1, с. 283]. Обратимся к «Федру» и «Пиру», в первом из обозначенных диалогов наилучшим (как «по самому своему происхождению, как для обладающего ею, так и для того, кто ее с ним разделяет» [2, с. 159]) типом «исступленности» (или «неистовства»), делающим человека «влюбленным», называется следующее (используя современную терминологию) «состояние сознания». «Когда кто-нибудь смотрит на здешнюю красоту, припоминая при этом красоту истинную, он окрыляется, а окрылившись, стремится взлететь; но, еще

не набрав сил, он наподобие птенца глядит вверх, пренебрегая тем, что внизу,— это и есть причина его неистового состояния» [2, с. 158]. Схожим образом и в «Пире» Платон утверждает идею «прекрасного самого по себе», существующего вне сознания того или иного человека, и связанного с подлинной любовью. Приведем в подтверждение этого несколько высказываний Аристокла, своей поэтичностью заставляющих вспомнить, что до встречи с Сократом он был драматургом, «человеком искусства»: «не всякий Эрот прекрасен и достоин похвал, а лишь тот, который побуждает прекрасно любить» [3, с. 90], поэтому следует заставлять «тех, кто еще не отличается умеренностью, стремиться к ней, и что любовь умеренных, которую нужно беречь,— это прекрасная, небесная любовь. Это — Эрот музы Урании» [3, с. 96]. (Напомним, читателю, что это муза астрономии, т.е. речь идет о «небесном Эроте», который суть «великий бог, ... любовь к прекрасному» [3, с. 111]). Таким образом, в своих диалогах Платон формулирует один из полюсов дилеммы объективного и субъективного, основанной на очевидной антиномии в понятиях эстетического опыта и суждений вкуса, определив источником прекрасного независимые от субъекта вещи, и поставив тем самым эстетические суждения на объективные основания.

Противоположный полюс дилеммы был сформулирован противниками Платона — софистами. Согласно польскому эстетике Владиславу Татаркевичу именно у софистов впервые появляется ориентированное на фигуру

субъекта дефиниция прекрасного, определяемое софистами не иначе, как «то, что приятно для взора и слуха» [4, с. 86]. Рассматривая такой взгляд на прекрасное в контексте учения софистов в целом, нельзя не согласиться с польским эстетиком в том, что «если софисты считали носительными и условными право, политический строй, религию, то вполне понятно, что таковыми они должны были считать и искусство» [4, с. 87]. Тем самым, софисты в своих учениях формируют противоположный Платону полюс дилеммы объективного и субъективного в понятиях вкуса и эстетического опыта, настаивая на том, что эстетические суждения имеют своим источником самого субъекта, а не сами вещи, которые мы привыкли называть прекрасными.

Вторая дилемма эстетики, опирается на противостоянии публичного и частного в природе эстетического опыта. Эта дилемма появляется в Новое время. Представителем полюса публичности этой дилеммы является Иммануил Кант. Согласно И. Канту, суждение вкуса субъективно — оно «основывается вовсе не на понятиях и вообще не есть познание, а есть лишь эстетическое суждение» [5, с. 294], поэтому «никакой объективный принцип вкуса невозможен» [5, с. 297]. Иначе говоря, суждению вкуса, независимому от какого-либо интереса «должно быть присуще притязание на значимость для каждого» [5, с. 213], без всеобщности и при этом оно должно претендовать на субъективную всеобщность. Субъективная всеобщность, о которой говорит И. Кант, и есть то, что мы могли бы назвать публичностью суждений вкуса. Иными словами, для И. Канта, любая норма вкуса суть не единственно возможная, но такая, что суждения вкуса того или иного субъекта могут разделяться многими (возможно даже, и всеми) субъектами, высказывающими свои суждения об общем эстетическом опыте, доступном каждому в некотором публичном пространстве [Подробнее см.: 6].

Противоположный полюс дилеммы публичности и частности в суждениях вкуса представлен в трудах шотландского философа Дэвида Юма. Согласно Д. Юму, наши поиски идеалов прекрасного и безобразного бесплодны в той же мере, «как и претензии на то, чтобы установить, что доподлинно сладко, а что горько» [7, с. 625]. Следовательно, норма вкуса есть не только нечто субъективное, но и что-то абсолютно частное. Иными словами, эстетический опыт, как таковой, дан каждому индивидуально, а значит, и норма вкуса всех суждений об этом опыте свойственна только ему одному и никому другому. Такая норма вкуса основана на частном опыте эстетического восприятия. Опираясь на это, Д. Юм делает вывод о том, что нельзя найти такую норму вкуса, которая бы смогла «примирить противоречивые чувствования» [7, с. 638]. Согласно воззрениям Д. Юма, одной-единственной нормы вкуса в принципе не может существовать, а если у нас нередко и возникает иллюзия таковой «единственности»

в пределах определенной группы людей, то это объяснимо тем, что последние связаны общей культурой, и в первую очередь — языком. Таким образом, фактически великий шотландский философ утверждает, что большая часть кажущегося согласия в эстетических суждениях основана лишь на «лингвистической иллюзии». Иначе говоря, даже тогда, когда происходит совпадение во вкусах, все равно эстетический опыт, как таковой, не является публичным, а остается частным, основанным на личных ощущениях субъекта, которые недоступны никому другому.

В XX веке в явном виде формируется третья дилемма эстетики, основанная на противостоянии имажинации и перцепции. Согласно перцептуализму — эстетической теории, развиваемой в частности американскими философами искусства Монро Бердсли и Джоном Фишером, — эстетический опыт всегда есть нечто данное в чувственном восприятии. Центральная идея перцептуализма, по словам польского эстетика Б. Дземидока, заключается в следующем: «нельзя определить природу искусства, не пользуясь категорией эстетического опыта» [8, с. 128]. Иначе говоря, последний и есть критерий, а также мера ценности произведения, эстетические свойства могут быть открыты только путем непосредственного восприятия. Конкретизируя этот подход, укажем, что М. Бердсли определяет «эстетическую точку зрения» через «эстетическую ценность» [9, с. 162], обнаруживая на этом пути ряд трудностей: «проблему фальсификации», «проблему иллюзии» и «проблему обесценивания» [9, с. 166]. Первая из них заключается в том, что некоторые объекты могут обладать эстетической ценностью, которые как никогда не были, так и не будут открыты. Вторая, соответственно, в том, что эстетическая ценность включает способность, и ее присутствие может быть подтверждено с помощью единичного суждения. М. Бердсли приводит пример объекта — «груда уличного мусора», — которому, как таковому, не достает эстетической ценности. Но если взять кого-то, чье сознание находится под действием наркотика и ему случается посмотреть на эту груду мусора, то она вполне способна дать ему эстетическое удовольствие. Следовательно, эта груда мусора обладает некоторой эстетической ценностью, равно как и любой другой визуальный объект. Опираясь на это, М. Бердсли так уточняет определение эстетической ценности: «ценность, которой X обладает на основании способности доставлять эстетическое удовольствие в опыте правильного и полного чувственного восприятия» [9, с. 170]. А это значит, что эстетическое как таковое наличествует всегда только в чувственном восприятии.

В свою очередь, Д. Фишер пытается доказать, казалось бы, парадоксальный тезис о том, что эстетическое оценивание не имеет в своей основе эстетического наслаждения. Этот американский философ искусства приводит примеры случаев такового «оценивания без

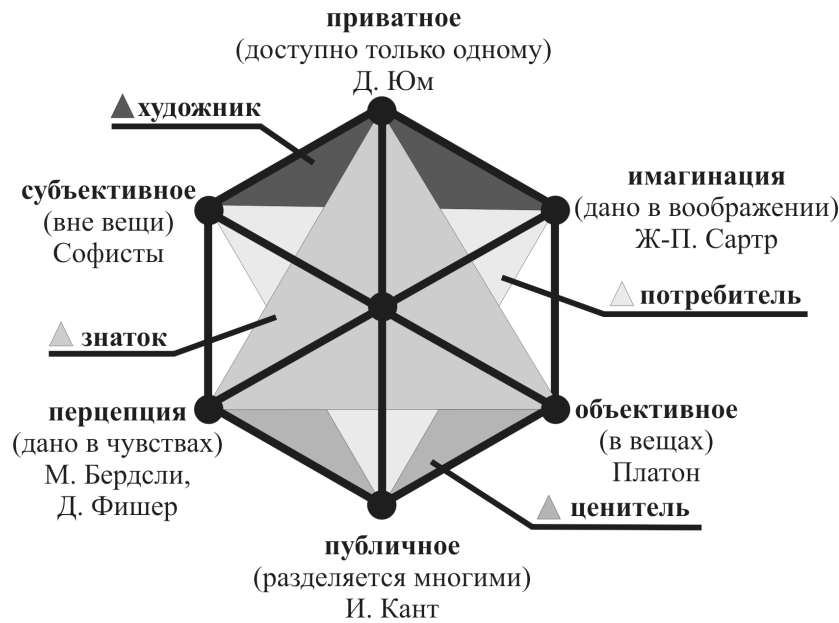

Рис. 1. Дилеммическое поле современной эстетики.

наслаждения», в частности, восприятие цвета разными людьми. В первом случае, человек воспринимает цвета нормально, во втором не видит красного цвета, «дихроматическое зрение», и в третьем случае — он слепой от рождения. Пытаясь понять, что для каждого из трёх перечисленных гипотетических персонажей означает утверждение «Спелые томаты красные» [10, с. 188], Д. Фишер приходит к следующим выводам. В первом случае подразумевается собственный чувственный опыт человека (напомним: человека, чьё восприятие цвета «нормально»), который в ходе сложного процесса понимает, что томат это объект, который характерно отличается от других объектов. Во втором случае человек не может осуществлять цветовые различия, ему не хватает собственного чувственного опыта, но он правильно употребляет слова для обозначения цветов, хотя и не видит «красное». Его восприятие является немного искаженным, отходящим от нормы, поэтому часть суждений выносится вне его опыта другими людьми. Не видя красного «как такового», этот человек может оказаться «настолько умелым в использовании всякого рода световых намеков, что он правильно употребляет слова для обозначения цветов и даже различает цвета светофора без ошибки» [10, с. 188]. И, наконец, в последнем случае, касающемся «слепого от рождения», Д. Фишер делает вывод о том, что этот слепой не знает, что значит быть красным, и не может судить об этом. Иными словами, люди, у которых отсутствует непосредственный чувственный опыт, не способны выносить самостоятельные эстетические суждения, основанные на норме вкуса. Вынося свои суждения, они открывают эстетическую ценность произведения не с помощью непосредственного опыта, не благодаря эстетическому наслаждению от объекта, не от на-

личия эстетического отношения, а лишь «благодаря подключению к тому, что не познается и не ощущается сразу, то есть благодаря усилию, совершенно не похожему на попытку слепого, использующего нехроматические ключи, чтобы отличить спелые томаты от неспелых, одно от другого» [10, с. 189]. Таким образом, согласно принципам перцептуализма эстетическое как таковое существует только в чувственном восприятии.

Противоположный полюс перцепции и имажинации представлен в трудах французского экзистенциалиста Жана-Поля Сартра. Главный принцип эстетики Ж.-П. Сартра состоит в том, что «реальное никогда не бывает прекрасно» [11, с. 316], и, соответственно, любое произведение искусства есть «нечто ирреальное». Реальное, как таковое, не является объектом эстетических оценок, в частности, Ж.-П. Сартр уточняет: «То, что действительно реально ... так это оставленные кистью следы, пастозность полотна, его шероховатость, нанесенный поверх красок лак и т.д. Но все это как раз не является объектом эстетических оценок» [11, с. 310]. Иначе говоря, картина представляет собой материальную вещь, в которой проявляется ирреальное, т.е. изображенный на ней (картине) объект: ««прекрасное» нельзя осветить, к примеру, направляя на холст луч света: при этом освещается холст, а не само прекрасное» [11, с. 310]. Таким образом, художник, согласно французскому мыслителю, не реализует (на холсте ли, в звукосочетаниях ли) свой «ментальный образ», а создает «материальный аналог» при рассмотрении которого каждый может схватить этот образ. Таким образом, концепция нормы вкуса Ж.-П. Сартра строится на понятии имажинации, обозначающем способность воображения, для которого «реальное никогда не бывает

прекрасно» [11, с. 316], а стало быть, и сами объекты эстетического опыта никогда не могут быть даны чувственно.

Рассмотренные нами дилеммы не являются тождественными. Это — не концептуальные противостояния, просто выраженные в разных эстетических словарях. Вполне очевидно, что субъективное не обязательно должно быть приватным, а объективное — публичным, равно как и перцептуальное — не значит объективное, а имагинативное — субъективное. Невозможность редуцировать эти три дилеммы к какой-либо одной из них делает поле современной эстетики многомерным и крайне противоречивым, позволяя говорить о том, что в рассуждениях о норме вкуса и спорах вокруг этого понятия на самом деле присутствует неустранимая двусмысленность, поскольку каждый из полюсов дилеммы предлагает собственную крайне узкую перспективу в отношении природы эстетического опыта. Современное проблемное поле эстетики, таким образом, структурируется тремя дилеммами (эстетическими антиномиями), каждая из которых представляет собственное измерение в вопросах анализа понятия вкуса (Рис. 1.). Проецируя все эти измерения — объективное/субъективное, приватное/публичное, перцепция/имагинация — в рамках общей конструкции, мы получаем возможность зафиксировать различные комбинации из составляющих эти дилеммы полюсов, используя их затем при описании некоторой конкретной нормы вкуса, которой обладает тот или иной субъект.

В зависимости от того какие полюса дилеммы выбирает для себя субъект и формируется его фактическая

норма вкуса. Например, субъект может рассматриваться нами как «художник», если в основе его вкуса находится приватное, субъективное и имагинация; или мы можем говорить о нем как о «ценителе», если в основе его нормы вкуса лежит публичное, объективное и перцепция; либо как о «знатоке», если его вкус основан на приватности, объективности и перцепции; и даже — как «потребителе», если его вкус опирается на публичное, субъективное и имагинацию. Более того, возможность существования таких фигур, как «художник», «знаток», «ценитель», «потребитель», отнюдь не ограничивает весь спектр возможных норм вкуса. Поле современной эстетики позволяет выявить и другие конфигурации дилеммических полюсов. Это лишний раз показывает, что поле современной эстетики многомерно и противоречно, его невозможно редуцировать к одной из составляющих его плоскостей, или же строить на одном основании.

Карл Маркс отмечал, что любая классификация есть ограничение и выхолащивание богатства реального мира. В этом смысле может казаться, что предложенная нами модель поля современной эстетики охватывает не все возможные аспекты художественного процесса и эстетического опыта. Однако, с другой стороны, все тот же К. Маркс справедливо говорил о том, что классификация есть путеводная «нить Ариадны», без которой невозможно разобраться в запутанных лабиринтах реальности, тем более — реальности Мира Искусства, сочетающего в себе как процессы художественного творчества, так и эстетические ситуации восприятия публикой произведений искусства.

ЛИТЕРАТУРА

6. 1. Темерева Е. В. Идея «Прекрасного» и проблема нормы вкуса в философии Античности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, Выпуск. 3. С. 283–287.
7. 2. Платон. Федр // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: «Мысль», 1993. С. 135–191.
8. 3. Платон. Пир // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: «Мысль», 1993. С. 81–134. С. 90.
9. 4. Татаркевич В. Античная эстетика. М.: Искусство, 1977. 327с.
10. 5. Кант И. Критика суждения вкуса // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 1966. С. 161–527.
11. 6. Темерева Е. В. Роль И. Канта в становлении эстетики как философской науки // Россия и мировые тенденции развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 15–16 мая 2015 г.). / Ответственный редактор: П. Г. Макухин. Омск: Омский государственный технический университет, 2015. С. 160–167.
12. 7. Юм Д. О норме вкуса // Юм Д. Сочинения: В 2 т. Т. 2. 2-е изд., дополн. и испр. М.: Мысль, 1996. С. 622–642.
13. 8. Дземидок Б. Эстетический перцептуализм — эмпирическое направление в американской аналитической философии искусства // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология. Екатеринбург: Деловая книга, 1997. С. 127–131.
14. 9. Бердсли М. Эстетическая точка зрения // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология. Екатеринбург: Деловая книга, 1997. С. 155–180.
15. 10. Фишер Дж. Оценивание без наслаждения // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология. Екатеринбург: Деловая книга, 1997. С. 181–190.
16. 11. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. СПб.: Наука, 2001. 319 с.

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОПРОСА О СИСТЕМЕ СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ ШЕЛЛИНГА

METAPHYSICAL MEASUREMENT OF THE QUESTION OF THE SYSTEM OF FREEDOM IN SCHELLING'S PHILOSOPHY

T. Torubarova

Summary. Analysis of freedom as a leading metaphysical problem in the philosophy of Schelling is carried out. It is established that in the context of metaphysical consideration the key is the question of the system of freedom, which is inseparable from the understanding of being as such. The question of the essence of being is the question of the possibility and reality of evil, where it is a question of the foundation of everything. In this connection, the essence of the concept of identity is revealed, the connection between ontology and theology is shown, which allows us to speak about the relativeological nature of understanding of being and the true system of freedom.

Keywords: being, system of freedom, identity, evil, metaphysics.

Торубарова Татьяна Викторовна

*Д.ф.н., профессор, Московский государственный
технический университет им. Н.Э. Баумана
ttorubarova@rambler.ru*

Аннотация. Осуществлен анализ свободы как ведущей метафизической проблемы в философии Шеллинга. Установлено, что в контексте метафизического рассмотрения ключевым оказывается вопрос о системе свободы, который неотделим от понимания бытия как такового. Вопрос о сущности бытия оказывается вопросом о возможности и реальности зла, где речь идет об основании всего сущего. В этой связи раскрывается суть понятия тождества, показана связь онтологии и теологии, позволяющая говорить об отнолеогическом характере понимания бытия и подлинной системе свободы.

Ключевые слова: бытие, система свободы, тождество, зло, метафизика.

Проблема свободы является фундаментальной в классическом немецком идеализме. И. Кант впервые радикально связал проблему свободы с ключевыми проблемами метафизики. Выполнив фундаментальную рефлексию над разумом, Кант ставит вопрос о возможности системы. Идея системы после Канта становится ключевым элементом в создании метафизики абсолютного субъекта. Фихте стремился превратить философию в систему абсолютного знания. Для Шеллинга вопрос о возможности системы свободы оказывается уже неизбежным. То есть вопрос о совместимости системы и свободы получает внутреннее напряжение и импульс для своего последующего развития в контексте исторического преломления. Более того, вопрос связи свободы с тотальностью мира как такового является изначальным требованием к философии в общем и в целом, скрытым ее основанием. Этот вопрос в своей основе является условием самой философии, открытым противоречием, в котором она пребывает и которое осуществляет [9]. Философия, как высшее воление духа, обременено самотранцендированием; она всегда предполагает выход к границам всего сущего, которые она преодолевает через вопрошание о бытии как таковом. Философия внутренне оказывается борьбой между необходимостью и свободой. И она всегда будет воспроизводить эту борьбу, поскольку философии принадлежит высшее познание как стремление знать себя.

Философия возникает из фундаментального закона, присущего самому бытию. «... это бытие смысла внутри существ, способных выполнить смысл» [1, С. 22]. Мы не просто философствуем о том, что есть необходимость и что есть свобода; мы философствуем, вовлекаясь в объединяющее столкновение необходимости и свободы. Шеллинг пишет, что «установление связи между понятием свободы и мировоззрением в целом всегда останется необходимой задачей, без решения которой само понятие свободы останется неопределенным, а философия — лишенной какой бы то ни было ценности. Ибо только эта великая задача есть неосознанная и невидимая движущая сила всякого стремления к познанию...; без противоречия между необходимостью и свободой не только философия, но и вообще всякое высшее воление духа было бы обречено на гибель... Отказ же от этой задачи посредством отречения от разума больше похоже не бегство, чем на победу. Ведь с таким же успехом можно было бы отказаться от свободы, обратившись к разуму необходимости — как в том, так и в другом случае не было бы основания для триумфа» [8, С. 90].

Противоположность системы и свободы Шеллинг рассматривает в версии «противоречия необходимости и свободы». «Настало время, — пишет он, — для выявления высшей или, скорее, подлинной противоположности — противоположности между необходимостью и свободой, рассмотрение которой только и вводит

в глубочайшее средоточие философии» [8, С. 86]. Эти размышления Шеллинга характеризуют историю вопроса о свободе в размышлениях Р. Декарта до немецкого идеализма. Длительное время свобода считалась привилегией только духа, а в природе она не имела места вообще. В этом плане свобода становится характеристикой противоположности между природой и духом. Эта противоположность устанавливается Декартом как противоположность механической природы и мышления, противоположность *res extensa* и *res cogitans*. В природе нет ничего от духа и разума, поскольку она есть всего лишь сфера движения точечных масс. Но сам дух есть «я», как *ego cogito* и как «я-субъекта». Теперь свобода явно входит в сферу сознания, в силу чего свобода есть определение духа как *ego cogito*. «Свобода есть то же, что разумная самостоятельность, а желать значит приводить в исполнение то, что воспринято разумом через доводы» [3, С. 65]. В природе, которая понимается как механизм, функционирующий по своим непреложным законам, свобода имеет то, что является для нее чуждым, совершенно для нее иным. Поэтому и в философии Канта вопрос о свободе все еще формируется как противоположность природы и свободы. Как отмечает Ю. В. Перов в очерках по истории классического немецкого идеализма: «Принципиальный дуализм «природы» и «свободы» принадлежит к самым фундаментальным положениям философии Канта» [2, С. 229]. Правда, можно было бы здесь отметить, говоря о традиции новоевропейского философствования, что в философии Лейбница природа вовсе не постигается как совершенно лишённая разума протяженность, как нечто сугубо механическое. Однако и Лейбниц в значительной мере сохраняет противоположность природы и свободы.

Наступило время, говорит Шеллинг, для понимания «высшей» и подлинной противоположности между необходимостью и свободой, которая есть в то же время «глубочайшее средоточие философии». Что означает «высшая противоположность»? Противоположность не есть только различие, то есть необходимость заменяет природу. Здесь не просто различие, а противопоставление: свобода есть такое различное, которое постигается не менее изначально, чем необходимость. Устраняется основа противоположности природы и основы. Это означает, что природа отныне не есть нечто абсолютно неодухотворенное, а свобода не есть нечто абсолютно вне-природное, не есть простая «яйность» или просто «я могу». Природа становится одухотворяемой, а дух обретает природоподобие. Прежняя противоположность размывается, но та противоположность, в которую входит свобода, становится теперь более глубокой и сущностной. Речь теперь идет не просто о свободе человека в его противостоянии природе. Мысль сначала движется в стремлении продемонстрировать, что свобода человека заключается в его независимости

от природы. Но более существенная и трудная задача — это понять внутреннюю независимость человека от Бога. Противоположность, в которой движется теперь свобода, поднимается с уровня природы в ее традиционном смысле до сферы соотношения человека и Бога. Основа сущего в целом есть безусловное, но рассматриваемая со стороны всего сущего, она есть высшая необходимость. Тем самым, преобразуется и вопрос о системе, который ранее ставился в рамках противоположности между природой и свободой. И наряду с Кантом философия все еще разделяла себя на метафизику природы и метафизику (свободы) морали. Свобода обсуждалась только в сфере практического разума и как нечто теоретически непостижимое. Важно теперь показать, что свобода правит во всех сферах сущего, но это ведет к уникальному кризису в самом человеческом бытии. Вопрос о системе теперь получает свою определенность в ориентации на противоположность необходимости и свободы, с которой связан вопрос о человеческой свободе в противоположность основанию всего сущего в общем, т.е. Богу. Возникает вопрос о теизме в самом широком смысле, вопрос о тотальности мира и Боге.

Если мы стремимся получить полное и живое понятие человеческой свободы, тогда неизбежным становится вопрос о внутренней возможности и реальности зла. «Дело в том, — пишет Шеллинг, — что идеализм дает, с одной стороны, только самое общее, с другой — только формальное понятие свободы. Реальное же и живое понятие свободы заключается в том, что она есть способность к добру и злу.

В этом наибольшая трудность всего учения о свободе, ощущавшаяся с давних пор и присущая не только той или иной системе, но и в большей или меньшей степени всем» [8, С. 102–103]. Система свободы призвана ответить на фундаментальный вопрос о сущности бытия, коль скоро речь идет о мысли как таковой. Метафизика зла есть основание вопроса о бытии, который пытается выяснить основание системы, призванной быть системой свободы. Выясняется, соответственно, метафизика как основание метафизики. Уже Кант говорит о метафизике метафизики, и для него это есть критика чистого разума; для Шеллинга — это метафизика зла.

Сущностью бытия является тождество. Что же Шеллинг понимает под понятием тождества? «Здесь важно отметить следующее. Во-первых, под высшим понятием тождества необходимо понимать не простую одинаковость, но совместимость того, что есть различное в едином, составляющем возможности того, что полагается различным. И, во-вторых, тождество субъекта и предиката имплицитно смысловую значимость понятия «есть». «Есть» не может быть истолковано как простая одинаковость, поскольку субъект не есть то же самое, что и пре-

дикат, но нечто отличное. Именно это отличие призвано быть отношением, где субъект и предикат совместимы, т.е. тождественны в высшем и подлинном смысле. «Есть» оказывается фундаментальной связью между основанием, сущим как целым и всем сущим. В то же время «есть» как член высказывания становится местом рождения истины. Речь идет о бытии, понятием в соответствии с осуществленной рефлексией по поводу закона тождества, закона тождества в его высшем применении. Такое понимание тождества позволяет мыслить вещи конкретно, в высшем единстве их полной природы» [5, С. 231–232]. Тождество есть единство, принадлежащее совместному всего того, что различно. Ведь разделение различного не постигается просто как различие в смысле традиционной логики, которая отвлекается от самого события разделения. Вопрос о сущности Бытия как вопрос о возможности и реальности зла, согласно Шеллингу, должен следовать этому движению от разделения до высшей связи и совместности. Но это следование уже само по себе, свидетельствует о преобразовании мышления и вопрошания. Это внутреннее преобразование осуществляется в действии самого мышления.

В философии природы Шеллинга, в его трактате «Изложение моей философской системы» (1801) впервые изложена система тождества, в которой сохраняется независимость природы и самость духа, но то и другое в конечном счете мыслится в их совместности в высшем единстве. Противоположность Природы и Духа нередко понимается как противоположность реального и идеального. Идеальное — это определяемое представлением в смысле эксплицитного «Я представляю», в смысле «интеллигенции», а реальное есть вещеподобное. Онтологический принцип системы тождества таков: все сущее есть постольку, поскольку оно выражает абсолютное тождество в определенной форме бытия. «Абсолютное тождество есть только в форме положения $A=A$, или эта форма положена непосредственно его бытием» [7, С. 43]. Индивидуальные формы и стадии бытия Шеллинг называет «потенциями». Но только в трактате о свободе Шеллинг артикулирует это различие. Он говорит, что изначальная природа бытия есть воля. «...в последней, высшей инстанции нет иного бытия, кроме воления. Воление есть прабывие» [8, С. 101]. Тогда это различие должно быть заключено в природе самой воли, если воле прежде всего принадлежит сущностное определение бытия. С пониманием бытия-как-воли осуществляется новая тематизация мира. Различие между основанием и существованием имеет место сначала в Боге. Важно выяснить смысл этого различия, который ведет в вопросу: что есть Бог? Шеллинг сохраняет общее определение природы Бога как *causa sui*, причины самого себя, как основы своего существования. Но тогда различие должно иметь нечто общее. А в силу этого под основанием понимается, как правило, только понятие, т.е. не имеется

в виду вообще фактическая природа того, что называется основанием. Когда говорится об основании, тогда предполагается и вопрос о том, откуда исходит существование Бога, в вот это откуда как раз и есть сам Бог. И Шеллинг ставит вопрос о том, как Бог приходит к самому себе, причем не как понятийная мысль, а как жизнь самой жизни. Однако, таким образом, есть только становящийся Бог. Если Бог существует, то величайшее и наиболее трудное в Боге должно быть становление, которое должно иметь свою наиболее предельную сферу между «откуда» и «куда». Но в то же время «откуда» Бога и «куда» это основа может быть только в Боге и может быть только как сам Бог — Бытие.

Существование не означает здесь объективное присутствие, но имеет смысл *ex-sisto*, восхождение-из-себя и само себя раскрывающее. Речь идет о сущем, раскрывающем себя и идущим к самому себе в становлении, и только таким образом, случается событие бытия-в-себе и с самим собой. Бог как существующий, т.е. существующий Бог, в самом по себе есть Бог исторический. Существование, согласно Шеллингу, всегда означает сущее постольку, поскольку оно есть основание самого себя. Ведь оно может быть сознанием самого себя, что из самого себя исходит и в определенном плане есть всегда вне себя. Только то, что исходит из самого себя, и что принимает на себя сущее вне себя, только это и есть сознание самого себя, которое имеет внутреннюю историю «освобождения» своего бытия, и оно, соответственно, есть «абсолютное». Как существующий, Бог есть абсолютный Бог, сам по себе Бог. Бог «есть» еще не-Бог, если он рассматривается как основание своего существования; он еще не есть подлинно как сам по себе. Бог все еще «есть» свое основание, хотя оно есть нечто отличимое от Бога, но все еще не «вне» Бога. Основание в Боге есть то, что Бог не подлинно «есть» сам по себе, но скорее есть основание, которое Шеллинг называет «природой» Бога. Вот его решающее положение: «Поскольку до Бога или вне Бога нет ничего, то основа его существования должна быть в нем самом. Это утверждают все философы: однако они говорят об этой основе только как о понятии, не превращая ее во что-то реальное и действительное. Эта основа существования Бога, которую Бог содержит в себе, не есть Бог в абсолютном рассмотрении, т.е. поскольку он существует, ибо это ведь только основа его существования. Она есть *природа* в Боге, неотделимая от него, но все-таки отличная от него сущность» [8, С. 107].

Уже здесь проясняется тождество как принадлежащее совместному, в котором возникает то, что затем разделилось, но уже в высшем единстве. Основа и существование не есть два конституэнта, слагаемых вместе в Боге. Основание и существование суть ключевые термины для сущностных законов становления Бо-

жественного в его бытии как Бога. И «есть», как общее выражение бытия Бога, следует понимать «диалектически». Если природа человеческой свободы постигается как свобода к добру и злу, то важно понять зло в самой системе свободы. Вовсе речь не идет о понятиях добра и зла, имеющих, соответственно, негативное и положительное содержание. Шеллинг мыслит не просто понятиями; он мыслит силами и с позиций воли, которая полагается как праоснова бытия. Он мыслит, исходя из столкновения сил, которые невозможно умиротворить техникой оперирования понятиями. Если зло не есть абсолютное ничто, то оно должно иметь непосредственную причастность к бытию. Шеллинг говорит, что бытию принадлежит основание и существование. Основание в смысле того, что дает основу, опору, а не в смысле логического положения, которое имеет свои следствия. И существование в смысле восхождения из себя и раскрытия самого себя. Бытие приходит к себе в существовании и как существование. Существование или сущее, которое есть само по себе то, что оно есть. Но быть самим — это означает так же быть «Я», я как субъект. Под существованием Шеллинг понимает всегда и «субъект» существования.

В греческой мысли *υποκειμενον* — это под-лежащее, основа и основание; в латинском языке это есть *subjectum*, который после Декарта есть «Я». А Шеллинг противопоставляет *υποκειμενον* и *subjectum*, т.е. основу и Я. Но это не простое, не тривиальное различие, а различие в «тождественности». Философия тождества бытия и мышления осуществляет следующие основанные различия: Природа и Дух, не-Я и Я, реальное — идеальное, объект и субъект, вещь и разум, основание и существование, Бытие и сущее. Длительное время Бог понимался как *causa sui*. В метафизической концепции Шеллинга основание в Боге и сам Бог разделяются, и как разделяемые они принадлежат друг другу. Основание в Боге есть то, что сам по себе Бог еще не есть, а также и то, что вне Бога еще ничего не есть. Основание «есть» природа в Боге. И Бог как основание производит присутствие в способе природы и позволяет конституировать то, что собственно и есть бытие Бога. Ведь «природа в целом есть все, что находится по ту сторону абсолютного бытия абсолютного тождества...» [8, С. 107]. «Бог содержит в себе внутреннюю основу своего существования, которая тем самым предшествует ему как существующему...» [8, С. 108]. «Природа» здесь означает метафизическое понимание всего сущему в общем; она есть основание всего сущего, имеющего всегда производный характер. Постигание бытия завершается возвращением к Богу. Смутным остается «природа», а также и «существование» Бога. Станным является так же возвращение онтологического рассмотрения к теологическому. Поэтому, важно возвратиться к изначальной мысли о Боге.

Бытие Бога есть становление в смысле движения к самому себе и исхождения из самого себя. И здесь возникают две основные трудности: 1. Становление относится к конечному, поэтому становящийся Бог не есть Бог вообще. 2. Если Бог становится в своем существовании из своего основания, (а сначала полагает само это основание), коль скоро он отличает себя от него, то из этой основы тоже производится сущее и т.д. Возникает круг, а это для мысли есть противоречие, которое разрушает всякую возможность осмысления. По своему формальному смыслу «становление» есть переход от не-еще-сущее к сущему как таковому. Здесь «не» есть лишенность, недостаток, а значит конечное, которое устанавливается в становлении и как установление. Но то, что становится в этом становлении, уже есть в основе, становление не есть устранение основания, но то, что входит в существование, и тем самым позволяет основе быть его основанием. Становление включается в сущностную полноту бытия Бога как неустранимый конституэнт его бытия. Мы привыкли «измерять» каждый процесс и всякое становление временем. Но становление Бога как основания к существованию самого Бога не может быть представлено во времени в его обычном понимании. Ведь бытие Бога вне времени вообще. Что тогда означает «вечность» и как она может быть постигнута в понятии? Как отмечает М. Хайдеггер: «...понятие вечности не следует понимать негативно как абстракцию времени — в том смысле, что вечность существует как бы вне времени; и тем более не следует думать, что вечность идет *после* времени; тогда вечность стала бы будущим, каким-то моментом времени» [6, С. 269–270].

Становление Бога не может быть множимо в разделении последовательности обычного времени. В этом становлении все «есть» просто «одновременное». Вовсе не в том суть, что прошлое и будущее преобразуется в непрерывный континуум настоящего. Скорее, изначальная одновременность заключается в том факте, что прошлое и настоящее образуют совместно друг с другом сущностную полноту самого времени.

Для здравого смысла становление Бога как вечного — это противоречие, поскольку для него речь идет о преобладании изначального бытия. Но в таком становлении нет ни первого, ни последнего, так как все есть сразу. Но это «сразу» не следует понимать как противоречие в обычном «теперь», но как единственную уникальность неисчерпаемой полноты самого процесса образующего время. Основание или то, что предшествует, не должно быть высшим или превосходящим, так как и то, что следует, может быть так же превосходящим. Основа и существование необходимо постигать в единстве изначального временного процесса. Основание и существование принадлежит совместному, и это обстоятельство впервые создает возможность их разделения

и несогласия, которые устраиваются только в высшем единстве. Основание и существование — это два измерения, которые восходят в сущности и в установлении бытия сущего. Первое есть измерение изначального становления заключенного во времени; второе — это измерение самовосхождения, установление самости как таковой. Эти измерения принадлежат внутренней сущности бытия, если эта сущность не редуцируется к объективному присутствию вещей как единственных критериев определения бытия. В сущностной связи основания и существования раскрывается онтологическое конституирование зла. Бог не есть «причина зла», но в Боге зло основывается. Шеллинг пишет: «Бог содержит в себе внутреннюю основу своего существования, которая тем самым предшествует ему как существенно-му; однако вместе с тем Бог есть prius основы, поскольку основа и в качестве таковой не могла бы быть, если бы Бог не существовал actu» [8, С. 108].

Взаимное отношение основы и существования можно пояснить, говорит Шеллинг, «аналогией с отношением между силой тяжести и светом в природе» [8, С. 107]. «Тяжесть» соответствует основе, а «свет» существованию; и принадлежат они сфере «природы». Тяжесть есть то, что обременяет, притягивает и сжимает, стягивает; она есть то, что удаляет. А свет — это всегда освещение; освещение того, что спутывается и переплетается, что скрывается и затемняется. Свету предшествует то, что должно быть освещено, как его основание, из которого он восходит, чтобы быть светом. Ссылка на отношение тяжести и света не есть лишь живописный образ. Это есть тождественные в сущности бытия две его стадии, различные лишь в его потенции.

Как известно, тьма и свет, ночь и день воспринимались как сущностные силы в человеческом размышлении о сущем, а не только как образы. Свет есть условие видения в нашем подходе к вещам и получает определяющий характер при интерпретации знания и познания в общем. Естественный свет разума (*lumen naturale*) есть такого рода освещение, в котором вещи раскрывают себя человеку. Различие основания и существования в природе Бога дополняется следующим рассуждением: «К такому же различению приводит нас отправляющееся от вещей рассуждение» [8, С. 108]. Неверно полагать суть проблемы так, что вещи в смысле уже сущих есть как-то в Боге. Бытие-в-Боге определяется из природы божественного бытия, так как Бог есть все. Значит, согласно Шеллингу, процесс рассмотрения вещей в их собственном бытии — не в том заключается, чтобы рассматривать вещи сами по себе, но скорее в том, чтобы ставить вопрос об их отношении к Богу. Отсюда неожиданно проистекает метафизический проект процесса творения мира; творения не из ничего, но из природы божественного бытия, коль скоро речь идет о пантеиз-

ме. Но пантеистическая система Б. Спинозы не может быть здесь ведущим ориентиром в преломлении основной сюжетной линии. «В спинозизме ... представлен пример недостаточно последовательного пантеизма» [4, С. 282]. Ошибка Б. Спинозы, по мнению Шеллинга, в том заключалась, что существующее в Боге он полагал как нечто вещеподобное, имеющее телесный характер. Мы можем говорить о бытии-вещей-в-Боге, если не определяем изначальную вещьность вещей только в терминах их телесности. Но даже когда мы понимаем эту вещьность в смысле «высшего реализма», то и в этом случае доктрина имманентности порождает множество трудностей, которые вынуждают Шеллинга отставить понятие имманентности. Это понятие ведет к идее вещей, как уже готовых и поэтому пребывающих в Боге безжизненно. Коль скоро речь идет о природе Бога, то бытие вещей следует понимать как становление. Если вещи имеют свое бытие в природе Бога, то они тогда богоподобны, и бытие их может быть понято только как становление. Но природа творимых вещей не тождественна с Богом. Она отличается от него в бесконечном плане. Так как существующий Бог есть чисто Он Сам, т.е. «Я есмь сущий» (*Яхве*), то вещи не могут становиться непосредственно в Боге. Они богоподобны и могут становиться в Боге, только если они становятся в том, что в Боге есть не Он Сам. А это как раз и есть основание в Боге, в коем возникающие из него вещи собственно есть.

Таким образом, Бог, поскольку Он Сам не есть, так как Он есть *causa sui* и основание самого себя; как подлинно порождающий Бог, пребывающий полностью в своем основании, Бог в этом моменте еще не явился из себя самому себе. Это «ещё-не», которое относится к основанию, сохраняется и после того, как Бог стал существующим. Ведь речь идет о вечном становлении. В Боге сохраняется вечное прошлое его самого в своем основании, поэтому «позже» и «раньше» понимаются здесь в смысле вечности. Здесь налицо преемственность мышления, сохранение традиции, которая восходит к Мейстеру Экхарту и развивается Якобом Бёме. Однако Шеллинг достаточно ясно говорит о порождающем Боге в его вечном прошлом и о том, как он может приходить и как он приходит в нынешний мир. Важно, чтобы божественное бытие или основание в самом Боге было бы «человечески ближе к нам». Шеллинг выражает мысль, которая имеет длительную историю, а именно: бытие в общем и весь проект божественного бытия завершается человеком, так как Бог есть только самая возвышенная форма человека.

Снова возникает вопрос о единении всего сущего как надлежащей целостности, и это есть так же вопрос о возможности системы свободы. Система свободы должна включать в себя тотальность бытия, тотальность истины бытия [10]. Исходя из этого, необходимо выяс-

нить возможность построения системы, когда на первый план выдвигается вопрос: не должна ли сама свобода быть центром системы в общем? Не ведет ли этот вопрос в своем внутреннем движении к отрицанию системы? Если же система сохраняется, то возможна ли вообще система свободы внутренне? Если мы говорим, что человеческая свобода есть факт, то концептуальное определение этого факта зависимо от обоснования понятия в терминах системы. Возникает следующая дилемма: если сохраняется система, тогда должна быть отброшена свобода; если же сохраняется свобода, тогда следует отказаться от системы. В первом случае важно выяснить само понятие свободы. Касательно второй трудности Шеллинг пишет: «Это мнение может сводиться и к тому, что понятие системы вообще и само по себе противоречит понятию свободы; тогда как же можно допустить — поскольку индивидуальная свобода все-таки тем или иным способом связана с мирозданием в целом (независимо от того, мыслится ли оно реалистически или идеалистически) — существование какой-либо системы, хот бы только в божественном разуме, системы, наряду с которой существует и свобода» [8, С. 89].

Эта трудность исходит из понятия системы. При некоторых обстоятельствах, говорит Шеллинг, можно было бы отказаться от системы, но не от свободы и ее фактичности. Но ведь система сама необходимо полагается признанием факта человеческой свободы. Если реально существует свобода индивидуального, то это означает, что она в некотором плане существует вместе

с тотальностью мира. И только это экзистенциальное существование (*ούτῶς*) есть то, что означает понятие системы. Если есть индивидуально сущее, то должна быть и система. Ведь индивидуальное для себя существование есть то, что отличает себя от чего-то еще и, тем самым, наряду с собой полагает так же иное. Тут важно отметить нечто фундаментальное, а именно: если имеется вообще нечто для себя существующее, то должна существовать некоторая система.

Таким образом, невозможно отрицать систему «в общем и в себе», коль скоро полагается многообразие сущего вообще. Где имеется множественность сущего, там есть совмещение и объединение. Так как мы понимаем бытие вообще, мы тем самым подразумеваем нечто подобное объединению и совмещению. Если невозможно отрицать систему как таковую, если она принадлежит природе самого сущего во всем его разнообразии, то она должна быть, по крайней мере, присутствующей, поскольку система есть прежде всего в основе бытия, в Боге как первичном сущем. Когда Шеллинг говорит об изначальном бытии и божественном разуме, то здесь важно иметь в виду понимание теологии, возникающее сначала в философии, поскольку сам вопрос о свободе осмысливается в сфере изначальной теологии Бытия. Здесь теология означает вопрошание всего сущего в целом. Это теологический вопрос, коль скоро это вопрос о сущности бытия в целом. Но, так же, это и онтологический вопрос, поэтому метафизическое измерение самого вопроса о системе свободы обретает онто-теологическое измерение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. Москва: «Прогресс», 1992. — 416 с.
2. Перов Ю. В. Кант о способности суждения в контексте природы и свободы, сущего и должного // Ю. В. Перов, К. А. Сергеев, Я. А. Слинин. Очерки истории классического немецкого идеализма. СПб.: «Наука». — 2000. — С. 207–267.
3. Сретенский Н. Н. Лейбниц и Декарт. Критика Лейбницем общих начал философии Декарта. СПб.: Наука, 2007. — 183 с.
4. Толстенко А. М. Европейская метафизика: от бытия-как-природы к бытию-как-истории. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2011. — 383 с.
5. Торубарова Т. В. О сущности человеческой свободы в немецком классическом идеализме. -СПб.: Наука, 1999. — 259 с.
6. Хайдеггер М. Немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) и философская проблематика современности. Пер. с нем. А. П. Шурбелёва. — СПб.: Владимир Даль, 2016. — 496 с.
7. Шеллинг Ф. В. Й. Изложение моей системы философии. СПб.: Наука, 2014. — 263 с.
8. Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах. // Соч.: В 2 т. М.: «Мысль», 1989. — Т. 2. — С. 86–159.
9. Heidegger M. Die Metaphysik des deutschen Idealismus. (Schelling). Gesamtausgabe. 2. Abt. Vorlesungen 1919–1944. Bd. 49. Frankfurt/M., 1991. — 209 S.
10. Heidegger M. Schelling: Vom Wesen der Menschlichen Freiheit (1809) / GA. Bd. 42 Fr./M. 1988. — 298 S.

© Торубарова Татьяна Викторовна (torubarova@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AS FACTOR OF CHANGE OF COMMUNICATIVE SPACE OF MODERN SOCIETY

V. Chernikova

Summary. Information and communication technologies as a new trend and an integral part of sociocultural life of society have considerably exerted impact on change of modern communicative reality. It, in turn, promotes deformation of valuable reference points and behavioural reactions, decrease in civil liability of people before each other. The ICT priority — information enrichment — besides global positive influence on various spheres of activity of society, has rendered a number of negative consequences that already now it is possible to track. Participation of the personality in uniform community, collective identity not always exerts positive and justified impact therefore modernization and introduction of innovative values by means of ICT is impossible without transformation of the personality meeting the requirements of the present. Communicative space as the stable, functioning for the good system in itself it is positively functional, but in application to a particular it will quite often be transformed to negative implication.

Keywords: globalization, Internet communication, information and communication technologies, information reality, communication space, modern society.

Черникова Валентина Евгеньевна

*Д.ф.н., профессор, Северо-Кавказский федеральный университет
chervalen5@rambler.ru*

Аннотация. Информационно-коммуникационные технологии как новое веяние и неотъемлемая часть социокультурной жизни общества в значительной мере оказали влияние на изменение современной коммуникативной реальности. Это, в свою очередь, способствует деформации ценностных ориентиров и поведенческих реакций, снижению гражданской ответственности людей друг перед другом. Первоочередная задача ИКТ — информационное обогащение — помимо глобального позитивного влияния на различные сферы жизнедеятельности социума, оказала ряд негативных последствий, что уже сейчас возможно проследить. Причастность личности к единой общности, коллективной идентичности не всегда оказывает положительное и оправданное влияние, поэтому модернизация и внедрение инновационных ценностей посредством ИКТ невозможна без трансформации самой личности, отвечающей требованиям современности. Коммуникативное пространство как стабильная, функционирующая в благо система сама по себе положительно функциональна, но в применении к частности нередко преобразуется в негативный подтекст.

Ключевые слова: глобализация, интернет-коммуникация, информационно-коммуникационные технологии, информационная реальность, коммуникационное пространство, современное общество.

Современный ритм жизни, темпы роста информационных потоков и связанные с этим перегрузки все чаще заставляют задуматься над такими философскими категориями, как бренность бытия и взаимопонимание. Знаменитая фраза Экзюпери о простоте человеческого общения наполнена глубоким эмоциональным подтекстом «Счастье, это когда тебя понимают». Действительно, именно на информационном уровне человек способен удовлетворить такие свои потребности, как актуализации собственного существования, раскрытие и демонстрация талантов, самореализации в той или иной области научного познания, самосовершенствование. Такие категории как понимание, общение, чувства в совокупности его социальных, личностных, деловых, духовных измерений все дальше уходят с авансены современной жизни, теснимые информацией, интеракцией, глобализацией и, впоследствии, одиночеством. То есть генезис новых повседневных социальных прак-

тик, определяет когнитивные и поведенческие стратегии индивидов (Archer M. S.). В свою очередь информационно-коммуникационное пространство чувствительно ко всем изменениям, происходящим в социуме.

Следовательно, информацию необходимо рассматривать как гносеологическую категорию и метасредство интеллектуального освоения мира. [12].

Информационно-коммуникационные технологии — это совокупность методов, процессов и программно-технических средств, интегрированных с целью сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и использования информации [9].

Факторы — причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные его черты [2].

Коммуникативное пространство — совокупность сфер общения, в которых языковая личность может реализовать свое речевое намерение в соответствии с принятыми в данном социуме правилами и нормами общения [9].

Современное общество — организованное сообщество индивидов, живущих в настоящее время [8].

Исходя из приведенных выше понятий, мы предполагаем, что ИКТ является причиной и следствием перенесения сфер общения в кардинально диаметрально плоскости, изменения речевых намерений индивидов, переориентировки правил и норм общения, их деформации для живущих ныне сообществ. То есть, это новый подвид общества — информационное общество, где информация — это многоаспектное ядро, состоящее из целей, проблем, ситуаций, органично переплетающихся с технологиями ее переработки.

Каждому современнику знакомо такое понятие, как глобализация, что подразумевает под собой процесс формирования единого, тесно взаимосвязанного пространства, позволяющего мгновенно и достаточно верно передавать любого типа информацию, что довольно привлекательно для молодых поколений. Настоящее время диктует свои условия коммуникации, а именно — ежедневный контакт со всем миром через сеть Интернет. Такой способ коммуникации не обнаруживает рамок ни в плане временного использования, ни в области пространственного расположения, ни в компетенции определенного языкового ресурса, ни в специфике интеллектуального багажа коммуниканта. То есть, Интернет, как виртуальное поле, обладает не столь информационной функцией, сколь коммуникационной. В настоящее время можно смело называть виртуальные площадки социально значимой частью жизни людей, где устанавливаются свои коммуникативные жанры, правила и законы, внедряются штрафные санкции, происходит постоянное развитие, перерождение и новообразования в видовой типологии.

Наиболее явная трансформация форм коммуникации обусловлена процессом виртуализации общества — диалога без личного присутствия. Кастелье по этому поводу сказал: «Новые информационные технологии интегрируют мир в глобальных сетях инструментализма. Опосредованная компьютерами коммуникация породила обширное множество виртуальных сообществ» [6].

ИКТ, в наиболее широком понимании, это — методы и программно-технологические средства, которые позволяют в значительной мере снизить всю сложность процесса использования информации. Таковых три группы:

1. Сберегающие — технологии, которые призваны хранить данные.
2. Рационализирующие — автоматические системы поиска и заказов.
3. Творческие — технологии, которые с помощью которых человек включается в активную работу с информацией

ИКТ призваны экономить много времени, труд и материальную базу. Тема интернет-коммуникации нова и поэтому достаточно актуальны исследования, относящиеся к ней, которых накопилось достаточное количество. Здесь основной проблемой является отсутствие систематичности в классификации и определении понятий, а также стремительный темп устаревания информации.

Современное общество определяется как информационно развитое, широко применяющее ИКТ в различных сферах своего существования: начиная от образования и заканчивая производством. Такая необходимость обусловлена следующими факторами:

1. ИКТ ускоряет процесс передачи знаний, умений и накопленного социального опыта от поколения к поколению.
2. ИКТ улучшает качество обучения, способствует более быстрому освоению навыков.
3. ИКТ стимулирует более быструю и качественную адаптацию индивидов к социальным переменам.
4. ИКТ обуславливает эффективность обновления требований современного общества.
5. ИКТ — это дополнительные возможности для развития каждого человека, формирования его информационной компетентности.

Лингвистами выделены следующие черты интернет-коммуникации:

- ◆ Полифоничность: возможность в процессе общения объединить в себе огромное количество как типов дискурса, так и форм коммуникации.
- ◆ Гипертекстовость и интерактивность: смена или видоизменение порождения и восприятия текста, осуществление каждым участником собственной навигации при развертывании диалога [3].
- ◆ Анонимность и дистантность: ощущение свободы, раскованности, защищенности от внешнего контроля и общепринятых норм морали [5], что является притягательным фактором интернет-коммуникации, поскольку отмечено, что нередко людьми скрываются настоящее имя, возраст, социальный статус, а иногда и пол [1].

Негативной стороной последней черты является усиление девиантного коммуникативного поведения (спам, троллинг, флуд), поскольку практически до минимума сни-

жается ответственность участника коммуникации за свои проступки [4]. Отсюда расширение границ неправового поля — резкий скачок в сторону увеличения преступлений в сети Интернет и чаще экономического характера.

Но, есть и другая сторона, эти процессы, стимулирующие нарушение языковых норм, помогают устанавливать и поддерживать виртуальный контакт. Таким образом, можно говорить о виртуальном новаторстве, креативности и оригинальности коммуникантов, которое постоянно растет и развивается независимо от уровня языка, что и делает язык сети уникальным исследовательским объектом лингвистики. Хотя и выражается в отклонении от графических и грамматических языковых норм [3].

- ◆ Замещенный характер: недостаточность информации о виртуальном собеседнике стимулирует особое внимание к метатексту, который позволяет «достраивать» ее.
- ◆ Эмоциональная насыщенность: это компенсаторная функция, восполняющая отсутствие невербальных средств общения для передачи эмоциональных состояний виртуального собеседника. Есть несколько способов реализации этой функции, например, графические вербальные средства (заглавные буквы, повторения знаков пунктуации, смайлы), специальные программные графические средства, (графическое изображение — «эмотикон», добавляемое к любому текстовому сообщению или реплике).
- ◆ Добровольность и желательность контактов: каждый сам по своим интересам и желанию выбирает или блокирует нежелательного собеседника.
- ◆ Раскрепощенность и ненормативность: проявляется в виде оскорблений и нецензурных выражений [10].
- ◆ Своеобразии протекания процессов межличностного восприятия, например, стереотипизация и установка) [10].
- ◆ Стремление к атипичному поведению: появление сценариев ненормативного поведения [10].

Отличительным признаком интернет-коммуникации является общение в актуальной и виртуальной средах. Все это составляет дискурсивное пространство — набор коммуникативных единиц (коммуниканем), то есть законченных и незаконченных, больших и маленьких, диалогических и монологических, устных и письменных высказываний [7].

Виртуальный дискурс имеет две формы: активную (ведение блога, комментирование или участие в онлайн общении) и пассивную (скачивание файлов, просмотр сайтов, чтение сетевой литературы (сетевой литературы)). Цель пассивного коммуниканта — получение информации,

а активного — обмен информацией, создание и поддержание контактов, повышение личного рейтинга, развлечение. Как правило, активный собеседник преследует сразу несколько целей, вступая в процесс интернет-общения, среди которых одна является прямой, а остальные — косвенными [11, с. 140].

Привлекательные стороны активного внедрения в жизнь ИКТ — это свобода верификации и идентификации, но, вытекаемые из этого последствия, как например, виртуальное имя, виртуальный статус, виртуальные достоинства, не всегда носят конструктивный характер. Отмечены случаи потери реальности индивидом и полный «уход» в свою виртуальную личность, имеющую собственный виртуальный психотип, виртуальное тело и виртуальные привычки. Естественно, такого рода случаи вполне закономерны, ведь согласно закону замещения — «вытесняемое всегда заменяется». Острой проблемой, привнесенной в нашу жизнь информационно-коммуникационными технологиями, является неготовность части населения адекватно воспринимать виртуальное пространство, работать в нем, использовать по назначению. Это приводит к переизбытку информационной составляющей, появлению необоснованной и неверной информации, часто бесполезной для пользователей, а иногда, даже, способной навредить. Специалистами-исследователями такого рода информация называется «шумом». Распространение негативной информации и безнаказанность — «болезнь» информационного общества.

Подводя итог, отметим, что интернет-коммуникация — это часть жизни современных людей, внедренная с середины 90-х годов XX века и находящаяся в активной фазе развития, где каждый ее пользователь является потенциальным создателем. И, несмотря на довольно большое количество выявленных негативных сторон, все же, ИКТ имеет обширное поле плюсов.

Активное внедрение ИКТ в жизненно важные сферы деятельности человека непременно приводит к дифференцированию, интегрированию и перепрофилированию информационных потоков, формированию субъективной позиции индивида на основе освоения знаний ИКТ, успешному проектированию достижений в профессиональных компетенциях.

Глобализация информационного пространства стремительно и значительно расширяет границы, что позволит объединит интеллектуальные ресурсы человечества, создать обширную базу данных, повысить правовую компетентность индивидов, демократизировать государства, способствовать реализации права на свободу слова. А это оказывает непосредственное содействие развитию и совершенствованию информационного взаимодействия в современном обществе [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева, Ю. Д. Интернет: воздействие на личность [Текст] / Ю. Д. Бабаева, А. Е. Войскунский, О. В. Смылова. — Гуманитарные исследования в Интернете. — М., 2000.
2. Большой Энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. — НОРИНТ, Прохоров А. М., 2004. — 1456 с.
3. Горошко, Е. И. Теоретический анализ Интернет-жанров [Текст] / Е. И. Горошко // Жанры речи. Выпуск 5 «Жанр и культура». — Саратов: Издательский центр «Наука», 2007.
4. Жичкина, А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете [Электронный ресурс]. — 1999. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf>
5. Иванов, Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста [Электронный ресурс] / Л. Ю. Иванов // Словарь и культура устной речи. — М.: Азбуковник, 2000. — С. 131–147. URL: www.ivanoff.ru/rus/ozhweb.htm
6. Кастелье М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
7. Кондрашов П. Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: Дисс. канд. филол. наук [Электронный ресурс] / П. Е. Кондрашов. — Краснодар, 2004. URL: http://www.disszakaz.com/catalog/kompyuterniy_diskurs_sotsiolingvisticheskiy_aspekt.html
8. Новейший философский словарь. Сост. и гл. н. ред. Грицанов А. А. 3-е изд., испр. — Мн.: Книжный Дом, 2003. — 1280 с.
9. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: Издательство ИКАР. Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин, 2009.
10. Рогачева, Н. Б. Новые приоритеты в русском Интернет-общении: на материале жанра блога [Текст] / Н. Б. Рогачева // Жанры речи: Сборник науч. ст. — Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. — Вып. 5.
11. Селютин, А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности [Текст] / А. А. Селютин // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 35 (173). — Филология. Искусствоведение. — Вып. 37. — С. 138–141.
12. Суконкин А. В. Информационно-коммуникационные технологии как фактор изменения социально-культурных практик // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XXVII междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск: СибАК, 2013.
13. Третьяк Г. Е. Трансформация коммуникации в современном информационно-коммуникационном пространстве общества // Вологодские чтения. — 2008. — № 67. [Электронный ресурс] / Г. Е. Третьяк. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kommunikatsii-v-sovremennom-informatsionno-kommunikatsionnom-prostranstve-obschestva> (дата обращения: 02.02.2018).

© Черникова Валентина Евгеньевна (chervalen5@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Кавказский федеральный университет

ИСТОКИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА: ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ

ORIGINS OF RUSSIAN CONSERVATISM: FEOFAN PROKOPOVICH

N. Chestneyshyn

Summary. the article deals with the question of the origins of Russian conservatism as one of the leading directions of Russian socio-philosophical thought. The main conservative motives in the works of Feofan Prokopovich are revealed. Among the main ideas formulated by Archbishop Theophanes, which later became an integral component of Russian conservatism stand out: the recognition of autocracy as the most adequate form of government in Russia; the priority of the common good over private; denial of the need for individual freedom of subjects; mistrustful-critical attitude to the West and the recognition of a special way of Russia's development on the basis of autocracy and Orthodoxy.

Keywords: Russian conservatism, monarchy, common good, freedom, Westernization.

Честнейшин Николай Васильевич

*К.ф.н., Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске
hobson@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется вопрос об истоках русского консерватизма как одного из ведущих направлений отечественной социально-философской мысли. Раскрываются основные консервативные мотивы в трудах Феофана Прокоповича. В числе основных идей, сформулированных архиепископом Феофаном, ставших в последствии неотъемлемым компонентом русского консерватизма выделяются: признание самодержавия как наиболее адекватной формы правления в России; приоритет общего блага над частным; отрицание необходимости индивидуальной свободы подданных; недоверчиво-критическое отношение к Западу и признание особого пути развития России на началах самодержавия и православия.

Ключевые слова: русский консерватизм, монархия, общее благо, свобода, вестернизация.

Появление консерватизма, как особого направления в политической философии, часто связывают с эпохой Просвещения и Великой Французской революцией. Консерватизм при этом рассматривается, как «своеобразная реакция на угрозу традиционным ценностям, привычному образу жизни и мысли, исходившую от революции» [1 с. 60]. Хотя без сомнения консервативная система ценностей начала складываться гораздо раньше конца XVIII века, так например, «в литературе существует учение о пяти волнах консерватизма, первая из которых прослеживается в эпоху Контрреформации, а последняя датируется второй половиной 70-х годов XX столетия» [9 с 51]. По мнению других исследователей, определенные черты консерватизма можно обнаружить уже в трудах Платона и Аристотеля [15 с. 248]. И действительно у них возможно обнаружить определенные элементы, характерные для консерватизма, такие как: стремление к предотвращению изменений; требование сохранения стабильности в обществе и жесткой социальной иерархии; органицизм в понимании человека, общества и мира в целом; высокая оценка нравственных и религиозных начал; традиционализм.

Начало оформления русского консерватизма также по преимуществу относят к XVIII–XIX векам, рассматривая его как «реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в XVIII — начале XIX века стали реформы Петра I, крайний (по тем временам) либерализм Александра I» [7 с. 12]. Но русский консерватизм, как и западный, имел

достаточно долгую предысторию, поскольку «о его существовании можно смело говорить начиная с XI века, во всяком случае — с трудов Киевского митрополита Иллариона» [6 с. 43].

И действительно, уже в «Слове о Законе и Благодати» была поставлена очень важная проблема для всей русской консервативной мысли — проблема места и роли России в мировой истории. Эта тема, исторической миссии России, затем была продолжена в трудах Филофея Псковского. К XVI веку восходят и первые попытки обоснования необходимости самодержавия, об этом можно судить на основании работ Иосифа Волоцкого, переписки Андрея Курбского и Ивана Грозного. В XVII веке, в связи с началом поворота России к Западной Европе, усиливается проявление антизападнических настроений, например в среде старообрядцев или у Юрия Крижанича в его критике «чужебесия». В тот же период, очень остро обсуждалась проблема соотношения светской и духовной власти. Таким образом, к началу XVIII века уже оформляются те идеи и проблемы, которые стали впоследствии основным стержнем русской консервативной мысли.

Существенным толчком в развитии русского консерватизма послужили петровские преобразования, которые практически сразу вызвали в обществе споры «о старом и новом», а позднее нередко служили, в зависимости от их оценки, основным водоразделом между «западниками» и «славянофилами». Реформы Петра I

привели к значительным изменениям во всех сферах жизни общества и тем самым создали то проблемное поле, которое стало предметом рефлексии консервативной мысли.

В нем можно выделить следующие аспекты: в связи с укреплением абсолютизма появилась необходимость обоснования этой формы правления; поспешная вестернизация способствовала пробуждению национального самосознания и по-новому заставила взглянуть и осмыслить специфику русской культуры и место России в мире; синодальная реформа обострила вопрос о соотношении светской и духовной власти; начавшаяся секуляризация поставила проблему роли религии в частной и общественной жизни; отсутствие юридической базы реформирования заставило по-иному посмотреть на сложившуюся правовую систему; укрепление роли государства и бюрократизация системы управления обострили проблему отношений общества и государства; не осталась в стороне и проблема семейно-бытовых отношений. Начавшаяся модернизация привела к изменению системы ценностей и нравственных приоритетов; реформы, в целом, как таковые, поставили проблему сохранения традиций, поддержания стабильности, устойчивого и безболезненного развития, обоснованности самих реформ.

Поэтому следует согласиться с тем, что «отправной точкой ее (русской консервативной мысли — Н.Ч.) рефлексии стали петровские реформы» (14, с. 32) и поэтому истоки русского консерватизма, как утверждает А.В. Черняев, необходимо искать именно в XVIII столетии, когда такие мыслители как Щербатов, Посошков, Болтин, Фонвизин выступили уже не просто как традиционалисты, слепо придерживающиеся старины, подобно протопопу Аввакуму, а как люди знакомые с западной системой идей и ценностей и сознательно подвергающие ее критике. В данной статье, в свою очередь, осуществляется попытка отодвинуть хронологические границы еще чуть дальше и раскрыть консервативные мотивы в идейном наследии одного из сподвижников Петра Великого — Феофана Прокоповича (1681–1736). Он сыграл очень важную роль в проведении синодальной реформы, являясь вице-президентом Синода, фактически возглавлял русскую церковь в последние годы царствования Петра I. Прокоповича можно назвать и главным идеологом, «теоретиком нарождающейся империи» [10 с. 67]. В его главных произведениях «Правда воли монаршей» (1722), «Духовный регламент» (1721), «Слово о власти и чести царской» (1718) были теоретически обоснованы петровские преобразования, в них же нашли и свое наиболее полно выражение социально-политические взгляды церковного иерарха.

В «Слове о власти и чести царской» большое внимание уделено происхождению власти и государства. Ис-

ходя из теории двух истин (религиозной и земной), Прокопович считает, что основанием власти и государства является общественный договор и Бог. Отталкиваясь от ветхозаветного предания об Адаме и Еве, он считает, вслед за Г. Гроцием и С. Пуфендорфом, что естественное состояние является следствием грехопадения. В этом состоянии люди, по мнению Прокоповича, живут подобно зверям и ведут между собой непрерывную борьбу. И только Божий промысел толкает их на заключение «гражданского союза» и учреждение верховной власти. Таким образом «власть верховная от самого естества начало и вину приемлет, аще от естества, то от самого Бога, создателя естества» [13 с. 82].

Основными формами общественного устройства Прокопович считал демократию, аристократию и монархию, при этом они устанавливаются не произвольно, а в зависимости от размера территории и народонаселения государства. Республики могут существовать лишь при малом количестве населения и небольшой территории. Для России же, в силу ее огромной территории и большого числа населения, наилучшим и единственно правильным устройством будет монархия. Подчеркивая необходимость и благодетельность монархии для России, Прокопович, кроме того, ссылается на русскую историю и отмечает: «Како немощна была Россия от смерти великаго Владимира, егда аще и не иссякл был род самодержца оного, обаче самодержски скипетр на части поломан...коих бед не претерпе от междоусобия, от варварского нахождения» [12 с. 42]. Данная ссылка на пример истории, при обосновании пользы самодержавия для России, была традиционна для русского консерватизма, достаточно вспомнить слова М.Н. Карамзина о том, что «Россия основалась... единоначалием, гибла от разновластия, и спасалась мудрым самодержавием» [3 с. 22].

В «Похвальном слове Петру II» Прокопович отмечает родство власти царя с властью отца в семье, и государство, тем самым, является большой семьей, где государь — отец, а подданные его — дети. Феофан выделял два типа монархии — наследуемая и избирательная, отдавая предпочтение первому типу, поскольку именно «в наследуемом царстве печется самодержец о добре общем, яко о своем домашнем» [12 с. 41]. При этом, Прокопович настаивает на том, что власть монарха не может быть ограничена никакими человеческими законами, так как в таком случае она бы не соответствовала самому названию верховной власти. Поэтому «всяк самодержавный государь человеческого закона хранить не должен... заповеди же божия хранить должен, но за преступления их самому богу ответ даст, а от человек судим быть не может [11 с. 22].

Создавая образ царя-патриарха, Прокопович выводит доктрину об «общем благе»: «Согласно вси хожем...

да ты к общей нашей пользе владеши нами... не оставяше нам себе самим никакой свободы». (Правда; с. 29) Таким образом, необходимость гражданских свобод отрицается, поскольку единственным носителем общего блага и гарантом соблюдения общих интересов, а следовательно интересов и блага каждого, является государь. Учреждая государство, русские, согласно Прокоповичу, всю полноту власти передали наследственному монарху и, тем самым, навсегда отказались от каких-либо политических прав и свобод. В данном случае проявляется характерный для консерватизма взгляд на соотношение человека и общества, по которому все частные интересы должны быть подчинены общим, а наличие индивидуальной свободы может противоречить общему благу.

Отдавая свое предпочтение наследуемой монархии, Прокопович подчеркивал неограниченность власти монарха, который имеет право и должен регулировать все стороны жизни и быта, кроме того, монарх имеет право выбирать себе наследника. Последнему тезису была посвящена «Правда воли монаршей», книга, направленная на теоретическое обоснование «Указа о престолонаследии», вышедшего в 1722 году. В этой работе была «...заключена философия произвола монарха: как отец может лишить своего сына наследства, так и государь престола» [10 с. 89]. «Монарх... должен есть по своему званию нарицати наследника между сыновьями своими не старшего, но лучшего. А если ни один сын не угоден к этому явится, то и не сына, но или иного от крови своей, ... или вне фамилии своей» [11 с. 37]. Чтобы обосновать это положение Прокопович приводит сорок семь примеров из истории, когда монархи «свободу и власть родительскую в определении наследников утверждают» [11 с. 42]. Тем самым Феофан Прокопович стремился историческую обоснованность свободы монарха в определении наследника, а также показать, что такой способ престолонаследия обеспечивает не только преемственность, но и стабильность власти, хотя последующая история России и не подтвердила последнего. Вместе с тем, исходя из своей теории происхождения власти, Феофан все же признавал, что в тех случаях когда нет завещания государя, народ имеет право участвовать в назначении монарха.

Если «Правда воли монаршей» была посвящена обоснованию единоличной формы правления, то в «Духовном регламенте» выражены «диаметрально противоположные идеи... преимуществ коллегиальной формы правления над единоличной» [8 с. 89], а также обоснованию необходимости подчинения церкви государству. Последнее не вызывало больших сомнений, поскольку в православной традиции церковь почти никогда не претендовала на первые роли в политике. Но замена патриаршества синодальным управлением в корне порывала

с традицией, хотя и не противоречила православным канонам. Поэтому главные свои усилия Прокопович направил на доказательство преимуществ коллегиального управления церковью перед единоличным.

Он выявил девять таких преимуществ, среди которых можно выделить следующие: коллегиальные решения менее подвержены ошибкам и имеют большую силу, чем индивидуальные; при коллективном управлении «...не обретается место пристрастию, коварству, лихоимному суду» [2 с. 15], поскольку «Коллегиум свободнейший дух в себе имеет к правосудию» [2 с. 16]; и, самое главное, коллегиальное управление духовным ведомством исключает возникновение мятежей, истребляя у народа представление о патриархе как втором государе и тем, что несомненно способствует укреплению власти монарха.

Синодальная реформа была проведена по образцу европейских протестантских государств — и в этом Феофан, да и сам Петр I проявили свои «западнические» настроения. Но все же вряд ли возможно в полной мере считать Прокоповича и Петра I «западниками». Как отмечал Ключевский: «Сближение с Европой было в глазах Петра только средством для достижения цели, а не самой целью» [4 с. 76]. Эти слова можно отнести и к Прокоповичу, непосредственно знакомому с европейской культурой, но критически относившемуся к Западу. Особенно непримирим был Прокопович к католицизму, критике которого были посвящены некоторые его произведения. Положительное значение сближения с Европой он прежде всего видел в том, что она является источником просвещения и научных знаний, необходимых для России, поскольку именно недостаток просвещения, темнота и невежество народа приводят к мятежам, суевериям и отступлению от догматов православной церкви. Поэтому «учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и церкви, аки корень и семя и основание» [2 с. 49].

Таким образом основными звеньями консервативной доктрины Прокоповича являются: объединение контрактной и провиденциальной теорий в объяснении происхождения государства и власти; признание самодержавия единственно полезной формой правления для России и соответствующей ее природно-географическим и историческим условиям; подчинение церкви государству и прочное вписание ее в госаппарат; приоритет общего блага и пользы над частным; отрицание необходимости индивидуальной свободы подданных; недоверчиво-критическое отношение к Западу и признание особого пути развития России на началах самодержавия и православия; признание необходимости просвещения народа для укрепления государства и церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбузов В. Н. Консерватизм: понятие и типология // Полис. — 1995. — № 4. — С. 60–68.
2. Духовный регламент. — М.: Синодальная типография, 1904. — 198 с.
3. Карамзин М. Н. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. — 127 с.
4. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х кн. Кн. 3. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. — 576 с.
5. Коваленко В. И. Феофан Прокопович // ВМУ сер.12. Политические науки. — 1998. — № 6. — С. 83–102.
6. Консерватизм в России. (Материалы «круглого стола») // Социс. — 1993. — № 1. — С. 43–61.
7. Минаков А. Ю. Рождение русского консерватизма: уроки прошлого // Консервативные тетради. — 2014. — № 3. — С. 12–26.
8. Павленко Н. Феофан Прокопович: Исторический портрет // Наука и жизнь — 1995 — № 4 — С. 86–92.
9. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. Гросула В. Я. М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 440с.
10. Смирнов В. Г. Феофан Прокопович. М.: Сортник, 1994. — 224с.
11. Феофан Прокопович Правда воли монаршей [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/pdf/feofan_prokopovich_pravda_voli_monarshej_1722.pdf (Дата обращения: 22.02.2018)
12. Феофан Прокопович Слово похвальное в честь дня рождения... Петра Петровича// Феофан Прокопович Сочинения / под ред. И. П. Еремина. — М., Л. — Издательство АН СССР, 1961. — С. 38–48.
13. Феофан Прокопович Слово о власти и чести царской // Феофан Прокопович Сочинения / под ред. И. П. Еремина. — М., Л.: Издательство АН СССР, 1961. — С. 76–94.
14. Черняев А. В. У истоков русского консерватизма: Иван Посошков // Консервативные тетради. — 2014. — № 3. — С. 32–35.
15. Quinton A. Conservatism //A Companion to contemporary political philosophy / Edited by Robert E. Goodin and Philip Pettit. Oxford: Blackwell Publishers, 1997 — P.244–268.

© Честнейшин Николай Васильевич (hobson@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северный (Арктический) федеральный университет

АПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ЭСХАТОЛОГИИ ИСААКА НЬЮТОНА

Шаров Константин Сергеевич

*К.ф.н., старший преподаватель, Московский
Государственный Университет имени М. В. Ломоносова
const.sharov@mail.ru*

APOCALYPTIC CHRONOLOGY IN ISAAC NEWTON'S ESCHATOLOGY SYSTEM

K. Sharov

Summary. In the article, the problem of apocalyptic dating of Isaac Newton is considered. It is shown that the philistine, commoners' understanding of Newton's eschatological dates of the wide audience after the media boom at the beginning of the 21st century, is incorrect. A number of TV programmes related to the unpublished Newton manuscripts have positioned Newton as a predictor of the end of the world since 2003. Analysing the diary notes of Isaac Newton as well as a number of evidence of contemporaries of the English thinker, the author comes to the conclusion that Newton did not propose a system of strictly fixed dates for eschatology, but rather, probable time intervals.

The ideas of Newton about the dates of the end of history have evolved throughout his life. The two most developed and well-argued versions of the apocalyptic chronology proposed by Newton, are analysed: 2016 and 2060. The article shows that Newton's continuous work on apocalyptic chronology which lasts approximately 60 years, includes more than 80 revised and supplemented versions.

As a result of the research, the author concludes that Newton's numerous and complex numerological calculations dating the end of history and landmark apocalyptic events, cannot be interpreted as «heresy». They represent a vivid example of Newton's integral faith in the omnipotence of God inseparable from his scientific views and attempt to comprehend God's future plans for our world.

Keywords: Newton, eschatology, exegesis, Apocalypse, Biblical prophecies, the Bible, the end of the world, Catholicism, Anglicanism, Biblical hermeneutics.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы апокалиптических датировок Исаака Ньютона. Показано, что Ньютон не предлагал системы строго фиксированных дат применительно к эсхатологии, а скорее, вероятных временных интервалов. Мысль Ньютона о датах конца истории претерпела эволюцию на протяжении его жизни. Проанализированы два наиболее разработанных и аргументированных варианта апокалиптической хронологии, предложенные Ньютоном: 2016 и 2060 год.

Ключевые слова: Ньютон, эсхатология, экзегетика, апокалипсис, библейские пророчества, Библия, конец света, католицизм, англиканство, герменевтика.

– Почему индейцы майя предрекли конец света в 2012 году?

– Потому что это был последний день, который они успели занести в будущий календарь перед прибытием конкистадоров.

Анекдот

Введение

22 февраля 2003 года газета *Daily Telegraph* (Лондон, Англия) опубликовала на своей передовице статью, в которой говорится

о поразительном «предсказании» Исаака Ньютона, что мир придет к концу в 2060 году. Хотя эта датировка, в общем-то, не была новостью для ограниченного круга ученых, изучающих теологию Ньютона, на широкую публику она произвела впечатление разорвавшейся термоядерной бомбы. В течение нескольких дней после выхода статьи «новость» распространилась по всему миру и стала освещаться в совершенно других изданиях (например, 23-го и 24-го февраля 2003 новость «потрясла» Израиль и Канаду, а чуть позже попала на первые полосы газет в России), по радио, по телевидению и на множестве новостных вебсайтов в интернете. В периодической прессе эта история была освещена на основных европейских языках: английском, французском, немецком, испан-

ском, португальском, венгерском, румынском и русском. Вебсайты в Южной Америке, Южной Африке, Австралии, Китае, Вьетнаме и Индии также внесли свой вклад в почти мгновенное распространение ньютоновского «предсказания» по земному шару.

В России ситуация освещалась «Радио Свободная Европа» (сейчас более известным как «Радио Свобода»), которое транслировало интервью канадского профессора философии Стивена Снобелена, считающегося одним из знатоков ньютоновской теологии, в переводе на русский язык [16]. Данное интервью, с моей точки зрения, бросает некоторую тень на богословское наследие Ньютона и вводит в заблуждение широкие круги, и вряд ли может считаться существенным научным фундаментом для анализа системы датировок в эсхатологии (религиозном учении о конце света, о конечных судьбах мира и человечества и об апокалиптических событиях) Ньютона. Профессор Снобелен вообще известен тем, что в течение нескольких десятилетий пытается представить Исаака Ньютона религиозным еретиком. С его участием ВВС сняло в 2003 г. научно-популярный фильм «Исаак Ньютон. Темный еретик», наделавший много шума, но содержащий крайне мало фактуальных данных и множество фантазий профессора Снобелена. Других сколько-нибудь обоснованных попыток проанализировать систему годов в эсхатологическом творчестве Ньютона на русском языке с тех пор предпринято не было.

В данной статье мне представляется необходимым заполнить существующий пробел и вкратце проанализировать, как Ньютон работал с системой дат в своих апокалиптических произведениях.

Почему прогноз Ньютона на 2060 год стал такой сенсацией?

Одной из причин того, почему «предсказание» английского мыслителя о конце света в 2060 году на многих оказало шокирующее действие, является непонимание большинством представителей средств массовой информации и широкой общественности того, что Ньютон мог быть кем-то иным, кем-то большим, чем просто лабораторным ученым. Для многих сообщение о том, что Ньютон был страстным верующим, изучавшим всю жизнь библейские пророчества, стало настоящим откровением.

Не только СМИ и широкая общественность знает Исаака Ньютона исключительно как «рационального» ученого. Большинство представителей отечественной философской мысли также рассматривает его сугубо в качестве естествоиспытателя, представителя натурфилософии и математика [1, 3, 4]. Лишь некоторые исследователи, такие как историк науки Игорь Дмитриев, пыта-

ются увидеть в эсхатологии Ньютона черты герметизма, оккультизма и даже отголоски магической традиции эпохи Возрождения [2].

Попытка разобраться в системе взглядов Ньютона, представляя его исключительно ученым в современном смысле этого слова затрудняет понимание того, что он огромную часть своей жизни тратил на истинно религиозные экзегетические исследования и вычисления (Экзегетика — раздел богословия, в котором дается толкование библейским и священным текстам, первоначальный смысл которых неясен или двусмыслен вследствие их древности или недостаточной сохранности. Экзегетика — раздел священной герменевтики.) Например, до сих пор в России и за рубежом многие средства массовой информации продолжают ретранслировать точку зрения, восходящую к О. Контю и К. Марксу, согласно которой наука и религия по своей сути находятся в непримиримом конфликте. В случае Ньютона это абсолютно неверно.

В каких сочинениях Ньютона отражены вычисления предполагаемых датировок конца света?

Существенная часть богословских и химических сочинений Ньютона хранилась в частной коллекции до 1936 года, когда она была продана на аукционе *Sotheby's* в Лондоне. Самый большой сборник теологических работ был приобретен востоковедом, историком и филологом Абрахамом Шаломом Иезекииелем Яхудой. Когда он умер в 1951 году, он завещал коллекцию государству Израиль. Завещание Яхуды было оспорено, и рукописи прибыли в Национальную Библиотеку Иерусалима только в 1969 году.

Лишь после этого ученые, исследователи творчества великого английского мыслителя, получили доступ к этой коллекции теологических работ. В 1991 году рукописи были приведены в удобную для изучения форму и выпущены на микрофильмах. Главные сочинения, в которых Ньютон отразил свои эсхатологические калькуляции — «Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис святого Иоанна Богослова», «Первая книга о языке пророчеств», «Неозаглавленный трактат об Откровении», «Заметки о пророчествах», «Последующие заметки о пророчествах».

Основы расчетов Ньютона в Священном Писании

Насколько библейские пророчества были важны для Ньютона? Именно на них он основывал свои выкладки. Для Ньютона было очевидно, что библейские пророчества явно раскрывают предсказанные Самим Богом

события будущего. Он считал, что интерпретация пророчеств — «это не повод к равнодушию, но обязанность величайшего момента» [4, с. 122], понимая под этим моментом время, в которое он жил. Пророчества, как ветхозаветные, так и новозаветные, явились основой не только его экзегетических расчетов, но и всей ньютоновской философии истории.

Ньютон твердо верил как в Бога, так и в то, что Библия — это богодухновенное Божье откровение. Он полагал, что Бог не находится в рамках физического времени, как люди, что позволяет Ему видеть «конец с самого начала». Таким образом, используя собственные слова Ньютона, он был убежден, что «святыя пророчества Писания являются не чем иным, как историями будущих событий» [9, с. 5]. В то же время, Ньютон признавал, что библейские пророчества, в основном, написаны на крайне символическом языке, требующем тонкой герменевтической интерпретации. Ньютон принял этот вызов, пытаясь открыть будущее мира в словах пророков.

Тем не менее, о самих датировках (а не способе их получения) Ньютон пишет мало и, по-видимому, с некоторой неохотой. Это вполне объяснимо тем, что он, как опытный богослов, опасался твердой фиксации дат. Ньютон был обеспокоен тем, что неудача ошибочных человеческих трактований божественного замысла может привести к падению авторитета Библии среди научных кругов, в том числе, Королевского научного общества.

Например, именно из-за этой своей осторожности Ньютон предлагал несколько возможных дат наступления конца света, в том числе и 2060 год. 2060 год не имеет в его дневниках статуса «окончательного расчета».

Так что сам Ньютон, возможно, пришел бы в ужас, если бы узнал, что его осторожный эсхатологический расчет будет транслироваться по всему миру в двадцать первом веке и муссироваться в СМИ в качестве «точного предсказания великого ученого». Его расчеты даты 2060 года были частными размышлениями, сделанными на клочках бумаги и листках дневников, не предназначенных для публики. По иронии судьбы, параноидальное освещение в средствах массовой информации даты 2060 года сделало Ньютона похожим на мага-гадателя и прорицателя-окультиста.

Логика расчетов Ньютона

Чтобы понять исходный посыл Ньютона, следует вспомнить, что английский богослов всю свою жизнь был весьма последовательным и абсолютно непримиримым врагом католицизма. В его трудах можно найти более 10000 пассажей против католицизма, где-то

более взвешенных, где-то очень экспрессивных. Исаак Ньютон — квинтэссенция той британской религиозной мысли Нового времени, которая активно боролась с католичеством. Причем, Ньютон — не только критик католических догматов или политический противник лордов-католиков; в своих трудах он на протяжении всей своей жизни пытался доказать, что римско-католическая церковь — это вселенское зло, предельная степень отпадения от Бога, собрание отступников, расколовших церковь в XI веке. По Ньютону, собор святого Петра в Риме в XI веке был превращен в «мерзость запустения, стоящую где не должно», а папа в собирательном смысле — и есть пресловутый зверь из Апокалипсиса [Newton, 2014, 54].

Ньютон, как и многие богословы его времени, такие как Джонатан Эдвардс, Роберт Флеминг, Мозес Лоуман, Филипп Доддридж и епископ Томас Ньютон, считал, что пророческие временные периоды 1260, 1290, 1335 и 2300 дней фактически представляют 1260, 1290, 1335 и 2300 лет, используя принцип «день за год» [14, с. 105].

Для Ньютона эти периоды времени (особенно 1260 лет) представляют собой периоды отступничества Церкви (под отступниками Ньютон безвариантно понимает римско-католическую церковь). Таким образом, он рассмотрел историю церкви с целью поиска вероятной даты формального начала отступничества (одним из признаков этого для него была дата, когда папская церковь получила светскую власть). После этого нужно было всего лишь добавить определенный период времени к найденной дате.

Итак, отмечу, что Ньютон чаще всего исследует следующие временные промежутки:

- ◆ 1260 лет (продолжительность царства зверя),
- ◆ 1290 лет (продолжительность мерзости запустения, оскверняющей храм),
- ◆ 1335 лет (продолжительность периода, по прошествии которого нечестивые получают серьезный удар, а праведники — помощь),
- ◆ 2300 лет (продолжительность опустошительного нечестия, когда святые и воинство будут попираемы).

Ньютон полагал, что в ряде мест Писания эти периоды встречаются в иносказательном смысле в дополнение к тем местам, где они прописаны открыто (двойная экзегеза). С его точки зрения, период времени 1260 дней появляется в Книге пророка Даниила: Дан. 7: 25 — как «время, времена и полувремя» (по Ньютону, это год, два года и полгода), Дан. 12: 7 — так же, в Откровении Иоанна Богослова: Откр. 11: 3 (1260 дней), Откр. 12: 6 (1260 дней) и Откр. 13: 5 (42 месяца). Период времени 1290 дней указан в Дан. 12: 11. Период времени 1335 дней —

Дан. 12: 12. Наконец, последний период времени 2300 дней встречается в Данииле 8: 14.

Однако Ньютон был не столь прост. Как уже упоминалось, Ньютон косо смотрел на точные датировки, и по этой причине он допустил множество вариантов исходной точки отсчета и принял во внимание несколько нумерологических трактовок Апокалипсиса. Чаще всего в его работах, найденных в коллекции Яхуды в Иерусалиме, встречаются две даты: 2016 и 2060 год (хотя есть и другие варианты, менее подробно описанные и фундаментированные). Дата 2060 — последняя, и дающий ее расчет исходит из довольно обширных предварительных рассуждений, а также утверждается с нехарактерной для Ньютона энергией.

Поиск точки отсчета был очень важен для Ньютона, поскольку, добавив пророческие временные периоды к этой дате, можно было бы определить, когда произойдут великие апокалиптические события, а не только «конец света». Хотя Ньютон действительно верил, что в конце человеческого существования произойдут войны и катаклизмы, он трактовал этот период как бурю перед затишьем, поэтому вера Ньютона окрасила его выводы в позитивные тона. Он ни в одном дневнике не рассматривает конец истории как нечто тяжелое или мрачное.

Первый вариант ньютоновского исчисления: год 2016

Первоначально Ньютон отдавал предпочтение дате 2016 год. Она встречается не только в его личных дневниках. Ньютон беседовал, как устно, так и в переписке, с другими известными богословами своего времени. Многие его современники, лично его знавшие, отмечают, что, со слов Ньютона, 1260-летняя шкала времени должна быть рассчитана, исходя из 756 года нашей эры. [14, с. 58]. Что это за год?

В апреле 756 года Пипин, король Франции, сопровождаемый папой Стефаном II, вошел в северную Италию, заставив ломбардского короля Айстульфа снять осаду с Рима и вернуться в Павию. После капитуляции Айстульфа Пипин передал вновь завоеванные территории, а также заодно и всю южную Италию, де-юре принадлежавшую тогда Византии, папству (так называемое «пожертвование Пипина», или «дар Пипина»), тем самым подняв папу римского из подчиненного Византийской империи положения до уровня главы независимого государства со светской властью над людьми и землями. Вскоре, правда, южная Италия была захвачена норманнами, и власть папы должна была оттуда ретироваться.

Известный английский богослов Ф. Кокс подтверждает, что именно такими были взгляды Ньютона в 1690-х го-

дах: «Автор принимает гипотезу Флеминга, сэра Исаака Ньютона и Лоумана, что 1260 лет начались в 756 г.н.э., и, следовательно, тысячелетнее Царство Христа не начнется до 2016 года» [6, с. 152].

Автор англиканской Библии 1824 г. издания Томас Уильямс замечает, что эта временная шкала с подачи Ньютона стала преобладающим взглядом среди ведущих протестантских теологов конца XVII — начала XVIII века: «сэр Ньютон начинает 1260 дней примерно с 756 года, когда с помощью короля Франции Пипина папа получил значительную светскую власть. Это дает нам папское правление до 2016 года, или шестнадцати лет в начале нового тысячелетия, как обычно считалось теологами времени Ньютона» [17, с. 1417].

Наконец, Джонатан Эдвардс, знаменитый британский историк религии XVIII века, уточняет: «Начало царствования антихриста, по Ньютону, будет таковым. Не только сэр И. Ньютон, но и лучшие интерпретаторы библейских пророчеств, такие как мистер Флеминг, мистер Лоуман, доктор Доддридж, епископ Ньютон и мистер Ридер, вдохновленные идеей сэра Ньютона и развившие ее, считали, что царствование антихриста должно быть датировано примерно с 756 года нашей эры, когда папа римский получил светскую властью и стал зверем, приняв от дьявола господство над умами и властителями. 1260 лет с этого периода приведут нас примерно к 2000 году и, соответственно, около 6000 году от сотворения мира, что согласуется с традицией, по крайней мере столь же древней, как и апокрифическое послание апостола Варнавы, в котором говорится, что «за шесть тысяч лет все будет совершено» [7, с. 431].

Второй вариант ньютоновского исчисления: год 2060

Начиная примерно с 1704 года, Исаак Ньютон активно разрабатывал другие возможные варианты датировки конца истории. В 1720-х дата «2060 год» начинает появляться все чаще и чаще. К тому же, вычисления Ньютона становятся более сложными, включающими множество факторов. Ньютон пришел к выводу, что 2060 год *может быть* последним годом папства в том смысле, что конец истории вряд ли случится раньше. Позже — возможно. У Ньютона в последний период его жизни наряду с 1260 намного чаще стали фигурировать другие числа из пророчества Даниила 2300, 1290 и 1335.

Он попытался дать более глубокую картину развития католической церкви и соотнести ее с «пророчеством об опустошительном нечестии, когда святые и воинство будут попираемы» (2300 лет). Характерно, что Ньютон решил использовать крайне редкий прием перекрестной экзегезы, то есть он за основу принял до-

пушение, что пророчество Даниила в зашифрованной форме объединяет как события, связанные с ветхозаветным иудейским храмом и греческой деспотией Антиохом, так и католическую деспотию папства.

Приведу некоторые выдержки из дневников Ньютона, чтобы показать возросшую сложность его эсхатологических вычислений [11, с. 2]:

1. 2300 пророческих дней не начались до возвышения маленького рога Козла.
2. Этот период не начался после разрушения Иерусалима и [Иерусалимского] храма римлянами в 70 г.н.э.
3. Время, времена и половина времени не начались до 800 года, когда началось господство пап. Год 800 является значительным в истории, так как это был год, когда Карл Великий был коронован императором новой Римской империи на западе Папой Львом III в Соборе св. Петра в Риме.
4. Они не начались после правления папы Григория VII (1084).
5. 1290 дней (годы «мерзости запустения») не начались до 842 года.
6. Они не начались после царствования папы Григория VII (1084).
7. Разница между 1290 и 1335 днями кратна семи неделям.

Поэтому, как рассуждает далее Ньютон, 2300 лет не заканчиваются до 2132 года и после 2370 года.

Время, времена и половина времени не заканчиваются до 2060, ни после 2344.

1290 дней не заканчиваются до 2090 года, ни после 2374.

Католицизм и Вавилонская блудница

По Ньютону и ньютоновским богословам, именно Рим — это вавилонская блудница. Последователь Ньютона преподобный Симпсон в начале XIX века написал: «Антихрист сохранит часть своего владычества над народами примерно до 2016 года» [17, с. 131], «и когда истечет 1260 лет, сам Рим со всем своим великолепием будет поглощен огненным озером, погрузится в море и не воскреснет никогда». [17, с. 133].

Конец временной шкалы существования мира основан, по Ньютону, на отрывке Дан. 8: 25, который гласит: «... но он будет сокрушен — не рукою». Английский богослов трактовал это так, что конец католической церкви не должен быть вызван войной. Его идею развил его младший современник, однофамилец и ученик епископ Томас Ньютон: «Поскольку

камень во сне Навуходоносора откололся от горы без участия рук человека, это не человеческая воля, а сверхъестественные пути придут к гибели царство антихриста; далее, маленький рог будет сломан без рук, а не из-за общей смерти (эпидемии), и не падет от руки людей, но погибнет от удара с небес» [13, с. 327]. Другой ньютоновский богослов XVIII века, американец Ист Апторп развил идеи Ньютона по-своему: «Рим, место антихриста, будет поглощен огнем во время пришествия Христа или когда истечет срок его отступничества, через 1260 лет от возвышения антихриста», «...представьте себе Рим, уничтоженный не людьми и не по воле человека, а когда извержение огня и лавы обрушится на него. Горная почва Италии будет подорвана, Рим попадет в пропасть и будет покрыт кипящим от магмы морем. Пророчество об озере огненном станет буквальным» [5, с. 273–275].

Это интересные интерпретации эсхатологии Исаака Ньютона, хотя и не отражающие идей самого сэра Ньютона! Что же думал сам Ньютон относительно конца католицизма? Он говорил о возможном воссоединении христианских церквей, когда из царства зверя уйдут все верные, либо раскаются в своем заблуждении, а институт римского папства будет упразднен [8, с. 4]. Тогда Христос положит начало тысячелетнему царству, в котором уже не будет разделения христиан. В первую очередь, католичество соединится с восточным православием, а впоследствии к ним примкнет и англиканизм [9, с. 3]. Европейский материковый протестантизм Ньютон отдельно не описывал в своих эсхатологических работах, но, по-видимому, по эсхатологической роли приравнивал его к англиканизму.

Заключение

Итак, считал ли Исаак Ньютон, что 2060 год — точная дата конца света?

Нет, не в прямом смысле. Для Ньютона 2060 г.— это, скорее, новое начало. Этот год для английского богослова означал конец диктата католицизма (возможно, из-за объединения всех христианских конфессий перед концом света). Вспомним, кстати, что ту же мысль в свое время высказывал известный русский мыслитель В. С. Соловьев в своей «Повести об антихристе». Далее, вероятно, в мире последует тридцать лет политической и религиозной нестабильности. Ньютон был последователем хилиазма (учения о тысячелетнем Царстве Божьем на земле) и в силу этого считал, что 1000-летнее царство Христа (Царство Божье) будет реалией нашего земного бытия до времени, когда сатана будет освобожден на малое время, чтобы собрать всех противников Бога для окончательной битвы. По Ньютону, Царство Божье и второе

пришествие Христа должны произойти между 2090 и 2374 годами, а, соответственно, окончательный конец света, Армагеддон и битва с силами зла — между 3090 и 3374 годами.

Мы видим, что внимательное изучение ньютоновских текстов дает принципиально иную эсхатологическую картину, чем была нарисована СМИ при их «прочтении» Ньютона в 2003 году и после того. Ньютон вовсе не считал 2060 год годом конца света!

Ньютон был не просто ученым-экспериментатором в современном смысле этого термина и непревзойденным математическим гением. Он был одареннейшим богословом. Для него философия и история включали не только изучение природы и общества, но и изучение десницы Бога в природе и обществе. По этой причине любое серьезное исследование творчества Ньютона должно включать понимание его теологии, а попытки разобраться в его комплексной исторической нумерологии — анализ его эсхатологических взглядов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вавилов С. И. Исаак Ньютон (1643–1727). М., 1989. — 272 с.
2. Дмитриев И. С. Неизвестный Ньютон: силуэт на фоне эпохи. — СПб., 1999. — 784 с.
3. Карцев В. П. Ньютон. — М., 1982. — 416 с.
4. Кузнецов Б. Г. Ньютон. — М., 1982. — 175 с.
5. Apthorp E. D. Discourses on Prophecy (in 2 vols). — Boston, 1786. — 1120 p.
6. Cox. F. A., rev. Outlines of Lectures on the Book of Daniel. — London, 1833. — 268 p.
7. Edwards J. History of Redemption. — New York, 1793. — 782 p.
8. Newton I. Notes and extracts on interpreting the prophets. Further notes on prophecies. — Yahuda Ms. 10. — Folio 3. — 1684.
9. Newton I. Notes on Apocalypse. Private Diary. — Yahuda MS1.1. — Folio 16 recto. — 1682.
10. Newton I. Observations upon the Prophecies of Daniel, and the Apocalypse of St. John: Full and Fine Text of 1773 Edition (Illustrated and Bundled with Life of Isaac Newton). — London, 2014. — 79 p.
11. Newton I. Seven drafts of Newton's defence of the Chronology of Ancient Kingdoms. — Yahuda Ms. 27. — Folio 3. — 1725.
12. Newton I. Two incomplete treatises on prophecy. [Электронный ресурс]. — 1690. — Режим доступа: <http://www.newtonproject.ox.ac.uk/view/texts/normalized/THEM00005>.
13. Newton Th., Right rev. Dissertations on the Prophecies. — London, 1789. — 630 p.
14. Pfizenmaier Th. C. The Trinitarian Theology of Dr Samuel Clarke (1675–1729): Context, Sources and Controversy. Leiden, 1997. — 234 p.
15. Simpson D., rev. A Plea for Religion and the Sacred Writings. — London, 1808. 260 p.
16. Snobelen S. D. «A time and Times and the Dividing of Time»: Isaac Newton, the Apocalypse and 2060 AD // Canadian Journal of History. — 2003. — Vol. 38. — Pp. 537–551.
17. Williams Th. The Cottage Bible and Family Expositor. — Hartford, 1837. — Vol. 2. — 1440 p.

© Шаров Константин Сергеевич (const.sharov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О МАНТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

TO THE QUESTION ON THE MANTIC RANGE OF MODERN RUSSIAN PAGANISM

**R. Shizhenskiy
P. Kocheganova**

Summary. In this article an attempt was made to describe the mantic complex of modern Russian paganism. The authors classify modern mantic techniques of the XXI century, based on the source of their appearance. On the basis of this criterion, three volume groups of the mantle system were distinguished: historical and reconstructed forms of predictions; eclectic and borrowed mantle practices; individual anthropocentric mantle practices

Keywords: Mantica, modern Russian paganism, Slavic runes, divination, magic, practice, fate.

Шиженский Роман Витальевич

*К.и.н., доцент, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина
heit@inbox.ru*

Кочеганова Полина Петровна

*Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина
polya.co4eganova@mail.ru*

Аннотация. В данной статье была предпринята попытка описать мантический комплекс современного русского язычества, как неотъемлемую часть его обрядовой стороны. Авторы классифицируют существующие в российском диаспоральном сообществе политеистов XXI века мантические техники, исходя из источника их появления. На основании данного критерия были выделены три объемные группы мантической системы: исторические и реконструируемые формы предсказаний; эклектичные и заимствованные мантические практики; индивидуальные антропоцентрические мантические практики.

Ключевые слова: мантика, современное русское язычество, славянские руны, гадания, магия, практики, судьба.

Неотъемлемым элементом любой политеистической религии является развитый мантический комплекс, как составляющая часть развитой магической системы. О смешении магии и религии на ранних этапах становления последней свидетельствовал Дж Фрейзер: «Антагонизм магии и религии, каким бы привычным он нам ни казался, по-видимому, появляется на сравнительно поздней стадии религии. На более ранних стадиях функции колдуна и священника часто сочетались или, вернее, не разделялись. Человек добивался благосклонности богов и духов с помощью молитв и жертвоприношений и одновременно с этим прибегал к чарам и заклинаниям, которые могли возыметь желаемое действие сами по себе» [27].

Главным же различием между магией и религией Фрейзер называет отношение к сверхъестественному. В магии нет благоговения перед божествами, они часто обезличиваются. Колдун может ставить себя на один уровень с богами, и даже выше сверхъестественных сил, что совершенно неприемлемо для монотеистической религии, но вполне соотносится с языческими культами, в том числе и современными конструкциями и реконструкциями последних, к примеру, такими как «родноверие» [8] в разных его формах и проявлениях. Более того многие адепты современного русского язычества осуждают так называемую рабскую покорность свойственную монотеистическим верованиям. Примеры встречаем повсеместно:

Ты божий раб, я — внук Дажьдбожий.

Ты унижаешься, прося.

Во мне ж горит огонь Сварожий,

Я с Предком говорю любя.

С Божьями говорю как равный,

(Грумдас) [4]

Равенство человека и божества, а также их кровное и духовное родство неоднократно подчеркивается и противопоставляется иным идеологиям: «мой бог меня рабом не называл» [2,31].

Таким образом, «родноверие» предоставило благодатную почву для возрождения и развития языческой магии как таковой. Здесь мы имеем ввиду и многочисленные магические практики, связанные с почитанием духов природы и низших божеств (домовые, русалки, роженицы, овиинники, лешие и другие); изготовление различных оберегов и амулетов, в том числе обережной вышивки. В своей монографии Р.В. Шиженский, отмечает, что один из видных идеологов русского языческого движения конца XX века Доброслав (А.А. Добровольский) был сторонником одиночных празднеств и обрядовых действий: «обрядовый комплекс А.А. Добровольского включает в себя: 1) перечень практикуемых обрядов 2) группу всевозможных славлений, заклятий, заговоров, прошений и обращений, имеющих целью защитить адепта от проявлений природной силы, помогающей добиться располо-

жения духов, прославляющих некоторые из них» [29]. На лицо явный магический, а не религиозный комплекс обрядовых действий. Что и подтверждается далее по тексту: «о разном отношении мужчины и женщины к миру духов свидетельствует внешнее различие тайных женских обрядов от мужских» [29]. Подобное гендерное разделение свойственно исключительно магии, в религии данный вопрос затрагивается косвенно и чаще всего связан лишь с табуирующими действиями (Например, женщине нельзя заходить в православный храм с непокрытой головой, однако нарушение этого табу ни к каким последствиям не приводит. Особых обрядов для мужчин и женщин, несмотря на исключительную гендерную стереотипизацию, религия не предполагает). Итак, в современном русском язычестве очевиден синтез религиозных и магических практик. Последние же не могут обходиться без развитого мантического комплекса.

По определению Дж. Фрейзера мантика есть вопрошание тайных сил, то есть комплекс ритуалов и техник, направленных на гадание и предсказание будущего на основе мифо-магической картины мира. Взаимодействие с богами в язычестве происходит не опосредовано, а напрямую, особенно если речь идет о жрецах (волхвах), то есть не может происходить без какого-либо ответа со стороны адресата — сверхъестественного. Ответы поступают через различные мантические формы, которые начинают развиваться практически в одно время с основными догматами, в период ремифологизации язычества в России, совпавшей с общим кризисом в стране, когда индивид особенно озабочен своей дальнейшей судьбой и различные способы предсказания будущего приобретают исключительную актуальность.

Существует несколько десятков классификаций мантических искусств [22]. Так по объекту предсказания мантика подразделяется на природную и искусственную [24]. Природная в свою очередь может быть разделена на антропоморфную (хиромантия и физиогномика) и зооморфную (ауспиции) и гадания по объектам неодушевленной природы (камни). По методу мантика классифицируется на математическую (нумерология), интуитивную (бросание жребия), аналитическую (толкование снов) и другие [25]. Приводить все виды существующих классификаций в рамках данной статьи не видится целесообразным. Поэтому сконцентрируемся исключительно на мантическом комплексе современного русского язычества. Авторами предлагается следующая классификация:

1. Исторические и реконструируемые формы предсказаний;
2. Эклектичные и заимствованные мантические практики;
3. Индивидуальные антропоцентрические мантические практики.

Исторические и реконструируемые формы предсказаний

Первая категория является самой объемной и включает в себя как реликты славянских мантических комплексов, так и их реконструкцию с опорой на исторические, этнографические и фольклорные данные. Стоит отметить, что данная форма предсказаний чаще всего воспринимается православной конфессией как языческий пережиток, неискоренимый, однако в народном сознании и культуре. Он находит отражение и в менталитете русского народа, которому свойственен определенный фатализм, вера в предопределенность судьбы. Отсюда такие семантические конструкции как «*чему быть тому не миновать*», «*от судьбы не уйдешь*», «*кому суждено утонуть, того не повесят*», «*двум смертям не бывать, а одной не миновать*», «*судьбу на кривой не объедешь*», «*желающего судьба ведет, не желающего тащит*» и т.д. То есть судьба представляется неким предначертанием человеку свыше, соответственно и ее предсказания играли и играют большую роль в обрядовой стороне русского язычества. Рассмотрим лишь некоторые ее проявления.

В первую очередь, стоит отметить исключительную роль народных поверий, примет, суеверий и табуирования, которые являются частью повседневной жизни русского населения в независимости от религиозных взглядов. Например, рассыпать соль — к скорю, собака воеет головой вверх — к пожару, головой вниз — к покойнику, женщина с пустым ведром навстречу — к неудаче. Некоторые события интерпретируются по-разному, так птица, залетевшая в дом, может быть предвестником горя и смерти или же напротив радостных вестей [25]. То есть некое материальное явление в настоящем представляется предвестником событий в будущем, между ними устанавливается прямая связь.

«Родноверие» сохраняет данный провидческий фрагмент в своей идеологии. «Одна из частных проявлений языческой ментальности группы, возглавляемой волховом Велимиром (Н. Н. Сперанским), отражена в знаковой фиксации всевозможных примет, случаев, знаков, знамений, чудес» [30]. Языческие приметы выполняют сразу несколько функций: мифологическую (отражают божественную волю), религиозно-практическую (помогают выбрать место для капища, определить эффективность обряда), мотивационную (способствуют созданию общего настроения у неофитов на религиозный обряд). В качестве примера, можно снова привести мантический комплекс, связанный с сакрализацией птиц. Птицы в мировой культуре, репрезентуются как вестники божественной воли, приближенные к богам (вороны Хугин и Мунир в скандинавской мифологии, Феникс, Гаруда в индуизме, голубь в христианстве, Самрау в башкирской мифологии и дру-

гие). Славянская мифология изобилует сакральными образами птиц: райские птицы Сирин и Алконост, мифическая райская птица Гамаюн, сокол Финист, Жар-птица и т.д., что нашло отражение и в мантическом комплексе. По полету птиц предсказывается не только погода, так как кукушка может предсказывать продолжительность жизни, мертвая птица — опасность. Есть и огромное количество событийных примет: сорока предвещает гостей, сойка — счастье и удачу. В современном язычестве птицы также почитаются, но не сакрализируются: «в наше время наличие птиц при капищах считается естественным явлением. Птицам не препятствуют кормиться с алтарей богов» [1].

Следующий аспект: праздничные мантические комплексы. Празднично-обрядовый комплекс является важнейшей составляющей русской языческой традиции и сопровождается различными предсказательными практиками. В контексте рассматриваемого вопроса наибольший интерес представляют праздники Купалы и Коляды — дни летнего и зимнего солнцестояния, имеющие сакральное значение у всех народов с культом солнца. Д.О. Шеппинг подчеркивает тождественность праздников Купалы и Коляды отмечая, что «летний день Купалы более природный и общественный праздник наслаждения настоящими благами земли, тогда как Коляда — домашний, семейный праздник отдыха, ворожбы и мольбы о будущем» [28]. Мантические комплексы этих праздников очень обширны и включают в себя несколько десятков вариаций предсказания будущего. Отметим лишь некоторые из них характерные для современной языческой традиции. На Купалу проводились и проводятся гадания на будущее и на любовные отношения, в том числе и на замужество. Мантическими инструментами в данном случае выступают стихии. Так для предсказания скорого замужества девушки по воде спускают венки: чей венок быстрее потонет, та раньше выйдет замуж. Ритуальный огонь (Купальский костер) несет в сознании адептов язычества не только очистительную функцию, но и может использоваться для предсказания будущего. Прыжки через костер как способ гадания бывают как парными (предсказания судьбы влюбленных), так и одиночными (гадание на год). И на Купалу, и на Коляду проводят гадания по воску.

Гадания на Коляду по объекту мантики чаще всего являются искусственными, то есть с использованием материальных объектов (орудия труда, предметы быта, украшения, оружие). В качестве примеров можем привести гадания по кольцу, по гребню, по сковороде, гадания с использованием зеркал, воска, крупы и многие другие. В общей сложности на сегодняшний день существует более сотни гаданий на Коляду (в том числе и Святочных гаданий) часть из которых является реконструкцией, другие — новодел. «Человек в зимний праздник Коляды

носит в себе какое-то недовольство настоящим и радостное ожидание будущего ... человек ворожит и гадает по частным приметам ежедневной домашней жизни, когда, напротив, колдовство Ивановской ночи носит в себе характер таинственной жизненной силы могучего чародейства» [28].

Из традиционных форм славянских предсказаний стоит также отметить гадание по жребию. Однако сегодня в связи с обилием различных более проработанных мантических систем, гадание по жребию используется крайне редко, в основном в рамках индивидуальных религиозных и магических практик.

Эклектичные и заимствованные мантические практики

Синкретичность современного русского язычества предполагает большой процент заимствований, в том числе и в рамках мантических систем. Как правило, заимствования не носят прямого характера, а являются адаптацией существующих мантических комплексов к реалиям и историко-культурным особенностям славянского язычества. Особый интерес в данном контексте представляют три феномена: славянские руны, система таро и оракулов, и славянская астрология (гороскопы и ведическая астрология). Мнения последователей языческой традиции по вопросу использования таких мантических систем сильно разнятся от полного отрицания, как попытки дискриминации и нивелирования собственной славянской традиции, до полного одобрения [3,9].

Славянские руны являются как мантическим, так и магическим инструментом. Это система знаков, состоящая из 18 символов. Их значения в гаданиях во многом схожи с теми, что приписываются рунам в северной традиции [10], также совпадает большинство графических изображений: R — Радуга — Райдо, ↑ — Треба-Тейваз.

Названия рун напрямую связаны со славянской традицией, большинство посвящены богам славянского пантеона: Перуну, Дажьдбогу, Чернобогу. Славянские руны изготавливаются мастерами из дерева, стекла, бумаги. Используется ритуал освящения рунического набора, заимствованный и адаптированный из северной традиции, которая также была адаптирована ее адептами под существующие реалии и собственную идеологию [33].

«По рунике сегодня в Славянском мире складывается очень странная ситуация. С одной стороны все здравые люди понимают, что руника, черты и резы были у Славян задолго до крещения Руси. С другой стороны, в славянском мире убедительно закладывается мнение в том, что была то она у нас была, но вот пришла она к нам из Скандинавии» [34].

динавии. Ибо только у них есть достоверные источники по футарку. Наши же источники по рунике, «Боянов Гимн» или «Велесова книга» часто называются подделками нами же славянами ... Я не знаю подделки они или нет. Но я знаю точно, что Славяне — не потомки Викингов, при всем к ним (Викингам) моем уважением. И у нас есть собственная руника, просто она не так раскрыта в языческой среде» [3].

Сегодня славянские руны являются достаточно популярной мантической системой, хотя, естественно, уступают общегерманскому футарку (Футарк — общее наименование германских рунических алфавитов. Древнегерманский рунический алфавит называется Старшим Футарком. Именно он используется в предсказательных и магических целях последователями традиции.).

Таро и оракулы

Использование системы Таро и оракулов как мантических инструментов свойственно в первую очередь европейской культуре. В рамках современных языческих верований, данные системы являются полностью заимствованными. При сохранении общего строя и символизма таро (в основе, как правило, лежит система Райдера Уэйта) [23] они содержат образы, отражающие культуру той или иной языческой традиции. Так, например, «Лунный» и «Солнечный» оракулы Ханны Никовски [12], посвящены вуду, а авторы таких колод как «Языческое таро», «Таро Колесо года», «Таро Таинственного мира» [13–15] вдохновились викканской традицией [32]. Кроме того существуют: таро Чернокнижника, Таро Вуду, Таро культа Святой Смерти, Масонское таро и множество других колод, адаптированных под конкретные религиозные, мифические и магические культы [16–19].

В рамках данной статьи интерес представляет рассмотрение двух колод: Таро Русских сказок и Магическое Славянское таро «Живая вода» [20–21] — обе российского издания. Издатели Таро Русских сказок опирались на образы русского фольклора и славянской мифологии в том числе. Из мифологических образов представлены Кот Баюн, Змей Горыныч, Кощей, Жар-птица, Сирин и Алконост, Алатырь.

Магическое Славянское Таро «Живая вода» состоит из 80 карт и выполнено в стилерусского лубка. В сюжетной основе предания и образы, прецедентные для русской культуры. Создатели колоды позиционируют ее не только как мантическую, но и как магическую систему: «карты обладают исцеляющей энергией чистого и ясного знания, которое поможет Вам открыть путь к лечению от недугов, душевных и физических, найти ключ к тайнам Вашего «Я»» [6]. Системы Таро и оракулов более популярны у лиц, интересующихся славянской языческой традицией, но не являющихся ее адептами.

Астрология и гороскопы

Ещё одной полностью заимствованной системой предсказания будущего является астрология. На этом разделе авторы не будут останавливаться подробно, так как астрология в классическом ее понимании не входит в мантическую систему. Она опирается не на случайные или изменяемые связи и объекты, а на астрономические константы. Однако несколько слов сказать стоит. На сегодняшний день особую популярность приобретают различные славянские гороскопы, базирующиеся на западной астрологии и представляющие собой адаптацию зодиакальных знаков к славянской культуре и мифологии.

Отдельно стоит выделить гороскоп «Сварожий коло», основанный на годовом солнечном цикле. В соответствии с ним год разделен на неравные временные промежутки (всего таких отрезков 20), каждому из которых покровительствует свое божество: Ярило, Мокошь, Род, Перун и другие. Однако по характеристике и значению, присущему каждому божеству, гороскоп очень напоминает классический западный, состоящий из 12 знаков.

Индивидуальные антропоцентрические мантические практики

К данной категории относятся мантические практики, связанные непосредственно с личностью гадающего, то есть с измененным состоянием сознания, а также толкование сновидений, некоторые элементы физиогномики.

В современном русском язычестве измененное состояние сознания адепта, позволяющего видеть, в том числе и будущее, называется «радением»: «... мы не на земле, но и не над деревьями. Где-то в промежутке. Осматриваю своих духов. Здесь полная тьма. Теперь они в полноте видения. Всех называю, расспрашиваю о здоровье... Нам надо войти в Навь. Увидеть предков. Передать свой привет и расспросить о тайнах бытия ... Взвизываемся над капищем уже легко» [30]. Сегодня существует огромное количество медитативных практик, используемых, в том числе для получения ответов на актуальные для индивида вопросы: «Вхождение в Род», «Жива», «Мудрость Лады» и т.д. [7].

Также в «родноверии» популярно искусство толкования сновидений, составляются различные славянские сонники, например, «Славянское толкование снов» В. А. Соловьевой [26]. Однако принципиальных отличий и расхождений с остальными сонниками они не имеют. На практике толкований сновидений часто выполняется адептами произвольно.

Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что мантический комплекс современного русского язычества представляет собой сложную динамичную си-

стему, находящуюся в постоянном развитии и движении. Мантика «родноверия» напрямую связана с его обрядовым комплексом и традицией ведовства. Предложенная классификация мантического комплекса на основании происхождения того или иного предсказательного «инструмента», позволяет разделить все существующие направления на три категории: исконно русские гадания, заимствован-

ные мантические формы и инструменты, индивидуальные авторские практики и методики. Охваченные в рамках данной статьи проявления мантики «родноверия» не являются исчерпывающими. Имеет место быть славянская нумерология, гадание по огню, вопрошание сверхъестественных сил (домовых, леших и т.д.) и множество других способов, открывающих широкое поле для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Велимир. Слово об идолах и святых местах языческой веры. Брошюра № 12. — Троицк: Коляда Вятичей, 2013.
2. Мой бог меня работ не называл // Православная жизнь [электронный ресурс] / URL.: <http://pravlife.org/content/moy-bog-menya-rabom-ne-nazyval> (дата обращения 08.01.18)
3. Руны / славянский журнал Триглав [электронный ресурс] // <https://www.instagram.com/p/Bc0-CVqgq-f/> (дата обращения 05.01.18)
4. Ты божий раб, я — внук Дажьбожий [электронный ресурс] / URL.: <http://www.diary.ru/~RedPandaUnnie/p192818829.htm?oam> (дата обращения 08.01.18)
5. Славянский гороскоп // Astro Helper.ru [электронный ресурс] / URL.: <http://astrohelper.ru/goroskopy/slavyanskiy/> (дата обращения 08.01.18)
6. Характеристика Магическое Славянское Таро «Живая вода» [электронный ресурс] // <http://www.rozamira-tarot.ru/russkie-kolody-taro/magicheskoe-slavyanskoe-taro-zhivaya-voda.html> (дата обращения 05.01.18)
7. Медитации // Академия развития человека Родосвет [электронный ресурс] / URL.: <http://rodosvit.org.ua/index.php/izdaniya/meditatsii> (дата обращения 08.01.18)
8. Влх Велеслав. Славянское родноверие как духовный путь // журнал «Родноверие», 2 (3), 2010. — С. 60.
9. Славянские руны / форум Valhalla [электронный ресурс] // <http://valhalla.ulver.com/f63/t1273-2.html> (дата обращения 10.02.18)
10. The Elder Futhark / Arild Hauge's Runic site [электронный ресурс] // <http://www.arild-hauge.com/efuthark.htm> (дата обращения 10.02.18)
11. Батюшков С. Руническая амулетная практика. Ростов-на-Дону: MapT, 2007. — 256 с.
12. Славянский рунный оракул / Ингвидом [электронный ресурс] // <https://ingvidom.ru/katalog/gadanye-karty/karty-orakuly/slavyanskij-runnyj-orakul> (дата обращения 05.01.18)
13. GinaM. Pace, LucaRaimondo, CristianoSpadoni Языческое Таро (Таро Белой и Черной Магии). — LoScarabeo, 2006.
14. Maria Caratti, AntonellaPlatano Wheel of the Year Tarot, Lo Scarabeo, 2011.
15. Nada Mesar, Elisa Poggese Sensual Wicca Tarot. LoScarabeo, 2007.
16. Быковский С.В. (Святослав) Таро Чернокнижника. — М.: TarotAngel, 2010.
17. Фалина С.А Таро Вуду. М.: ИП Москвичев А. Г., 2014.
18. Fabio Listrani Santa Muerte Tarot: Book of the Dead, Lo Scarabeo, 2017.
19. Patricio Diaz Silva. Masonic Tarot. Lo Scarabeo. 2016.
20. Таро русских сказок. М.: ИП Москвичев А. Г., 2013.
21. Добрицына О.Н.худ Сухарев В. И. Магическое Славянское Таро «Живая вода». — М.: Велигор, 2007.
22. Гарькина М. Л. Мантика как социокультурный феномен: диссертация . . . кандидата философских наук: 09.00.11. — Чебоксары, 2003. — 186 с.
23. Костенко А. Таро Уэйта как система. История, теория и практика. — 4-е изд.. — К.: София, 1999–2011. — 432 с.
24. Приходько Е. В. Оракулы в раннеклассической греческой литературе. — М.: Наука, 1994. — С. 191.
25. Ройтер Т. Суеверные представления о судьбе: русские приметы в сознании современного городского жителя. — М.: Наука, 1994. — С. 187–190.
26. Соловьева В. А. Славянское толкование снов. — СПб: Нева, 2003. — 192 с.
27. Фрейзер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. — М.: Академический проект, 2017. — 799 с.
28. Шеппинг Д. О. Мифы славянского язычества. — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. — 216 с.
29. Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского). — 3-е издание, испр и доп. — Нижний Новгород: Поволжье, 2014—311 с.
30. Шиженский Р. В. Современное русское жреческо-волховское «сословие» сквозь призму религиозных концептов К. Г. Доусона // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования: монография / под ред. Р. В. Шиженского. — Нижний Новгород: Мининский университет, ООО Типография Поволжье, 2016. — С. 220–221.
31. Шиженский Р. В. Языческий демотиватор — «мировоззренческая наглядность» современной России. Материалы международной научно-практической конференции 25–26 ноября 2012 года. — Пенза — Колин — Белосток: Научно-издательский центр «Социосфера», Волков С. Н., Дорошин Б. А. (ред.). 2012 — С. 72–84.
32. Lewis J. R. Witchcraft Today: An Encyclopedia of Wiccan and Neopagan Traditions. — ABC—CLIO, 1999.
33. Батюшков С. Руническая амулетная практика. Ростов-на-Дону: MapT, 2007. — 256 с.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Abaev A. — Assistant of the Federal State Educational Institution of Higher Education «North-Ossetian State Medical Academy» of the Russian Federation Ministry of Health

Aleksandrovsky I. — MGIMO Russian Ministry of Foreign Affairs
kutruslin2001@mail.ru

Avetisyan R. — Ph.D., assistant professor, Federal State Educational Institution of Higher Education «North-Ossetian State Medical Academy» of the Russian Federation Ministry of Health
rubina-avetisan@mail.ru

Belyakova I. — Candidate of Psychological Sciences; Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
ig.belyakova@migsu.ru

Blokhovtsova G. — Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina
ggb_@rambler.ru

Cheremisov A. — Ishim Pedagogical Institute. P.P. Ershova (branch) Tyumen State University

Chernikova V. — Doctor of philosophical Sciences, Professor, North-Caucasus Federal University
chervalen5@rambler.ru

Chestneyshyn N. — Candidate of philosophy, Humanitarian Institute of the branch of the Northern (Arctic) Federal University named after MV Lomonosov in Severodvinsk
hobson@yandex.ru

Doronin V. — Ph.D., Tyumen State University
sibe1@rambler.ru

Egorov V. — Moscow state Academy of veterinary medicine named after K. I. Skryabin
kaf_chimii@mgavm.ru

Gertsy V. — The applicant, Moscow state University. M. V. Lomonosov
xdxt@yandex.ru

Kamenets A. — Federal state educational institution of higher professional education «Russian state social University»
kamenez.a@rambler.ru

Karyaeva S. — Candidate of Medical Sciences, Assistant, Federal State Educational Institution of Higher Education «North-Ossetian State Medical Academy» of the Russian Federation Ministry of Health
vetlin@mail.ru

Kazakova I. — Federal state educational institution of higher professional education «Russian state social University»
Kazakovais2014@mail.ru

Kezevadze T. — Candidate of Pedagogic sciences, docent, Moscow State Pedagogical University
tomadeda@icloud.com

Kleshneva L. — Saint-Petersburg State Agrarian University (SPbGAU)
uliunuchna@mail.ru

Kocheganova P. — The Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin
polya.co4eganova@mail.ru

Kocheganova P. — The Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin
polya.co4eganova@mail.ru

Larionova I. — Moscow state Academy of veterinary medicine named after K. I. Skryabin
kfisgn@gmail.com

Lugovsky V. — Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina
psi_kubgau@mail.ru

Maksudova E. — Senior lecturer, Moscow state psychological-pedagogical University, Moscow

Maksudov M. — Postgraduate student, Psychological Institute RAE, Moscow
maxm92@yandex.ru

Mu Ke — Postgraduate student, Moscow State Academic Art Institute Named After V.I. Surikov Of Russian Academy Of Arts
Ke.mu@yahoo.com

Nagornova L. — MGIMO University
l.nagornova@inno.mgimo.ru

Pokrovskiy A. — Independent researcher, St. Petersburg
avpokrovskiy@yandex.ru

Qiu M. — Far Eastern Federal University (Vladivostok)
manli90@mail.ru

Sapozhnikova O. — Senior lecturer, Moscow state University named after M. V. Lomonosov
sapoznikova89@mail.ru

Senchenko N. — Crimean Engineering and Pedagogical University
senchenko_n.a@mail.ru

Sharov K. — PhD (Philosophy), Senior Lecturer of M. V. Lomonosov Moscow State University
const.sharov@mail.ru

Shizhenskiy R. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor The Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin
heit@inbox.ru

Shizhenskiy R. — candidate of Historical Sciences, Associate Professor The Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin
heit@inbox.ru

Shtolts A. — Moscow Institute of Economics, Politics and Law
justwerbung@mail.ru

Stoycheva S. — Ishim Pedagogical Institute. P.P. Ershova (branch) Tyumen State University
pet7062@yandex.ru

Temereva E. — Graduate student, Omsk State Technical University
temri@mail.ru

Teteukhina O. — Postgraduate student of the Science and Pedagogy Personnel Training Faculty, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. Ryazan, Russia
nemo80@list.ru

Torubarova T. — Doctor of Philosophy, Professor, Moscow, Bauman Moscow State Technical University
ttorubarova@rambler.ru

Tsibudeeva N. — East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russia)
cebude@mail.ru

Viktorova O. — Postgraduate, Cherepovets, Cherepovets State University
ooluk@mail.ru

Zykin A. — Saint-Petersburg State Agrarian University
zykinalex@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

